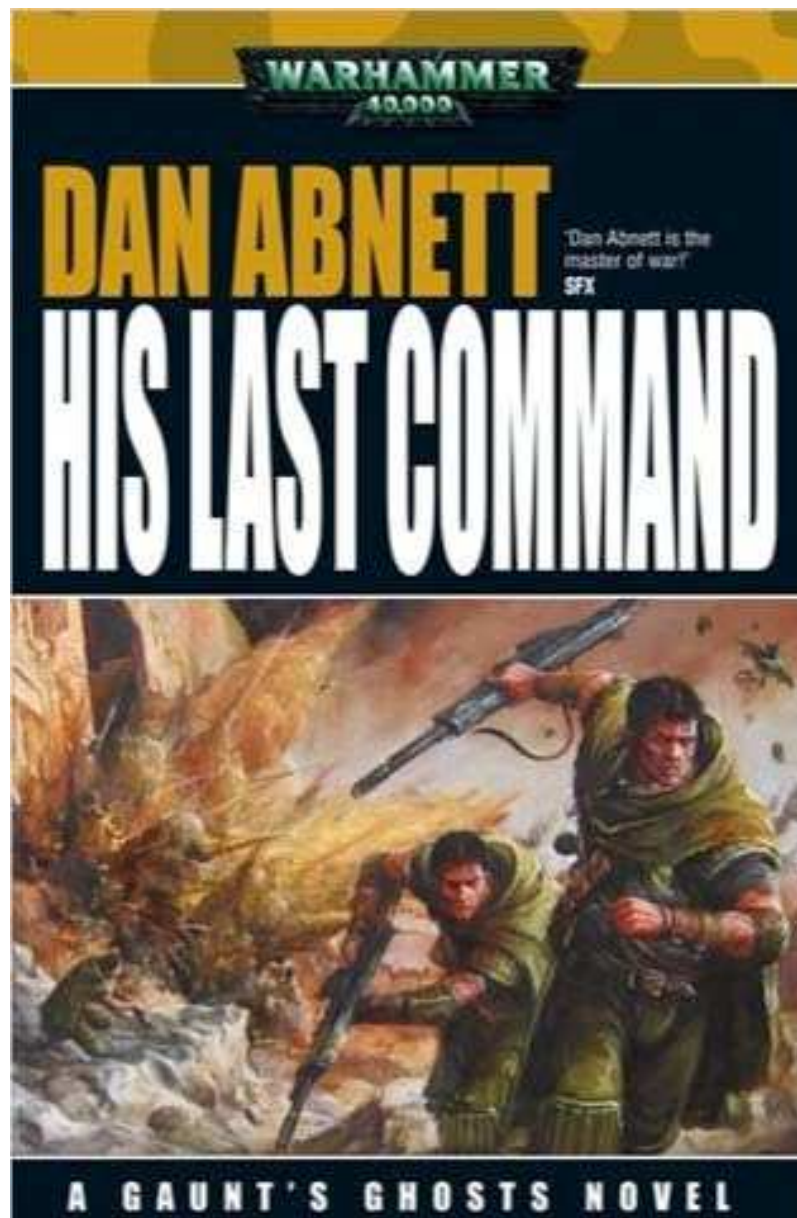

Gaunt's Ghosts - 09

His Last Command

Призраки Гаунта

Его Последний Приказ

Перевел: AquariusNox

Сорок первое тысячелетие.

Уже более ста веков Император недвижим на Золотом Троне Терры. Он — Повелитель Человечества и властелин мириад планет, завоеванных могуществом Его неисчислимых армий. Он — полутруп, неуловимую искру жизни в котором поддерживают древние технологии, ради чего ежедневно приносится в жертву тысяча душ. И поэтому Владыка Империи никогда не умирает по-настоящему.

Даже в своем нынешнем состоянии Император продолжает миссию, для которой появился на свет. Могучие боевые флоты пересекают кишачий демонами варп, единственный путь между далекими звездами, и путь этот освещен Астрономиком, зримым проявлением духовной воли Императора. Огромные армии сражаются во имя Его на бесчисленных мирах. Величайшие среди его солдат — Адептус Астартес, космические десантники, генетически улучшенные супервоины.

У них много товарищей по оружию: Имперская Гвардия и бесчисленные Силы планетарной обороны, вечно бдительная Инквизиция и техножрецы Адептус Механикус. Но, несмотря на все старания, их сил едва хватает, чтобы сдерживать извечную угрозу со стороны ксеносов, еретиков, мутантов. И много более опасных врагов.

Быть человеком в такое время — значит быть одним из миллиардов. Это значит жить при самом жестоком и кровавом режиме, который только можно представить.

Забудьте о достижениях науки и технологии, ибо многое забыто и никогда не будет открыто заново.

Забудьте о перспективах, обещанных прогрессом, о взаимопонимании, ибо во мраке будущего есть только война. Нет мира среди звезд, лишь вечная бойня и кровопролитие да смех жаждущих богов.

«К середине 776.М41, двадцать первого года Крестового Похода в Миры Саббат, основные боевые группы Магистра Войны Макарота глубоко забрались в Каркарадонский Кластер, и увязли в полномасштабной войне против основных позиций сил военачальника архиврага, ('Архонта'), Урлока Гора.

Тем не менее, сопоставимый по жестокости военный фронт с участием вторичных боевых групп – Пятой, Восьмой и Девятой Армий Крестового Похода - расположился на заднем фланге Макарота, пытаясь изгнать войска Магистра Анакванара Сека, одного из наиболее жестоких лейтенантов Гора, с границ Группы Хана.

Театры военных действий той кампании читаются, как список Имперского героизма и усилий: стеклянные пляжи Коразона, черные ледники Лисандера, высокие горные леса Хана Нобилис, степные города Анкреон Секстуса...»

-- из Истории Поздних Имперских Крестовых Походов

ПРОЛОГ

23.45, 185.776.M41

Имперский интернациональный лагерь 917 «Зено»

Южное Полярное Плато, Анкреон Секстус

«Вы в этом уверены, сэр?» сквозь шторм прокричал Ладд, пока они пересекали двор, склонив голову под леденящим ветром.

Ветер был наполнен кристаллами льда, которые вспыхивали, как стеклянная пыль в лучах прожекторов блокгауза. У Канова не было никакого желания открыть рот, чтобы ответить.

Они дошли до железного крыльца распределительного участка, и за ними закрылся холодный металлический люк. Завывание ветра слегка утихло.

«Я сказал --» начал Ладд.

«Я слышал,» ответил Канов, стряхивая ледяную пыль со своего кожаного пальто. «В чем уверен?» Младший Комиссар Нахум Ладд пожал плечами. «Я только размышлял над тем, сэр, нужно ли нам ждать.»

«Чего ждать?»

«Подтверждения?»

Канов фыркнул. «Этот лагерь битком набит, Ладд. Мы должны продолжать, продолжать, продолжать.» С каждым повтором слова, он быстро хлопал руками. «Если я буду терять время, проверяя каждого и каждую длинную историю, которую плетут эти дезертиры и еретики, нас заполонят. Каков мой девиз, Ладд?»

«Быстрая оценка, быстрая казнь, сэр.»

«Быстрая оценка, вот именно. А в этом случае ты еще сомневаешься?» Младший комиссар смутился.

«А я нет,» сказал Канов. «Дезертиры и еретики. Ты сможешь увидеть это, всего лишь, посмотрев на них, и почуяв вонь их тел. А эта история? Она не достойна подтверждения, Ладд. Она явно лживая.»

«Да, сэр,» сказал Ладд.

«Кто они?»

«Дезертиры и еретики, сэр.»

«Точно. И ты, на самом деле, думаешь, что мы должны все это проверить?» Ладд посмотрел на свои ноги. Лужицы от растаявшего снега собирались на металлическом полу вокруг его сапог и края пальто.

«В этом были некоторые аспекты, которые я почувствовал достаточно убедительными и заслуживающими --»

«Заткнись, Ладд,» сказал Комиссар Канов.

Канов прошел через внутренний люк в главный холл распределительного участка. Ладд последовал за ним. В воздухе было животное тепло, вонь скота. Огражденные металлическими переходами и лестницами, восемь этажей тюремных камер поднимались по обе стороны мрачного холла, и из каждого закрытого загона до Ладда и Канова доносились стоны и бормотание тысяч заключенных. Грязные, несчастные выродки в рванье уставились на них сквозь решетчатые ворота сортировочных клеток на нижнем этаже.

«Пожалуйста, сэр! Милостью Трона, пожалуйста!» прокричал один человек, вытянув грязную руку сквозь решетки.

Канов вытащил из кобуры свой болт-пистолет и передернул затвор. Несчастный сразу же отпрянул, а заключенные в близлежащих клетках разбежались к дальним стенам с приглушенным воем, как побитые собаки.

Ближайший противовзрывной люк с воем открылся и впустил яростный порыв ледяного ветра. Комиссар и его младший офицер закрыли лица руками от холода. Крича и взмахивая шоковыми дубинками, отряд солдат в броне начал загонять еще одну партию новоприбывших из Внешней Обработки.

«Загон один семнадцать!» прокричал голос, и прожужжал звонок, когда электрическая дверь клетки на «один семнадцать» с щелчком разблокировалась. Солдаты направили новоприбывших внутрь, с энтузиазмом побивая самых медленных или наиболее сопротивляющихся среди них.

Как только клетка снова закрылась, толпа солдат начала расходиться по другим делам.

«Проблемы, комиссар?» спросил Сержант Маскар, заметив вытащенный болт-пистолет, когда тот подошел.

«Еще нет, Маскар,» проворчал Канов. «Но мне нужен ты и вооруженный отряд, если у тебя есть минутка.»

«По вашему приказу, сэр,» кивнул Маскар и повернулся. «Шестой взвод, со мной!» Маскар был большим толстым человеком с бритой головой. Как и все солдаты Лагеря Зено, он носил стальную броню с кожаной подкладкой, которая состояла из сегментов, соединяющихся на теле и конечностях, чтобы создать впечатление хорошо развитой, но растянутой мускулатуры. Он повесил шоковую дубинку на пояс и взял свой укороченный ручной пулемет.

Канов вытащил магазин из болт-пистолета. Дневная чередка казней почти опустошила его. Он вставил новый магазин.

«Загон три двадцать семь,» сказал Канов, и солдаты зашагали за ним, приготовив свое оружие.

«Массовая казнь, сэр?» спросил Маскар.

«Я подготовлю бумаги к утру, сержант. Ордера тоже. Это просто не может ждать. За мной.»

«Сэр, я --»

Канов обернулся к Ладду.

«Что? Что еще?»

«Ничего, сэр,» сказал Ладд.

Группа со стуком прошла два пролета металлической лестницы, тяжелые шаги сотрясали лестницу, затем повернулась на галерею третьего яруса.

Они дошли до двери клетки «три двадцать семь.» Камера внутри выглядела пустой.

«Загон три двадцать семь!» крикнул Маскар, и автоматические замки открылись, когда зазвучал звонок.

Канов вошел внутрь. Камеры на третьем ярусе были большими, зарезервированными для групп, числом до тридцати человек. Несколько ламп на стенах в «три двадцать семь», по-видимому, не работали. Канов мог рассмотреть, всего лишь, несколько темных фигур, дюжину, или около того, скрывающихся в тенях в конце камеры.

«Они были вооружены?» спросил Маскар.

«Были, когда прибыли,» ответил Ладд. «Но они без вопросов сдали оружие.»

Канов проигнорировал подчеркнутое ударение своего младшего офицера.

«Кто здесь главный?» позвал он.

К нему из теней вышла фигура: высокая, тощая, дикая. Одежда человека была грязной мешаниной из кожи и ткани, почти черной от грязи и пыли. Бродяга. Его угловатое лицо скрывала плотная, серая борода с матовыми дредами, но там, где его можно было разглядеть, лицо было покрыто шрамами, и казалось, что у него бесцветный, серый оттенок, как будто грязь въелась. Его волосы были косматыми и длинными, и, так же, матированы серым. У него были пронзительные глаза.

«Комиссар,» сказал он, с официальным кивком, который странно контрастировал с его матированным, косматым видом. Его голос был сухим, со специфической, чуждой интонацией. «Я надеюсь, что вы рассмотрели мое заявление и связались с --»

Канов поднял свой пистолет. «Ты еретик и дезертир. Сейчас ты встретишься с правосудием Имперского Трона и --»

Огромная и внезапная сила болезненно выбила пистолет из руки Канова. В тот же момент, кулак ударил его в горло, и он повалился на спину, задыхаясь.

Рука крепко обхватила его шею в удушающем захвате. Канов почувствовал, как тело напавшего крепко прижалось к нему. Затем он почувствовал, как холодное дуло его же пистолета спокойно прижалось к его виску.

«Никому не двигаться,» сказал человек позади него той же самой сухой, странной интонацией.

Маскар и все остальные солдаты целились прямо в Канова и человека, взявшего его в плен.

Ладд стоял между ними, озадаченный.

«Опусти оружие. Сейчас же,» прорычал Маскар.

«Чтобы ты меня застрелил?» ответил голос позади головы Канова. «Я так не думаю. Кроме того, я разумный человек. Смотри, сержант. Я только что свалил человека перед тобой, а еще никто не умер. Это поступок еретика или дезертира?»

«Бросай оружие!»

«Опустите оружие, сержант,» настаивал Ладд.

«У этого молодого человека правильная идея,» сказал человек с пистолетом у черепа Канова.

«Ни в этой жизни, ублюдок,» ответил Маскар.

«Досадно,» сказал душащий Канова человек. Затем, тихо, он добавил, «Дерций.» Из теней выдвинулись фигуры. Или это, или задвигались сами тени и стали фигурами, Ладд не был уверен. Все, что он понял, что за удар сердца Маскар и его люди были покалечены и сбиты с ног быстрыми фантомами, их ручные пулеметы вырвали у них из рук.

Маскар и его люди корчились на полу, держась за окровавленные лица, сломанные руки и разбитые носы. Тени, уже вооруженные оружием солдат, окружили Ладда.

«Чего вы хотите?» тихо спросил Ладд.

«Заткнись, Ладд! Не давай им ничего!» крикнул Канов. Удушающий захват стал крепче.

«Ты что-то сказал, Ладд?» сказала одна из теней.

Ладд сглотнул. «Что... что вам нужно?»

«То, о чем я просил в самом начале,» ответил Ибрам Гаунт, крепко держа Комиссара Канова за шею. «Я хочу говорить с Лордом Генералом Бартолом Вон Войтцем, и я хочу этого прямо *сейчас*.»

ОДИН

11.29, 188.776.M41

Осколочные Равнины, Штаб

Спаршадская Боевая Зона, Анкреон Секстус

Он ожидал увидеть печально известный Спаршад Монс, когда они опустились на бреющий полет, но все, что он смог увидеть на своем экране, было плоское пространство бесконечных пылевых дюн, выжженных до белого цвета под беспощадным светом.

Он повозился с увеличением экрана, и приблизил его к поверхности пустыни, мелькающих черных точек и крошечных черных пятнышек. Белая равнина не была такой незапятнанной, как он предполагал. Внизу были тысячи квадратных километров обломков: перекрученные корпуса боевых машин, выгоревшие руины, человеческие кости, мертвый город, наследие сражения прошлого года. Обломки были покрыты слоем белой пыли, сглаживая их в поверхность пустыни. Когда-то вся территория была местом, на котором располагалась могущественная городская префектура Спаршад Цельсиор.

Война превратила все это в Осколочные Равнины.

«Где Монс?» спросил он.

«Прямо по курсу, сэр,» протрещал голос пилота по внутреннему воксу.

«Я не вижу... оу.» Он все еще не мог видеть Монс, но теперь он мог сказать, где он был. Там, где заканчивалась плоская белая земля и начиналось безжалостное синее небо, огромное оранжевое облако закрывало горизонт, прямо впереди. Это выглядело похожим на естественное погодное явление, или на дымку собирающейся пыльной бури, возвышавшейся как скала над пустыней.

Но это был дым. Гигантский пласт дыма поднимался от фронта и закрывал громаду Монса. Он сделал максимальное увеличение и стало возможно засечь тонкие вспышки в основании дымовой завесы, как искры. Лазерная артиллерия, тяжелая артиллерия, сотрясатели, и все штурмуют скрытое дымом сооружение.

«Эскорт уходит,» доложил вокс.

Он посмотрел в сторону, выглянув в маленький иллюминатор, и увидел отблеск солнечного света, когда эскорт Молний повернулся обратно, оставляя Валькирию Комиссариата в одиночестве на последнем этапе полета.

«Две минуты,» доложил пилот.

«Спасибо,» ответил он. Он снова подстроил экран и навелся на быстро приближающийся штаб. Он разлегся, как рептилия, на унылой, белой земле. Четыре Командных Левиафана, состыкованные крестом, окруженные широкими организованными линиями боевых машин, орудийными платформами, большими лагерями жилых палаток, складами с топливом и боеприпасами и припаркованными летательными аппаратами. Огромное собрание мощи Имперской Гвардии, мобильный город: каждый Левиафан был бронированным краулером, размером с маленький город.

Он выключил экран, и посмотрел, как его лицо отражается в нем. Он надел свою фуражку и поправил ее, но, несмотря на фуражку, и, несмотря на свою великолепную официальную униформу, он все еще выглядел, как бледнолицый юнец. И, к тому же, испуганный.

Младший Комиссар Нахум Ладд откинулся в ограничительной сети, закрыл глаза, и попытался успокоить нервы. Он был единственным пассажиром, и пустые места вокруг него беспокоили его больше, чем он хотел признать. Транспортник сильно

затрясся, когда резко включил двигатели для замедления. Ладд почувствовал, как его желудок подпрыгнул, когда они начали падать вертикально.

«Тридцать секунд до приземления,» доложил пилот, спокойным и невыразительным голосом.

Ладд сглотнул. *Мой лорд генерал*, репетировал он в энный раз, я выражаю вам сердечное приветствие от моего командира, Комиссара Канова, который извиняется за то, что не смог прибыть лично...

Послышался удар, прошла сильная вибрация, затем все ощущения от движения исчезли. Замигал внутренний свет, и красные руны на переборке сменились на зеленый.

«Штаб Спаршадской Зоны, сэр,» протрещал вокс.

«Спасибо, пилот,» ответил Ладд, отстегивая сбрую и поднимаясь на ноги. Воздуходувы кабины переключились на внутреннюю циркуляцию, и слегка застоявшийся воздух стал свежее.

Ладд пошел к люку мимо рядов пустых сидений. С тех пор, как он сел в самолет в Лагере Зено, он еще не видел человеческих лиц. Этот факт продолжал беспокоить его.

На люке внутри от руки было написано сообщение. «СОЛНЕЧНЫЕ ОЧКИ!» гласило оно.

Ладд улыбнулся, вытащил свои солнечные очки из кармана пальто и надел их.

«Люк, пожалуйста.»

С легким хлопком декомпрессии, который ударил по ушам, люк приоткрылся и начал скользить в сторону на гидравлических направляющих.

Полился свет, как и жара. Ладд закашлял от тяжелой хватки атмосферы снаружи. Свет был таким же белым и лютым, как лазер. Без солнечных очков он бы ослеп.

Ладд посмотрел на сияющий мир, ожидающий его. Затем, со дипломатом в руке, он пошел вниз по рампе.

Валькирия приземлилась на площадку на сгорбленной спине одного из огромных Левиафанов.

Сервисные команды в полной, защищающей от солнца, одежде, поспешили в тень большого транспортника, чтобы закрепить его и присоединить топливные линии. Посадочная площадка представляла собой плоский диск из бледного зеленого металла, покрытый тонким слоем нагнанного ветром белого песка, так что работа команд была отмечена нечеткими следами ног и пятнами, оставшимися от шлангов.

Ладд отошел на несколько шагов от Валькирии. Покрытая пылью спина Левиафана раскинулась вокруг него во все стороны зловещим видом охлаждающих вентиляторов, оружейных турелей и сенсорных куполов.

Ладд еще никогда прежде не был на борту Левиафана. Это было великолепно. Поворачиваясь, он смог увидеть три остальных краулера, состыкованные с этим, огромная крестообразная форма покрытой грязью стали.

Послышался громкий удар и крик доплеровского смещения от пролетающих мимо двигателей, когда стая Имперских Перехватчиков пронеслась над головой. Ладд смотрел, как они повернули на север, маневрируя в атакующем построении.

Ладд пошел к поручням. На спине Левиафана он был так высоко, как если бы стоял на крыше улья. До пустыни внизу было головокружительное расстояние, но не такое большое, как с воздуха. Теперь он мог четко рассмотреть размеры лагеря штаба, огромное, упорядоченное сосредоточение людей и машин, расположенное вокруг Командных краулеров. Бригады боевых машин ожидали приказов в солнечном свете, механики и погрузчики с боеприпасами двигались среди них. Обширные леса солдатских палаток покрывали пустыню, как заражение куполообразными грибами, окружая большие сборные модули и лазареты, столовые и тренировочные помещения. К западу, рядом с хорошо защищенными складами снабжения и временными ангарами, лежала длинная бетонная полоса с матовой линией припаркованных истребителей-бомбардировщиков и более маленьких самолетов сопровождения. У северного периметра лагеря, он смог разглядеть колонну бронетехники, поднимающую пыль, пока двигалась к фронту. Дюжины черных мачт воксов торчали в лагере повсюду, как копья, воткнутые в землю.

Жара была ошеломительной. Нигде не было ни тени. Солнце было таким горячим, что казалось, что оно трещит и звенит в воздухе. Ладд чувствовал жжение на обнаженных участках кожи. Загар, подумал он. Было бы неплохо вернуться в лагерь с загаром, после всех тех месяцев полярной ночи.

Он посмотрел на север, на возвышающийся столб дыма, на Спаршад Монс. Сейчас, когда он был снаружи, Ладд мог отчетливо ощущать зловоние фуцелина от бомбардировки. А Монс все-таки был в добрых пятидесяти-шестидесяти километрах.

Он едва мог видеть вспышки батарей и хотел рассмотреть получше. Он поднял руку к своим солнечным очкам.

«Я настоятельно не рекомендую этого делать, если, конечно, вы любите свою способность видеть.»

Ладд повернулся. К нему по посадочной площадке приближался человек. Он был высоким и с прямой спиной, и на нем была форма Имперского комиссара.

Ладд сотворил знак аквилы и отсалютовал.

«Младший Комиссар Нахум Ладд, Лагерь 917,» сказал он.

Человек повторил знак аквилы и отдавание чести, а затем протянул руку. «Комиссар Хадриан Фарагут. Добро пожаловать на Осколочные Равнины, Ладд.»

Ладд потряс протянутую руку.

У Фарагута была командная манера поведения, но он казался всего лишь на несколько лет старше Ладда. Очевидно, он не так давно стал полным комиссаром. Все, что Ладд смог рассмотреть, так это то, что лицо Фарагута было худым, загорелым и гладко выбритым. Но черные линзы его солнечных очков скрывали глаза, а, следовательно, характер и темперамент. Губы Фарагута слегка изогнулись, как будто он из-за чего-то развеселился.

«Я – комитет по встрече,» сказал Фарагут. «Комиссар-генерал собирался встретить вас лично, но подумали, что это будет слишком пугающим.»

«В самом деле. Я рад, что это вы.»

«Первый раз на Равнинах?»

Ладд кивнул. «На Левиафанах тоже первый раз.»

«Трон, они что, держали вас взаперти? Зено. Это полярная станция, так ведь?»

«Да. Осмотрительно удаленная от боевых зон. Там весьма холодно.»

«Считайте, что вам повезло. Зоны... требовательны.» Фарагут говорил с подчеркнутым ударением, как будто можно было предположить, что он видел многие вещи и, что еще более важно, делал многие вещи. Героические, выдающиеся вещи.

Ладд кивнул. «Я часто желал чего-нибудь требовательного,» сказал он.

«Поосторожнее с тем, чего желаете, Ладд,» ответил Фарагут, его улыбка исчезла. «Зоны Секстуса – ад. Там нет ни одного человека моего звания, которые бы не молились о такой легкой командировке, как ваша.» Ладд слегка возмутился. Мало того, что Фарагут поддразнивал его за то, что он был вне боевых зон, он еще дразнил его тем, что у него было легкое место службы. Лагерь Зено не был легким местом. Это была убудочная, горькая работа.

Неблагодарная, изнурительная, безжалостная –

Ладд решил ничего не говорить.

«Вы любовались Большим Дымом?» сказал Фарагут.

«Простите?»

Фарагут указал на оранжевый дым, поднимающийся над горизонтом.

«Ой, я просто хотел посмотреть на Монс,» сказал Ладд.

«Не отсюда. Большой Дым постоянно там с самого штурма, начавшегося три месяца назад.»

«Он... в шестидесяти километрах отсюда?»

Фарагут прищелкнул. «Как насчет *двухсот* шестидесяти. Вы вообще представляете, насколько большой Монс?»

«Нет,» ответил Ладд.

«Обидно, что вы не отправитесь туда, чтобы посмотреть,» сказал Фарагут тоном, по которому можно было понять, что он наслаждается тем, что имеет ввиду противоположное. «Спаршад Монс такой поразительный.»

Они повернулись, когда услышали лязгание и шипение за собой. Палубный люк открылся прямо под Валькирией, и грузовой контейнер опускался на мощных подъемниках, выдвинувшись из транспорта и скользя вниз внутрь Левиафана.

«Вы обращаетесь с ними, как с грузом,» неодобрительно сказал Ладд. «Уже достаточно плохо, что их перевезли таким способом. Вы им даже не позволили спуститься пешком?»

«Это недопустимо,» сказал Фарагут. «Пока мы не проверим их.»

«Вы знаете, кто они?» спросил Ладд.

Фарагут посмотрел на него, его глаза были нечитаемы под черными солнечными очками. «Я знаю, кем они хотят, чтобы мы их считали, Ладд. Это совсем не одно и то же.»

«В таком случае, вы уже читали мой доклад?»

Фарагут нахмурился. «Да, Ладд. И мы, так же, прочли доклад вашего старшего офицера. Комиссар Канов, так ведь?»

«Да.»

«Значит... вы позволите нам быть предусмотрительными, я надеюсь? Канов был предельно точен. Каким был его последний приказ вам?»

«Привести заключенных к лорду генералу,» сказал Ладд.

Фарагут формально кивнул. «Именно так. Потому что мы хотим сделать это по всем правилам Комиссариата.»

«Именно так,» ответил Ладд. Ему не понравилось, как Фарагут сделал ударение на «сделать» в последнем предложении. Человек был снисходительным, надменным. И

Ладду не понравилось, что Фарагут полагал, что он не был настоящим комиссаром только потому, что у него не было направления в боевую зону.

Ладд решил, что Фарагут ему весьма не нравится.

Все это стало пустяковым, когда Фарагут сказал, «Ладно, не будем заставлять его ждать.»

«Кого?»

«Лорда генерала, Ладд. Кого же еще?»

Желудок Ладда превратился в воду от мысли, что он заставлялся такого великого человека ждать даже секунду.

Он пошел за Фарагутом к палубной лестнице с учатившимся пульсом.

ДВА

12.02, 188.776.M41

Осколочные Равнины, Штаб

Спаршадская Боевая Зона, Анкреон Секстус

«Ждите здесь,» проинструктировал его Фарагут, и Ладд сделал так, как ему было сказано. Они вместе спустились через огромные внутренности Левиафана и, после почти пятнадцати минут быстрой ходьбы по бронированным, охлаждаемым воздухом коридорам, остановились в галерее, которая выходила к одному из главных тактических командных центров.

Ладд смотрел вниз сквозь затемненные и слегка наклоненные стеклянные панели в огромный многоярусный зал, в котором собрались офицеры разведки, Имперские тактики и высококлассные сервиторы, управляющие консолями и логическими машинами. В центре зала из шахты стратегиума воспроизводилось в воздухе большое, пульсирующее гололитическое изображение. Группа старших офицеров

окружила изображение; очевидно брифинг подходил к концу. Ладд видел униформы дюжины различных подразделений, включая Флот и Бронетанковые части Гвардии. В зале была суэта, но стекло было звуконепроницаемым. Ладд мог только представить себе постоянный шум от передачи отчетов и данных.

Фарагут появился в комнате внизу, и покорно приблизился к высокому, поразительному человеку, на котором была обыкновенная, голубовато-серая повседневная форма лорда генерала. Это, несомненно, должен быть Вон Войтц, подумал Ладд

Лорд Генерал Пятой Армии Крестового Похода, главнокомандующий операциями в этой боевой зоне, мастер этого театра военных действий. Все в стратегиуме подчинялись ему. Ладд никогда не ожидал встретиться с человеком такого ошеломляющего превосходства в ранге. Это было словно одним шагом до встречи с самим Магистром Войны Макаротом.

Его рот пересох. Он пытался вспомнить слова, которые репетировал.

Фарагут поговорил с лордом генералом, и получил короткий кивок и похлопывание по руке. *Ох, насладиться бы такой неформальностью в таких высоких кругах,* подумал Ладд. Вон Войтц закончил свой разговор с двумя командующими эскадронами Флота, поделился понимающим смехом старых товарищей, затем повернулся и вышел за Фарагутом из комнаты.

Через полминуты Лорд Генерал Бартол Вон Войтц стоял перед Ладдом в галерее.

«Младший Комиссар Нахум Ладд,» представил Фарагут. Ладд встал по стойке смирно и отдал салют.

По бокам от лорда генерала стояли Фарагут и низкий, мрачный человек, одетый в черно-красную форму старшего Имперского тактика. Позади них ожидала почетная гвардия из шести ветеранов в полной баллистической броне.

«Вон Войтц,» сказал лорд генерал, как будто были какие-то сомнения в идентификации его личности. Его голос был на удивление мягким и дружелюбным, а на его губах было подобие улыбки. Он сделал шаг вперед и протянул Ладду руку.

Удивленный, Ладд замешкался, а затем пожал ее. «Добро пожаловать, Ладд,» сказал Вон Войтц. Затем, все еще сжимая руку Ладда, он наклонился и прошептал Ладду в ухо.

«Вы дрожите, молодой человек. Не надо. Я не тот человек, которого стоит бояться. И, к тому же, не надо показывать страх перед этим жополизом Фарагутом, или он не даст вам житья.» Ладд сразу же почувствовал себя немного лучше. Он кивнул и улыбнулся в ответ. Казалось, что Вон Войтц совсем не торопится отпускать его руку.

«Как я понял,» сказал громко Вон Войтц, «Я тебе обязан, Ладд.»

«Сэр?»

«Я прочитал доклад, Ладд. Твой, и твоего старшего офицера. Сегодня я с великим удовольствием поприветствую вернувшихся друзей, которых я давно считал мертвыми. Я даже не могу представить, через что они прошли, но это была бы в высшей степени ирония, если бы их казнили из-за ошибки в Лагере 917.»

«Да, сэр.»

«И я должен поблагодарить за это тебя.»

«Я в этом не уверен, сэр,» сказал Ладд.

«Ты слушал. Ты слушал, когда остальные нет. Канов услышит это от меня. Позже. Я бы хотел, чтобы ты мне все рассказал, вещи, которые ты не отразил в своем докладе.»

«Я бы не хотел подрывать авторитет Комиссара Канова, сэр,» сказал Ладд.

«Это был приказ, Младший Комиссар Ладд.»

«Да, сэр.»

«Ясно, что Канов переборщил. Это ясно даже с твоей весьма дипломатичной точки зрения. Я не желаю видеть такие поступки в моей армии, Ладд.»

«Со всем уважением, лорд генерал,» сказал голос неподалеку, «если Канову необходимо сделать выговор, то эта работа ложится на меня.»

Фигура присоединилась к ним в галерее, женщина среднего роста и телосложения, у которой было самое совершенное суровое лицо из всех тех, которые когда-либо видел Ладд. Ее кожа была белой и туго натянутой на высоких скулах, ее рот был узкой щелью с тонкой верхней губой. Ее правый глаз был фиолетовым и пронзительным, а ее левая аугментика была встроена в гладкую складку из шрамов, которая шла от ее брови до алебастровой щеки. На ней был длинный кожаный плащ и фуражка комиссара-генерала.

«Привет, Балшин,» вздохнул Вон Войтц.

Ладду не нужно было знать имя, чтобы знать кто это: Виктория Балшин, Леди Комиссар-Генерал Второго Фронта, одна из нескольких женщин, которые когда-либо поднимались до такого звания в Комиссариате. Она была легендой и, если рассказы были истинными, бичом как для друзей, так и для врагов. Поговаривали, чтобы преуспеть на этой службе, где доминировали мужчины, она компенсировала принадлежность к своему полу тем, что стала наиболее яростным политическим офицером и приверженцем дисциплины. Если бы только Ладд понял, кого Фарагут имел ввиду под «комиссаром-генералом», он бы, возможно, просто забрался в Валькирию и улетел.

«Мы лично увидим, если Канов перешел черту,» сказала Балшин. «Хотя, лично посмотрев доклады, я в это не верю. Вы обманываете себя, мой лорд генерал, если верите, что личности, сопровождаемые этим молодым человеком... как вы их охарактеризовали? Ваши друзья.»

«Я знаю, кто они, Балшин,» резко ответил Вон Войтц, слегка ошетинившись. «Я знаю Ибрама и его парней годы. Я лично отправил их на эту чертову миссию, и, именем Трона, они заставили меня гордиться. Я не хочу, чтобы они вернулись домой в недоверии и обвиненные. Они – герои Империи.»

Балшин улыбнулась. «Бартол, я не опровергаю ничего из того, что ты сказал. Отличные солдаты, да. Храбрые души, которые выполнили жизненноважную и неблагодарную работу, да. Герои, почему бы и нет. Я рекомендую осторожность.»

«Принято,» сказал Вон Войтц.

«И я рекомендую отстраниться от нежных чувств. Ты должен думать головой, а не сердцем.»

«В этом, Балшин, я последую твоему примеру,» сказал Вон Войтц. «Как твое сердце в эти дни? Все еще лежит где-то, собирая пыль?»

Балшин фыркнула.

«Я не собираюсь позволить тебе испортить этот момент, Виктория,» сказал Вон Войтц. «Великий час победы только что объявили старшие офицеры. Пятый отсек Спаршад Монс только что был взломан, и мы продвигаемся к воротам шестого.»

«Благословен будь Бог-Император,» кивнула Балшин. «Это превосходные новости.»

«В самом деле,» сказал Вон Войтц. «И в довесок, мои бесстрашные друзья только что вернулись из мертвых, когда была потеряна вся надежда. Так что не бесите меня в час моего триумфа, леди комиссар-генерал.»

Повисла ледяная пауза. Ладд просто мечтал быть кем-то другим. Затем Имперский тактик вышел вперед и сказал, «Старший офицерский состав через сорок пять минут, мой лорд.» Вон Войтц кивнул. «В самом деле, Байота. Давайте тогда продолжим с этим. Ладд? Пожалуйста, отведи меня к своим подопечным.»

Бункер для грузов, глубоко во внутренностях Командного Левиафана, был неестественно холодным. Пар от двигателей приземлившегося транспорта все еще кружился из вентиляторов над головой. Грузовой контейнер с Валькирии все еще тихо стоял на подъемном механизме.

«Будьте любезны, Ладд,» сказал Вон Войтц.

Ладд поспешил к створкам контейнера. Фарагут пошел с ним. Комиссар ослабил свой лазерный пистолет в кобуре.

«В этом нет нужды,» сказал Ладд.

«Делайте свое дело, Младший Офицер Ладд, а я буду делать свое.» Как и Ладд, Фарагут снял свои солнечные очки, когда вошел в командный краулер, и теперь Ладд впервые ясно видел его глаза. Холодные, голубые, бескомпромиссные.

Ладд нервно бросил взгляд назад на лорда генерала, Балшин, Имперского тактика, и эскорт ветеранов, ожидающих на палубе позади них. Вон Войтц ободряюще кивнул. Ладд набрал цифровой код на замке.

Ничего не произошло.

Он снова набрал его.

Опять ничего.

«Сделай нормально, ради Трона!» прошипел Фарагут. «Это раздражает!»

«Я все делаю правильно!» прошептал в ответ Ладд. «Что-то не так с замком.» Он набрал в третий раз. Считыватель оставался пустым.

«В сторону,» сказал Фарагут. «Ты, наверное, делаешь ошибку. Какой код?»

«Десять-четыре-ноль-два-девять,» ответил Ладд.

Фарагут нажал на цифры указательным пальцем левой руки. Опять ничего.

Фарагут потянулся и дернул тяжелую створку. Она открылась, свободно.

«Какого черта?»

Охрана тотчас подняла оружие и медленно пошла вперед.

С пистолетом в руке Фарагут уставился внутрь открытого контейнера.

«Свет!» приказал он, и светоленты вдоль контейнера начали мерцать, омывая интерьер белым светом.

Контейнер был пуст.

«Ох, Боже-Император...» пробормотал Ладд.

«Общая тревога!» крикнула Балшин. «Максимальный режим безопасности, по моему приказу! Сейчас же!» Внутренние сирены Лавиафана начали выть.

ТРИ

12.29, 188.776.M41

Осколочные Равнины, Штаб

Спаршадская Боевая Зона, Анкреон Секстус

«Вы проверяли, что контейнер запечатан, когда покидали Лагерь Зено?» потребовала Балшин, пока шла быстрым шагом.

«Да, мэм,» ответил Ладд, пытаюсь поддерживать ее темп. «Отряд охраны запер контейнер, и, кроме того, я его еще раз проверил до того, как он был помещен на транспорт.»

«И он был закрыт?» с сомнением спросила Балшин.

«Был, мэм. Жизнью клянусь, что был.»

«Плохой выбор слов,» пробормотал Фарагут Ладду. «Твоя голова может слететь за это.» Они быстро шли по одному из внутренних коридоров за Вон Войтцем и Балшин. Пока отряды охраны прочесывали Левиафан палубу за палубой, главной задачей Балшин было доставить лорда генерала в безопасное место в изолированную личную комнату.

«У нас даже не было времени провести их биосканирование,» Ладд услышал, как сказала Балшин сквозь пронзительный шум тревоги.

«Самозванцы могут быть кем угодно, изображая из себя пропавший отряд, чтобы получить доступ.» Ладд вспотел. Это все ложилось на него, как Фарагут имел удовольствие подметить. Не только потому, что Ладд был ответственен за перевозку, а еще и за то, что он был защитником, поверившим заключенным.

Он что содействовал команде убийц архиврага попасть в центральный командный центр лорда генерала? *Все будет хорошо*, пытался он убедить себя. Левиафан роился вооруженными, бдительными солдатами. Куда бы он ни посмотрел, он видел вооруженные отряды, перебегающие от укрытия к укрытию, обыскивающие коридоры и лестницы, или проверяющие членов команды. Никакие вторженцы, и не

важно, какие они решительные, не могли забраться так далеко при данных обстоятельствах.

Спешащая группа добралась до тяжелых противовзрывных дверей личных апартаментов Вон Войтца. «Останься с его светлостью,» сказала Балшин Фарагуту, а затем ушла, чтобы принять личное командование охотой.

Фарагут вошел за Вон Войтцем и Тактиком Байотой в противовзрывные двери.

«Идем,» сказал он, подзывая кивком ожидающего Ладда. Ладд поспешил за ними. Охрана осталась снаружи, и тяжелые двери закрылись и запечатались. Сразу же изменилось давление воздуха. Янтарные руны загорелись, показывая, что комната лорда генерала, виртуальный бункер в сердце огромного краулера, запечаталась и, что заработали независимые системы жизнеобеспечения.

Они были в приемной, хорошо оборудованной, со стульями и столом для совещаний. Внутренняя дверь вела в офис Вон Войтца, и они пошли за ним в этом направлении. Офис был функциональным, но заваленным книгами, фотографиями и трофеями, собранными Вон Войтцем за достойную карьеру. В дальнем конце был стул с высокой спинкой, пара диванов, и сбоку была дверь в спальню.

«Черт побери,» пробормотал Вон Войтц. «Черт побери это все.» Он бросил взгляд на Ладда. «Закреты, ты сказал?»

«Да, сэр.»

Вон Войтц покачал головой. Казалось, что он не испытывает злости лично к Ладду. Больше казалось, как будто он был озадачен и разочарован.

Фарагут слушал канал безопасности в своей микро-бусине. «Сейчас проверяют палубы шесть и семь. Внутренние сканеры все еще не показывают ни следа злоумышленников.» Байота выключил тревогу в офисе. Аварийное освещение продолжало мигать. Вон Войтц все еще ходил туда-сюда.

«Сэр,» внезапно, и очень тихо, сказал Ладд.

«Что?» ответил Вон Войтц, оборачиваясь к нему.

«Я думаю, что вам нужно замереть, сэр,» сказал Ладд дрожащим голосом.

Ибрам Гаунт, бородатый, тощий и взъерошенный, медленно поднялся на ноги из-за стула с высокой спинкой. В руке у него был хромированный серебряный лазерный пистолет. Он был направлен на Фарагута, единственного с оружием в руках.

«Бросьте оружие,» сказал Гаунт. «На тот диван. Сейчас же.»

Ладд вытащил из кобуры свой лазерный пистолет и бросил его на диван. Байота вытащил свой маленький служебный автоматический пистолет и бросил его туда же.

«Я сказал брось,» сказал Гаунт Фарагуту, не шевеля рукой. Оружие Фарагута было направлено на Гаунта.

«Не будь дураком,» сказал Гаунт. «Ты серьезно хочешь начать стрелять в присутствии лорда генерала?»

Фарагут медленно опустил оружие и кинул его на диванную подушку.

Вон Войтц сделал шаг к Гаунту.

«Ибрам.»

«Мой лорд генерал. Не на такую встречу я надеялся.» Чем больше Гаунт говорил, тем больше они могли расслышать чуждые нотки в его голосе.

Вон Войтц уставился на Гаунта, смущенный. «Трон, парень. Что с тобой случилось?»

«Я следовал вашим приказам, сэр. Вот, что со мной случилось.»

«И в этих приказах было держать меня в заложниках с моим же собственным оружием?»

«Это все, что я нашел.»

«Ибрам, любовью Терры, опусти оружие.»

«Только тогда, когда буду уверен в своей безопасности, и безопасности своей команды.»

«Как ты вообще можешь сомневаться в этом?» сказал Вон Войтц. Он говорил с болью в голосе.

«Что-то не помогает тот факт, что нас загнали в тот лагерь для массовой казни,» ответил Гаунт.

«Как и то, что мою честь и лояльность проигнорировали. Вон тот парень был единственным, который заслуживал доверия.» Гаунт указал на Ладда кивком головы. «Но сейчас я не уверен, что могу и ему доверять. Нас загнали в контейнер, *заперли* в контейнере, и привезли сюда, как животных.»

«Это были вопросы безопасности, полковник-комиссар,» сказал Байота. «Вы должны понять. Вас привезли сюда для официальной идентификации и опроса.»

«Как животных, Антонид,» ответил Гаунт. «К тому времени, как нас выгрузили, я не чувствовал, что могу доверять чему-нибудь или кому-нибудь. Я должен был предпринять что-то для блага моих солдат.»

«Как вы выбрались из контейнера?» спросил Ладд.

«Это имеет значение?»

«Это честный вопрос,» сказал Вон Войтц.

«Мои люди почерпнули многое на Гереоне. Тактика сопротивления. Я не думаю, что есть какой-то замок, который не смогут вскрыть как Фейгор, так и Мколл.»

«Где ваши люди?» задал вопрос Фарагут.

Казалось, что Гаунт улыбается, но впечатление было смазано грязной, серой массой его бороды. Он все еще целился в Фарагута. «Скрываются. Там, где охрана не сможет найти их. Прятаться где-то там мы очень хорошо научились.»

«Как мы можем разрешить эту ситуацию, Ибрам?» спросил Вон Войтц.

«Ваше слово, сэр. Гарантия безопасности для меня и моих людей. Я полагаю, что вы нам должны это.»

Вон Войтц кивнул. «Даю слово. Безусловно.»

Последовал долгий период тишины, затем Гаунт опустил оружие, аккуратно повернул его в руке и протянул рукояткой лорду генералу.

Вон Войтц взял пистолет и положил его на стол. Фарагут рванул вперед, чтобы схватить Гаунта.

«Нет!» крикнул Вон Войтц. Фарагут замер на бегу.

«Я дал этому человеку свое слово!» заорал на него Вон Войтц.

«Сэр, я --» заикаясь произнес Фарагут.

Вон Войтц отвесил пощечину Фарагуту и заставил упасть на колени.

«Я хочу отправить сообщение, Гаунт. Хорошо?» сказал Вон Войтц. Гаунт кивнул. Лорд генерал подошел к интеркому.

«Это Вон Войтц на командном канале. Прекратить поиски и убрать охрану от моих дверей.»

«Это Балшин. Поясните.»

«Ситуация разрешена, комиссар-генерал. Следуйте моим приказам.» Затем была пауза. Затем вокс затрещал. «Мой лорд, вы под принуждением?»

«Нет, Балшин. Нет.»

«Пожалуйста, сэр. Мне нужен код.»

«Код – 'Андромах'.»

«Поняла. Спасибо, сэр.»

Вспышки сигнальных огней прекратились, и отдаленный вой сирен затих. Тяжелые засовы автоматически убрались и внешняя дверь покоев генерала открылась. Экскорт, остававшийся снаружи, поспешил внутрь. Гаунт напрягся.

«Оружие на плечо!» приказал Вон Войтц, и люди тотчас сделали это. Вон Войтц указал на Гаунта.

«Теперь отдайте ему честь, мать вашу!»

Они шли за Гаунтом к огромному энжинариуму в глубинах Левиафана. В каждом переходе, который они проходили, личный состав пялился, а некоторые, настолько

пораженные тем, что видели, совершенно забывали отдать честь лорду генералу. Высокий, косматый, грязный человек в изорванной, кожаной одежде, закутанный в изорванные остатки камуфляжного плаща, шествующий впереди имперского главнокомандующего, двух комиссаров, Имперского тактика и отряда солдат.

Турбинный зал энжинариума был темным и похожим на пещеру, где властвовали огромные жужжащие силовые установки, которые управляли системами Левиафана. Воздух пах прометиумом и смазкой. Вон Войтц приказал инженерам и техноадептам выйти из зала.

«Здесь?» спросил он, повысив голос из-за шума машин.

«Тепло и работа машин маскируют биоактивность», сказал Гаунт. «Это самая лучшая маскировка, которую можно получить, чтобы сбить с толку внутренние сенсоры. Мы поняли это, когда выводили из строя джехгенеш на дамбе Летрики.»

«Понятия не имею, что ты имеешь ввиду», сказал Вон Войтц. «Я верю, что ты все расскажешь.»

«Конечно, сэр», сказал Гаунт, как будто удивленный тем, что в этом будут сомнения. Он подошел к воксу на стене, подстроил свой передатчик и сказал 'серебро'. Его усиленный голос разнесся по энжинариуму.

Призраки вышли из укрытий. Это лишало духа, когда они появлялись, один за другим, из затемненных углублений, которые казались недостаточно большими, чтобы вместить в себя человеческих существ. Казалось, что Танитцы не столько выходят, сколько материализуются.

Все они были тощими, грязными и оборванными, как и их командир. Их глаза были яркими и настороженными. Их бороды и длинные волосы были заплетены в дреды и покрыты тем, что казалось серой грязью.

«Святой Трон», сказал Вон Войтц. «Майор Роун.»

«Сэр», ответил Роун, неуклюже отдав честь, когда вышел на свет.

«И Сержант Варл. Сержант Мколл.»

Два человека так же отдали честь, когда вышли вперед. Мколл не пожелал смотреть в глаза лорду генералу. Приблизились остальные. Вон Войтц приветствовал каждого, когда они появлялись.

«Рядовой Бростин. Сержант Крийд. Рядовой Фейгор. Вокс-офицер Белтайн. Рядовой-разведчик Бонин. Снайпер Ларкин.»

Гаунт смотрел на Вон Войтца слегка впечатленный. «Вы... вы знаете, как их зовут, сэр.»

«Я послал тебя и этих солдат на задание, о котором мы оба знали то, что вы никогда не вернетесь назад, Ибрам. Каким бы я был лордом генералом, если бы не озаботился тем, чтобы запомнить несколько имен?» Вон Войтц повернулся к кучке оборванных Призраков. «Добро пожаловать, всем вам. Добро пожаловать домой.» Из теней появились еще две фигуры.

«А этих я не знаю,» сказал Вон Войтц.

«Майор Саббатина Кёрк,» сказал Гаунт. Высокая, темноволосая женщина вышла вперед и поклонилась лорду генералу.

«Кёрк была лидером Сопротивления Гереона. Она прибыла с нами, чтобы предоставить Высшему Командованию полную разведывательную информацию по ситуации на Гереоне.»

«Добро пожаловать, майор,» сказал Вон Войтц. «Император защищает.»

«А Гереон сопротивляется,» язвительно ответила Кёрк.

Другая фигура была ненормально высокой и худой: возмутительно дикой серой фигурой в длинной накидке из перьев, которая казалась наиболее смущенной из всех них.

«Эзра ап Нихт,» сказал Гаунт. «Воин из Нихтгейнов Антилла, Лунатик.»

«Добро пожаловать, сэр,» сказал Вон Войтц. Лунатик и не дернулся, и не ответил. Кожа его высокого, усатого лица, казалось, покрыта серой глиной, а овальные куски переливчатой мозаики окружали его глубокопосаженные тревожные глаза. Вон Войтц бросил взгляд на Гаунта. «И он тут потому что?»

«Потому что я владею им, и он отказался остаться позади.»

Брови Вон Войтца поднялись. «Двоих не хватает. Рядового-разведчика Мквеннера и Медика Керт.»

«Последнее, что я знаю, они оба живы,» сказал Гаунт. «Но Мквеннер и Керт вызвались остаться на Гереоне, чтобы помочь Сопротивлению. Медицинские навыки Аны Керт стали бесценными, а Мквеннер... скажу так, что Мквеннер и партизаны Лунатики стали элитными командос Подполья Гереона.»

«Ты предоставишь полный отчет?» сказал Вон Войтц.

«Опять же, как я и говорил, конечно, сэр.»

«Хорошо.» Вон Войтц пошел к Призракам и пожал каждому руку, хотя даже и не попытался пожать руку загадочному дикарю. «Я понимаю, что вы выполнили свою миссию... и сверх того.» Он бросил взгляд назад. «Балшин?»

Леди Комиссар-Генерал Балшин вышла из соседнего прохода, окруженная вооруженными солдатами Комиссариата. Еще больше солдат, с поднятыми винтовками, хлынули сквозь двери энжинариума со всех сторон и сформировали кольцо вокруг потрепанных Призраков.

«Нет...» открыл от удивления рот Ладд. Фарагут начал хихикать, несмотря на ушибленную щеку.

«Под стражу их,» сказала Балшин.

Гаунт уставился на Вон Войтца в яростном неверии. «Ты ублюдок. Ты дал мне слово!»

«И я сдержу его. Я обещал безопасность тебе и твоим людям. Но на этом все. Больше я ничего не обещал, Ибрам. Ты угрожал моей жизни, безопасности Штаба, и самому центру Имперского Командования здесь, на Анкреоне Секстус. Заключить их под стражу.» Солдаты подошли и стали грубо подталкивать Призраков к выходу.

ЧЕТЫРЕ

09.01, 189.776.M41

Осколочные Равнины, Штаб

Спаршадская Боевая Зона, Анкреон Секстус

Ладд вошел в маленькую допросную и услышал, как за ним закрылась на замок дверь. Камера была простой: всего лишь голый металлический пол и заклепки, утопленные в стены светосферы, маленький стальной стул и стол перед проволочной сеткой. Пиктеры, смонтированные высоко по углам, записывали обстановку под разными углами. Воздух был затхлым и душным. На другой стороне от решетки стоял еще один пустой стальной стул.

Ладд положил на стол пластековый пакет, снял перчатки и положил их вместе со своим дипломатом на маленький стол. Затем он сел, открыл дипломат и вытащил два бумажных досье и планшет.

Прозвучал звонок, и дверь внутри камеры открылась. Ладд поднялся на ноги.

Вошел Гаунт, и дверь позади него автоматически закрылась. Он мельком взглянул на Ладда и затем сел на пустой стул.

«Комиссар Гаунт,» сказал Ладд, снова сел, и оказался лицом к лицу с Гаунтом через проволочную сетку.

«Я хотел бы начать с извинений,» сказал Ладд.

«За что?»

«Вы вчера сказали, во время ссоры в апартаментах генерала, что больше не думаете, что можете кому-то больше доверять. Я хочу заверить вас, что можете. Если я дал вам причину, которая привела к вчерашнему инциденту, я прошу прощения.»

Тяжелый взгляд Гаунта заскользил вверх и вниз по Ладду. «Ты запер нас в контейнере,» сказал он.

«Чтобы успокоить Канова, который собирался вас расстрелять. К тому же, мы можем начать быть реалистами, сэр? Вы служили лучшую часть вашей карьеры, как

комиссар и офицер по вопросам дисциплины. Учитывая обстоятельства, вы бы поступили иначе?»

Гаунт пожал плечами.

«Давайте я скажу это более простым языком. Вы столкнулись с дюжиной вооруженных ренегатов. Без документов, без полномочий. В их историю трудно поверить. Они... не одеты по правилам. На самом деле, они жалкие и потрепанные. Варвары. По крайней мере, они пережили неприятности. Возможно, они аборигены. А так же вполне вероятно, что они запятнаны и искажены. И они еще требуют персональной аудиенции с самым старшим Имперским офицером в квадранте. Разве вы не согласны, что любой Имперский комиссар посчитал бы своим долгом крайне осторожно иметь с ними дело?» Последовала долгая тишина.

Гаунт снова пожал плечами и уставился на пол позади Ладда, как будто ему стало скучно.

Ладд уже собирался продолжить, когда Гаунт сказал. «Тогда, давая я скажу более простым языком. Ты командир подразделения. Твой отряд был послан на миссию высочайшей важности за линию фронта по личной просьбе лорда генерала. Секретность миссии наивысшая. Не смотря ни на что, после большей части двух лет в полевых условиях, ты вытаскиваешь свою команду назад. В целости, живыми, миссия успешно закончена. Но тебя принимают, как изгоя, как солдат врага, в недоверии, оскорбляют, угрожают казнью. Разве ты не согласен, что любой Имперский офицер посчитал бы своим долгом сделать все, что угодно, чтобы защитить своих людей при таких обстоятельствах?»

Ладд поджал губы. «Да, сэр,» сказал он. «В пределах буквы закона. Угрожать персоне лорда генерала --»

Гаунт печально покачал головой. «Я не угрожал ему.»

«Пожалуйста, сэр --»

«Я не наводил оружие прямо на него, как и не делал ничего угрожающего его жизни.»

«Семантика, сэр. Закон --»

«Я сражался в войнах во имя Императора большую часть своей взрослой жизни, Ладд. Иногда закон прогибается или трескается во имя победы и чести. Мне не было известно, чтобы Бог-Император возражал против этого. Он защищает тех, кто поднимается над мелкими запретами жизни и законами, и сражается, чтобы служить, что есть верно и правильно. Я не слишком беспокоюсь за себя, но мои люди, моя команда... они заслуживают лучшего. Они отдали все, кроме своих жизней. Я не допущу, чтобы из-за тупого невежества Комиссариата у них это тоже забрали. Я верный слуга Трона, Ладд. Я возмущен тем, что ко мне относятся, как к кому-то другому.»

Ладд вздохнул. «Откровенно, сэр?»

Гаунт кивнул.

«Вам не нужно убеждать меня. Но именно в этом и лежит ваша проблема. Я не единственный, кого вам нужно убедить.»

Гаунт откинулся на стуле, провел своими длинными, грязными пальцами сквозь густую, раскрашенную бороду и затем согнул руки на груди, почти изобразив знак аквилы. «Так что ты здесь делаешь здесь, Ладд?» спросил он.

Ладд открыл одно из досье на столе перед ним, и прижал планшетом край картонной обложки. «Будет трибунал,» сказал он. «Вы, и каждый член вашего отряда, будут допрошены Комиссариатом. Это будет называться отчетом, но на карту многое поставлено.»

«Для меня?»

«Для всех вас. Леди Комиссар-Генерал Балшин подозревает порчу.»

«В самом деле?»

«Сэр, можно заподозрить любого человека или отряд, находившиеся так долго на мире, оккупированном врагом. Вы это знаете. Порча Хаоса весьма вероятна. Она может быть в вас, а вы даже об этом не знаете. Так же может быть --»

«Что?»

Ладд покачал головой. «Ничего.»

«Говори, что хотел сказать.»

«Я бы предпочел не говорить, сэр.»

Гаунт улыбнулся. Было что-то хищное в том, как это выражение изменило его лицо.

Как лис, подумал Ладд.

«Ты бы предпочел не говорить. Потому что ты боишься что то, что ты хочешь сказать, может взбесить меня. Или, по крайней мере, разозлить.»

«Это справедливая оценка, да, сэр.»

Гаунт наклонился вперед. «Ты знаешь, что такое проволочный волк, сынок?»

«Нет, сэр. Не знаю.»

«Везунчик. Я лично убил шесть. Говори, что хотел сказать. Я уже достаточно большой, чтобы выслушать.»

Ладд откашлялся. «Ладно. Возможно, вы отмечены Хаосом и даже не знаете этого. К тому же, порча в подсознании может так же быть объяснена вашей паранойей и вашим непостоянством, вашими отчаянными поступками.»

«Как, например, махать оружием перед лицом Вон Войтца?»

«Да, сэр.»

Гаунт еще немного нагнулся вперед, и просунул свои грязные пальцы сквозь проволочную сетку. Он пристально смотрел на Ладда. Его голос стал сухим треском. «Значит, ты думаешь, что мой разум был отравлен врагом, искажен, и я об этом даже не знаю, и поэтому я... что? Свободное оружие?»

Ладд слегка съежился. «Вы попросили меня быть искренним...»

«Ты фесов маленький -- !» прорычал Гаунт, и бросился на проволочную сетку, обнажив зубы.

Ладд отскочил так быстро, что его стул перевернулся. Затем он понял, что Гаунт сидит и смеется.

«Ладд, ты такой доверчивый. Трон, видел бы ты свое лицо. Подштанники не хочешь поменять?» Ладд поднял стул и сел. «Такие выкрутасы не помогут,» сказал он.

«Пошутить уже нельзя?» спросил Гаунт, все еще веселясь. «Не любишь шуток?»

«Нет, сэр,» сказал Ладд. Гаунт кивнул и сложил руки, его веселость поубавилась.

«И если я не люблю,» добавил Ладд, «можете быть чертовски уверены, что Леди Балшин тоже не любит. Выкинете что-то такое во время трибунала, и она моментально выдаст вам десять девяносто шесть.»

«Не сомневаюсь. Мне было ясно, что у женщины слишком много крахмала в панталонах.»

«Опять --» начал Ладд.

Гаунт махнул рукой и посмотрел в сторону. «Ладд, ты говоришь со мной так, как будто наставляешь меня. Ты наставляешь меня?»

«Я пытаюсь подготовить вас к допросу, сэр. Поймите, что допрос будет как устный, так и медицинский. Вы должны будете пройти через все виды анализов и процедур. Через все. Балшин будет доскональна. Малейший намек, или устный или физиологический, что любой из вас испорчен... она объявит Эдикт Комиссариата десять девяносто шесть всем вам.» Гаунт посмотрел на стол.

«Я так понимаю, что вы знаете, что это за эдикт?»

«Конечно, знаю. Ты собираешься подготовить всех членов моей команды к слушаниям?»

«Если мне хватит времени, да. Я был бы благодарен, если бы вы сказали членам вашей команды сотрудничать со мной.»

Гаунт поднял взгляд. «Порекомендую. Это ради них же. Знай, что у тебя будут проблемы с Кёрк, Фейгором, Мколлом и, особенно, с Эзрой. На самом деле, я бы хотел присутствовать, когда ты будешь говорить с Эзрой. Он... не из Гвардии. Он - никто из того, с кем ты или трибунал когда-либо имели дело.» Ладд сделал пометку в досье стальным стилусом. «Отметил. Посмотрю, что смогу сделать.»

«Так почему же ты у нас в роли адвоката, Ладд?» спросил Гаунт.

«Вам позволено иметь одного по правилам трибунала, сэр,» ответил Ладд.

«И нам нельзя было выбрать?» спросил Гаунт.

Ладд положил стилус и посмотрел прямо на Гаунта сквозь сетку. «Нет, сэр. Это дело добровольное. Трибунал назначает адвоката, если никто не вызовется, конечно. Никто не вызвался, кроме меня.»

«Фес,» сказал Гаунт, печально качая головой. «Сколько тебе лет, Ладд?»

«Двадцать три, сэр.»

«Значит наш единственный друг – это двадцатитрехлетний младший офицер?»

«Я могу уйти в сторону, позволить трибуналу назначить. Возможно, вам достанется Фарагут. Я подумал, что вы этого не захотите, поэтому вызвался первым.»

«Спасибо,» сказал Ибрам Гаунт.

Ладд перевернул несколько страниц открытого досье и переместил планшет, чтобы прижать их. «Мне нужно прояснить несколько моментов, сэр. Так я смогу быстрее подготовиться к слушаниям. Будет намного лучше, если меня не застанут врасплох.»

«Продолжай.»

«Миссия, на которую вы ссылаетесь. Вы упомянули про нее в Лагере Зено. Но без конкретики. Это было на Гереоне, так?»

«Именно так.»

«Каковы были параметры миссии?»

«Параметры были зашифрованы уровнем вермиллион, Ладд. Между мной и лордом генералом. Я не могу раскрыть их тебе.»

«Тогда для меня будет сложно --»

«Иди к Вон Войтцу. Если он даст тебе письменное разрешение, я скажу тебе. Если он придет и отдаст мне прямой приказ, я скажу тебе. Иначе, мой рот на замке... для тебя и для трибунала.»

«Я сделаю это,» сказал Ладд. Он закрыл досье и убрал их. «Слушанья начнутся завтра в 16.00. Как командующего миссией, вас вызовут первым. Ваши показания, возможно, будут выслушивать день или два. Я вернусь в 18.00, или раньше, если получу отказ лорда генерала. Возможно, мы будем готовиться всю ночь.»

«Если так будет нужно.»

«И последнее,» сказал Ладд, взяв пластиковый мешок со стола рядом со столом и кидая его в корзину, встроенную в проволочный экран на уровне коленей. «Я хочу, чтобы вы помылись и надели эту сменную одежду. Вашему отряду придется сделать то же самое. Я принесу им комплекты по мере необходимости.»

Гаунт с сомнением посмотрел на мешок с одеждой. «В том, что на мне надето,» твердо сказал он, «я прошел через все это. Это моя форма, хотя я не думаю, что ты все еще опознаешь ее. Заплатанная, починенная, снова сшитая вместе, она была на мне с начала до конца. Это моя кожа, Ладд.»

«И в этом проблема. Вы грязный. Оборванный. Вы воняете. Я могу слышать вонь от вас отсюда, и я могу сказать вам, запах неприятный. Я не говорю о грязи, сэр, я говорю о сладкой, болезненной вони. Похожей на порчу, похожей на заразу. И еще эта серая краска на вашей коже.»

«Она легко не сойдет.»

«Попытайтесь. Соскребите. И побрейтесь, ради Трона. Не дайте комиссару-генералу еще одну причину подозревать вас больше, чем она уже подозревает.»

Гаунт взял пластиковый мешок из корзины.

«Значит я воняю?»

«Как ублюдок, сэр. Как демон архиврага.»

Стража Комиссариата повела Гаунта назад, вдоль камер тюремной палубы Левиафана.

Мрачные яркие светополосы делали петли света вдоль низкого потолка. Воздух был сырым и пах плесенью.

Пятна зеленовато-белой ржавчины покрывали железные стены.

Они шли мимо ряда одиночных камер. В каждой содержался Призрак. Молодой Дуган Белтайн был в первой камере, сидящий близко к решетке. Он кивнул Гаунту, немного энергично, немного безнадежно, и Гаунт постарался вложить немного ободрения в полуулыбку для адъютанта, когда проходил мимо. Следующей была Кёрк. Она просто проводила Гаунта злобным взглядом, когда он проходил мимо, и отвернулась, когда он попытался встретиться с ней взглядом.

Огнемечник Ангус Бростин, жесткий и волосатый, был в следующей камере. Он стоял у противоположной стены, сложив свои мощные руки и закрыв глаза.

Несомненно, мечтающий об лхо-сигарете. Следующим был Цеглан Варл, сидящий на раскладушке камеры. Сержант был раздет до пояса, показывая свое грязное, тощее тело и свое потрепанное аугментическое плечо. Он отдал Гаунту краткий салют.

«Просто продолжай идти,» сказал один из охранников.

В следующей камере сидел Хлэйн Ларкин, сжавшийся в углу, выглядя еще больше темным кожаным мешком нервов и костей, чем когда-либо. Он смотрел, как Гаунт проходит мимо, немигающим взглядом снайпера. Соседом Ларкина был Симен Урвин Махариус Бонин, Мах Бонин, мрачно-красивый и сверхъестественно удачливый рядовой-разведчик. Бонин стоял у клетки, наклонившись вперед и схватившись за решетку вытянутыми руками.

«Какие успехи?» спросил он.

«Заткнись,» сказал один из охранников.

«Пошел ты тоже,» крикнул Бонин вдогонку.

Гаунт прошел мимо камеры Тоны Крийд. Она не подстригала волосы с самого начала миссии, и они стали длинными и прямыми, вернувшись к изначальному, кирпичному цвету с пятнами серого Антилловского. Она носила их распущенными так, чтобы они прикрывали левую сторону ее лица. Гаунт знал, почему. Когда он проходил мимо ее

клетки, она сделала быстрый Танитский кодовый жест, которым Призраки условно обозначали «все в порядке?»

Гаунт сумел ответить быстрым кивком до того, как скрылся из вида.

Эзра ап Нихт, или Эзра Ночь, как все стали именовать партизана Антилла, стоял в следующей камере, тихий и пристально всматривающийся, его обрамленные мозаикой глаза были скрыты старыми, поношенными солнечными очками, которые Варл подарил ему уже очень давно.

«Хистю сеолфор, соуле Эзра,» быстро выкрикнул Гаунт на древнем языке Лунатиков.

«Тихо!» заорал охранник позади него, и ткнул своей булавой меж лопаток Гаунта.

Гаунт остановился и обернулся к трем охранникам в броне. «Сделаешь это снова,» начал он, «и ты --»

«Что?» усмехнулся охранник, похлопывая булавой по ладони в перчатке.

Гаунт прикусил язык, пытаясь держать себя в руках, пытаясь помнить о том, что ему говорил Ладд.

Он повернулся и пошел дальше. В следующей клетке был Сержант-Разведчик Оан Мколл. Седеющий, стареющий человек смотрел в пол, когда Гаунт проходил мимо.

Мюртан Фейгор лежал на койке в следующей камере. Он сел, когда проходил Гаунт, и позвал «Мы уже мертвецы, Создатель Призраков?» Его голос был монотонным и скрежещающим, спасибо аугментике в горле, наследии раны давней войны.

Один из охранников ударил по решеткам клетки Фейгора, когда они проходили мимо.

«Ага, значит так? Значит так?» кричал им вслед Фейгор. «Иди сюда, фесова подстилка, иди сюда, и я заставлю твою мамочку рыдать.» Угроза звучала необычно сухо и плоско, произнесенная так монотонно. Это было почти комично.

Роун был в последней клетке, которую они прошли. Он сидел на полу, рядом со входом, прислонившись спиной к левой стене камеры. Он даже не поднял взгляд.

Охрана открыла дверь последней камеры тюремного блока. Гаунт посмотрел на них.

«Душевая?» спросил он.

«Мы вернемся через двадцать минут,» ответил один охранник. Гаунт кивнул и вошел в пустую камеру. Охранники с грохотом металла по металлу закрыли камеру и ушли.

Гаунт бросил пластовый мешок на пол камеры, затем подошел к правой стене и, прислонившись спиной, сполз вниз возле входа.

«Ну, какой расклад, Брам?» тихо спросил Роун с другой стороны стены.

«Мы завязли по уши, Эли,» ответил Гаунт. «Думаю, что это из-за моего неверного решения. Я подтолкнул их слишком сильно.»

Последовала длинная пауза.

«Не кори себя,» сказал Роун. «Мы все знаем, почему ты сделал то, что сделал. Они относились к нам, как к дерьму. Ты не хотел рисковать.»

«Может быть, нужно было рискнуть. Нам грозит трибунал. Балшин за главную. Может быть, Вон Войтц, после того, что я сделал, больше не на нашей стороне.»

«Боевая необходимость, Брам,» стоически ответил Роун. «Если бы мы остались в том фесовом контейнере...»

«С нами могло бы все быть в порядке. Или, хотя бы, в лучшей ситуации. Мне нужно было довериться Ладду.»

«Этому фесу?»

«Теперь нам всем надо довериться ему, Элим. Этот фес наш единственный друг. Скажи остальным. Нам нужно соблюдать все его инструкции и рекомендации, или мы окажемся у стены с повязками на глазах.»

«Почему?»

Гаунт вздохнул. «Обвинение в заражении Хаосом.»

«Это трудно доказать.»

«А еще труднее опровергнуть. Эли, как комиссар, я всегда ошибался на стороне осторожности.»

«Ты имеешь ввиду, сначала стреляй?»

«Сначала стреляй.»

«Фес.»

«Ладд на нашей стороне, и мне, возможно, удастся вернуть Вон Войтца, если я смогу на какое-то время встретиться с ним. Но все равно убедись, что Призраки сотрудничают с Ладдом. Нравится он тебе или нет, он единственная хорошая карта в наших руках.»

«Это приказ?»

«Это самый большой приказ, из тех, что я давал тебе.»

«Считай, что сделано.»

Гаунт посмотрел на лежащий рядом пластековый мешок. «Ладд хочет, чтобы мы помылись и привели себя в порядок. Одели новую одежду. Стали свежими, побритыми и вычищенными для слушаний.»

«Мне нормально так, как я есть.»

«Роун, я не шучу. Мы воняем грязью и разложением. Мы воняем так, что они думают, что это зараза Хаоса. Все сделают это, или будут отвечать передо мной.»

«Эзре это не понравится.»

«Я знаю.»

«И Кёрк...»

«Я знаю. Оставь ее мне.»

«Ты собираешься последовать моему совету?» спросил Роун.

Гаунт покачал головой. Совет Роуна, который он повторял пару дюжин раз за последние несколько дней был в том, чтобы сдать Кёрк, отдать ее Комиссариату в обмен на жизни Призраков. Она ему никогда не нравилась. И было безумием то, что за последние десять месяцев она дала Роуну слишком много причин поступить так. Саббатина Кёрк была храбрым, устремленным офицером. Но было еще кое-что в

ней, что было по сути ненадежным. На Гереоне она слишком долго терпела оккупацию архиврага.

Она научилась тому присущему навыку упрямого бойца сопротивления, тому качеству, что было как благословением, так и проклятием: никто, ни друг, ни член семьи, ни, даже, спутник жизни, не могли быть избавлены от предательства, если это служило делу. Это делало ее непостоянной и непредсказуемой, как бритвенную змею.

Кёрк была любовницей Элима Роуна последние восемь месяцев. Роун хотел ее, но он все еще не слишком ее любил, и даже несколько ей не доверял.

«Итак, что дальше?» спросил Роун.

«Они начнут с меня. Я так думаю, ты будешь следующим. Придерживайся фактов. И придерживайся нашего допуска к секретной информации, пока я не скажу тебе поступить иначе.»

«Ясно. Фес, не могу поверить, что думаю об этом, но... нам было бы безопаснее остаться на Гереоне.» Гаунт ухмыльнулся. «Да, возможно. Но у нас появился шанс и мы им воспользовались. Нам нужно было выбраться с мира с новостями о Стурме. И о Сынах. Требования долга, Эли.»

«И вот, как они поблагодарили нас,» горько сказал Роун. Гаунт услышал, как он подошел к краю стены. Грязная рука Роуна появилась сквозь решетку.

«Я никогда не хотел отправиться на Гереон,» услышал его Гаунт. «Я думал, что это сумашествие, я думал, что это суицид, и это было почти так. Но я сделал то, что ты приказал, и то, что заслужил Бог-Император. И, клянусь фесом, я никогда не ожидал, что для нас все так обернется. Мы верные солдаты Империиума, Брам. После всего, что все мы сделали, и после того, чем все мы пожертвовали, куда, черт возьми, подевалась справедливость?»

Гаунт протянул руку через решетку и схватил руку Роуна.

«Она будет, Эли. Жизнью клянусь, будет.»

«Я хочу, чтобы это отменили,» сказал Вон Войтц.

«После того, что они сделали?» ответила Балшин.

Вон Войтц махнул руками, словно стряхивая крошки с колен. «Мы с ними плохо обращались. Я обязан им --»

«Ничем, сэр. Вы ничем им не обязаны, если они запятнаны. В этом суть. Какую бы миссию они не закончили, какую бы великую службу они не сослужили вам и Крестовому Походу, если они вернулись запятнанными, на этом конец. Мы не можем рисковать. Если мы сделаем это, значит уклонимся от нашего долга перед Золотым Троном.»

«Ты такая сука, Балшин,» сказал Вон Войтц.

«Спасибо, Бартол. Стараюсь.»

Сидя у длинного стола для совещаний в своих апартаментах, Вон Войтц посмотрел на Байоту. «Они запятнаны, Антонид?» спросил он.

Байота разблокировал планшет. «Медицинское сканирование говорит, что нет, хотя есть значительный процент неясности. За всей этой грязью и органическим разложением они, кажется, выстояли перед тем, что мы считаем реальным заражением --»

Балшин подняла руку. «Хочу высказаться, лорд генерал. Мастер Байота, при всем уважении, член Департамента Тактика Импералис. С каких это пор он взялся за психо-физиологические данные? Его не в его компетенции.»

Вон Войтц поднялся на ноги и пошел к буфету, чтобы налить себе амасека. В качестве запоздалой мысли – и тихого жеста солидарности – вместо этого он налил себе глоточек сакры.

«Антонид моя правая рука. Он тоже очень давно знает Гаунта и Призраков. Я попросил внимательно рассмотреть их дело. Продолжай, Байота.» Байота откашлялся. «Я не адвокат и не специалист военных законов, мадам комиссар-генерал, как вы упомянули. Но мой мозг натренирован на высочайшем уровне для разведки и предоставлении доказательств. Настолько, насколько я смог определить, из медицинских и психологических отчетов, Гаунт и его люди не заражены. Они на самом деле повреждены многим: они устали, напуганы, травмированы, непоняты. Но

нет никаких признаков заразы Хаоса. Медицинские и токсикологические сканы согласуются с этим. Они инфицированы физически... вши, черви, бактерии... и они показывают озадачивающее наличие какого-то токсина или яда, к которому они тоже стали иммунны. У них шрамы, они потрепаны, они напряжены, и, может быть, они уже никогда не будут такими отличными воинами, которых мы когда-то знали. Но они не заражены Хаосом.» Балшин кивнула. «Я не согласна. По крайней мере, я не уверена. Лорд генерал, вы доверили вашему человеку, Байоте, чтобы он проверил данные от вашего имени. Я сочла нужным обратиться к другому эксперту.»

«Да?» спросил Вон Войтц.

Балшин повернулась и сделала жест Фарагуту, который ожидал у двери.

Фарагут открыл дверь, и низкая, коренастая фигура зашла внутрь. На нем был темно-коричневый кожаный плащ, усиленный кольчугой. Его серые волосы были поредевшими, а на его отвратительном, почти впалом, лице, была черная козлиная бородка. Его глаза были совершенно темно-синими, без какого-то намека на белое.

«Лорд Генерал Вон Войтц,» начала Балшин, «могу я представить --»

«Лорнас Велт,» закончил Вон Войтц. «Лорнас и я знаем друг друга очень давно, Балшин. Как поживаете, мастер инквизитор?»

«Очень хорошо, мой лорд генерал,» ответил Велт мягким резким тоном.

Вон Войтц повернулся к Байоте. «Проинформируй Младшего Офицера Ладда, что теперь участвует инквизиция.» Байота поднялся на ноги.

«Я не думаю, что это обязательно, мой лорд,» сказала Балшин.

«Я думаю, Виктория,» резко бросил Вон Войтц. «Ты только что подняла ставку. Ладд должен знать это. Трон, Гаунт должен знать это.»

«Это приемливо,» вежливо сказал Велт.

Байота покинул комнату. Велт сел за стол рядом с Балшин.

«Я просмотрел данные,» сказал инквизитор. «Это сложно. Эти люди похвально служили Империи. Они отдавали себя самих. Тем не менее, ради безопасности всех нас, я думаю, что их нужно казнить быстро и тихо.»

Вон Войтц уставился на инквизитора. «Это бесчеловечно --»

«Это цена, которую вы заплатили, мой лорд. Цена миссии, которую вы приказали им сделать. Они сделали то, что вы им приказали, и за это, они должны быть прославлены. Но нет никаких вариантов, что они вернулись из этого кошмара нетронутыми. Для них было бы лучше, чтобы они умерли на Гереоне. В конечном счете, вы послали их на смерть. Единственная проблема в том, что они вернулись назад и теперь вы столкнулись с тем, чтобы сделать грязную работу, которую Хаос свалил на вас. Вы должны казнить их.»

«Если они выжили в том аду, куда я их послал,» сказал Вон Войтц, «тогда я дам им шанс.» Велт кивнул. «Поэтому будут слушания. Мы будем относиться с сочувствием.»

«Надеюсь, что так,» сказал лорд генерал.

Фарагут подошел к Балшин и дал ей бумажку.

«Мой лорд, меня срочно вызывают.»

Вон Войтц кивнул.

Следуя за Фарагутом за дверь, Балшин тихо спросила. «Это правда?»

«Да, мэм.»

Шлюз тюремной палубы открылся, и Балшин прошла в блок с Фарагутом на хвосте. Леди комиссар-генерал остановилась у одной из камер.

«Вы хотели видеть меня?» спросила она.

Саббатина Кёрк поднялась на ноги и подошла к решетке. «Да. Я хочу заключить сделку.»

ПЯТЬ

16.03, 190.776.M41

Осколочные Равнины, Штаб

Спаршадская Боевая Зона, Анкреон Секстус

Охранники, стоящие возле зала слушаний, встали по стойке смирно со стуком брони, и восемь старших офицеров Комиссариата, сидящие на полукруглой кафедре, встали. Комиссар-Генерал Балшин прошла через главную дверь, ее длинная мантия вздымалась за ней, в сопровождении Фарагута, Инквизитора Велта, и полковника Имперской Гвардии в темно-голубой униформе. Четверка прошла к своим местам в центре изогнутой кафедры.

«По местам,» сказал полковник. «Это слушание созвано на сто девяностый день 776 года, милостью Бога-Императора. Давайте начнем без промедления.» Главная дверь снова открылась, достаточно для того, чтобы Ладд и Гаунт смогли войти, бок о бок. Они живо прошли к маленькому столу перед полукруглой кафедрой, остановились рядом с ним и встали по стойке смирно.

«Младший Комиссар Нахум Ладд, адвокат подсудимого,» объявил Ладд.

«Отмечено,» ответил полковник. «Садитесь, младший комиссар. Подсудимый останется стоять.»

Ладд бросил взгляд на Гаунта, который стоял, как шомпол, и смотрящий на трибунал, затем сел за маленький стол.

«Подсудимый обозначит себя,» сказал полковник.

«Ибрам Гаунт, полковник-комиссар, Танитский Первый, серийный номер --»

«Достаточно имени, Гаунт,» отрезал полковник. «На этом этапе у вас нет звания в глазах трибунала. Я – полковник Геррод Каессен, и я буду председательствовать на этом слушании сегодня.»

«Лорду генералу было стыдно встретиться лицом к лицу со мной?» спросил Гаунт.

Ладд вскочил на ноги. «Обвиняемый отзывает это замечание, сэр.» Каессен поднял бровь. «Отзываете, Гаунт?»

«Если так советует мой адвокат, сэр.»

«Для того, чтобы вы были осведомлены, Гаунт,» сказал Каессен, перелистывая бумаги перед ним, «Лорд Генерал Вон Войтц весьма занят в этот час, и он просил меня представлять интересы Высшего Командования вместо него. Было бы необычно, разве вы так не думаете, чтобы главнокомандующий этим театром военных действий был бы лично вовлечен в относительно несущественные слушания трибунала?»

«Это зависит от того, что вы подразумеваете под 'относительно несущественным', сэр,» ответил Гаунт.

«Ну, например,» бросил назад полковник. «В сравнении... с продолжающейся войной, например?»

«Точка зрения принята, сэр» ответил Ладд.

«Точка зрения такая, что Лорд Генерал Вон Войтц – единственная причина, по которой я стою здесь сегодня,» сказал Гаунт.

«Как так?»

«Потому что он лично отправил меня на Гереон с заданием, и только по его слову меня не казнили за окончание указанной миссии и возвращение живым.»

«Пожалуйста!» прошипел Ладд Гаунту.

«Я отзываю свое последнее замечание,» сказал Гаунт.

Полковник Каессен поджал губы. «Гаунт, вы осознаете власть этого трибунала?»

«Я полагаю, полковник,» тихо сказал Инквизитор Велт, «это в точности то, что мы тут и должны установить,» Несколько комиссаров за кафедрой тихо рассмеялись. Балшин наклонилась пошептать с Фарагутом.

«Очень хорошо,» сказал Каессен. «Подсудимый может сесть. Младший Комиссар Ладд, вы можете начать свои замечания по делу.»

Гаунт подошел к столу и сел рядом с Ладдом. На Гаунте были высокие черные сапоги, черные бриджи и простая черная рубашка, на которой не было ни знаков отличия, ни инсигний. Короткие рукава облегающей рубашки демонстрировали худую, мускулистую силу рук и торса, а так же дюжины старых шрамов, больших и маленьких, которые украшали плоть. С тех пор, как он впервые встретился с Ладдом, он принимал душ три раза, но темно-серая камуфляжная краска Нихтгейнов все еще оставалась на его бледной коже тусклыми вездесущими синяками. Он также побрился. Густые тугие дреды бороды и длинные волосы исчезли, уступив место короткой стрижке и аккуратной бородке. Волосы на голове и подбородке были бледными, грязно-блондинистыми, как увядшая, слегка пожухшая солома.

Ладд встал с досье в руке и прочистил горло. «Если трибунал соизволит, я бы хотел начать с прочтения записей о карьере полковника-комиссара до настоящего времени, с упоминанием множества заслуживающих награды --»

Фарагут быстро встал. «Возражение, полковник. Копии записей были распространены между всеми членами трибунала. Мы все прекрасно знакомы с ними. Читать это вслух будет просто тратой ценного времени.»

«Полковник,» сказал Ладд. «Записи подтверждают прошлое подсудимого.»

«Прошное подсудимого не стоит в повестке,» вставила Балшин.

«Принято к сведению,» сказал Каессен. «Возражение принято. Пожалуйста, продолжайте, младший комиссар.»

Ладд нахмурился и положил досье на стол. Он взял другое. «В таком случае, полковник, я бы хотел зачитать детальные показания подсудимого, относящиеся к миссии на Гереоне.» Тотчас, Фарагут снова был на ногах. «Опять, полковник. Причина та же. Нам всем разослали копии этих показаний, и мы все их прочли.»

«Принято к сведению,» ответил Каессен.

«С уважением, сэр,» настаивал Ладд, «значение миссии на Гереоне лежит в основе сегодняшних слушаний. Это нельзя отложить в сторону.»

«Показания занимают сто сорок семь страниц,» сказал Фарагут. «Я возражаю против простого перечисления --»

«Полковник?» мягко вмешался Инквизитор Велт. «Я полностью прочитал показания Гаунта, как и, я уверен, мои досточтимые коллеги. Я на самом деле не желаю, чтобы этот материал повторяли вслух. Тем не менее, я полагаю, что точка зрения Младшего Комиссара должна быть принята. Возможно, в качестве компромисса, и в соответствии с интересами законности, может быть подсудимый лично вкратце расскажет о самых значимых фактах?»

«Это звучит честно и справедливо, инквизитор,» ответил Каессен. Он посмотрел на Балшин.

«Возражения?»

«Нет, полковник.»

«Младший комиссар Ладд?»

Ладд нагнулся и обменялся несколькими тихими фразами с Гаунтом перед тем, как снова встать лицом к кафедре.

«Подсудимый счастлив исполнить предложение инквизитора.» Ладд сел. Гаунт встал и начал говорить.

«В конце 774, мое подразделение прибывало здесь, на Анкреоне Секстус, в составе контингента освобождения Пятой Армии. Мы прибыли сюда после драки на Херодоре. Почти сразу после прибытия со мной связалась канцелярия лорда генерала, и я был приглашен на встречу с ним. Он рассказал мне, что у него есть миссия высокой категории, которую нужно выполнить незамедлительно. Она была классифицирована уровнем вермиллион, и была только на добровольной основе. Она включала в себя тайное размещение специальной группы на оккупированном врагом мире под названием Гереон. Я согласился возглавить миссию.»

«Просто так?» спросил один из старших комиссаров.

«Конечно, я сначала просмотрел требования,» язвительно ответил Гаунт.

«И как только просмотрели, вы согласились?»

Гаунт кивнул. «Было ясно, что этот вопрос был потенциально жизненно важным для дальнейшего успеха Крестового Похода на этом фронте. К тому же, я чувствовал, что лорд генерал просит меня сделать ему одолжение.»

«Это почему?» спросил Фарагут.

«Природа миссии соответствовала навыкам моего полка. Танитцы – эксперты в тайном проникновении.»

«Была ли еще какая-нибудь другая причина?» настаивал Фарагут.

Гаунт слегка пожал плечами. «Я думаю, что, возможно, лорд генерал уважительно относился к моим способностям, и способностям моих солдат. Я хочу думать, что он просил меня, потому что доверял мне.»

«Это так, что вы работали напрямую с лордом генералом раньше?» вставил Ладд.

«Да,» сказал Гаунт. «В основном на Фантине в 772, и годом позже на Айэкс Кардинале.»

«В обоих случаях, вы хорошо ему служили?»

«Насколько я знаю, он был удовлетворен.»

«Тогда будет честно сказать,» продолжил Ладд, «что вы стали одним из любимых командиров лорда генерала? Он высоко ценил вас и рассчитывал на ваш профессионализм в особых обстоятельствах?»

«Для меня было честью наслаждаться благосклонностью и дружбой Лорда Генерала Вон Войтца,» сказал Гаунт.

Балшин встала. «Ничто из этого не оспаривается. Генерал Вон Войтц несколько раз сообщал мне, что считает подсудимого близким другом и товарищем. Тем не менее, я полагаю, что Комиссар Фарагут настаивает на кое-чем другом.»

«Например, моя леди?» спросил Каессен.

Балшин посмотрела вниз на Гаунта, на уровень ниже ее. «Возможно, подсудимый сможет описать особые параметры его миссии?»

«Я как раз собирался,» совершенно расслабленно сказал Гаунт. «Миссия была в том, чтобы проникнуть на оккупированную планету Гереон, войти в контакт с местным, лояльным Трону, сопротивлением, а затем обнаружить и уничтожить с пристрастием личность, захваченную силами архиврага.»

«И эта личность была?» спросила Балшин.

«Имперским предателем Генералом Ночесом Стурмом.»

«Почему это было важно?» добавила Балшин.

«Стурм был опозорен и ждал военно-полевого суда, когда его захватил архивраг. Ему был поставлен ментальный блок, чтобы информацию у него в голове можно было снова открыть на суде. Была очевидная возможность того, что враг сможет пробиться через ментальный блок и вытащить всю важную информацию из Стурма. Коды флота, шифры, расположение войск, тактику. Если бы его открыли, он бы без сомнений сдал бы значительную часть сил Крестового Похода архиврагу, что привело бы к катастрофе для нашего дела.»

«В самом деле,» сказала Балшин. «Расскажите трибуналу, почему Генералу Стурму грозил суд?»

«За неисполнение долга во время осады Улья Вervун,» сказал Гаунт.

«Кто тогда это обнаружил?»

Гаунт слегка кашлянул. «Я, мэм.»

«Вы были тем, кто арестовал Ночеса Стурма и предъявил обвинения?»

«Да.»

«Вы были полковником, а он был милитантом генералом?»

«Да. Я обнаружил, что он сомневается в моих способностях, как Имперского комиссара, и я отстранил его от командования.»

«Ясно,» сказала Балшин. «А были ли правомерны ваши обвинения против него в качестве Имперского комиссара?»

«Абсолютно.»

«Дайте-ка прояснить,» улыбнулась Балшин. «В середине весьма печально известной осады, в экстремальном пылу сражения, вы отстранили Генерала Стурма от командования... в качестве комиссара?»

«Да, как я и сказал.»

«При таких напряженных обстоятельствах, Гаунт, вы не думали, что казнь была бы более подходящей? Я имею ввиду, в качестве комиссара.»

«Нет, не думал.»

«Но это было совершенно в вашей власти. А вместо этого вы выделили жизненноважные человеческие ресурсы, чтобы содержать его, как пленника.»

«Протестую против тона и умозаключения комиссара-генерала,» выкрикнул Ладд.

«Отклонено,» сказал Каессен.

«Гаунт?»

«В моей власти так же было отдать приказ интернировать его,» спокойно сказал Гаунт. «Я не избегаю казни там, где она необходима, но я посчитал, что Стурм заслуживает военно-полевого суда из-за его статуса и звания.»

«Значит, он остался жив из-за вашего решения?» сказала Балшин. «Дайте перефразирую... Ночес Стурм *был захвачен врагом живым* только потому, что вы оставили его в живых?»

«Да.»

«То есть огромный риск от того, что он попал в руки к врагу, был *вашей* ошибкой?»

«Протестую!» закричал Ладд.

«Я не ошибся,» прорычал Гаунт. «Возможно, вина лежит на Комиссариате за то, что он его так плохо охранял.»

«Но разве не правда, что вы взялись за миссию на Гереоне потому, что вы чувствовали персональную вину за то, что его забрали?»

«Протестую!»

«Разве не правда,» настаивала Балшин, «что Вон Войтц попросил вас взяться за миссию на Гереоне потому, что он хотел дать вам возможность разобраться с тем, что вы натворили?»

«Протестую! Полковник, пожалуйста!»

«Отзываю последнее замечание,» сказала Балшин и села.

Ладд стоял во время всего последнего разговора. «Сэр,» сказал он Гаунту. «Кто выиграл в битве в Улье Вервун?»

«Войска Бога-Императора,» сказал Гаунт.

«И кто командовал ими?»

«Я.»

«Могли бы вы напомнить трибуналу,» сказал Ладд, «официальный статус, который Тактический Департамент дал миссии на Гереоне.»

«Статус был «ЧО».».

«Что означает?»

«Я полагаю, что определение – *'чрезвычайно опасная/самоубийственная'*.»

«В вашей команде было двенадцать специалистов, включая вас,» сказал Ладд.
«Сколько вы потеряли?»

«Никого.»

«А миссия была успешна?»

«Да. Мы устранили Ночеса Стурма в Бастионе Летрики. Подтвержденное убийство.»
Ладд повернулся к трибуналу. «Может быть, подсудимый может вернуться к своему отчету о миссии?»

«Как мы и просили,» сказал Каессен, кивнув Гаунту.

«Мой верный адвокат слегка испортил финал, полковник,» улыбнулся Гаунт. Несколько старших комиссаров на кафедре тоже улыбнулись. Как и Велт.

«Тем не менее, это был не конец, так ведь?» спросил Фарагут. «Я имею в виду, со смертью Стурма.»

«Нет, комиссар,» мягко сказал Гаунт. «Перед тем, как мы отправились, Лорд Генерал Вон Войтц дал мне ясно понять, что шанс на эвакуацию очень маленький. Было уже достаточно сложно доставить нас туда. Даже если бы мы выжили, это практически был билет в один конец.»

«Значит, вы застряли там?» настаивал Фарагут.

«Да. Большинство из нас были травмированы --»

«Каким образом?»

«Обычным. Вражеский огонь. Несколько человек из моей команды были тяжело ранены. Мы так же израсходовали большую часть нашего снаряжения и припасов. У нас был небольшой выбор, кроме как объединиться с подпольем Гереона и служить Империи, добавив наши навыки к усилиям сопротивления. Но мы сделали это, я полагаю, с удовольствием. Мы видели много лишений на планете. Подполье Гереона было гордой, непокорной, храброй силой. Мы были рады помочь.»

«Разве не правда, что вы сделали больше, чем просто помощь?» спросил Ладд.

Гаунт пожал плечами.

«Сейчас не время для скромности, Гаунт,» выкрикнул Инквизитор Велт.

«Очень хорошо, сэр. Подполье Гереона – которое, я должен добавить, пожертвовало большей частью себя, чтобы помочь нам в выполнении миссии – было в основном плохо оснащенной силой из местных жителей, подкрепленной военными навыками нескольких выживших офицеров СПО. Моя команда и я сам сумели распространить наши знания и наши боевые навыки. Мы реструктурировали подполье в районе Летрики, а также в близлежащих провинциях. Мы обучали их скрытной войне. За это я бы хотел особенно похвалить моих разведчиков Мколла, Бонина и Мквеннера. Рядовой Бростин заведовал изготовлением самодельных огнеметов. Сержанты

Крийд и Варл, вместе со мной, учили их кадровый состав и тренировали огневые команды. Майор Роун и Рядовой Фейгор путешествовали между ячейками, делясь секретами производства взрывчатки и проведением подрывов. Вокс-офицер Белтайн, мой адъютант, в значительной степени переделал коммуникационную сеть подполья. Рядовой Ларкин лично тренировал отряд снайперов, используя захваченные лаз-локи, обучая их делать единственный выстрел наверняка из этого однозарядного оружия. Обучение Медика Керт стало чрезвычайно важным для нужд подполья. Я так же хотел, до этих слушаний, рекомендовать Жерома Ландерсона и Саббатину Кёрк, офицеров сопротивления, за их отвагу и решимость, которые они показывали все время.»

«Вы рисуете героическую картинку,» сказал Велт.

«Что насчет партизан?» слегка подтолкнул Ладд.

«Нихтгейны, или Лунатики, региона Антилл --» начал Гаунт.

«Чего?» спросил Каессен.

«Антилл, полковник,» объяснил Гаунт. «Бесплодные или непроходимые регионы Гереона, по большей части глубокие болота. Лунатики – выжившие сообщества изначальных колонистов. Печально известные сепаратисты, они годами были бичом Имперской власти. Но Хаос был общим врагом. Племя Нихтгейнов помогло нам в наших начальных действиях на Гереоне, а позже, главным образом из-за усилий Разведчика Мквеннера, мы стали способны включить их в сопротивление, как элитные войска. Без Лунатиков мы бы, скорее всего, потерпели неудачу на Гереоне, как в попытке убрать Стурма, так и в последующей партизанской войне.»

«Я видел вашего ручного Нихтгейна,» сказал Фарагут. «Эзра, так ведь? Не образцовый Имперский гражданин.»

«Я бы попросил, чтобы вы забрали свое оскорбление обратно, комиссар,» ответил Гаунт. «Эзра ап Нихт – самый верный солдат Трона, какого я когда-либо встречал.»

«Почему вы так говорите, Гаунт?» спросил Каессен.

«Потому что он верен мне, сэр.»

«Этот период работы с сопротивлением Гереона был трудным, так ведь?» спросил Фарагут.

«Да,» сказал Гаунт.

«Требовательным, я имею в виду,» продолжил Фарагут. «Судя по вашей внешности, по вашему возвращению... вы недоедали.»

«Еда была в дефиците. Для всех.»

«И вы были лишены многих вещей. Мыла, например.»

«Я не стану отвечать на это.»

«И еще ваша одежда, лохмотья...»

«Насколько я знаю, ближайший действующий квартирмейстер Гвардии был в восьми световых годах.»

«Полковник,» сказал Ладд. «Пожалуйста, подсудимый здесь под расследованием за то, что он появился растрепанным? Весьма неудивительно, что за все то время, что он находился в тылу врага, он не собирался на парадный смотр.»

«Верное замечание,» сказал Каессен. «К чему вы ведете, Комиссар Фарагут?»

«Вот к чему, сэр,» сказал Фарагут. Вопрос заражения. Мы все знаем, что в этом суть дела. Грязные, бородатые, оборванные... это все одно и то же. Гаунт и его команда жили, как дикари, с сопротивлением. Во многом, факт того, что они, кажется... как бы получше сказать? Факт того, что они, кажется, стали *местными* понятен.

«В сложившейся ситуации,» сказал Гаунт, «это было жизненнонеобходимым.»

«Но есть еще и другие, более заслуживающие внимания вопросы. Серая краска на вашей коже и волосах --»

«Мы все переняли практику Нихтгейнов использовать *воуд*. Это их слово для этого. По существу, это паста для кожи, изготавливаемая из надкрыльев болотных мотылей. Она идеальна для камуфляжа. Не только визуально, но она так же маскирует запахи. Мы покрывали ей наши волосы, одежду и кожу. У нее так же есть и другие профилактические свойства.»

Гаунт отметил, что Велт сделал несколько быстрых заметок.

«Но ее трудно вывести. Даже с карболовой кислотой.» Гаунт сделал паузу и посмотрел на Велта.

«Это объясняет возросший уровень токсинов, который мы нашли в вашей крови и в организмах ваших товарищей?» спросил инквизитор.

«Мотыли ядовиты, сэр, да,» сказал Гаунт. «Паста позволила нам выработать иммунитет к местным ядам.»

«И чему-то еще?» спросил Велт.

Гаунт пожал плечами. «Нихтгейны верят, что более концентрированный вариант пасты может, как ни странно, бороться с инфекциями Хаоса. Мне об этом неизвестно.»

«Вы видели, как это действует?»

Гаунт кивнул. «Да, с Рядовым Фейгором. Поразительный эффект.»

«Но вы сказали, что 'вам об этом неизвестно'?» спросил Фарагут.

«Я не медик,» сказал Гаунт. «Я знаю, что я видел. Я знаю, на что это было похоже. Может быть паста помогла Фейгору, возможно, всем нам. Но это, так же, может быть и плацебо. Я верю, что самый лучший способ бороться с заразой Хаоса, это быть здоровым и решительным умом.»

«Вы говорите,» сказал Фарагут, «что вы и ваша команда выбрались с Гереона незараженными, потому что ментально отвергли возможность стать такими?»

Гаунт посмотрел на Ладда, который пожал плечами.

«Ответьте на вопрос, пожалуйста,» произнес Каессен.

«Да,» сказал Гаунт. «Это чрезмерное упрощение, но я полагаю, что, по существу, оно правильное. Хотя мы страдали, и нас жестоко испытывали, мы отвергли порчу Губительных Сил силой воли.»

Фарагут бросил взгляд на Велта, который покачал головой. Вместо этого встала Балшин. «Если бы вы сидели здесь во главе суда, Гаунт,» спросила она, «поверили бы вы словам, которые только что озвучили?»

«Зная, что это может быть правдой, леди комиссар-генерал, я бы предположил, что да.»

«А если предположить, что нет?»

«Я не знаю. Это желанная мысль. Основанная на понятии внутренне присущей неподверженности порче истинной Имперской души.»

«В самом деле. И так вы видите себя и вашу команду?»

«Да,» сказал Гаунт.

«Интересно,» сказал Велт, вставая, когда Балшин села на свое место. «Как вы и сказали, Гаунт, это желанная мысль. Но разве не правда то, что даже величайшие и чистейшие из людей, в нашей истории, были соращены варпом, несмотря на их разумность?»

«История рассказывает о таком. Но я полагаю, что прав, говорят так, как написал это Урбиленк: ‘Хаос всего лишь открывает темные уголки разума, высвобождая то, что там всегда было. У истинных, чистых разумов нет ничего такого, что проклятие сможет использовать’.»

«Вы хорошо его процитировали.»

«Один из моих любимцев, инквизитор. Я, так же, могу процитировать Рейвенора, который написал в *Жаждающих Сферах*: ‘Хаос забирает неосторожных или уязвимых. Истинный человек уклониться от его объятий, если он стоек и облек свою душу в доспехи презрения.’»

«Отличные слова,» сказал Велт.

«Я тоже так думаю,» ответил Гаунт.

«Хотя даже так, статистически --»

«Моя команда и я незапятнаны.»

«Потому что вы и ваша команда какие-то особенные? Неподконтрольные?»

«Я полагаю, что Призраки Танита были благословлены взаимодействием со Святой,» сказал Гаунт.

«Вы имеете в виду, на Херодоре?»

«Тогда, и раньше. Я полагаю, что возможно... мы особенно стойки к заражению.» Велт улыбнулся. «Вы брали с собой ингибиторы?»

«Много. Они закончились.»

«До того, как вы отправились на миссию,» сказал Велт, просмотрев планшет, «разве не правда, что вы консультировались с Тактиком Байотой насчет того, как долго вы сможете достаточно долго оставаться на захваченном Хаосом мире до того, как заражение станет неотвратимым?»

«Да, инквизитор.»

«И, чтобы на это ответить, Байота обращался в Ордо Маллеус, правильно?»

«Думаю так.»

«И какой был ответ?»

«Около месяца,» сказал Гаунт.

«Около месяца. А как долго вы и ваша команда пробыли на Гереоне?»

«Шестнадцать месяцев.»

«Ясно, что ваш акцент изменился, Гаунт. У него тембр. Характерные черты.»

«То же самое у всей моей команды. Житье среди Нихтгейнов неизбежно приводит к некоторым изменениям.»

«Вы понимаете, что изменения в вашем акценте приводят в замешательство?» Гаунт пожал плечами.

«Вы понимаете, что это заставляет звучать вас, как архиврага?»

«Нет,» сказал Гаунт. «Хотя, мы все говорим на Низком Готике, акценты Империиума многочисленны и разнообразны. Вы когда-нибудь говорили с Витрианцами, инквизитор?»

«Да.»

«А что насчет Колстекского? Кадрианского? Хирканского? Когда-нибудь слышали картавость Фантинского? Древний говор на Танитском, звучащим мягким потоком?»

«Ваша точка зрения?»

«Акценты ничего не доказывают. Казните нас за гнусавость в наших голосах?» Велт положил планшет. «Вой шет, екхр сетрикетан.»

«Хез, вой магир, элкета анви шокол,» ответил Гаунт.

Опасный шопот пробежал по комнате. Ладд обеспокоенно уставился на Гаунта.

«Вы говорите на языке Губительных Сил,» сказал Велт.

«На одном из них.»

«Кажется, что бегло и естественно.»

«Как думаете, сколько бы продержалось подполье, если бы не выучило язык архиврага, сэр?» спросил Гаунт. «Это было жизненноважно для сопротивления.»

«Даже так --» начала Балшин.

Гаунт уставился на Инквизитора Велта. «Вы хорошо на нем говорите,» сказал он.

«Почему это вы не здесь внизу со мной?»

Велт от души рассмеялся. «Туше, Гаунт,» сказал он. Он сел.

Незамедлительно, Фарагут снова встал, открывая досье. «Вы были с сопротивлением значительное время,» сказал он.

«Как я говорил, мы смирились с нашей ситуацией.»

«Почему, тогда, вы ушли?»

«Потому что представился случай сделать это.»

«Почему, если вы делали такую жизненноважную работу, возглавляя подполье?»

«Я чувствовал, что было необходимо доставить информацию касательно Стурма за пределы мира так быстро, как представится шанс. Я, так же, хотел поделиться другой информацией с Высшим Командованием.»

«Например?»

«Например такой, что омерзительный Магистр Сек использует Гереон, как тренировочную площадку да своих личных наступательных войск. Они организованы по образу Кровавого Пакта. Во всяком случае, они более ужасные.»

«Откуда вы это знаете?»

«Сражаясь с ними и убивая их,» сказал Гаунт.

«Вы думаете, что они представляют реальную угрозу крестовому походу?»

«Насколько представляет угрозу Кровавый Пакт, Фарагут? Если Сыны Сека, под каким именем они известны, станут приличной боевой силой, мы будем по уши в дерьме.» Фарагут сделал паузу, забыв о следующем вопросе. Каессен, со своего места, сказал, «Расскажите нам о вашей эвакуации с Гереона, Гаунт.»

«С удовольствием, сэр. Мы высадились на планету и зарылись в ней на шестнадцать месяцев,» сказал Гаунт. «К тому времени, хватка архиврага на Гереоне немного ослабла. Чуть-чуть, но достаточно, чтобы позволить независимым торговцам добираться до некоторых участков планеты, чтобы открылся черный рынок. Так же, они забирали местных жителей, кто мог заплатить. Белтайн и Роун проработали эти связи, чтобы доставлять подполью боеприпасы, но торговля росла, несмотря на то, что оккупационные войска жестоко поступали с любыми торговцами, которых захватывали. Я видел больше одного торговца, которого сожгли на орбите. Тем не менее, людям стало возможным покинуть Гереон, если они были готовы к рискам.»

«И вы выбрали этот путь?» спросил Фарагут.

«Я чувствовал, что обязан своей команде. Как я и говорил, я чувствовал, что мне необходимо доставить сообщение о смерти Стурма Высшему Командованию. А

особенно, я был убежден, что силы Крестового Похода должны знать о Сынах Сека, пока не стало слишком поздно.»

«Итак, вы покинули Гереон?»

«Это было рискованно. Мы наняли свободного торговца, который согласился на пять дней пути. На шестой вечер, нам нужно было высадиться, но нашелся компромисс. Вражеские боевые корабли гнались за нами до границ системы.»

«А потом?»

«Затем с месяц транзита до Бешуна. Торговец высадил нас там, не желая рисковать из-за Имперской блокады у Хана Нобилис. У нас не было доступа к связи посредством астропатов, но я знал, что нам нужно попасть на Анкреон Секстус.»

«Зачем?»

«Нам нужно было добраться до Вон Войтца. Он был единственным, кто мог поручиться за нас.»

«И что произошло?»

«Корабли освобождения прибыли на Бешун, с выжившими с Урдеша и Френхолда. Мы отправились на Анкреон Секстус, как часть толпы Гвардейцев, пытающихся присоединиться к основным силам Крестового Похода. По прибытию, нас отвезли в интернациональный лагерь для обработки. Никто из тех, с кем я говорил, не верил в нашу историю, или позволял связаться с Вон Войтцем. Нам говорили, что благоприятная возможность может появиться в Лагере Зено, во время обработки.»

«Это случилось?» спросил Ладд.

«Нет. Кроме того, если бы не действия моей команды... и не вмешательство моего адвоката, нас бы казнили без колебаний.»

«Протест!» заорал Фарагут.

«Отозван,» сказала Балшин.

Советник вошел в зал для слушаний, поднялся на кафедру и зашептал на ухо Инквизитору Велту.

Велт посмотрел на Полковника Каессена.

Каессен кивнул. «На сегодня достаточно. Мы продолжим завтра в 08.00. В слушании объявляется перерыв.»

ПЯТЬ

08.10, 191.776.M41

Осколочные Равнины, Штаб

Спаршадская Боевая Зона, Анкреон Секстус

На следующее утро Балшин и Велт опаздывали. Сам Каессен прибыл почти на десять минут позже назначенного времени, и принес извинения ожидающим комиссарам. «Неожиданная задержка,» сказал он. «Мы скоро начнем.»

Гаунт и Ладд сидели за столом ответчика почти с восьми часов. Ладд перебирал бумаги из своего дипломата и выглядел не в своей тарелке.

«Ты знаешь из-за чего задержка?» прошептал ему Гаунт.

«Нет,» сказал Ладд, слегка слишком твердо. «Они решили не говорить мне ничего.» Гаунт задумчиво поднял брови. Он мог сказать, что Ладд напряжен. Со своей стороны Ладд пытался сохранять спокойствие. Он не хотел, чтобы его раздражительность заставила Гаунта снова вспыхнуть. Тем не менее, ночь прошла не слишком хорошо. Три раза его вызывала Балшин, каждый раз расспрашивая его о различных аспектах в показаниях Гаунта. Он провел полчаса в одиночку просматривая медицинские записи. Что-то происходило, но адвокат защиты был в неведении.

«Когда они привели меня назад в камеру прошлой ночью,» тихо сказал Гаунт, «я видел, что Кёрк переместили. Этим утром ее, так же, еще не было. Есть мысли, что это значит?» Ладд покачал головой. «Извините. Я спрашивал, и мне сказали, что ее переместили по запросу Балшин.»

«Разве это не противоречит правилам трибунала, Ладд? Они сказали, что начнут с меня.»

«Я знаю. Это разочаровывает.»

«Мне все больше кажется, что это какое-то жульничество,» сказал Гаунт. «Есть что-нибудь такое, о чем ты мне не говоришь, Ладд?»

«Нет,» ответил Ладд. «Кроме того, что есть что-то такое, о чем они не говорят нам обоим.» Позади них тяжелая дверь зала слушаний открылась со скрежетом металла, и Комиссар-Генерал Балшин вошла в сопровождении Инквизитора Велта. Ладд и Гаунт поднялись на ноги, и охрана зала встала по стойке смирно.

«Мои извинения трибуналу,» сказала Балшин, когда ступила на кафедру. Затем она повернулась в сторону и начала тихую и напряженную беседу с Каессеном. Велт занял свое место. Он уставился на Гаунт, и когда их глаза встретились, слегка кивнул.

Балшин вручила Каессену планшет и затем села. Полковник просмотрел содержимое планшета и остался стоять, чтобы выступить на слушании.

«Скажу кратко и по-простому,» сказал он. «Хочу довести до внимания трибунала этот эдикт.» Каессен показал планшет. «Он был издан Комиссариатом в 07.45 этим утром, и одобрен лично Инквизитором Велтом от имени Священного Ордоса. В нем говорится, что все обвинения и подозрения в отношении Гаунта и его команды должны быть незамедлительно сняты.»

На кафедре раздались бормотания комиссаров. Ладд посмотрел на Гаунта.

«Подсудимые скоро будут переданы в руки Муниторума для распределения. Благодарю членов трибунала за их время и внимание.»

«Сэр?» сказал Ладд. «Есть ли условия в этом эдикте?»

Каессен кивнул. «Гаунт и его отряд обязаны согласиться на полный цикл психометрических тестов и опросов, чтобы дать оценку их психическому здоровью и боевой готовности, и они все обязаны пройти доскональные опросы Военной Разведкой. Затем будет испытательный срок по усмотрению Комиссариата. Больше

ничего, кроме этого. Младший Комиссар Ладд, возможно, вы останетесь с Гаунтом до тех пор, пока ему не дадут соответствующие полномочия в Штабе.»

«Да, сэр.»

«Милостью Бога-Императора это слушание объявляется закрытым.» Каессен объявил, и комиссары на кафедре тотчас встали и начали переговариваться в группах, пока выходили из зала.

«Я хотел спросить, от чего такое внезапное изменение позиции,» по секрету сказал Ладд Гаунту, «но я не хотел испытывать судьбу.»

«Я понимаю, что ты имеешь ввиду,» ответил Гаунт. «Но я думаю, что со временем узнаю.» Подошел Полковник Каессен. Он отдал честь и протянул руку Гаунту. «Хороший конец, даже неожиданный,» сказал он, когда Гаунт пожимал его руку. «Я не был бы счастлив быть тем человеком, который вынес бы вам смертельный приговор, полковник-комиссар.»

«Спасибо, полковник. Есть идея, что случилось, чтобы события поменялись?» Каессен улыбнулся. «Я думаю, что у вас большое влияние, сэр. Могущественные союзники.»

«Ясно,» ответил Гаунт. Он посмотрел мимо полковника, но Балшин и инквизитор уже покинули зал.

«Лорд генерал ожидает увидеть вас,» сказал Каессен.

Ладд нашел дежурного офицера и заставил его выдать пропуск Гаунту. Гаунт прикрепил маленький пластековый бейдж на грудь и затем позволил Ладду сопровождать его к внешнему шлюзу апартаментов лорда генерала.

Ладд остановился у дверного прохода, в ожидании – или, по меньшей мере, в надежде – что Гаунт, может быть, как-то поблагодарит его, возможно даже скажет спасибо. Гаунт, всего лишь, бросил на него краткий взгляд, почти означающий «свободен», и затем вошел в шлюз не произнеся ни слова, оставив Ладда одного в коридоре.

Ладд смотрел на палубу, задумчиво проводя языком по верхним зубам, и повернулся, чтобы уйти.

«Младший комиссар?»

Ладд поднял взгляд. Это была Балшин.

Она поманила его согнутыми крючком пальцами.

«На пару слов, пожалуйста.»

Вон Войтц сидел за столом во внутреннем офисе своих апартаментов и просматривал доклады. Когда Гаунт вошел, Вон Войтц отпустил группу помощников и сервиторов и поднялся на ноги, как только они покинули комнату.

Он шел вдоль стола, пока не оказался лицом к лицу с Гаунтом.

«Может, начнем сначала?» сказал он.

«Буду признателен за шанс, сэр,» ответил Гаунт.

«Есть оружие, которым тебе понравится мне угрожать?» спросил Вон Войтц.

«Мой лорд, я никогда не угрожал вам напрямую. Я --»

Вон Войтц поднял руку. «Расслабься. Я шучу. Все закончилось, Ибрам. Хватит с этим.» Лорд генерал сделал жест, и они сели на потертые кожаные кушетки рядом со столом.

«Вот как должно было быть,» мечтательно сказал Вон Войтц. «Миссия закончена, ты докладываешь мне, тихий момент наслаждения твоим успехом.»

«События сговорились против этого,» сказал Гаунт.

«Н-да. Смотри, если бы я мог избавить тебя от этого трибунала, я бы сделал это. У меня есть авторитет, Ибрам, исключительное количество авторитета, в некоторых вопросах. Но не в других. Дисциплина и безопасность не в моей власти. Ты знаешь, как это работает.»

«Я помню, как это должно работать,» сказал Гаунт.

«Как только ты проделал тот фокус здесь, Ибрам, в моих руках уже ничего не было. У меня не было выбора, кроме как отдать тебя Балшин. К тому же, все могло бы быть

еще хуже. Мне пришлось отдать тебя Балшин, и пока она была занята тобой, я нашел пути освободить тебя.»

«Вы это сделали?»

«Я потянул за несколько ниточек, попросил несколько ответных одолжений. Возможно, несколько последних одолжений. Виктория Балшин, может быть, самая фанатичная персона, которую я встречал, когда дело касается Имперской чистоты. Она посвятила свою карьеру подавлению порчи, и не позволяет даже самым незначительным слухам об этом пройти мимо нее. Восхитительно, несомненно, и понятно, из-за того, какие дела происходили за последний год. Но даже у нее есть цена. Мне пришлось дать ей кое-что, чтобы она отказалась от дела.»

«И что это было?» спросил Гаунт, чувствуя себя некомфортно.

Вон Войтц пожал плечами. «Это неважно. Тебе лучше не знать. Все, что тебе нужно знать... я пошел с ней на сделку. Я связался с канцелярией Магистра Войны и получил его личное одобрение на мое предложение. Инквизитор Велт так же поддержал его, что очень помогло. Я думаю, что Велту ты нравишься, Ибрам. Он восторгается тобой.»

Гаунт нахмурился. «Я не знаю, почему, сэр.»

«Как и я,» ответил Вон Войтц. «Кто знает, как пытливые умы служителей Инквизиции работают? У него свои тайны. Тем не менее, с Инквизицией и Магистром Войны лично за спиной, я надавил на рычаги, которые Балшин не смогла проигнорировать.»

«Вы говорите, что Магистр войны лично поручился за меня?» спросил Гаунт.

«По моей рекомендации. Ты выглядишь удивленным.»

«Я не думал, что он даже знает, кто я такой,» сказал Гаунт.

«Ты его встречал?»

«Несколько раз, но я не из высшего командного состава, и я --»

«Ты будешь удивлен о том, что он помнит,» сказал Вон Войтц. «Может быть, Макарот и весьма другая скотина в сравнении со старым Слайдо, но он все еще Магистр

Войны. У него те же навыки, то же видение деталей, та же память на тех, кто хорошо служит, кем бы они ни были. Он тебя отлично помнит, и он полностью оценил миссию на Гереоне.»

«Ясно,» сказал Гаунт.

«Кстати, о миссии на Гереоне,» сказал Вон Войтц. «С одобрения Макакота, я запросил официальное упоминание о тебе и твоей команде. В конце концов, могут быть одобрены специальные знаки отличия и славы. Трон знает, ты заслужил это. Но дело завязано на крупных политических проблемах, и это, в любом случае, потребует времени. Может быть, через несколько месяцев будет официальное одобрение. Я говорю тебе это потому, что сейчас, а может быть и навсегда, ты будешь получать только личную благодарность.»

«Я делал это не ради славы,» сказал Гаунт. «Император знает, что ее там почти не было. Я просто хочу вернуться к обязанностям на передовой так скоро, как только возможно.»

«Это был мой следующий вопрос. В моей власти на некоторое время отозвать тебя с передовой. Слегка более мягкие обязанности в тыловом эшелоне смогли бы тебе сослужить хорошую службу. Но я ожидал, что тебе это не понравится, зная, из чего ты сделан. Как только ты приведешь себя в порядок, я могу снова отправить тебя на фронт, если именно этого ты хочешь.»

«Именно так, сэр,» кивнул Гаунт.

«Хорошо, тогда...» начал Вон Войтц. Гаунт мог видеть, что лорду генералу не по себе. Вон Войтц тоже стал не тем человеком, который послал Призраков на их миссию. Изменения были, возможно, не такими заметными, как перемены из-за трудностей, которые случились с Гаунтом и его людьми на Гереоне. Но, тем не менее, они были. Вон Войтц постарел, стал более изможденным, более обеспокоенным, чем когда Гаунт помнил его. Он так же похудел, так что его жесткая ежедневная униформа свободно висела на его теле.

Стресс от командования, казалось, подорвал его крепкое телосложение.

«Сэр,» сказал Гаунт. «Могу я спросить, что вы подразумевали под ‘какие дела происходили за последний год.’?»

Вон Войтц пожал плечами. «Трудные времена, Ибрам. Второй Фронт встретился с особенно тяжелым сопротивлением со стороны войск Сека, прямо в центре Группы Хана. Макарот ждет результатов, но они просто не приходят достаточно быстро. Здесь мы должны были закончить еще шесть месяцев назад.»

«Особые проблемы?»

«Фанатичность врага особенно высока. Плюс здесь особенная местность, и еще на паре других ключевых миров. Она убивает. Здесь это чертовы степные города. Их зачистка это кошмар. Так же есть проблема порчи.»

«Опять она?»

«За последние двенадцать месяцев, Второй Фронт потерял более двадцати трех процентов за счет порчи или подозрению в порче, чем за все предыдущую фазу. Целые подразделения дезертируют. Некоторые даже переходят на сторону врага.»

«Поэтому у комиссара-генерала личная навязчивая идея насчет этой ереси?»

«Точно. Это болезнь. Эх, есть причины. Я уверен. Люди ломаются легче, когда становится тяжело, а здесь особенно тяжело. Мы не делаем ничего такого ощутимого, как делает Основной Фронт в Системе Каркародона. Так же не помогает то, что подавляющее количество подразделений в армиях Второго Фронта свежие и неопытные. Большинство из них новообразованные полки, посланные к нам из тыла, чтобы восполнить потери. Макарот забрал ветеранские полки с собой для главного наступления. Я остался с мальчиками, Ибрам. Неиспытанными, невинными, наивными. Их первый опыт настоящей битвы проходит против беспощадных подразделений культистов, переполненных порочностью, ересью и отметками Губительных Сил. Растут самоубийства, психические расстройства, дезертирство...»

«Враг использует псайкеров, чтобы усилить эффект?»

«Присяжные не сходятся единогласно насчет этого, Ибрам. Возможно. Все, что мы знаем, порча врага распространяется среди нас, как чума, прямо по всему Второму Фронту. Боевой дух все время низкий, и это ведет нас только в одну сторону.»

«Уничтожению Второго Фронта.»

«До тех пор, пока Командование Второго Фронта не сможет переломить ситуацию. Или пока Магистр Войны не решит, что мы не ведем и не вдохновляем людей согласно нашему авторитету и не заменит нас.»

«Это реально?» спросил Гаунт.

Вон Войтц не ответил. Было ясно, что это так. Было ясно, что он был под огромным давлением, чтобы выкопать назад свое командование из глубокой темной дыры.

«Итак, твое назначение на передовую,» погодя сказал Вон Войтц. «Будет хорошо иметь еще одного опытного офицера на передовой.»

«Я жажду вернуться в Танитский Первый,» сказал Гаунт. Он нарочно не думал об этой возможности долгое время. В темные времена на Гереоне было бы слишком много надеяться на это, слишком болезненно зацепиться за эту надежду. Гаунт позволил себе насладиться этим ожиданием впервые за несколько месяцев.

И оно долго не продлилось.

«Это самое... смотри. Прости, Ибрам. Тут все сложно. Этого не будет.»

«Что? Почему?»

«На самом деле, есть две причины.» Вон Войтц встал и налил себе немного амасека.

Гаунту он не предложил. «Первая – это ты. Я перевернул небо и землю, чтобы восстановить тебя в правах, Ибрам. Попросил сделать встречные одолжения, как я говорил... и, как я говорил, я сделал почти все. Особенно Макакота, несмотря на растущее недовольство мной. Мне нужно было пойти на компромисс. Эти условия потребовала Балшин и Комиссариат. Ты можешь вернуться на передовую в должности комиссара, с целью укрепить и поддержать дисциплину подразделения. Они больше не хотят давать тебе снова командное звание.»

«Не могу в это поверить,» сказал Гаунт.

«Мне это не нравится. Совсем. Но это сделка. Ты должен свыкнуться с мыслью, что будущее твоей карьеры связано с Комиссариатом, не с командованием. Разделение

полномочий. Мне жаль. Тебя ждут новые обязанности, новые вызовы. Танитский Первый был твоим последним приказом.»

«Могу я подать протест?» спросил Гаунт.

«Кому?» грустно рассмеялся Вон Войтц.

«Тогда... тогда какова была вторая причина, сэр?»

Вон Войтц прочистил глотку. «Все просто, Ибрам. Ты не можешь вернуться к командованию Танитским Первым, потому что Танитского Первого больше не существует.»

СЕМЬ

06.19, 193.776.M41

Пятый Отсек

Спаршад Монс, Анкреон Секстус

Как только они создали его, они нарекли его Криволапом. Криволап Триждыкованый, в честь его искривленного внешнего вида и сложности его строения. Это было то имя, которое он мог узнавать – иногда – но не мог произнести. Среди рявканья кованых, его было легко узнать по глубине и тембру его особенного горлового рева.

Солнце вставало, но дневной свет еще не проник в широкий черный залив пятого отсека. Высоко над головой видимое небо было бело-голубым, залитым туманным светом, и лучи солнца освещали ступенчатые стены возвышающегося внутреннего Монса на востоке. Там, где солнечный свет касался камня, далеко и высоко, он сиял подобно янтарю.

Глубокое дно колоссального пятого отсека было глухим, холодным местом, пойманным в тень западной стены. Предрассветная температура была минус три градуса, и холодный туман окутал кучи влажных, черных камней и глубоких

кратеров. Было тихо и спокойно: только случайные движения насекомых в камнях да отдаленный рев других кованых, отдающийся эхом в длинном каньоне отсека.

Криволап Трижды-кованый охотился. Его подстегивал к этому узелок во всепожирающем желудке и покалывание в крошечном примитивном мозге. Осторожно, он тащил свою огромную тушу вдоль гребня из ломаного красного кварца. Единственными звуками, которые он производил, были легкие стуки его толстых когтей по кварцу и низкий хрип наполненных мокротой легких.

Конец гребня выходил на освещенную солнцем реку. Он мог ясно ее видеть, несмотря на темноту. Его глаза видели детали мира, как розовые вспышки, и он, также, мог чувствовать и ощущать его формы. Он дважды фыркнул, прогоняя холодный воздух сквозь наполненные кровью обонятельные каналы своего длинного черепа. Он чувствовал фактуру камня, слабое течение мелководной реки, сырой лишайник, прицепившийся к нижней части гранитных булыжников.

Позади него были еще два кованых. Он был весьма осведомлен об их присутствии последние пятнадцать минут, но никак не показывал, что знает о них. Они были мелкими, свежеккованными, недоразвитыми тварями, у которых отсутствовали признаки взрослых самцов, и их гладкие черные волосы прилипали к влажным розовым черепам. Они шли за ним непрошенными в надежде, что он поведет их к убийству, в надежде, что разделят его успех. Свежеккованные часто делали так. Они шли за старшими, чтобы научиться у них и выиграть от их защиты.

Криволап проигнорировал их. Они производили слишком много шума. Один слишком тяжело дышал с ростом адреналина, и это выливалось в непроизвольное уханье из его глотки.

Криволап выдвинулся вперед. Его массивные руки и ноги ощущали каждую впадину и каждую трещину на камнях, но он не чувствовал ни царапин, ни боли так же, как его тело только регистрировало, что было холодно, но не испытывало никаких неудобств. Теперь он мог чувствовать что-то новое. Он чувствовал мясо.

Прозвучал внезапный грохот. Грохот прошел эхом в темноте, и на отдалении раздались крики и выстрелы. В пяти минутах бега от него, Криволап увидел огни.

Интенсивная точка огня, яркая, как звезда в темноте, болезненно яркая для его усиленного ночного зрения.

Его кровь начала течь быстрее. Шерсть на загривке стала дыбом. Криволап не выбирал такую реакцию. Это было в его плоти, в его костях. Инстинкт убийцы, который заставлял его делать вещи, для которых он был создан. Его ночное зрение уже затуманилось и сменилось с розового на красное. Он чувствовал прилив крови к коже, мокроту, когда его глотка расширилась и завибрировала от быстрых вдохов.

Он стоял прямо, отвел огромные руки назад и затем вперед, и использовал этот момент силы для длинного прыжка вперед, который перенес его в реку. Он приземлился в грязь, и начал нестись по замусоренному берегу на ногах и костяшках рук, прыгая, как гигантская обезьяна.

Его двое последователей стремительно неслись за ним. Оба спрыгнули с выступа и приземлились на мелководье, и понеслись за ним, разбрызгивая воду, так же на четырех конечностях. Один выбрался из воды и начал догонять Криволапа на грязном берегу, но другой – который уже громко ухал с каждым перевозбужденным вздохом – продолжал скакать по мелководью.

Внезапно Криволап остановился и повернулся. Свежекованный на берегу отшатнулся в страхе, но второй приблизился, ухая и разбрызгивая воду. Криволап прыгнул в поток и замахнулся на него. Удар пришелся в голову и шею свежекованого, и выбросил его из воды. Он приземлился на дальней стороне реки, дергаясь в конвульсиях, черная кровь толчками вытекала из рваной раны, которую когти Криволапа оставили у него на шее. Но рана на шее была не смертельной. Конвульсии были всего лишь спазмами. Огромная сила удара Криволапа проломила череп свежекованого.

Криволап повернулся и продолжил свое продвижение. Теперь он видел только красное. Красное, и яркую белую звезду огня. Он прорвался сквозь жесткие черные кусты с шипами, с треском ломая стебли, взобрался на низкий гребень и увидел добычу. Маленькие мясные фигуры, сгрудившиеся вокруг горящего металлического ящика. Одна из них увидела, как он приближается, и заорала. Копья света полетели к нему.

Криволап высвободил всю ярость своего рева из глотки, сотрясая мир. Когда он атаковал, бросив все восемьсот килограммов своего тела в воздух, раскинув руки, его массивные челюсти раскрылись на шарнирах и стальные клинки его зубов вышли наружу и зафиксировались.

«Контакт!» кричал вокс-офицер отряда, но это было само собой разумеющимся. В километре впереди, предрассветная тьма в отсеке была освещена вспышками и огнями. Они могли слышать щелчки оружия и другие звуки. Звуки рева.

Вайлдер бежал по покрытой ледяной коркой дорожке туда, где Майор Баскевиль присел рядом с вокс-офицером.

«Отчет!»

«Не совсем понятно, сэр,» ответил Баскевиль. Он прижимал наушник вокса к левому уху. «Звучит так, как будто продвижение Хауберканцев напоролось на минное поле. По меньшей мере, одна машина повреждена. Кажется, что сейчас их атакуют.»

«Ох, ради Трона!» сказал Вайлдер. «Я полагал, что ведь зону зачистили?»

«Прошлой ночью, перед тем, как стемнело,» пожал плечами Баскевиль.

«Что делают Хауберканцы?»

«Их командиры только что просигнализировали остановиться, сославшись на мины.» Вайлдер снова выругался. «Подключи меня,» сказал он вокс-офицеру. Человек кивнул и дал Вайлдеру трубку.

«Это Вайлдер, Восемьдесят Первый Беллад --» Он остановился и поправил себя. «Вайлдер, Восемьдесят Первый Первый. Запрашиваю подтверждение. Вы движетесь?»

«Эм, отрицательно, Вайлдер.»

«Во имя Императора, Гадовин, если ты будешь сидеть на месте, они найдут и выпотрошат тебя. Так или иначе.»

«Зона заминирована. На данный момент мы тут застряли.»

Вайлдер кинул трубку назад вокс-оператору. «Да что, черт возьми, не так с этими идиотами?» спросил он Баскевиля. «Разве до них еще не дошло?»

«Хауберканцы только что добрались сюда, сэр. Я не думаю, что они уже успели оценить опасности.»

«Они что думают, что мы им что-то объясняем потому, что нам нравится звуки наших голосов?» спросил Вайлдер.

«Вот в точности так я и думаю, сэр.»

«Итак, вот что мы сделаем,» сказал Вайлдер, подстраивая усиление очков ночного зрения, чтобы можно было изучить схему в пластековой оболочке. «Мы выдвинемся вперед широкой линией и пойдем на помощь этим дебилам.»

«Приказ был держать эти дороги для второй волны,» сообщил Баскевиль.

«Вторая волна будет такой же эффективной, как если поссать в печь, если передовая линия останется на месте. Мы оставим шесть отрядов здесь на дорогах. Остальные пойдут вперед. Сообщи комиссарам, что они мне понадобятся, когда мы доберемся до командования Хауберканцев. Скажи им захватить с собой острые палки.»

«Да, сэр.»

«Это затем, если Хауберканцы будут все еще живы, когда мы туда доберемся. Баск, если мы выдвинемся с текущей позиции, какой отряд доберется туда первым?»

«Скорее всего, Рота Е.»

Вайлдер кивнул. «Давай выдвигаться,» сказал он.

Баскевиль отдал честь и захрустел по замерзшей дороге, отдавая приказы людям Восемьдесят Первого Первого выбираться из укрытий. В своем черном камуфляже, солдаты хлынули по вниз дороге, как тени, и налево на открытую местность.

«Берите те орудия поддержки!» слышал Вайлдер, как кричал Баскевиль.

«Шевелитесь! Поживее!»

Вайлдер мгновение смотрел на быстрое развертывание, и был удовлетворен. Идут вместе, не отлынивают.

Все еще, к счастью, не было никаких проблем с энтузиазмом в этом свежесплавленном войске. Не было ни одной серьезной проблемы с боевым духом после объединения. Он не был уверен, чувствовать себя польщенным или просто удачливым.

Он подстроил микро-бусину. «Вайлдер командиру Роты Е. Отвечай.»

«Принял. Продолжайте, сэр.»

«Шансы таковы, что вы первыми доберетесь до точки, капитан. Я полагаюсь на тебя.»

«Понял, полковник. Без проблем,» протрещал в ответ голос молодого капитана.

«Спасибо, Мерин. Увидимся на той стороне.»

Первые лучи назойливого солнечного света засияли над высоким, черным гребнем западной стены. Что-то вроде сумерек настало в глубинах отсека.

Это было плохое время дня. Слишком темно для глаз, слишком ярко для очков. Мерин все равно снял очки. Согласно философии разведчика, чем раньше твои глаза приспособятся, тем лучше.

Передовые части Роты Е продвигались вперед через черные камыши, обильно растущие между линией дороги и мелководьем. Они следовали вспаханному пути, оставшемуся от бронетехники Хауберканцев. Впереди все звуки сражения стихли, но они все еще могли видеть огонь, поднимающийся в воздух за липким черным подлеском. Вид пламени, казалось, подчеркивал, как было холодно.

Впереди замаячили темные силуэты. Три неподвижные колонны Хауберканцев. Мерин услышал сердитый голос своего адъютанта Фаргера.

«В чем проблема?» потребовал Мерин, когда подошел.

Фаргер сделал жест в сторону командира машины, стоящего в открытом люке.

«Он не хочет двигаться,» сказал он.

«У меня есть приказы,» сказал офицер бронетанковых войск.

«К фесу твои приказы,» сказал ему Мерин. «Там в беде твои же парни.»

«Мне сказали не двигаться,» запротестовал человек.

«Тогда и тебя тоже к фесу,» выплюнул Мерин. «Фаргер, на заметку номер машины этой колонны. Запиши ее.»

«Сэр.»

«Покончим с этим!» крикнул Мерин, поворачиваясь к приближающимся солдатам. «Сержант?» Каффран подбежал к нему. «Сэр?»

«Веди своих людей справа,» показал рукой Мерин. «Вдоль тех скал. Я пойду слева, с бандой Арлтона на фланге.»

Каффран кивнул. Было все еще странно получать приказы от Мерина, как и носить серебряную эмблему с 81/1(p) на ней. Времена изменились, война нет. Как и люди. Флин Мерин сейчас так же любил отдавать приказы, как и когда был скромным командиром отделения. По мнению Каффрана, Вайлдер не допустил слишком много ошибок во время объединения, но повышение Мерина без сомнения было одной из них.

Они пошли вперед, быстро передвигаясь пригнувшись через камыши. Каффран посматривал за своими людьми.

Пятеро из них были Белладонцами, но они очень хорошо освоили камуфляж. К тому же, у них самих была репутация.

Пройдя скалы, они дошли до места.

Химера Хауберканцев съехала на покрытый галькой и грязный берег, и наехала правой стороной на мину. Взрыв вскрыл ее, усеяв грязь обломками и фрагментами брони. Огонь яростно вырывался из обнаженных внутренностей машины. Две другие Химеры, ехавшие прямо за ней, несомненно, остановились. Открытые люки свидетельствовали о том, что экипажи выбрались, чтобы попытаться помочь.

Затем случилось что-то еще. Земля вокруг машин была усеяна разорванными останками, которые парили в холодном воздухе. Каффран сглотнул. Они были зверски убиты. Он знал, что должно было сделать такое. Глубокий, ужасный рев привидений отдавался эхом по низине отсека всю ночь.

С поднятым лазганом, Каффран вступил на грязь. Леир и Вэлн последовали за ним, за ними Рэйди и Мкард. Каффран сделал жест остальным занять огневые позиции вдоль края скалы, затем показал на Нескона. Огнеметчик соскользнул со скалы, чтобы присоединиться к ним, мягко подкачивая рычаг горелки. Маленький огонек зашипел синим в сумраке.

Состояние тел было ужасным. Не было ни одного нетронутого. Конечности были без плоти, торсы выпотрошены. Окровавленные ребра торчали сквозь разорванную, пропитанную кровью одежду.

Леир подал быстрый сигнал рукой для тишины. Каффран пошел ближе к своему разведчику, пока не услышал то, что услышал Леир. Сопение, влажное хрумканье. До сих пор оно было неразличимо на фоне треска горящей Химеры.

Окружаем, показал Леир. Они подняли оружие к плечам и пошли вперед. Ловко, тихо, Вэлн и Нескон пошли за ними. Мкард, и Белладонец, Рэйди, пошли с другой стороны горящего остова.

Свежекованый не научился примеру, данному ему взрослым самцом, за которым он последовал.

Криволап атаковал, устроил бойню, быстро и яростно насытился, и затем испарился во тьме. Свежекованый ничего не убил. Он много ревел и ухал, когда атаковал, но к тому времени Криволап уже закончил дело. Голодный, и дергающийся от огромного притока адреналина, свежекованый задержался пожрать куски, которые Криволап с презрением оставил.

Он высасывал костный мозг офицера Хауберканцев. Отчасти гуманоид, с короткими ногами и широкими руками и плечами, свежекованый весил около четырехсот килограммов. Чувствительная, розовая плоть его широкой груди была запятнана кровью, и куски мяса свисали с его огромной нижней челюсти. Клочки длинных черных волос свисали с его плоского, почти зубчатого скальпа, на котором все еще были видны хирургические шрамы, и спускались на крошечные пороссячие глазки, которые сверкали за имплантированным железным визором. Он поднял свою огромную голову, когда засек движение.

«Святой фес!» выдохнул Каффран. Он и Леир тотчас отрыли огонь, в автоматическом режиме из своих карабинов марк III. Сталкер уже бежал к ним на костяшках, похожих на корни деревьев, с раскрытой пастью. Он ревел влажным, сдавленным ревом, выдыхая пар из крови и слюны из слабой глотки.

Каффран и Леир видели, как их выстрелы врезаются в шкуру привидения, но оно даже не вздрагивает. Кровь струится из множества ран.

Они не чувствуют боли, подумал Каффран. *Как ты остановишь тварь, которая –* До них было всего лишь три метра, когда Нескон поймал ее длинным, завывающим копьём огня. Зверь отступил, содрогаясь в живом огне, который поглотил его. Нескон продолжал давить.

Дикий, безумный, свежекованный повернулся и, пошатываясь, пошел к другой стороне остова Химеры.

Рэйди и Мкард встретили его.

Рэйди почти убрался у него с дороги. Он упал, и свежекованный наступил на него, вогнав его левую ногу в грязь и сломав лодыжку. Монстр схватил Мкарда за туловище гигантской левой рукой и ударил его по задней части горячей Химеры так сильно, что сломал все кости в торсе Танитца.

Пламя иссякло. Волосы свежекованого сгорели, а кожа покрылась большими волдырями. Он ревел, его горловые мешки вибрировали.

«Горячий выстрел» взорвал его череп. Выстрел был нацелен прямо в завывающую пасть свежекованого. Разлетелась горячая кровь, и не осталось ничего, кроме тяжелой нижней челюсти и тяжелого духа ночного кошмара над мертвым.

«Вперед! Вперед и обезопасить зону!» прокричал Каффран.

Солдаты Мерина начали выходить из камышей. В укрытии Жесси Бэнда опустила свой лонг-лаз и вынула израсходованную обойму с «горячим выстрелом».

«Отличный выстрел,» сказал Мерин и поцеловал ее в губы. Их лица, напротив друг друга, были холодны.

«Стремилась угодить,» улыбнулась она.

Мерин оскалился и поспешил присоединиться к остальным.

Рассвет быстро наступал. Свет полз по западной стене отсека. Ветер тоже поднялся.

Вайлдер чувствовал ветерок на лице, подобный холоду декомпрессии, вырвавшемуся из шлюза.

Никто в Логистической службе Гвардии или в Разведке так и не смог объяснить, почему при дневном свете поднимается ветер, хотя Вайлдер и провел три или четыре длинных брифинга, на которых говорилось об охлаждении окружающей среды, быстром нагреве от солнца, изменении давления и сдвигах ветра внутри отсека.

В сером свете Вайлдер видел, как колышутся камыши с шипами и как шипит известняк. Ландшафт впереди, расчерченный гранитом и кварцем, выглядел подобно мокрому волосам. На нем черные фигуры его людей продвигались широким веером.

Отличный интервал, отличная расстановка, подумал Вайлдер. *Великолепная дисциплина, чтобы вести себя тихо.* Смешанное войско это или нет, он все больше гордился Восемьдесят Первым Первым (разведывательным), с его гордой боевой песней о –

Ладно, это было тем, где все было не так великолепно. Он надеялся, что любые из пришедших будут счастливы заучить слова «Белладон, Белладон, мир моих отцов,» и он не будет осуждать их за это. Так же, он был в этом уверен, что у Танитцев и Вергхастцев есть свои песни, которые легко не вырвутся из груди настоящих Белладонцев. Там, где было относительно легко объединить полковые названия, все становилось сложным, когда касалось песен и традиций. И боевых девизов. «Ярость Белладона, за Танит, За Императора, и, к слову, помните Улей Вербун!» Высший балл за усилия, но все равно ерунда, если вы сказали это и не начали сражаться.

Вещи могут придти, развиваться, но это потребует времени, и, конечно, не по принуждению. Браден Баскевиль, заместитель Вайлдера и подниматель боевого духа, провел большую часть вчерашнего вечера в лагере для организации небольшой импровизации среди полковых музыкантов. Белладонские флейты и Танитские волынки. Это звучало так, как будто печального кота засунули в мешок.

Вайлдер улыбнулся про себя, но погода совсем не улыбалась.

«Приближаемся к линии Хауберканцев,» доложил Капитан Каллид по воксу. «Они в зоне видимости, пятьдесят метров.»

«Подходите медленно,» приказал Вайлдер по ширококвещательному каналу. «Убедитесь, что они узнали вас. Танкисты известны нервозностью. Если кто-то прикоснется к черному кресту, я тому надеру задницу. Даже если они все сдохли.» *Черный крест.* Отметка, сделанная в регистре Муниторума, чтобы отметить несчастные случаи в случае стрельбы Гвардии по Гвардии.

Майор Баскевиль выбежал из сумрака. Он убрал свои очки ночного видения на козырек шлема.

«Как ты можешь вообще видеть?» спросил Вайлдер.

«Это адаптация, сэр,» сказал Баскевиль. «Танитские разведчики полагают, что это самый лучший способ глазам приспособиться так быстро, как только возможно.»

Вайлдер нахмурился, затем снял свои очки, сильно моргая. Это был его опыт того, что Танитцы знают о чем говорят, особенно эти призрачные разведчики.

«Получил сигнал от Роты Е,» сказал Баскевиль. «Мерин обезопасил точку встречи. Привидение атаковало несколько машин из колонны, которые остановились из-за мины.»

«Они прикончили ублюдка?»

«Да, сэр.»

«Потери?»

«Данных еще нет.»

Офицеры повернулись, когда услышали тихие, осторожные приветствия позади них. Приближались комиссары, и пока они шли вдоль рядов, солдаты приветствовали их официальными знаками уважения.

«Сюда,» позвал Вайлдер.

Комиссар Генадей Новобазки был с Вайлдером и Белладонцами пять лет. Седеющий и гибкий, он был суровым человеком, честным человеком, и одного

неодобрительного взгляда от него было обычно достаточно. Когда этого было недостаточно, Новобазки, на самом деле, становился самим собой. Он был самым лучшим оратором, какого Вайлдер когда-либо встречал, самым лучшим подстрекателем, настоящим детонатором, когда дело доходит до речей для поля битвы: забавным, говорливым и вдохновляющим. Его предшественник, Каускон, был настоящим болваном, который мало что значил, потому что Белладонцам не нужно было столько полевой дисциплины, и кроме того, Вайлдер считал себя счастливым за то, что к нему назначили такого ценного человека, как Новобазки.

Другой комиссар, Виктор Харк, был унаследован от Танитцев. Дородный, крепкосложенный и невозмутимый, Харк казался порядочным, а его аугментическая рука говорила об его героических достижениях на полях битвы. Харк хорошо разбирался в мелких кражах, нарушениях кодекса и беспорядках, но ему еще не удалось показать настоящий потенциал в качестве комиссара. Были странные намеки на то, что у Харка были какие-то скрытые силы, но Вайлдеру он казался любопытным и сдержанным, словно он привык к более тонкому стилю командования. Наследие Великого Потерянного Командующего, предполагал Вайлдер. Большой багаж, который нужно заполнить, а у Вайлдера, спасибо, он был и так большой. Он сочувствовал Танитскому Первому за потери, которые они понесли на Херодоре и после него, но иногда, по секрету, он был немного рад тому, что другой парень был мертв. Его работа стала бы намного тяжелее, если бы оставалась какая-то надежда.

«Я хочу, чтобы танки выдвинулись,» сказал им Вайлдер.

«И почему они еще не выдвинулись?» спросил Новобазки.

«Мины,» сказал Баскевиль.

«Нервы,» поправил Вайлдер. «Они слегка забарахлили, и сейчас они стоят.»

«Мы можем заставить их приказами,» сказал Новобазки. «Прошлой ночью все было предельно ясно. Холм восемнадцать – цель, с открытым прикрываемым коридором для второй волны. Мы далеко от этого, и Гадовин это знает.»

«Он говорит, что приказы бесполезны, потому что предполагалось, что территория очищена от мин,» сказал Баскевиль.

«Мины. Странно,» сказал Вайлдер. «Ха-ха, это война. Гадовин слишком близко принимает все к сердцу. И если он просидит там еще немного, он познает все варианты травм.»

«И вы этим не довольны?» спросил Новобазки.

«А я 'прозвучал' как-то по-другому?»

«Тогда давайте поговорим с ним,» сказал Харк. Харк говорил немного, а когда говорил, это было кратко, но это было таким образом, что Вайлдер научился к такому прислушиваться. Тихое предложение, в котором Харк полировал что-то большое и острое.

Вайлдер кивнул. «Они это сделают,» сказал он. Он повернулся к Баскевилю. «Пошли Роту F на возвышение на правом фланге. И скажи Варэйну, чтобы L ускорилась, пока мы не оставили их позади.»

Вбежал вокс-офицер. «Полковник Вайлдер, сэр. Сообщение из Штаба.» Вайлдер взял сообщение и начал читать. Что-то о перемещении персонала.

Внезапно раздалось шипение приближающегося баллистического предмета. Горячий, жесткий огненный шар расцвел среди колонны танков. Два, три, еще больше, упали, затем последовал непрерывный обстрел, яростно врывающийся на позиции Хауберканцев, выбрасывающий почву в воздух. Ветер понес песок на наступающие войска Вайлдера.

«Дерьмо!» крикнул Вайдер. Он начал бежать вперед. «Живее! Живее!» Пока он бежал мимо своего прячущегося в укрытия войска, Вайлдер запихнул наполовину прочитанное сообщение в карман своего плаща.

ВОСЕМЬ

07.56, 193.776.M41

Пятый Отсек

Спаршад Монс, Анкреон Секстус

Вайлдер возглавлял атаку склона, через камыши и непрочный известняк, против ветра, в сторону падающих снарядов. Он видел, как, по меньшей мере, горят три машины Хауберканцев. Дрожащий воздух был наполнен подброшенной почвой, вылью и кусками стеблей камышей. Еще ни один танк не начал стрелять, но, по крайней мере, несколько начали заводить двигатели. Вайлдер слышал, как стартующие двигатели воют и кашляют. Они пробыли на холоде около сорока, сорока пяти минут. Некоторые из этих старых танков нуждались в благословении, чтобы снова придти в движение.

Снаряды продолжали падать – сначала пронзительный свист, а за ним тяжелый мощный взрыв.

Некоторые из Восемьдесят Первого Первого добрались до расположения танков и укрылись между ними, стреляя вдоль края склона в туман.

«Ауспекс!» прокричал Вайлдер по связи, задыхаясь, пока пробирался через мокрый подлесок.

«Еще не установлен, работаем.»

«Быстрее!» рявкнул Вайлдер.

Он приближался позади Химеры, двигатель которой работал. Она выбрасывала облачка голубого дыма из выхлопных труб. Разрушитель, тремя машинами левее, получил прямое попадание, и его объяло пламя. Взрывная волна ударила внутренности Вайлдера по ребрам. Он почти упал.

«Открыть огонь!» заорал он на Химеру. «Открыть огонь, черт вас дери!» На секунду, Вайлдер на самом деле решил, что его крик прорвался сквозь толстую броню машины и что-то получилось. Химера сильно заревела своими двигателями.

И начала двигаться назад.

Вайлдер был так поражен, что она почти наехала на него. Он бросился в сторону.

«В сторону! В сторону!» кричал он людям поблизости. Другие танки Хауберканцев начали резко сдавать назад по рыхлому уклону. Люди Восемьдесят Первого Первого,

зажатые между и позади боевых машин, пытались избежать их, некоторые падали, некоторые кричали.

Вайлдер услышал пронзительный крик, которой мог означать только то, что кто-то из его людей попал под траки.

Полковник Люсьен Вайлдер, уроженец Белладона, гордый и награжденный медалями командующий Восемьдесят Первым Белладонским со времен Балгаута, был известен как веселый, юморной солдат: солдатский солдат. У него было заразительное остроумие, которое часто вызывало неодобрение со стороны его начальства, и послужной список, которому можно было только аплодировать. Хорошо сложенный, темноволосый, чисто выбритый, у него было наивное красивое лицо и какое-то постоянное, пронизательное косоглазие, убивающее женщин наповал. Когда он повышал голос, это было для того, чтобы приказы могли быть поняты, или для того, чтобы солдаты в дальнем конце столовой могли слышать концовку анекдота.

И, изредка, когда его накрывала ярость. Как сейчас.

Когда Химера задом проехала мимо него, обдав его холодной грязью камышовыми веточками, он застучал по спонсонам и защите траков рукояткой своего автоматического пистолета и заорал «Стой! Стой, ублюдок! Стой!»

Химера не остановилась.

В ярости, Вайлдер схватился за стальную сетку и взобрался на движущуюся машину. Наверху, качаясь вместе с Химерой, он ударил по башне. Снаряд, упавший неподалеку, обдал его грязью и почвой.

«Стой! Стой!» Его голос сорвался на крик. Он увидел, что крышка люка была открыта. Вайлдер распахнул люк настежь, позволив ему со звоном упасть, и запрыгнул внутрь. В тусклом, подсвеченном приборами интерьере, бледное лицо командира машины смотрело на него с испугом, и он потянулся к своему оружию.

«Ублюдок!» крикнул Вайлдер и отбил оружие в сторону. Затем он схватил танкиста за волосы и несколько раз приложил его к металлическому каркасу. «Ублюдок! Ублюдок! Скажи своему водителю остановиться! Сейчас же!»

«Делай! Делай!» закричал командир, морщась от мощной хватки за волосы. Химера резко остановилась.

«Вокс!» потребовал Вайлдер и вырвал наушники и рук человека. Затем он для верности врезал ему по лицу.

Наушники разрывались от абракадабры, панических вызовов и истерии. Хауберканцы полностью сломались.

«Гадовин! Гадовин! Это Вайлдер! Прекрати отступление сейчас же! Сейчас, Трон тебя поberi! Гадовин!» Скрежет, вот и все, что было в ответ.

«Гадовин, помоги мне, останови свою линию и открой огонь или, клянусь Императором, я найду тебя даже на краю Вселенной и прострелю тебе новую дырку в заднице! Гадовин! Ответь!» Ничего. Вайлдер кинул наушники назад ошеломленному командиру. «Воспользуйся турелями» сказал ему Вайлдер. «Стреляй по туманному берегу. У меня есть ствол и, до сих пор, мне ты кажешься врагом.» Танкист яростно кивнул. Он активировал турель, завел автозагрузчик, и затем тяжелые спаренные болтеры в низкой орудийной башенке начали сверкать, извергая огонь из стволов.

Вайлдер переключил свой вокс на широкоэвещательный канал. «Вайлдер, командуя отрядами. Знайте, что теперь Хауберканцев можно считать оставшимися без командования. Я принимаю контроль на себя. Приказ им – стоять на месте и вести огонь. Делайте все возможное, чтобы распространить приказ. Любой отказ должен считаться невыполнением указаний офицера.»

Снаряды все еще падали дождем. Более дюжины единиц бронетехники палили, уничтоженные, и подлесок на гребне холма тоже горел. Со своей выгодной точки наверху, Вайлдер видел, что полдюжины танков уже съехали со склона к нижележащей дороге. Шум от обстрела был оглушительным. Вайлдер задумался, сколько услышали его приказ.

Неподалеку, шесть членов экипажа Разрушителя оставили свою машину и спасались бегством вниз по склону. Вайлдер уже собирался помчаться за ними, когда увидел, как Комиссар Харк появился из дыма. Харк вытащил свое оружие, плазменный пистолет.

«Вы там!» крикнул он, самая громкая вещь, которую от него когда-либо слышал Вайлдер.

Танкисты помедлили, и затем продолжили бежать.

Харк отвернулся.

Вайлдер прыгнул вниз. «Что это, черт побери, было?» потребовал он.

Харк кинул на него взгляд. «Если они настолько напуганы чтобы игнорировать меня, мое звание и мое оружие, тогда они слишком напуганы, чтобы от них был какой-то толк. А что? Вы бы хотели, чтобы я пристрелил их?»

«Черт возьми, да!»

«Затем, чтобы уменьшить ваш гнев?»

«Нам с вами надо будет поговорить, Харк.»

Харк кивнул. «Как пожелаете, полковник.»

«А сейчас соберите людей!»

Вайлдер побежал вниз по левому флангу разбитой линии. Некоторые из Восемьдесят Первого Первого были на месте, на верху склона, тщательно целясь и стреляя в туман. Он миновал Новобазки, который мастерски разместил первый отряд Роты D на огневых позициях и выступал перед ними с одной из его самых любимых тем. Берега Марика.

«На Берегах Марика, мои друзья,» декламировал Новобазки, проходя вдоль линии с высоко поднятой головой, не обращая внимания на проносящиеся со свистом снаряды, «отцы наших отцов стояли под флагом Белладона. Снаряды падали дождем. Боялись ли они? Ставлю, что это было так! Трепетали ли они? Несомненно! Сломались ли они и побежали? Да! Но только у себя в мыслях. Они бежали к знакомым местам и любимым, где они могли бы быть в безопасности... а затем, благодаря дальновидности Бога-Императора, они увидели, чем станут их родные места и любимые, если они не выдержат, и они выдержали! Что вы чувствуете?»

Послышались хриплые голоса.

«Я сказал, что вы чувствуете?»

Голоса стали громче.

«Кровь Белладона подобна вину на губах Императора! Души Белладона занимают особое место подле него! Если мы прольем нашу кровь здесь сегодня, значит эту землю Он выбрал для благословения! Ох, счастливая земля! Восстаньте, друзья мои, восстаньте! Если они собираются забрать нашу драгоценную кровь, тогда они обнаружат, что цена будет больше, чем они смогут себе позволить! Ярость Белладона! Ярость! Ярость!» Произведение искусства. Отточенное годами. Мастерское подтверждение страха, патриотическая жилка, неожиданный удар под дых тем, что 'Сломались ли они и побежали? Да!'. Произведение искусства. Сильная модуляция голоса и набранный ритм. Простые слова, которые разносятся над грохотом. Слишком многие комиссары говорили людям, что они неуязвимы, когда они, ясное дело, такими не были. Слишком многие комиссары разглагольствовали и ругались, лишая гордости и уверенности.

Или поворачивались спиной к убегающим трусам, подумал Вайлдер.

«Комиссар!» позвал Вайлдер.

«Полковник, сэр,» отозвался Новобазки, спеша к нему.

«Хорошая работа. Мы здесь в аду.»

«Я заметил.»

Снаряд упал в двадцати метрах, и они оба вздрогнули.

«Я хочу, чтобы вы пошли на левый фланг. Я хочу, чтобы вы крепко держали отряды на том участок. Если враг начнет наземную атаку, в основании холма мы будем уязвимы.» Новобазки кивнул. «Я займусь этим.»

«Ярость Белладона, Надей.»

«Ярость Белладона, Люсьен.»

Новобазки поспешил вниз по склону.

Вайлдер повернулся и подвел итоги. Он надеялся увидеть Баскевиля или Каллида, но в зоне видимости не было Белладонцев. По факту, кроме огней, плывущего дыма и рассредоточенных фигур, мало что было видно. Вайлдер утешал себя тем, что, по меньшей мере, полдюжины машин Хауберканцев уже стреляли, включая Разрушителя, который наполнял густой воздух снарядами из тяжелых автопушек. Вайлдер сомневался, что это от отданного приказа. Он был объективно уверен в том, что как только заставил Химеру стрелять, остальные присоединились, потому что решили, что так и должно было все происходить.

Как бы то ни было, сработало, подумал Вайлдер.

Он пошел к отряду солдат, окопавшихся вокруг укрытия, обеспеченного разбитой и дымящейся Химерой. У них были подготовлены орудия поддержки: две пушки тридцатого калибра и три легких мортиры.

И ни одно не стреляло.

Это была Рота G. Вайлдер понял это по знакам на наплечниках.

Он побежал, игнорируя дождь из грязи и резкие порывы ветра.

«Где Даур?» крикнул он.

Капитан Бан Даур, высокий, важный и хорошо выглядящий, выбрался из узкой траншеи, чтобы встретить его.

«Полковник?» отсалютовал он, пригнув голову в позе «летает шрапнель и лучше бы я не был таким высоким.»

«Отличная позиция, Танит,» сказал Вайлдер.

«Спасибо, сэр. Вообще-то, Вергхаст.»

Вайлдер невесело улыбнулся. Он должен был это знать. Влившимся из Первого и Единственного разрешили оставить свои патриотические эмблемы, которые они носили рядом с серебряной эмблемой 81/1(r) смешанного войска, так же, как Белладонцы оставили свой латунные головы камодона. Череп и кинжал у рожденных на Таните, напоминающий кирку значок у шахтеров Вергхаста. У Бана Даура был последний.

«Мои извинения.»

«Не нужно, сэр.»

«Как бы мне не хотелось провести остаток дня в изысканной беседе с тобой, Даур, могу я спросить, поскольку нас обстреливают, какого черта твои люди не стреляют в ответ?»

«Потому что нас обстреливают, сэр,» ответил Даур.

«Объяснись получше.»

Даур повернулся и указал на дым, клубящийся на дальнем конце склона. «Нас обстреливают, полковник. Что бы не стреляло этими снарядами, оно гораздо дальше дальноточности нашего стрелкового оружия или даже легких орудий поддержки. В четыре или пять раз, может больше. Даже если бы там были живые цели, тогда они все равно были бы в два-три раза дальше. Еще ближе, и они бы рисковали тем, что их накроет собственная артиллерия. У меня ограниченные запасы боеприпасов и снарядов для мортир. Я бы не стал впустую тратить их, пока не буду уверен в цели.» Вайлдер нахмурился, повернулся, и затем снова посмотрел на Даура. Он ухмылялся. Это была та ухмылка, из-за которой ему понравился Даур в первый день объединения.

«Ты умный, Бан,» сказал Вайлдер. «Метишь на мое место?»

«Нет, сэр.»

«Уверен?»

«Я ни на что не намекаю, сэр»

«Это хорошо. Хорошая работа здесь. Я люблю здравый смысл. Здравый смысл это хорошо. Делай тут все, как делаешь... но тебе лучше сразу же наброситься на них, как только они появятся.»

«Это цель моей жизни, сэр,» сказал Даур. «Поправка, это цель жизни Роты G.» Послышался энергичный рев от людей.

«Тогда, продолжай делать то, что делаешь,» сказал Вайлдер, уходя. «Тебе нужен волынщик или еще что-нибудь для поднятия настроения?»

«Нет, сэр. Если только вы не вытащите Брина Майло из ниоткуда.»

«Кого?»

«Забудьте. С нами все в порядке.»

«Да, думаю, что так, капитан. Продолжайте, Рота G.»

Комиссар Новобазки с трудом спускался по вялой мокрой траве к основанию склона на левом конце разрушенной линии Хауберканцев. Фуцелиновый дым вздымался от мест, куда попадали снаряды, и линия видимого горизонта выглядела так, как будто была в огне.

Солдаты Восемьдесят Первого Первого на левом фланге собрались в длинном рве у основания холма. Они казались бесформенными, необъединенными, сжимающимися в плещущейся воде.

«Друзья мои!» закричал Новобазки, двигаясь среди них. Они посмотрели на него. «На Берегах Марика, друзья мои,» продолжил он. Текст сработал раньше, и он был достаточно свежим для еще одного воззвания. «Отцы наших отцов стояли под флагом Белладона. Снаряды падали дождем. Боялись ли они?»

«Кто?» спросил человек поблизости.

«Сыны Белладона!» улыбнулся Новобазки.

Человек оглядел комиссара с ног до головы. «Меня зовут Каобер. Я разведчик, родился и вырос на Таните. Я честно не знаю, о чем вы говорите, но я уверен, что это почему-то важно. Почему бы вам не поговорить с капитаном?»

К ним подошел большой человек, привлеченный голосами. Он мгновение изучал комиссара.

Новобазки покачал головой над своей ошибкой. Это была Рота С.

«Комиссар?»

«Майор Колеа. Трачу впустую время с импровизацией на тему Берегов Марика, так ведь?» Гол Колеа полуулыбнулся. «Не самая лучшая публика, на которой можно опробовать этот материал. Здесь довольно много Призраков, во всех отношениях.»

«Может мне удастся сохранить какое-нибудь ощущение крутости?»

«Сомневаюсь. Вы пришли, как артист пантомимы. Хотя, я бы хотел услышать историю. Где Марик?»

«Будь я проклят, если знаю. Я там не был.»

Гол Колеа прищелкнул. «Вы знаете, что Гаунт никогда не рассказывал историй?»

«Я уверен, что он рассказывал,» сказал Новобазки.

«Ладно, может быть. Я ни одной не помню. Дерин? Ты помнишь какую-нибудь из историй Гаунта.»

«Только ту, в которой мы живем, майор,» крикнул в ответ солдат поблизости. «У меня до сих пор шрамы с Хагии.»

«Да, да, хорошо,» сказал Колеа. Он посмотрел назад на комиссара. «У вас есть причина находиться здесь, сэр? Кроме пантомимы, конечно.»

Новобазки кивнул. «Инструкции от полковника. Поднапрячься.»

«Поднапряжемся еще больше и в глазах зарябит.»

«Хорошо. Вы не выглядите напряженным.»

«Мы напряжены. Мы напряжены, так ведь?» крикнул Колеа сжавшимся во рву фигурам.

«Напряжены, как только возможно, Гол!» кто-то крикнул в ответ.

«Это хорошо,» сказал Новобазки. «Вайлдер ожидает наземное наступление.»

«Рад слышать, что он на той же волне,» сказал Колеа. «Как и мы. Как только прекратится обстрел.»

«Ладно...» начал Новобазки. Он замер. Зловещая, затяжная тишина, нарушаемая только треском огня и криками раненых, спустилась на склон. Обстрел прекратился.

«Я...» продолжил он, но Майор Колеа махнул ему замолчать.

«По коням,» прошипел Колеа.

С шумом оружия и поясов с амуницией, Рота С встала и приготовилась.

Первые лазерные выстрелы начали вылетать из дыма. Огонь из малокалиберного оружия застучал вдоль позиций.

На склоне, окопавшиеся отряды Восемьдесят Первого Первого начали стрелять, при поддержке тяжелых пушек нескольких машин Хауберканцев, которые не сбежали или не были уничтожены.

Вражеская пехота медленно выходила из тумана, атакуя склон. Они появлялись один за другим, и скоро стали сотнями, тысячами. Они шли крича и лая, с прикрепленными штыками.

«Ладно, Рота С,» сказал Колеа. «Как бы пожелал сам Гаунт, наверх и на них.» Вражеские солдаты выходили из тумана. Утренний свет уже полз по поверхности отсека, достаточный для того, чтобы сверкать на черной и красной броне, стальных клинках и железных гротескных масках.

Силой бригады, эшелоны Кровавого Пакта штурмовали холм.

ДЕВЯТЬ

08.17, 193.776.M41

Осколочные Равнины, Штаб

Спаршадская Боевая Зона, Анкреон Секстус

Одетый в чистую полевую форму и черную кожаную куртку, с тяжелым вещмешком на плече, Нахум Ладд остановился у двери комнаты, мгновение постоял и затем тихо постучал.

Он ждал. Офицеры проходили мимо него по коридору казарменной палубы. Из столовой доносился слабый запах завтрака, смешанный с едким запахом крысиного яда, который, казалось, всегда накапливается в воздушных системах Левиафана за ночь.

Ладд собирался уже постучать снова, когда дверь открылась. Он понял, что усталился на Эзру ап Нихта. Большой размер партизана уже был достаточно пугающим, но сейчас Ладд с удивлением сделал шаг назад. Удовлетворив приказы, Эзра помылся и побрился. *Или* его помыли и побрили.

Спутанные волосы и длинные, матированные воудом усы, исчезли, как и переливчатая мозаика вокруг глаз. Его лысый череп, царственно выпуклый сзади, его широкие плечи и длинная шея придавали ему благородный вид. Его кожа была полностью темно-серой, либо из-за того, что это была естественная пигментация, либо паста Нихтгейнов просто хронически въелась, чтобы ее можно было отчистить. Накидка из перьев и племенные атрибуты тоже пропали. На Эзре были зашнурованные ботинки, рабочие брюки и шерстяной свитер, все сделано для Гвардии, все черное. Они только подчеркивали его рост и тонкое телосложение.

«Я здесь, чтобы увидеть комиссара,» сказал Ладд.

Темное лицо Эзры было невозмутимым. Его серая, гладкая кожа блестела, как полированный оружейный металл. Его глаз видно не было за старыми, потертыми солнечными очками.

«Комиссар?» повторил немного громче Ладд.

Эзра сделал шаг в сторону, чтобы пропустить Ладда, затем закрыл за ним дверь. Гаунту выдали апартаменты в офицерском крыле. Комната, в которой стоял Ладд, была частью многоквартирного жилища. Из открытой двери на другой стороне комнаты, Ладд мог слышать свистящий звук, как будто что-то хлестали.

Ладд положил свой мешок около двери и кинул фуражку на него. Нихтгейнец вернулся к креслу в углу комнаты, и был занят чисткой какого-то древнего оружия, которое по всем признакам выглядело, как арбалет. Повсюду в комнате лежало снаряжение, большинство из которого было все еще в пластековых упаковках, свежее со складов квартирмейстера. Ладд видел шерстяной спальный мешок, мешок с полевой одеждой, кожаный плащ, полевой бинокль 10х60, и совершенно новую комиссарскую фуражку, с блестящим кантом, все еще полузапакованную в бумагу. На боковом столике в открытом стальном контейнере, в прессованной форме лежала пара хромированных, коротких болт-пистолетов. Десять запасных магазинов были прикреплены к крышке контейнера эластичной лентой.

На основном столе лежала кipa планшетов и открытых досье. Проходя мимо, Ладд заметил, что на одном планшете были текущие коды и протоколы. На другой были загружены тактические схемы Спаршад Монс. С особенным интересом Ладд отметил новую бумажную копию *Инструментов Порядка*, книгу с «инструкциями» Комиссариата.

Ладд вошел в дверь. Комната, большая по размеру, была спальней, но кровать и остальная фурнитура были отодвинуты к стенам, и двуслойное покрытие на полу было свернуто.

Гаунт был в центре освобожденной комнаты. На нем были высокие сапоги и темно-серые бриджи с зелеными каймами вдоль ног. Высокие бриджи держались на паре черных подтяжек. Кроме подтяжек на Гаунте выше талии одежды не было. Его тощее, мускулистое тело покрывал пот. Он держал великолепный, отполированный силовой меч двуручным хватом, и выполнял мастерские повороты, взмахи, блоки и повторения, кружась и двигаясь, никогда не ставя ногу неправильно, каждое движение точное и четкое.

Когда он двигался, клинок делал сильный, свистящий звук, похожий на хлест.

Ладд смотрел мгновение. Он не хотел мешать. Гаунт был, очевидно, блестящим фехтовальщиком, который очень серьезно тренировался. Когда он развернулся вокруг, Ладд с легким вздохом заметил огромную и старую складку из шрамов на животе у Гаунта. Это выглядело так, как будто Гаунта ударили цепным мечом или —

«Ладд.» Гаунт остановился на середине удара и опустил меч. «Могу я тебе помочь?»

«Доброе утро, комиссар,» сказал Ладд. «Я пришел сказать, что вас определили. Транспорт будет в полдень.»

«Так скоро?» сказал Гаунт. Он взял полотенце и вытер им шею и лицо.

«Они хотят, чтобы вы были на передовой так скоро, как только возможно.»

«Я уверен, что она хочет,» сказал Гаунт. «Полдень. Хорошо. У нас есть место размещения?» Ладд залез в куртку и вручил Гаунту сообщение. Гаунт взял его, деактивировал меч и дал его Ладду.

«Не поддержишь?»

Ладд взял оружие. Оно было старым, роскошным, восхитительно тяжелым. Рукоять была потерта от использования, и эфес потемнел от времени, но великолепно сбалансированный клинок сиял, как зеркало. Выключенный, он все еще был теплым, и пах нагретым маслом и озоном.

Повесив полотенце на левое плечо, Гаунт открыл конверт с сообщением и прочитал. «Логистическая База Третьего Отсека. Хм-хм. Полагаю, хорошо, как и везде. Мы должны доложиться в штабе Маршала Сайтона. Знаешь его?»

Ладд покачал головой.

«Я знаю,» сказал Гаунт, и остановился на этом. Он скомкал сообщение и кинул его в маленький сжигатель на тумбочке.

Гаунт повернулся к Ладду и протянул руку, чтобы забрать меч. «Нравится?»

«Это очень хорошее оружие, сэр,» ответил Ладд, осторожно отдавая его.

«Церемониальный клинок Иеронимо Сондара,» сказал Гаунт, взмахнув клинком туда-сюда последний раз перед тем, как убрать его в кожаные ножны. «Награда, Ладд. Его вручили мне правящие семьи Улья Вербун в знак уважения.» Гаунт посмотрел на Ладда. «Это практически единственная вещь, которую я взял с собой на Гереон, и которая вернулась неповрежденной. С тех пор, как я прибыл сюда, он был

на хранении. Они только что прислали его мне. Я рад, что он со мной. Я скучал по нему.»

«Я запросил, чтобы все забранное у вас в ходе обработки в Лагере Зено было отправлено,» сказал Ладд.

«Обработка,» улыбнулся Гаунт. «Как приятно ты это произносишь.»

Ладд покраснел.

«Забудь, Ладд,» сказал Гаунт, снимая подтяжки и вытирая полотенцем подмышки и плечи. «Если мы собираемся работать бок о бок, я не хочу, чтобы ты краснел каждый раз, когда я напоминаю об обстоятельствах нашей встречи.»

Ладд кивнул и попытался выглядеть счастливым. «Я хочу сказать, сэр... Я хочу сказать, что считаю настоящей честью быть прикрепленным к вам.»

Гаунт уставился на Ладда, когда закончил вытираться. «Я не просил о тебе, знаешь ли.»

«Я знаю, сэр.»

«Тебя назначили ко мне.» Гаунт выбросил полотенце и потянулся к чистым майке и рубашке, висящим на спинке стула рядом.

«Вы могли бы запросить альтернативу, сэр,» сказал Ладд.

Гаунт натянул майку и заправил ее в бриджи. «Полагаю, что так. Но после той первоклассной работы, которую ты проделал на трибунале...»

Ладд вздохнул. «Должен ли я считать, сэр, что мне стоит ожидать, что такие подколы станут ежедневным аспектом службы в качестве вашего заместителя?»

«Да, а почему нет?» сказал Гаунт, застегивая на пуговицы рубашку. «Это будет держать тебя в тонусе.» Ладд кивнул.

«Хотя, я люблю сентименты,» добавил Гаунт, заправляя рубашку и надевая подтяжки.

«Факт того, что ты думаешь, что это какая-то честь. У меня было впечатление, что это больше похоже на долг. Разве ты не предполагал, что должен наблюдать за мной?»

«Сэр?»

«Да ладно, Ладд. Я могу свыкнуться с мыслью, что ты будешь следить за каждым моим шагом, отчитываться, убеждаться, что со мной все нормально. Но я не терплю обман. Ты – назначенный шпион Балшин. Я знаю это. Ты знаешь это. Давай, по крайней мере, быть честными в этом. Я не выношу обман, Ладд. Будь мужиком и будь откровенным, и мне не придется убить тебя.»

Ладд откашлялся. «Еще один пример вашего фирменного юмора, я так понимаю?»

«Ох, будем надеяться,» сказал Гаунт. Он осторожно прикрепил два маленьких значка на грудь, и сейчас что-то искал на комод.

«Что-то потеряли, сэр?» спросил Ладд.

«Больше, чем ты когда-либо сможешь представить, Ладд,» ответил Гаунт. Он присел на корточки, заглядывая под комод. «Фес, где, черт возьми...»

Осматриваясь, Ладд заметил что-то маленькое и блестящее рядом с тумбочкой. Он подошел и поднял это. Это был полковой крест, череп, окруженный венком, с клинком, идущим сверху вниз. Там был какой-то девиз, но годы сделали его неразборчивым. На значке были грубые края, как будто его части были отколоты.

«Это то, что вы ищете, сэр?» спросил он.

«Да,» сказал Гаунт. Он взял значок и прикрепил его на рубашку рядом с остальными.

«Могу я спросить...?» начал Ладд.

Гаунт по очереди указал на эмблемы. «Знак Хурканского Восьмого. Кирка Улья Вербун. Знак Танитского Первого и Единственного. Для меня все они потеряны, Ладд, но я не вступлю в войну без них на себе.»

«Счастливые талисманы?» сказал Ладд.

«Полагаю, что так. Ладд, ты когда-нибудь терял то, что для тебя на самом деле было важно?» Ладд пожал плечами. «Не совсем, я... да. Да, сэр. Я потерял отца на Балгауте.»

«Серьезно? Он был комиссаром?»

«Да, сэр. Служил в штабе Генерала Карелла в Балополисе. Насколько я знаю, его убили в газовой атаке в первые дни сражения.»

«Как его звали?»

«Так же, как и меня, сэр. Нахум Ладд. Комиссар Нахум Ладд. Я Младший Комиссар Ладд во многих отношениях.»

Гаунт кивнул. «Я не знал его. Я был в Олигархии на Балгауте. Я знаю, что Балополис был плохим местом. Худшим. Хотя, я знал Карелла. Немного.»

«Олигархия,» сказал Ладд. «Там был центр всего этого, так ведь? Вы были со Слайдо?»

«Да, был.»

«Святой Трон. Это там вы --»

«Что, Ладд?»

«Шрам на вашем животе, сэр...»

Гаунт покачал головой. «Я получил его задолго до Балгаута. За честь моего отца. Думаю, что тогда у нас с тобой есть кое-что общее. Следуем путями наших отцов.»

«Да, сэр.»

«Осторожнее с тем, куда они ведут, Ладд,» сказал Гаунт.

Он пошел обратно во внешнюю комнату, где Эзра все еще чистил свое древнее оружие. Они обменялись несколькими словами, которые Ладд не понял. Гаунт вытащил свежий новый плащ из пластековой обертки и надел. Плащ был сложен так долго, что на нем все еще были складки, висящие на плечах Гаунта. Комната наполнилась запахом новой кожи.

Гаунт подошел к главному столу и начал работать с планшетами и досье. Он вытащил план третьего отсека и поизучал его какое-то время.

«Инструменты Порядка?» спросил Ладд, взяв книгу.

Гаунт бросил взгляд. «Подумал, что мне надо освежить знания. Я бродяга, Ладд. Я очень долго пробыл в глухомани. Я подумал, что было бы неплохо напомнить себе о действующих правилах.»

«И?»

«Это абсурд. Официальная, возвышенная, утомительная нудятина. Я понял, что мне сейчас трудно вспомнить, что я вообще выполнял свои обязанности комиссара без слез разочарования.»

«Вы снова комиссар, сейчас, сэр,» сказал Ладд.

«Да. А не тот редкий зверь – полковник-комиссар. Я скучаю по командованию, Ладд. Очень скучаю. Вот что я тебе скажу, лучше спрячь эту книгу в своем плаще. Ты мне будешь нужен для того, чтобы напомнить мне кем, фес дери, я должен быть.»

«Сэр?»

Гаунт рассмеялся и покачал головой. «Солдат боится за свою жизнь, как это весьма естественно на войне. Он ломает строй. Что надо, чтобы я сделал?»

Ладд замялся.

«Ладно, вот подсказка, Младший Комиссар Ладд. Не говорить с ним, успокоить его страхи, повысить его боевой дух и вернуть обратно в строй. О, нет, сэр. Правильный ответ, согласно этому отвратительному тексту, казнить его перед его товарищами в качестве примера.» Гаунт вздохнул. «Как мы вообще построили этот Империум? Смерть и страх. Они не строительные блоки.»

«Это еще один пример вашего необычного юмора, так ведь, сэр?» Гаунт посмотрел на него. «Если так ты будешь ночью спать лучше, то я скажу да.» Гаунт положил планшет. «Я хочу увидеть Призраков.»

«Сэр?»

«Призраки. Их тоже готовят к распределению, правильно?»

«Да, сэр. Через день или около того.»

Гаунт кивнул. «Их собираются отправить в это новое подразделение?»

«Лорд генерал подумал, что так будет лучше всего, сэр. При условии, что командующий подразделением согласится.»

«Ясно. Как его зовут?»

Ладд секунду подумал. «Полковник Люсьен Вайлдер, сэр.»

«Фес меня,» сказал Гаунт. «Как истина просачивается во сны.»

«Сэр?»

«Забудь, Ладд. Я хочу увидеть Призраков. До своего отбытия --»

«Мудро ли это, сэр? Конечно, гладкое расставание --»

«Слишком много в прошлом, Ладд. Слишком много крови утекло. Мне нужно увидеть их, в последний раз.»

«Барак Е Девять, сэр. Ожидают распределения.»

Гаунт пошел к двери. «Спасибо. Я вернусь к полудню. Займись полезным, и упакуй вещи для меня.»

Ладд сделал паузу. «Я?»

«Я говорил не с Эзрой,» сказал Гаунт, когда открыл дверь комнаты. «У него много прекрасных качеств, но пакование полевого снаряжения Гвардии по всем правилам не одна из них. Я имел в виду тебя, Ладд.»

«Да, сэр.»

«В транспорте для Эзры есть место, так ведь?»

«Он отправляется с нами?»

«Конечно.»

«Тогда я удостоверюсь в этом, сэр.»

Гаунт шел по коридору, под неприятными люминисцентными полосами. Он знал, что сейчас будет и ненавидел это. Он никогда не мог представить, вообще никогда, что он должен будет сделать то, что ему нужно будет сделать...

Сказать 'прощай'.

Он быстро проходил мимо румяных молодых офицеров. Большинство притворялись, что не смотрят на него, но он мог чувствовать на себе их глаза, когда проходил мимо.

Напуганные, подозрительные, неуверенные.

Правильно, черт возьми. Они должны быть напуганы.

Прямо сейчас, Ибрам Гаунт чувствовал себя самым опасным фесовым ублюдком во всем Империиуме.

Призраки встали, когда он подошел, но Гаунт сделал жест рукой, чтобы они обратно сели. Они выглядели странно в чистой, черной одежде, как новоиспеченные призывники. Только их лица выдавали их опыт. У всех, кроме Крийд, были обриты головы. На некоторых обнаженных предплечьях, Гаунт заметил медицинские пластыри, маленькие пластыри, которые подавали лекарства в их организмы, чтобы очистить от паразитов и вшей.

Гаунт сел на одну из коек, и они образовали случайную группу вокруг него.

«У меня направление, и я уеду этим утром,» начал Гаунт. «Так что, вероятно, я больше никого из вас не увижу.»

Было мало комментариев. Роун всего лишь спокойно кивнул головой. Белтайн уставился по пол.

«Ладно, не надо обо мне плакать,» сказал Гаунт. Варл и Бростин засмеялись. Бонин что-то пробормотал.

«Мах?» сказал Гаунт.

Бонин пожал плечами. «Ничего. Я всего лишь сказал... все не так, как вы ожидали.»

«О чем это ты говоришь?» спросил Фейгор.

«Он говорит о конце,» сказал Мколл, поникшим голосом.

Бонин кивнул. «Вы никогда не думали о нем,» сказал он.

«Кроме тех времен, когда о нем думал ты,» прошептал Ларкин.

«Ага, кроме тех,» согласился Бонин. «И тогда все, что вы могли представить... ох, я не знаю. Может быть, славная последняя битва. Или триумфальный парад и Гвардейская пенсия. Или то, или другое.»

«Или мертв, или все кончилось,» сказал Варл, насмешливо подняв брови. «Какой-то выбор.»

«Мах прав,» сказал Ларкин. «Это все, что вы могли когда-либо представить. Две крайности. А не это.»

«Не это,» эхом повторил Бонин.

«Это все выглядит так...» начал Белтайн. «Так... приземленно.»

«Это реальный мир, Бел,» сказал Роун. «Жизнь Гвардии, хей-хо. Забудь про триумфальные песни. Изнурительная работа и разочарование, вот наш жребий.»

«Ладно,» сказал Гаунт. «Теперь я уже поднял боевой дух до предела...» Засмеялось еще больше, но в основном это был грустный смех.

«Вы знаете, куда вас отправляют?» спросил Гаунт Роуна.

«Мы ждем распределения,» сказал Роун, вставая на ноги. Он пошел к своему вещмешку и начал копаться в нем. «Но примерно мы знаем. И мы знаем, кто мы такие.»

Он достал вощеный бумажный пакет из мешка и кинул его Гаунту. Он был тяжелым и бренчал.

На нем был штамп Муниторума. Гаунт вытряс содержимое на ладонь.

Блестящие серебряные значки с обозначением 81/1(r).

«О них я знаю мало,» сказал Гаунт, изучая один значек. «Но Муниторум будет стараться, чтобы любое соединение из остатков, как это, имело смысл. И Вон Войтц дал этому объединению персональное одобрение.»

Кто-то пренебрежительно фыркнул.

«Ладно, я понимаю, что он не ваша любимая персона. Но я думаю, что он все еще на нашей стороне, даже сейчас. Мне дали понять, что ваш новый командир приличный человек.» Гаунт посмотрел на Крийд.

«Его зовут Вайлдер.»

Полускрытые за волосами, глаза Тоны Крийд на секунду расширились.

«Да, я полагаю, что ты помнишь это, Тона.»

«Что?» спросил Варл.

«Ничего,» сказала она.

Гаунт ссыпал значки обратно в пакет и отдал его Роуну. Он встал. «Я не собираюсь прощаться, потому что это верный путь сглазить нашу новую встречу. И я не собираюсь произносить грандиозную речь. Для этого тут не место, да и, в любом случае, у меня ее нет. И я не хочу, чтобы вы думали, что вы должны выйти отсюда и заставить меня гордиться. Вы мне ничего не должны. Ни-че-го. Делайте это ради Трона, и делайте это ради себя.»

Он пошел к двери барака. Он даже не собирался оборачиваться, но на пороге что-то заставило его повернуться в последний раз. Тихо, Призраки поднялись на ноги. Они не встали в шеренгу, или еще в какой-то официальный ряд, но все смотрели на него, стоя по стойке смирно.

Гаунт отдал им честь, и затем ушел.

ДЕСЯТЬ

09.03, 193.776.M41

Пятый Отсек

Спаршад Монс, Анкреон Секстус

Дважды за полчаса они отбрасывали врага с вершины холма. Орудия поддержки и хорошая дисциплина в обращении с винтовками сделали большую часть работы, но местами было жестоко. Каллид докладывал о жертвах в рукопашной там, где солдаты Кровавого Пакта прошли через непросматриваемое ущелье и окружили его второй участок.

Вайлдер чувствовал, что они достигли переломного момента в этой конкретной рукопашной схватке. Собирался ли враг отступить, или собирался ли он предпринять третью попытку штурма склона?

Было тяжело сказать. Пришел дневной свет, суровый и белый, но видимость чрезмерно упала из-за волн дыма, плывущих с вершины холма. Поступали доклады, что его собственная линия все еще была на позициях, но где был враг, можно было только догадываться.

Вайлдеру все равно тяжело было смотреть из-за крови в глазах. Он прошел половину эскарпа, когда в ближайшую Химеру Хауберканцев попала ракета. Машину подбросило вверх, как от мины, а Вайлдера взрывом бросило вперед, и он врезался лбом в ствол мертвого, разбитого дерева.

Сейчас он продолжал смаргивать капли, держась за голову. Он мог чувствовать вкус соли во рту.

Он дошел до позиции под командованием одного из Танитских офицеров, Капитана Домора, и его собственного Капитана Колосима. Трон, ему нужно было прекратить думать так. Они уже *оба* были его.

«С вами все в порядке, сэр?» спросил Домор, когда Вайлдер взобрался наверх. Домор был крепким, честным человеком, с атмосферой надежности вокруг него. Его глаза были восстановлены в какой-то момент его карьеры с помощью тяжелых аугментических имплантов. У Танитца было прозвище, но Вайлдер не мог его вспомнить.

«Я в порядке,» ответил он. «Что у нас тут?»

«Они отступили к реке вон туда,» ответил Колосим, дородный рыжеволосый человек. «Там много укрытий. Много скал. У нас перекрестный обзор с отрядом Сержанта Бакрена, но никто из нас не может определить, что они там делают.»

«Я отправил два отряда на фланг,» сказал Домор. «Раглона и Тейсса. В случае, если они внезапно атакуют с той стороны, вдоль рва.»

Далеко, слева от них, сочные выстрелы из автопушки сотрясли воздух.

«Думаете, что они вернуться для еще одного захода, сэр?» спросил Колосим.

«Насколько тупыми они выглядят, Ферди?» оскалился Вайлдер.

«Достаточно тупыми, чтобы мы проторчали тут весь день,» ответил Колосим.

«Что насчет танкистов, сэр?» сказал Сержант Баннард, адъютант Ферда Колосима. «Трусливые ублюдки!»

«У нас у всех есть свои слова для мальчиков в танках, Баннард,» сказал Вайлдер, «и я скажу большинство из них этой безмозглой свинье Гадовину сразу, как найду его.» Внезапно Вайлдер поднял руку. «Что это было?»

Низкий звук, машинный шум, только что долетел до них.

«Это бронетехника,» с кое-какой уверенностью сказал один из Белладонских солдат. Несколько человек поползли вперед, чтобы попытаться засечь вражеские машины в дыму.

«Это позади нас,» сказал Колосим.

«Нет, это всего лишь эхо. Отражение,» сказал Баннард.

Капитан Домор повернулся, и стал всматриваться в клубы дыма на холме позади них. «Колосим прав,» сказал он.

«Что?» сказал Вайлдер.

«Ой, фес!» внезапно сказал Домор и схватил трубку вокса у своего вокс-офицера. «Прибывающие, прибывающие, доложите о своем местоположении!»

Статика.

«Прибывающие, повторяю! Доложите о своем местоположении! Если вы приближаетесь, учтите, что у нас в этом районе солдаты!»

Опять статика. Пауза, затем: «Прибытие через две минуты. Мы готовы стрелять по заданному району.» Для глаз Вайлдера дым был всего лишь дымом, но аугментика Домора, улучшенная по отношению к человеческому зрению, выхватила тепловые дорожки на низкой высоте. Он бросил взгляд на Вайлдера.

«Приказываю отступать. Прямо сейчас!» сказал Вайлдер. Домор начал кричать в вокс. «Отходим!»

«Сейчас же!» закричал Вайлдер. «Скорее! Убираемся с холма!»

Подхватив свое оружие и снаряжение, люди начали быстро убегать с холма, пробегая между горящими останками машин Хауберканцев. По всей вершине склона солдаты Восемьдесят Первого Первого начали безумно нестись к дороге.

Около минутой позже, когда люди все еще бежали, из дыма вырвались штурмовики. Рев их турбодвигателей предшествовал им, как волна перед кораблем. Двадцать пять Стервятников, белохвостых, тупоносых и выкрашенных в кремовые и желто-коричневые пятна, вырвались из дыма на высоте верхушек деревьев. Их неясные тени скользили над людьми Вайлдера в подернутом дымкой солнечном свете. Он услышал *вжж-шшш*, когда подкрыльевые установки начали выпускать ракеты. Копья пара вырвались перед громыхающими Стервятниками и вершина холма исчезла в ожерелье из огненных шаров, которые сотрясли землю.

Вайлдер увидел, как людей на склонах сбивало ударной волной. «Они скоро вернуться!» закричал он ближайшему оператору вокса. «Скажи им, что они скоро вернуться!» Человек начал кричать в свой вокс.

Вторая волна прогрохотала мимо, разрывая плывущий дым мощными потоками воздуха.

Еще один залп осколочных ракет с визгом полетел к холму. Еще один удар и подброшенная почва закрыла пейзаж.

«Я связался с управлением авиаударами,» доложил вокс-офицер. «Думаю, что я убедил их в том, что надо перенаправить самолеты за холм.»

Прилетела третья волна, или, может быть, это вернулась первая, Вайлдер не мог сказать. Третий ракетный удар полетел за холм, взорвавшись на дальнем склоне. Густой черный дым от первого залпа дико вихрился, когда Стервятники пролетали сквозь него.

Вайлдер похлопал оператора вокса по плечу. «Отличные быстрые переговоры, друг мой. Как тебя зовут?»

Человек с удивлением посмотрел на него. «Эстевен, сэр. Это Эстевен.» Это был он. Эстевен, рожденный и выросший на Белладоне, оператор вокса в отряде Баскевиля. Вайлдер стал чрезмерно осторожным насчет правильного распознавания людей в его новом смешанном войске, что не смог распознать человека, которого он знал годы. Лицо Эстевена было покрыто копотью, но это не извиняло.

«Конечно, это ты,» сказал Вайлдер. «Я просто проверял,» добавил он, пытаясь обернуть это в шутку. Эстевен рассмеялся, и собрал свой вокс-передатчик, чтобы пойти к ближайшему рву. Это, в самом деле, был смешной вопрос, но Вайлдеру не очень-то хотелось смеяться весь день.

«Эй, Эстевен!» позвал Вайлдер. «Управление объяснило тебе ошибку в цели?»

Эстевен кивнул. «Они говорят, что ошибки не было. Они нацелились именно на ту территорию, на которую им указали Хауберканцы.»

Они получили сигнал к отступлению примерно через полчаса, и двинулись назад по дороге к пункту 36, в четырех километрах назад по отсеку. К тому времени, как Восемьдесят Первый Первый начал собираться, был уже почти полдень.

Пункт 36 был одной из штаб-квартир, организованных на дружественном конце пятого отсека. Она находила близко к западной стене и в поле зрения колоссальных ворот, ведущих назад в четвертый отсек. Пункт занимал почти два квадратных километра, большую часть которых занимали склады снабжения и полевые палатки. Кое-какие объекты пункта, включая полевой госпиталь, располагались в обветшалом здании, которое Имперцы нашли, когда ворвались в пятый отсек. Дом был одноэтажным каменным зданием, таким же старым и потрепанным, как и сами стены Монса. Развалины, как этот дом, можно было найти по всей разведанной части отсека степного города, от некоторых осталась всего лишь планировка стен, гордо

торчащая из грязи, другие были все еще прямыми и потрескавшимися. Не было двух похожих, и еще не решено было, как их использовать.

Были кое-какие разговоры о том, что это останки примитивных жилых поселений, что отсеки когда-то были заполнены населенными городами. Другие говорили, что дома были древними лачугами, построенными местными племенами, которые еле сводили концы с концами и жили за стенами намного позже того, как сам Монс превратился в руины. Третьей теорией было то, что отсеки всегда были открытыми территориями содержащими в себе дикую местность, построенными с какой-то мистической целью, и дома были храмами и гробницами, оставленными изначальными строителями Монса.

Вайлдер особо не беспокоился. Место было достаточно приличным, чтобы установить лагерь, из которого можно было начать исследование и зачистку отсека.

На пункте 36 собралось несколько пехотных полков. С высокой дороги, ведущей к огромным вратам, можно было видеть, как прибывают другие. Колонна бронетехники. Машины снабжения. Валькирии приземлялись на широкий плоский базальт, к западу от пункта, забирая раненых с передовой. Некоторые из тел на носилках были людьми Вайлдера. Как только их собирали, Валькирии либо поднимались и направлялись в отсек для второго захода, или улетали сквозь массивную арку ворот, направляясь к посадочным полям на передовые пункты четвертого отсека.

Вайлдер сошел в дороги и поднялся по пыльному склону к пункту. Солнечный свет выжег травы и островки кустарников позади него, а дальняя стена отсека вырастала подобно пустынному утесу. Он посмотрел вверх, когда кремовые и желто-коричневые стервятники пролетели мимо, направляясь домой.

У дороги стояла куча припаркованных бронированных машин, большинство из которых были тускло-черными из полка, который Вайлдер не опознал. Но среди них были, по меньшей мере, пять Хауберканских танков, а другие Хауберканские машины с ворчанием поднимались по извилистой дороге со дна долины.

«Пусть люди отдохнут и помоются,» сказал он Баскевилю. «Раздача рационов и проверка оружия в 14.00. Я хочу, чтобы все были с полной загрузкой, без оправданий.»

«Да, сэр.»

Вайлдер пошел по грунтовой дороге к госпиталю.

Саперы Муниторума сделали крышу дома из сборных бронеплит, и усилили стены мешками с песком и досками. В северной части располагался командный пункт зоны, увеличенный за зданием палатками. Пара мачт вокса стояли неподалеку, от них шли кабели к группе генераторов позади здания. Остальная часть была отдана под сортировку и лазарет. Здесь все пропиталось запахом древесных опилок и новых панелей, которые почти забивались обычными запахами полевого госпиталя.

Как тяжелораненые, так и мертвые не задерживались тут надолго. Их негде было размещать.

Регулярные транспорты перевозили их на главные пункты на Осколочных Равнинах и Таренале, или на постепенно увеличивающееся кладбище в пустыне. Госпиталь пункта 36 был пунктом обработки, 60 обученных добровольцев занимались легкими ранами, недомоганиями, инфекциями и латали менее удачливых для эвакуации.

Менее удачливых. Вайлдер задумался об этом. Были ли они менее удачливыми? На самом деле были? Он прошел под низкой аркой, отойдя в сторону, чтобы пропустить внутрь процессию с носилками. Справа были пара комнат, отданных для сортировки больных, с примыкающей комнатой, оборудованной под полевой театр. Снаружи в жилых палатках было еще два театра. Слева были три маленькие палаты, где люди с легкими ранениями могли отдохнуть и подлечиться несколько дней перед тем, как вернуться к активным обязанностям, а сильнораненые могли подождать транспорт.

Место было оживленным. Оно не переставало быть оживленным с тех пор, как Гвардия зашла и заняла позицию пять дней назад. Вайлдер увидел несколько своих людей среди раненых, большинство из них ходячие, с ранами в виде порезов и ожогов. Он обменялся с несколькими ободряющими словами. Еще здесь было около пяти с более серьезными травмами. Двое были без сознания: одним из них был Сержант Пивен, для которого у Вайлдера всегда имелось много времени. Пивен

выглядел так, как будто его ударили по лицу плоской железкой. В другого, Рядового Борица, попали восемь или девять раз. У него отсутствовали большие куски тела и ноги. Два санитары были заняты его интубированием.

Дальше, Вайлдер нашел рядового Рэйди на койке. Белладонец то терял сознание, то снова приходил в себя, накачанный болеутоляющими. Его нога и лодыжка были раздроблены сталкером.

«Это был большой ублюдок, сэр,» сказал Рэйди.

«Ты его прикончил?» спросил Вайлдер.

«Не я, нет сэр, но оно сдохло.»

Вайлдер улыбнулся. Ранение Рэйди требовало долгого лечения. Он скоро будет одним из *менее удачливых*.

«Мкард выбрался, сэр?» выкрикнул Рэйди.

«Извини?»

«Мкард, сэр. Он был со мной, когда это случилось. Я надеюсь, что он выбрался, сэр,» сказал Рэйди.

«Я выясню,» сказал Вайлдер. Рэйди выказал неподдельный интерес, и ради одного из пришлых.

Мкард было Танитским именем. Может быть, сплав уже стал крепче.

Неподалеку Вайлдер заметил пожилого главного медика, который присоединился вместе с Танитцами. Он перевязывал рану на руке Вергхастца.

«Доктор?»

Дорден огляделся. «Одну минуту, полковник,» сказал он, заканчивая. Дорден казался Вайлдеру слабым и хрупким, слишком старым для поля битвы, но у него был трудовой стаж и навыки, и с тех пор, как Белладонцы лишились большинства из своего медицинского состава, это многое значило.

«Сюда, полковник,» сказал Дорден. Он повел Вайлдера к пустому перевязочному столу. «Только откиньте голову назад, пожалуйста.»

«Что? Ой!» Вайлдер почти забыл о своей собственной ране. «Я здесь не для этого, доктор. Я просто зашел, чтобы узнать о жертвах. Мы должны быстро продвигаться вперед, а я понятия не имею, какой урон нам нанесли.»

Дорден пожал плечами. «Простите, полковник, я не могу на это ответить. Они все еще прибывают, как вы можете видеть, и я не веду подсчет эмблем. Только тела, которые нужно подлатать. 50-ому Колстекскому досталось этим утром вдоль утеса. Они увозят их весь последний час.»

«Сильно досталось?»

«А бывает слабо? А что насчет вас?»

«Достаточно сильно. Неразбериха, вообще-то. Я пойду, поговорю с людьми.»

«Вообще-то, я бы предпочел заняться этой раной прямо сейчас,» сказал Дорден.

«Позже. Найдите кого-нибудь, кому вы гораздо больше нужны.»

Дорден мгновение смотрел на него, и затем отвернулся.

Вайлдер уже собирался идти обратно через палаты, когда увидел, что задняя дверь дома открыта. В клочке солнечного света снаружи, мешки с телами лежали на сухой земле. Он вышел наружу, сняв фуражку, несмотря на яркий свет. Около сорока тел лежали четкими линиями. Санитары приносили еще с ближайших грузовиков. Вайлдер пошел вдоль линии, всматриваясь в бирки, прикрепленные к мешкам. Он нашел двух Белладонцев, и Танитца, *Мкарда*.

Древний, сгорбленный человек медленно шел вдоль рядов, читая гимны и благословения над каждым телом. Последние полевые обряды.

«Аятани,» кивнул Вайлдер.

Цвейл уставился на него. Старый священник всегда казался Вайлдеру немного сумасшедшим, но был всего лишь еще одной частью слияния.

«Полковник. Еще один день в пыли, в которую мы все превратимся, большинство из нас быстрее, чем мы бы хотели, в данных условиях.»

Вайлдер не совсем был уверен, что сказать. Старик умел огорошивать его.

«Когда-то, знаете ли, я молил нашу возлюбленную беати о навыках, котоыми я могу принести пользу. Я не сражаюсь, как вы знаете, и я не чиню... не как Дорден. Я часто молил ее о милосердной способности возвращать их из мертвых.»

«Кого, отец?»

Цвейл сделал жест в сторону тел на земле. «Их. Других. Кого угодно. Но она пока отказалась дать мне это умение. Вы можете делать это, Вайлдер?»

«Что?»

«Возвращать их из мертвых?»

«Нет, отец.»

«Это забавно, иногда вы выглядите в точности той личностью, которая может вернуть их из мертвых.»

«Простите, нет. Мне хотелось бы думать, что область моих навыков заключается в том, чтобы, в первую очередь, не дать им погибнуть, но даже это не непогрешимо.»

Цвейл шмыгнул и вытер нос рукавом. «Никто из нас не идеален.» Он посмотрел наверх, на Вайлдера, затем, к удивлению Вайлдера, схватил его челюсть чуть меньше, чем чистыми пальцами.

«Вам нужно присмотреть за этим,» сказал Цвейл, вертя голову Вайлдера, чтобы внимательно рассмотреть рану на голове.

«Да, присмотрю. Спасибо, отец,» сказал Вайлдер, отводя руку священника. «Дорден уже предлагал забинтовать ее, но я сказал, что это может подождать.»

«Почему?»

«Очередь, отец.»

«Точно.»

«Что?»

Цвейл вытащил сушеный инжир из кармана и задумчиво пососал его. «Очередь. Степень приоритета. Всего лишь царапина, но вы командир полка. Что если вы оставите ее, и она инфицируется? Это значит полк, на этой ранней, деликатной стадии, без начальника.»

«Думаю так, отец.»

«Так займитесь ей. Приоритеты.»

«Да, отец.»

«До того, как целая толпа начнет бегать вокруг в поисках должного руководителя, когда вы будете в кровати, с лихорадкой от заражения крови --»

«Да, отец.»

«И гангрена бровей. И черный гной, вытекающий из --»

«Спасибо, отец. Я пойду прямо сейчас.»

«Это другой мой навык,» крикнул Цвейл, когда Вайлдер отвернулся. «Я только что вспомнил. Давать мудрые и хорошие советы. Я благодарю беати за то, что она дала мне этот дар.»

«Да, отец.»

«Вы уверены?» крикнул Цвейл, когда Вайлдер дошел до двери дома.

Вайлдер обернулся. «Насчет чего?»

Цвейл смотрел на упакованные тела на сухой земле. Он снова был подавлен. Его резкие смены настроения и пропущенные мысли имели биполярную основу.

«Вы не можете их вернуть назад?»

«Нет, аятани отец, я не могу.»

Цвейл вздохнул. «Продолжайте, тогда.»

«Снимите гарнитуру и шляпу,» сказал Дорден, и Вайлдер подчинился. «Голову назад.» Дорден промыл рану и стянул ее пластековыми скобами. «Я перемотаю ее, но лучше было бы, чтобы к ней поступал воздух,» сказал Дорден. Он дал Вайлдеру маленький тюбик с антисептическим гелем. «Накладывайте его на рану каждые несколько часов, держите ее чистой, возвращайтесь через день или два.»

«Спасибо,» сказал Вайлдер.

Баскевиль появился в дверях распределительного пункта и высматривал Вайлдера. «ДэБрэй хочет подвести итоги, сэр. Я не думаю, что он хорошо понял неразбериху этим утром.»

«Он может занять очередь за мной,» сказал Вайлдер. «Когда он хочет меня видеть?»

«Как вам будет удобно. Я сказал ему, что вас латают.»

Вайлдер кивнул. «Мы уже подсчитали?»

«Восемь погибших,» сказал Баскевиль. «Тридцать восемь раненых, двенадцать серьезно. Это пока что все данные.»

«Могло быть намного хуже,» сказал Вайлдер. «Намного, черт возьми, хуже. Кстати, передай мои комплименты Капитану Домору. Он одна из причин, почему не стало.»

«Сэр.»

«И мы соберем командиров рот и --» Вайлдер прятал тюбик с антисептиком в карман куртки, и его рука только что нащупала забытое сообщение. Он вытащил его и прочел.

«Сэр? Что-нибудь важное?» спросил Баскевиль.

«Что?»

«Этот взгляд на вашем лице... как, ну я не знаю что.»

Вайлдер посмотрел на своего первого офицера и почти ответил, когда вмешался Дорден. Он держал гарнитуру и фуражку Вайлдера.

«Ваша связь попискивает,» сказал он.

Вайлдер надел гарнитуру как раз вовремя, чтобы услышать повторяющийся вызов.

«Вайлдер на связь, говорите.»

«Это Харк, полковник. Пожалуйста придите в распределительную зону.»

Харк отдал честь, когда приблизились Вайлдер с Баскевилем. Широкая грязная распределительная зона была заполнена машинами: танками, возвращающимися с фронта, и прибывающим сквозь ворота конвоем. Харк стоял рядом с тремя грязными Химерами, в цветах Хауберканцев.

«Сюда,» сказал Харк. Толпа Хауберканских солдат собралась позади одной бронированной машины. Вайлдер почувствовал, как его кулаки сжимаются.

«В сторону!» прорычал Харк, и экипажи танков расступились, чтобы пропустить их. Гадовин, командир Хауберканцев, был пристегнут наручниками к задней части Химеры. Он был человеком с болезненным лицом и жидкими, желтыми волосами. На рубашке подмышками виднелись полуокружности от пота.

«Освободите меня!» резко сказал он Харку. «Это смешно!»

«Смешно?» сказал Вайлдер.

Гадовин только сейчас заметил его и напрягся.

«Предполагалось, что вы будете наступать, Гадовин,» сказал Вайлдер.

«Зона была заминирована.»

«Не настолько, чтобы вы остановились и выключили двигатели. Я предупреждал вас о том, что может случиться.»

«Я слушал вас!» запротестовал Гадовин. «Когда начался штурм, я предпринял немедленные действия --»

«Вы поехали назад.»

«Чтобы защитить дорогу!»

«По моим людям, которые пошли вам на помощь. Вы почти раздавили их, и поставили их в затруднительное положение, разорвав линию. Затем вы вызвали удар с воздуха.»

«Ситуация была экстремально опасной! Нас бы раздавили. Было важно, чтобы --»

«Было опасно, ладно. Вы видели это. Мои люди были все еще в зоне, сражаясь за вас в вашей же битве, когда прилетели Стервятники. Разве вы не подумали? Разве вы не обеспокоились?»

«Я подумал, что вы тоже отступили!»

«Почему? Потому что вы так сделали? Не все мы бесхарактерные черви, Гадовин.» Гадовин не ответил. Он уставил за плечо Вайлдера. Приближался Маршал ДеБрэй в сопровождении Майора Гаррогана, заместителя Гадовина.

Люди уважительно отступили дальше. ДеБрэй вошел в круг танкистов. Маленький человек, с белыми волосами и постоянным безразличным выражением на морщинистом лице, ДеБрэй осмотрел их с ног до головы.

«Отступите, Полковник Вайлдер,» сказал он. «Вы не вправе объявлять выговоры. Это вы приковали этого человека, комиссар?»

Харк кивнул.

ДеБрэй уставился на Гадовина. «Я прочитал предварительные данные, Гадовин. Не самая приятная картина. Во-первых, вы должны были наступать. Во-вторых, вам нужно было держаться, как и говорил вам Вайлдер. И в-третьих, авиаудар был фантастически плохой идеей.»

«Ситуация была критической, сэр,» сказал Гадовин. «Там были мины и --»

«Смешно, мины. Это война. Вы говнюк, Гадовин. Но вы и все ваше подразделение недавно созданы и новенькие на этом театре войны. Вы начали с очень плохого старта, но я надеюсь, что вы сможете извлечь уроки из всего этого и будете действовать вместе. И быстро. Будьте отважными, будьте решительными, придерживайтесь плана, и когда опытный офицер, как Вайлдер, дает вам совет, следуйте ему, черт возьми. Ясно?»

«Сэр.»

«Быть прикованным, униженным и обозванным говнюком перед своими же людьми, возможно, достаточное наказание. Освободите его, пожалуйста, комиссар.»

Харк помешкал, затем вышел вперед и освободил Гадовина.

«Вы хотите просто позволить ему --» начал Вайлдер.

«Ап-пап-пап!» сказал ДеБрэй, поднимая руку. «Я разделяю вашу злобу, Вайлдер, но я вам говорил, что вы не вправе объявлять выговоры.»

«Вообще-то, маршал, как и вы,» резко сказал Харк. «Этот человек сегодня был уличен в уклонении от долга на службе Богу-Императору. Несомненном уклонении.» Он повернулся. Маленький автопистолет появился в его руке. Единственный выстрел заставил всех вздрогнуть. Гадовин врезался в заднюю часть Химеры, кровавый цветок из задней части его головы украсил бронепластины. Он упал на лицо.

Хауберканцы вокруг глазели в немом страхе. ДеБрэй бросил взгляд на Харка.

«Дисциплина и наказания в сфере деятельности Комиссариата,» четко сказал Харк, чтобы все могли услышать. «Нам не нужно слышать ни слова от вас по этому поводу, маршал. Экипажи Хауберканцев научиться из этой демонстрации тому, что Имперская Гвардия, Магистр Войны Макарот и сам Император не потерпят некомпетентности или трусости, особенно от фронтовых офицеров. Майор Герроган, я надеюсь, что это послужит вам достаточным вдохновением, чтобы быть намного лучшим полковым командиром, чем ваш предшественник. Уберитесь тут, и возьмите себя в руки.»

Он засунул пистолет в кобуру и ушел. ДеБрэй фыркнул, бросил безрадостно взгляд на Вайлдера, и затем быстро пошел на свой командный пункт. «Тот доклад, пожалуйста, Вайлдер!» крикнул он через плечо.

Вайлдер догнал Харка на полпути к помещениям Восемьдесят Первого Первого.

«Что еще?» сказал Харк.

«Ничего, я просто...» Вайлдер пожал плечами. «Люди дезертировали в поле, и вы позволили им убежать, но вы были почти счастливы казнить офицера.»

«Да. Пусть это будет уроком для вас,» сказал Харк. Он остановился и повернулся к Вайлдеру.

«Конечно же, я шучу. Мне хотелось бы думать, что это сможет просветить вас немного, насчет моего подхода. Люди дезертировали в поле. Они боялись. Почему они боялись? Потому что их не направляли умело. Должны ли они были быть казнены за простую, человеческую слабость? Нет, я так не думаю. Я думаю, что им нужен твердый лидер, чтобы такое больше не повторилось. Ошибка офицера, и вся структура рушится. Гадовин был тем, почему те люди бежали. Гадовин был ошибкой. Поэтому я вынес ему свое неодобрение.»

Вайлдер кивнул.

«Между нами все нормально?» спросил Харк.

«Да.» Харк начал снова идти.

«Харк?»

«Что, полковник?»

Вайлдер вытащил сообщение. «Я получил его недавно. Я подумал, может вам на него взглянуть.» Харк прочитал. «Это подтверждено, сэр?»

«Да.»

«Святой Трон. Они живы? После всего... Ладно, это неожиданно. Вы кому-нибудь говорили?»

«Нет. Вы первый.»

Харк кивнул. «Нам лучше обсудить, как мы с этим поступим. Как мы скажем Призракам, что Гаунт все еще жив?»

ОДИННАДЦАТЬ

12.32, 193.776.M41

Зона Отправки, Осколочные Равнины, Штаб

Спаршадская Боевая Зона, Анкреон Секстус

В сильной полуденной жаре, турбодвигатели Валькирии заработали, сотрясая корпус летательного аппарата. Летчик-сержант, подергав, проверил ремни безопасности Ладда, затем Гаунта, но не стал делать то же самое с ремнями Эзры.

«Все в порядке,» сказал Гаунт.

Летчик-сержант кивнул, затем просигналил пилоту. Рев двигателей внезапно усилился, как будто они были готовы взорваться, а затем штурмовой транспортник поднялся в воздух.

Сержант оставил боковые двери грузового отсека открытыми, и стоял в проеме по левую руку, позади закрепленного тяжелого болтера, одной рукой схватившись за поручень. За его силуэтом и темной аркой крыла, Ладд мог видеть, как проносится яркий мир. Сначала немного, пока они удалялись на низкой высоте от Левиафанов, вдоль тентового городка и автопарка Осколочных Равнин, развевающихся флагов, забора из мачт воксов, размытых мимолетных деталей. Затем они начали подниматься, направившись на север. Вид снаружи стал цельными белыми просторами самих Равнин, яркой перспективой отраженного света. Валькирия слегка наклонилась, делая широкий разворот с набором высоты, и через дверь по правую руку Ладд мог видеть их крошечную, четкую тень, черный дротик, который преследовал их по яркой поверхности пустыни далеко внизу, мерцая и подпрыгивая, когда искажалась дюнами и гребнями.

«До монса примерно пятнадцать минут лету,» прокричал сержант.

Гаунт кивнул и проверил свой хронометр. Ладд заметил, что Гаунт возится с ремешком. Часы были Гвардейскими, мощными, изрядно поношенными, но браслет был давно утерян, и его заменил плетеный шнурок, выглядящий как, кожа с соломой.

«Мы можем найти вам новые на складе, сэр,» прокричал Ладд сквозь шум двигателей.

«Все нормально,» отозвался Гаунт. «Они показывали время на Гереоне, и здесь они тоже будут показывать.» Ладд бросил взгляд на Эзру. Со сложенными руками,

Нихтгейнец выглядел так, как будто спит. Но за его старыми, поношенными солнечными очками, было невозможно определить. Внезапно у Ладда появилось волнующее чувство, что Эзра, вообще-то, пристально смотрит на него. Он быстро посмотрел в сторону.

Внизу, в ослепляющей белой пустыне, он видел черные точки, темные линии и вихри пыли. Большое число солдат и колонн машин двигались от Осколочных Равнин, чтобы ворваться в битву у Монса. Это было колоссальное предприятие. Ладд сильно удивился, какое препятствие могло потребовать таких усилий. Спаршад Монс был всего лишь одним из восьми степных городов на Анкреон Секстусе, в данный момент штурмуемых армиями Вон Войтца. Изгнанные с равнин и из современных городов Анкреона во время первой фазы освобождения, армии культистов Губительных Сил нашли убежище в древних монолитах, там, где они были сейчас, по сообщениям, делая весьма хорошую работу по сдерживанию Империиума.

Прозвучал щелчок вокса, и сержант ловко захлопнул боковые двери и запечатал их. Рев двигателя не уменьшился, но его звук изменился и стал глубже.

«Приближаемся к дыму,» объяснил сержант. Как по сигналу, маленькие окошки на дверях грузового отсека внезапно стали темными от пепельных паров, и Валькирия начала брыкаться и вибрировать. Они летели через обширное поле смога, которое закрывало вид на Спаршад Монс с Осколочных Равнин.

Вибрация уменьшилась, и после, примерно, трех минут, сержант снова открыл боковые двери.

Испарения все еще струились с боков транспортного средства, но воздух снаружи снова был чистым, а солнечный свет ослепительным.

Валькирия снова начала наклоняться, и Ладд заметил новые детали на земле внизу. Кучи скал, разрушенные каменные плиты, случайные вспышки солнечного света на металле. Гаунт отстегнулся, и встал на ноги, пройдя к двери позади сержанта. Ладд не мог слышать их разговора, но член экипажа указывал на различные вещи снаружи.

Ладд тоже отстегнул свои ремни безопасности, и пошел к ним. Было тяжело сохранять равновесие на трясущейся, наклоненной металлической палубе, чем это показывал Гаунт. Ладд убедился, что он пристегнут к поручню безопасности.

«Спаршад Монс,» сказал ему Гаунт с кивком головы.

Из открытой двери, Ладд впервые увидел Монс. Он ожидал чего-то большого, но это превзошло его ожидания. Монс был огромным: широким, возвышающимся, циклопическим, не столько рукотворным монументом, сколько горной вершиной, прорезанной большими угловатыми ступенями от широких окраин до срезанной верхушки. Камень, из которого он был высечен – не родного для этого пустынного региона, а, фактически, добытого в каменоломнях на низких равнинах в тысячах километрах к западу, и доставленного сюда по неизвестным причинам – мерцал розовым и серым в солнечном свете.

Из брифингов Ладд знал, что Монс был структурой из концентрических стен, восходящих к пику. Стены, в сотни метров в высоту и монументально толстые, были окружены так называемыми отсеками, значительными участками диких мест, открытыми небу. По какому-то капризу климата и топографии, эти отсеки – некоторые были размерами двадцать километров на десять – поддерживали целые экосистемы растений и животных, насыщались неизвестно откуда бравшимися подземными водными источниками, не обращая внимания на пустыни снаружи. Отсеки по окружности были связаны по цепочке, соединенные друг с другом гигантскими внутренними воротами, и Имперские захватчики обнаружили и озадачились тем, что экосистема и местность одного отсека могла дико отличаться от местности непосредственного соседа.

Сводки так же акцентировали внимание на том, что к центру Монса не было прямой дороги. Врата отсека – окрещенного, с типичным отсутствием воображения у военных, первым отсеком – позволяли войти на базовый уровень, а затем соединялись с другими отсеками подобно лабиринту. Каждая зона была сильно защищена, каждый отсек формировал огороженный «затерянный мир», поэтому Гвардии приходилось пробиваться через нее к следующим воротам. К настоящему времени только семь отсеков были преодолены.

«Для чего это было построено?» прокричал Ладд.

Гаунт помотал головой, все еще всматриваясь наружу. «Никто не знает. Никто даже не знает, построено ли все это было людьми. Но мультикурсовой план предполагает какую-то ритуальную или символическую цель.»

«Какой...?»

«Мультикурсовой, Ладд. Образец альтернативных путей, некоторых ведущих в никуда, некоторых к центру.»

«Как лабиринт, сэр?»

«Вообще-то, нет. Лабиринт – однокурсовой. У него всего лишь один путь, без тупиков или альтернативных путей. Беспорядок – мультикурсовой. Задуманный, как головоломка, загадка.»

«Значит архивраг прямо в центре этой штуки, и нам нужно найти правильный путь, чтобы добраться до него? С каких пор война была такой сложной?» прокричал Ладд.

«С незапамятных времен,» крикнул в ответ Гаунт.

«Почему они просто не сравнивали это место с землей с орбиты и не прекратили все это кровопролитие?»

«Да я сам удивляюсь,» сказал Гаунт.

Валькирия опустилась ниже. Течение времени и наступление пустыни разрушили то, что однажды было внешними кольцами отсеков вокруг основы Монса. Белый песок был густо усыпан упавшими каменными блоками и кусками когда-то огромных стен. Внутри этих размытых кольцевых форм, Ладд мог видеть длинные огневые позиции Имперской артиллерии, окопанной и посылающей снаряды на более высокие ступени внутреннего Монса.

Все еще на низкой высоте, они полетели к бастиянам первого отсека. Плотность Имперских машин и людских ресурсов под ними возросла. Теперь в воздухе было еще движение: транспорты и штурмовики пролетали мимо них боевыми порядками.

Вход в первый отсек исчез, его великие врата развалились на отдельные камни. Внутри разбитой глотки отсека, линии изуродованных колонн, каждая десять метров в диаметре, шли в поросшую кустарником пустыню внутренней части отсека. Ладд

видел полевые станции, моря палаток, сортировочные станции бронетехники, мобильные мостовые установки саперных подразделений для переправы через русла рек и овраги. Он видел танки на марше, мерцающие на свету. Картина была накрыта тенью от обращенной к солнцу стены.

Казалось, что они летят прямо к колоссальной стене отсека, но Ладд осознал, что то, что он принял за тень, было, на самом деле, огромным входом, черным, как смола. Он был, по меньшей мере, сотню метров высотой, почти столь же широкий, с аркой наверху. Когда они подлетали ближе, Ладд обнаружил, что может рассмотреть старые следы резьбы и барельефы вокруг гигантских врат, сглаженные веками и покрытые массивной драпировкой из сухих лиан и лишайника.

Последовал внезапный скачок давления и звук двигателя изменился, когда они влетели во врата. Они нырнули в прохладную темноту, длинную пещеру из камня, подсвеченного снизу горелками и рядами прожекторов. Дальний конец входа впереди них сиял, арка солнечного света в темноте.

С еще одним хлопком воздуха, они влетели во второй отсек. Обширное пространство было ковром из коричневого подлеска и островков розоватых кустарников, чередующимися с белыми линиями дорог и случайными старыми каменными руинами. Здесь были места, где подлесок был черным, там, где огонь выжег большие куски растительного покрова. Ладд видел перекрученные остовы боевых машин и другие мертвые реликвии оставшиеся от первой фазы сражения. К северу от них, далеко внизу отсека, территория все еще горела. Гонимые ветром клубы черного дыма проносились мимо них.

Они наклонились на правый борт. Примерно в трех километрах вдоль стены отсека по правую руку, замаячил еще один огромный проход, его фасад был сильно испещерен и выгорел от артобстрела. Ладд мельком замечал ракетные батареи и артиллерийские позиции, расположенные группами вокруг прохода, когда они влетали в него, в темноту, и вылетали с другой стороны.

«Третий отсек,» сказал сержант.

Эта секция Монса, такая же широкая и огромная, как и две предыдущих, пролежала на северо-восток, и мягко изгибалась налево, следуя плавному кругу степного города.

Внизу, земля была грубой и неровной, с выходящим на поверхность гранитом и широкими прудами или озерами, которые отражали крошечное изображение транспортника, как зеркала. Здесь было больше дорог, больше поврежденных и выгоревших мест. Ладд видел несколько больших кратеров от взрывов, сотнями метров в ширину, заполненных темной водой.

Гаунт подтолкнул его локтем и указал вперед. На большом участке низины перед ними раскинулась Имперская станция значительного размера. Тесно расположенные авеню из палаток, укрытые сеткой склады, мачты связи, сборные строения, передвижные пусковые установки и ангары, большие местные руины, которые были перестроены под военные нужды. Логистическая база Третьего Отсека, так же известная, как пункт 10.

Даже с воздуха было ясно, что станция кипит от активности.

С серией переворачивающих желудок мягких спусков, пилот повел транспортник вниз, кружа вокруг пункта перед тем, как направить его к широкому плоскому участку выжженной земли к югу от главного комплекса, туда, где гигантский орел был грубо нарисован на земле белой краской. Два Стервятника и разведывательный самолет типа Нимфа стояли на краю поля. Член наземной команды бежал в центр потертого орла, и махал парой светящихся палочек. Валькирия осторожно начала спускаться, завывая двигателями, и с толчком приземлилась. Тотчас звук двигателей начал уменьшаться.

Гаунт и Ладд спрыгнули в солнечный свет и сухой, ароматный жар. Эзра последовал за ними, выходя наружу более осторожно, низко пригнув голову под подпорками крыла. Сержант выгрузил их вещмешки и Гаунт кивнул ему в знак благодарности. Сержант кивнул в ответ, быстро отдав честь, а затем пошел отстегивать груз с медицинскими припасами и скоропортящимися товарами, которые отправили с ними на станцию.

Ладд пошел забрать мешки, но Эзра уже взял их—все, кроме вещмешка Ладда.

«Этот тоже,» сказал Гаунт.

Без усилий, Нихтгейнец поднял также мешок Ладда.

«Тебе нужна помощь?» спросил его Ладд.

Эзра не ответил. Он просто стоял, невозмутимый, нагруженный мешками.

«А, может быть, и нет,» сказал Ладд. Гаунт уже шел по посадочной площадке, и Ладд побежал вслед за ним.

«Не думаю, что я ему нравлюсь, сэр,» сказал он.

«Кому?»

«Эзре.»

«Ох. Ты, возможно, прав. Он не принимает людей быстро. Возможно, он думает, что ты хочешь отобрать его работу.»

«Его работу, сэр? Какую работу?»

«Присматривать за мной. Он очень серьезно подходит к этому и в этом он очень хорош.» Гаунт обернулся к Нихтгейнцу, идущему за ними. «Сколько раз, Эзра? Пряети, хвел мени маттр уитт веролл?»

«Хистю, сефен маттр, соуле,» ответил Эзра, вязким и густым голосом.

«Семь. Он семь раз спасал мне жизнь,» сказал Гаунт Ладду.

Они почти дошли до края посадочной площадки. Флажки, показывающие скорость ветра и ослепительные воздушные буи трепетали на соединенных проволокой столбах. Офицер в бледной форме приближался, чтобы поприветствовать их, в сопровождении двух солдат. Они остановились рядом и офицер, капитан, отдал честь Гаунту. Это был человек с бледной кожей, узким ртом и слезящимися голубыми глазами.

«Комиссар Гаунт? Капитан Айэнмедоу. Добро пожаловать на пункт 10. Маршал ожидает вас.»

«Спасибо, капитан. Это мой подчиненный, Ладд.»

«Сэр,» кивнул Айэнмедоу. Он сделал паузу и посмотрел искоса на Нихтгейнца. «А это?»

«Эзра Ночь. Он со мной, капитан. Не доставайте его, и он вас не убьет.»

«Что ж, это замечательно,» сказал Айэнмидоу, пытаюсь не показать, что он не понял то, что ему только что сказали. «Сюда, комиссар.»

Они спустились по ступенькам и направились по деревянной дорожке к главной станции. Это была местная развалина, дом, старый, как мир, залатанный и укрепленный отрядами саперов. Батареи Гидр скрывались в выкопанных гнездах вдоль северной стороны, их длинные стволы автопушек устремлялись в небо.

«Из какого вы подразделения, капитан?» спросил Гаунт, пока они шли.

«Второй Фортис Бинарский, сэр,» ответил Айэнмидоу.

«Серьезно? Я слышал, что Фортис, наконец-то, стал достаточно сильным для основания.»

«Уже три, вообще-то, сэр. Мы очень счастливы вступить в войну. Я должен сказать, что я попросил о чести встретить вас. Каждый человек из Бинарских знает имя Гаунта. С освобождения.»

«Я был одним из многих, капитан.»

«Одним их многих, без которых мир-кузня Фортис Бинари все еще был бы в рабстве у архиврага.»

«Это было уже очень давно,» сказал Гаунт. «Я не хочу, чтобы ты относился ко мне, как к герою.»

«Нет, сэр.»

«Только со смиренным страхом и подозрением, с каким обычно относятся к офицеру Комиссариата.»

Айэнмидоу заморгал. Он заметил, что Гаунт чуть ли не улыбается, так что принял это за разрешение посмеяться над тем что, он искренне надеялся, было шуткой.

«Да, сэр.»

Они вошли в сумрак дома. Место, почти без окон, освещалось светосферами и люминисцентными полосами. Коридор был завален ящиками с амуницией и грузами, а пол покрывали металлические решетки над паутиной силовых и информационных кабелей. Ладд мог слышать щелкания когитаторов и жужжание оборудования.

«Сюда, сэр,» сказал Айэнмидоу. «Маршал вон там внизу.» Маршал Расмус Саутой поднялся из-за своего стола, когда они вошли в командный пункт станции. Среднего телосложения, он был толстым, с серой бородкой и добрым взглядом, и на левой стороне его пурпурного плаща были ряды орденских планок.

«Ибрам Гаунт!» объявил он, протягивая руку, как будто встречает старого друга.

«Маршал,» ответил Гаунт, кратко пожав его руку. У него не было особенного желания воспользоваться именем. Было ясно, что Саутой хотел продемонстрировать, что между ними была какая-то старая история.

«Много времени прошло с Фортиса,» сказал Саутой.

«В самом деле, много.»

«С тех пор у тебя появился впечатляющий послужной список. Вдохновляющее чтение. Забавно, как судьба свела нас снова вместе.»

«Судьба вообще забавная штука.»

Саутой громко рассмеялся. «Садись, Ибрам. И твой заместитель тоже. Это твой человек?»

«Эзра, подожди меня снаружи,» сказал Гаунт. Даже не кивнув, Нихтгейнец вышел.

«Могу я предложить тебе кофеину? Может чего-нибудь покрепче?»

«Только воды, спасибо,» сказал Гаунт. Он уже ощущал нехватку воды в организме от жары на протяжении поездки.

«Аэйнмидоу, воды, пожалуйста.» Капитан Бинарцев поспешил прочь.

«Итак, Ибрам, добро пожаловать на этот конец войны.» Саутой сел в свое кресло, но повернул его лицом к гостям. Командный пункт был блинным и с низким потолком.

Дальше от места маршала, со столом со схемами, картами на стенах и кипами документов, остальная комната была заполнена тактическими кодификаторами и когитаторами, обслуживаемыми офицерами Гвардии и советниками из Тактика Империалис. На фоне было постоянное бормотание.

«Как я понял, ты прибыл к нам в должности комиссара,» сказал Саутой. «Трон знает, что нам это нужно. Этот театр боевых действий заполнен людьми, Ибрам, но большая часть из них свежие и зеленые.»

«Это я понял,» сказал Гаунт. «Какова численность офицеров Комиссариата на количество людей?»

«Примерно один на семь сотен,» сказал Саутой. «Прискорбно мало. Нужно разбираться. Дисциплина, дисциплина. Здесь недостаток характера и духа. Высокий уровень дезертирства. Хотя, если честно, это место нервирует даже опытных Гвардейцев.»

Айэнмидоу вернулся с бутылками с водой и дал их Гаунту и Ладду.

«Вы можете нам рассказать вкратце о ситуации в этом отсеке, сэр?» сказал Гаунт.

Саутой кивнул, и очистил поверхность схемы большого разрешения на своем столе. «Третий отсек, названный так, потому что он был третьей секцией, которую нужно было пройти. На ранних этапах хорошо обороняемая, пока враг не отступил. У меня здесь девять полков, пехота, плюс бронетехника, чтобы составить три полных механизированных подразделения. Я запрашивал больше, но нам нужно ждать. Основная концентрация войск здесь, на пункте 10, здесь на пункте 12, и здесь, пункт 15. Итак, горячие зоны следующие: мы взломали ворота в северной стене вот здесь четыре дня назад, так что мы с боями продвигаемся к отсеку, обозначенному как 'седьмой'. В первые дни было очень жестко. Потом, примерно в четырех километрах дальше вдоль той же стены, здесь, видите, ворота к девятому отсеку. Мы еще не пробились сквозь них. Местность вокруг врат серьезно защищена и покрыта лесом. Здесь происходит настоящая драка. На самом деле, я собираюсь туда завтра, чтобы самому все посмотреть, и не хотите ли присоединиться ко мне?»

«Скорее всего, я сделаю это, маршал. Мне бы хотелось войти в курс дела так быстро, как только возможно.» Гаунт указал на схему. «Кажется здесь еще одни ворота, на самом дальнем конце этого отсека.»

«Точно. Они ведут в восьмой отсек. Наши разведчики давно там были. Восьмой пуст, тупик. Ворота не защищались, и зона была пустой. Мы так же нашли еще тупики, как этот. Мы просто вычеркнули его и сконцентрировались на Седьмом и Девятом.»

«Сколько позиций остается сейчас у врага в Третьем, сэр?»

Саутой пожал плечами. «Очень мало. Немного мятежников, случайные столкновения. Большинство были уничтожены или отброшены. Я не говорю, что здесь безопасно – патрули натываются на перестрелки, но Третий по большей части наш. Ох, за исключением сталкеров.»

«Сталкеры?»

«Ночная угроза, Ибрам,» сказал Саутой. «Мы не можем понять, являются ли они естественными хищниками в этой среде обитания, или чем-то, что архивраг может выпустить под покровом темноты. Они были обнаружены во всех отсеках, хотя чем дальше мы забираемся, тем их больше. Ублюдочные твари. Парни называют из по-разному: сталкеры, привидения, существа, огры. Ужасные, ужасные существа. Самое удивительное, что мы не смогли отследить их до источника. Ни логова, ни признаков того, где они прячутся днем.»

Саутой отвернулся от стола и посмотрел на Гаунта. «Итак, как ты планируешь действовать, Ибрам?»

«Я несколько дней проведу, вникая в дела, встречусь с командирами подразделений и другими комиссарами. Сделаю свои собственные выводы и сфокусирую свои усилия там, где мне покажется наиболее важным.»

«И что тебе потребуется от меня?»

«Жилье здесь, можно только палатку. Транспорт, и уполномоченного связного, офицера, для начала. Так же, полный доступ в отсеке, дневные коммуникационные коды, и самый свежий список расположения войск.»

«Без проблем,» сказал Саутей. «Я могу дать тебе список прямо сейчас.» Он взял планшет с полки возле стола и дал его Гаунту. «Как ты видишь, большинство подразделений зеленые, как орки. Свежая кровь. Ой, Айэнмидоу, не выгляди таким озабоченным. Бинарцы тоже новенькие, но они хорошо себя зарекомендовали, большое тебе спасибо.»

«Да, маршал,» кивнул Айэнмидоу.

«Айэнмидоу будет твоим связным, если у тебя нет возражений?»

«Никаких,» сказал Гаунт.

«Хорошо, не буду задерживать тебя,» сказал Саутей. Он снова протянул руку, и Гаунт пожал ее так же кратко, как и в первый раз. «Мой штаб обедает в 12.00 по местному, если захочешь к нам присоединиться. Я позабочусь, чтобы места были, если захочешь.»

«Спасибо, маршал.»

«Кстати, Ибрам?» сказал Саутей. «Что случилось с тем твоим подразделением? Ты же командовал какое-то время, так ведь?»

«Я потерял их, сэр,» сказал Гаунт.

Позади Айэнмидоу, с Эзрой на хвосте, Гаунт с Ладдом направились в офис логистики в дальнем конце дома.

«Подождите здесь, сэр,» сказал Айэнмидоу. «Я получу для вас место проживания.» Капитан исчез в офисе.

«Ты не выпил всю свою воду,» сказал Гаунт Ладду.

«Я не хотел пить.»

«Выпей ее в следующий раз. Всю. Как только появится шанс. Обезвоживание в этой жаре будет большим, а я хочу, чтобы ты был наблюдательным, с ясной головой и надежным.»

«Да, комиссар.»

Они ждали. «Вы сказали, что знаете маршала, сэр? Он, определенно, действовал так, словно вы были друзьями,» сказал Ладд.

«Тебе лучше читать язык моего тела, а не его. Да, я знаю Саутю. С Фортис Бинари. Тогда я был под командованием Дравере. Гнусный ублюдок, жестокий, как хлыст. Тогда Саутю был полковником, в раздувшемся штабе Дравере. Сплошные подхалимы и невежды. Саутю был офисным воякой, как я его помню, и я сомневаюсь, что он повзрослел. Он перенял от своего старого командира носить медали, которые мало что значат. И он обеспокоен тем, чтобы показать себя хорошо перед боевыми ветеранами такими, как я. Ты слышал, как он старается использовать мое имя, как будто мы с ним были приятелями? Это все для того, чтобы впечатлить Айэнмидоу. Это все дойдет до солдат.»

«Он вам не нравится?»

«Возможно, Саутю достаточно безобидный, но это так. Он безобидный. Беззубый. Он так увлекся, чтобы впечатлить нас тем, насколько силы Гвардии здесь зеленые. Свежие, новобранцы, дети, большинство из них, которые только пробуют на вкус настоящую боевую зону. О чем Саутю позабыл упомянуть, что то же самое можно было бы сказать и об офицерах, даже о старшем офицерском составе. Ох, здесь есть исключения... Вон Войтц, естественно, и Хумель и Келсо... но по большей части, Макарот забрал сливки с собой на передовую. На этом Втором Фронте сражаются дети, управляемые неопытными и неквалифицированными командирами. Неудивительно, что уровень дезертирства и порчи такие высокие.» Ладд пытался выглядеть задумчивым, надеясь, что разговор не дойдет до его собственного отсутствия боевого опыта.

«Черт,» внезапно сказал Гаунт. «Я абсолютно забыл задать Саутю главный вопрос.»

«Какой, сэр?» спросил Ладд.

«Тот, который ты задавал.»

Айэнмидоу вернулся. «Я получил для вас место. Оно рядом с расположением Бинарцев. Я отведу вас туда.»

Они вышли на яркий солнечный свет. Ладд потянулся за своими солнечными очками.

«Интересно, сможешь ли ты ответить на вопрос, Айэнмидоу?»

«Я попытаюсь, сэр.»

«Почему Гвардия продвигается по степным городам этим способом? Почему бы их не уничтожить с орбиты?»

Айэнмидоу нахмурился. «Я... я никогда об этом не думал, комиссар,» сказал он. «Я выясню.» Айэнмидоу недолго вел их по оживленному пункту к расположению Фортис Бинарцев. В рядах жилых палаток, молодой солдаты в бледных одеждах отдыхали и разговаривали, курили, гоняли мячи, или просто лежали на своих койках, избегая солнца, под защитой палаток. Многие молодые люди приветствовали капитана, и с настороженностью отстранялись, когда видели, кто был с ним.

«Эта подойдет?» спросил Айэнмидоу, указывая на пустую палатку в конце одного ряда. Это была четырехместная модель, рассчитанная на офицеров.

«Нормально, капитан,» сказал Гаунт, кивая Эзре, чтобы он отнес снаряжение внутрь. Палатка стояла рядом с дорогой, идущей через лагерь, и всего лишь в пяти минутах ходьбы до Командного пункта.

«Отлично, капитан,» сказал Гаунт Айэнмидоу. «Дайте час, чтобы обустроиться. Потом пришлите мне транспорт. И принесите сюда воды.»

«Да, сэр,» кивнул Айэнмидоу, и ушел.

Гаунт снял свои фуражку и плащ, и сел на один из маленьких стульев внутри палатки. Он просматривал список расположений войск, который Саутой дал ему.

«Трон,» погодя сказал он. «Они не лгали об уровне дезертирства. Девятнадцать солдат арестовали за последнюю неделю, подозревая порчу.» Он посмотрел на Ладда. «Знай, каково это. И смотри --»

Гаунт держал планшет так, чтобы Ладд смог увидеть. «Еще заболевания. Выше нормального уровня, я имею в виду. Особенно плохо на пункте 15. Серьезное истощение человеческих сил.» Он опустил планшет. «Прогуляемся,» сказал он.

«Куда?»

«Просто вокруг,» ответил Гаунт. Он посмотрел на Эзру. «Рестю херейн, соуле,» сказал он.

Нихтгейнец лег на одну из коек.

Снаружи, Гаунт повернулся к двум солдатам Фортис Бинари, играющим в карты под навесом палатки.

«Вы.»

Они подпрыгнули. «Да, сэр!»

«Никому не входить в ту палатку, и не тревожить человека внутри, ясно? Я рассчитываю на вас обоих.»

«Да, сэр!»

Они пошли по границе пункта 10. Это был обычный большой Гвардейский лагерь, такой же, какие Гаунт видел раньше много раз. Большие сборные постройки, в которых были столовые, склады и мастерские, брезентовые палатки полевых станций, упорядоченные пролеты жилых палаток, ряды припаркованных машин. Транспорты и легкая бронетехника громыхали на дороге, солдаты спешили к своим обязанностям. На плацах тренировались отряды. Ладд видел группу только что прибывшей пехоты, высаживающейся из грузовиков, пока лихтеры выгружали их ящики со снаряжением. Чувствовался запах готовки, и острый запах часто посещаемых уборных. Перед огромной палаткой взвод Гвардейцев в полном боевом облачении припал на колени, чтобы получить благословение от закутанного в робу экклезиарха.

«Чтобы противостоять ужасам войны,» заметил Ладд.

«Эти ждут отправки в горячие точки,» сказал Гаунт. «То же самое здесь.» Он постучал по своей груди.

«Единственная наиболее вероятная причина, по которой человек дезертирует в страхе – это страх перед неизвестным.

Для новых рекрутов, этот страх означает все. Они не видели битвы, они не видели ран или смерти. Возможно, они никогда раньше не покидали своих миров, и,

определенно, никогда не были так далеко от своих семей и от знакомых вещей. Этот пункт выглядит достаточно хорошим, но для большинства из них это, возможно, одинокое, чужеродное место. И их сны полны наступающим кошмаром. Поэтому они ломаются и бегут.»

«Сердце кровью обливается,» пробормотал Ладд.

Гаунт улыбнулся. «Для такого молодого человека – и, прости меня, за то, что говорю это, такой неопытной личности – ты весьма тверд, Ладд. Ты прошел через это, или ты всегда был создан для таких жестких вещей?»

Ладд пожал плечами, наслаждаясь вроде-бы-комплиментом. «Я понял, что вы сказали об этих молодых людях, сэр, но я никогда не испытывал такие чувства. У меня никогда не было особой привязанности к какому-то дому. С самых малых лет я не хотел ничего, кроме как следовать путем моего отца. И, кажется, вы забыли, что я продукт обучения в Комиссариате.»

«Знаешь, почему-то я это забыл. Какая школа?»

«Сакер Вулгатус, как и мой отец. А вы, сэр?»

«Игнатиус Кардинал, так давно, что я уже не пытаюсь вспомнить.» Они остановились на стоянке машин, в западном конце пункта. Гаунт снял фуражку, вытер брови и пристально посмотрел на гранитные породы и сверкающие озера третьего отсека.

«Что за странное место, чтобы вести войну,» сказал он.

«Нам нужно идти назад,» заметил Ладд, проверяя свои часы. «Айэнмидоу будет проверять, а я сомневаюсь, что вы хотите, чтобы он остался в руках Эзры.» Мысль заставила Гаунта тихо засмеяться. Он проверял свой хронометр, а затем начал спускать рукава своего плаща.

«Сэр?»

«Фесова вещь,» проворчал Гаунт, сражаясь с рукавом. Он, наконец-то, выудил наружу свой хронометр. Примитивный ремешок порвался, и часы упали внутрь. Он привязал прибор к запястью.

«Мы бы могли --»

«Не говори этого, Ладд.»

Они начали возвращаться тем же путем к расположению Бинарцев. Внезапно Ладд осознал, что он идет один. Он огляделся. Гаунт зашел в тень склада и тихо стоял, глядя на что-то.

«Что такое?» спросил Ладд, присоединяясь к нему.

«Вон те парни,» сказал Гаунт. На другой стороне дороги, которая была забита проезжающими машинами, Ладд увидел парковку, где были припаркованы несколько грузовиков-8, позади склада Муниторума. Семеро солдат в хаки, с закатанными рукавами, загружали ящики с рационами на один из грузовиков.

«А что с ними?»

«Они занимались этим, когда мы прошли мимо десять минут назад,» сказал Гаунт. «Сколько времени нужно, чтобы семь человек загрузили пачку коробок?»

Ладд пожал плечами. «Я не вижу --»

«Тогда попытайся, сынок. Что конкретно ты видишь? Как комиссар, я имею в виду?» Ладд снова посмотрел, чрезвычайно стараясь увидеть то, что видели опытные глаза Гаунта.

«Ну так, Ладд?»

«Семь человек...»

«Какое подразделение?»

«Ой, Колстекский Сороковой, может быть Сорок Первый.»

«Что они делают?»

«Загружают рационы на транспорт.»

«Это все, что ты видишь?»

«Они выглядят... расслабленными.»

«Да. Почти безразличными. Как будто *пытаются* выглядеть расслабленными.»

«Я не думаю --»

«Где начальник от Муниторума, Ладд? На складе, ты не можешь ничего делать без старшего или высшего проверяющего. И с каких пор солдаты загружают полевые припасы? Это работа для сервиторов.» Ладд посмотрел на Гаунта. «Со всем уважением, сэр, это все? Я имею в виду, здесь может быть сотня причин, чтобы объяснить все это.»

«И я знаю одну из них. Стой здесь. Прямо здесь, Ладд. Выдвигайся только если я позову тебя.»

«Комиссар...»

«Это был приказ, младший,» резко бросил Гаунт. Он пошел к дороге, пропустил транспорт с боеприпасами, проскользнул перед грузовиком-12, едущим в другую сторону, и встал на парковочной площадке до того, как кто-то из людей заметил его приближение.

«Как работается, парни?» сказал он.

Они прекратили работу и уставились на него. Все они носили солнечные очки, но Гаунт достаточно быстро считал язык их тел.»

«Я сказал, жаркая работа?»

«Да, комиссар,» сказал один из них, коренастый человек с нашивками сержанта артиллерии. «При такой-то погоде.»

«Да не говори,» сказал Гаунт, снимая фуражку и делая вид, что вытирает брови. «Что, нужно семь человек, чтобы погрузить этот картон?»

Сержант слегка наклонил голову, развеселившись. «Они тяжелые, сэр.»

«Уверен, что так.» Гаунт взглянул на еще двоих, которые все еще держали коробку. «Пожалуйста, парни, положите его. Вы заставляете меня потеть.» С тревогой, люди опустили коробку. Остальные стояли рядом с открытым задним бортом грузовика-8, и смотрели.

«Ой, ладно, я заставляю тебя нервничать,» примирительно сказал Гаунт. «Знаю, знаю, это все форма. Расслабься. Я новый на пункте, только что приехал. Я подошел только потому, что узнал форму. Колстек, правильно?»

«Да, сэр.»

«Какая часть?»

«Сорок Первая, Правда и Смелость,» сказал сержант. Несколько из его людей проворчали.

«Я служил рядом с Молотками. На Балгауте. Отличные солдаты, Молоты Колстека. Большие старые сапоги, которые наденет такой молодняк, как вы. »

«Да, сэр.»

«Да что такое?» спросил Гаунт. Он начал хлопать по карманам своего плаща.

«Черт возьми, куда я девал свои сигареты?»

Сержант вышел вперед и протянул пачку самокруток, которые вытащил из куртки.

Гаунт взял сигарету с лху и позволил сержанту запалить ее зажигалкой.

«Спасибо,» сказал Гаунт, выдыхая полный рот дыма. Он сделал шаг назад, и его пятка ударила по коробке, которую положили на землю двое людей. Она слегка сдвинулась на земле. Гаунт снова ударил по ней пяткой, не глядя. Она отъехала еще на полметра.

«Совет,» сказал он. «Когда вы притворяетесь, что грузите тяжелый картон, согните колени и сделайте так, как будто напрягаетесь. И фесово потейте. Вот как сейчас, вы поняли.» Он посмотрел на сержанта. «Хотя такого больше не произойдет.» Сержант прыгнул к Гаунту. Гаунт отбил кулак в сторону и ударил человека горячей сигаретой. Сержант с визгом отпрыгнул назад. Остальные задвигались. Один замахнулся на Гаунта, полностью промахнувшись, когда комиссар пригнулся, и получил кулаком в лицо. Он отшатнулся, разбрызгивая кровь и выплевывая зубы, а Гаунт крутанулся, полы его плаща взлетели, чтобы ударить человека ногой в живот. Согнувшись, солдат упал на пустую картонную коробку и смял ее.

Еще трое рванули к нему. У одного в руках был железный обод.

На другой стороне дороги, Ладд начал бежать. «О, Трон!» бормотал он. «Ой, Святой Трон!»

Он выбежал на улицу, затем отпрыгнул назад, едва не попав под транспортник, который загудел на него. Ладд подождал, когда он проедет, затем побежал вперед, проскользнув между транспортом и механизированной тележкой с боеприпасами. На полпути ему пришлось остановиться, чтобы пропустить большой гусеничный транспортер.

«Ну же!» закричал он на ползущий грузовик. «Ну же!»

Потеряв фуражку, Гаунт низко пригнулся и сильно ударил кулаком солдата в грудь, схватил его за рубашку и снова ударил. Когда человек упал, парализованный, Гаунт развернулся и выбил землю из-под ног у человека, бегущего к нему, затем встал, чтобы схватиться с солдатом с железным колесным ободом. Этот человек был большим, большим и молодым. На мгновение он напомнил Гаунту Брагга, большого, молчаливого и вовеки невинного.

Гаунт скрестил руки, чтобы встретить двуручный замах молодого человека, и поймал его в крепкий ножничный захват. Солдат попытался вырваться, стараясь использовать преимущество своего размера, но Гаунт уже ударил его под коленную чашечку и опрокинул. Когда солдат резко упал в сторону, Гаунт резко рванул его своим ножничным захватом, и тупой конец железного обода ударил по лицу следующего атакующего так сильно, что он отлетел назад, как будто его дернули.

«Ну же!» взвизгнул Ладд. Казалось, что гусеничному транспортеру нужна вечность, чтобы проехать.

Кулак врезался в челюсть Гаунта, резко развернув его голову в сторону. Гаунт почувствовал кровь на языке там, где он прокусил губу. Он сделал ложный выпад, одурачивший человека, а затем двинул ему прямым джебом, которому его когда-то научил Колм Корбек. Старый добрый Призовой фес-твое-лицо Номер Один.

Колстековец упал, свернувшись калачиком и завывая. Гаунт повернулся к последнему. Последний солдат упал на колени, трясаясь. «Пожалуйста, пожалуйста,

сэр, пожалуйста... они сказали, что это работает. Они сказали, что мы выберемся отсюда... пожалуйста... я только хотел...»

«Что?» резко бросил Гаунт.

«Домой, сэр. Я хотел попасть домой.»

Гаунт присел на корточки перед рыдающим парнем и отбил в сторону его руки от лица. «Смотри на меня. Смотри на меня! Теперь *это* дом, солдат. Эта зона! Она не заводит друзей и она не любит тебя, но именем Трона, ты здесь! Ты нужен Императору, парень! Тебе что никто не говорил этого? Император хочет, чтобы ты прославил его! Как ты сможешь это сделать, если побежишь домой?»

«Мне страшно, сэр... они сказали, что все будет хорошо... они сказали...»

«Тебе страшно? Тебе страшно? Как тебя зовут?»

Парень поднял на него взгляд. Его глаза были красными и мокрыми. Ему было не больше семнадцати.

Похож на Каффрана, подумал Гаунт. На Майло, Мерина, Кадера, на Полях Основания на Танит Магне.

«Теритч, сэр. Рядовой третьего класса Теритч.»

«Теритч, если тебе страшно, то я в ужасе. Архивраг не приятель. Ты увидишь вещи, и будь уверен, будешь делать такие вещи, от которых у твоей бедной матери случился бы припадок. Но Император рассчитывает и Император защищает, всех нас, даже тебя, Теритч. Даже тебя. Я клянусь в этом тебе.»

Теритч кивнул.

«Вставай,» сказал Гаунт, поднимаясь. Мальчик послушался. «Я думал, что вы собираетесь всех нас казнить,» прошептал он.

«Надо было,» сказал Гаунт. «На самом деле надо было, Но я думаю --»

«Лежать! Прямо там, где лежите! Не двигаться! Не дергаться!»

Гаунт обернулся. Ладд бежал, пригнув голову, держа свой лазерный пистолет обеими руками и нацелив его на стонущих людей на земле.

«Никому не двигаться, ублюдки!»

«Ладд?»

«Да, сэр!» ответил Ладд, переводя прицел с одного лежащего человека на другого.

«Убери оружие, ради Феса.»

Ладд выпрямился и медленно убрал оружие в кобуру.

«Все под контролем,» сказал ему Гаунт. «Вызови охрану, и помести этих людей под арест. Я разберусь с ними позже.»

Ладд кивнул. Он посмотрел на проделанную Гаунтом работу. Один мальчик, хнычущий в ладони, и пять катающихся и стонущих солдат в пыли. Гаунт пришел и разобрался с семерыми людьми с —

Один плюс пять равно —

«Сэр, а где еще один?»

Гаунт посмотрел на Ладда. «Что?»

«Здесь было семеро, сэр.»

Сержант артиллерии отсутствовал. Раздавленная сигарета с лхо Гаунта все еще дымилась на земле.

«Ладд --»

Двигатель транспортника-8 заревел. Он выехал из ряда и начал широкий поворот к улице.

«Задержи этих людей здесь, Ладд!» крикнул Гаунт, побежав за транспортником.

«Помаши оружием или еще что-нибудь!»

Ладд снова вытащил свой лазерный пистолет. «Все лицом в пыль. Ты тоже, мальчик.» Гаунт бежал. Грузовик выбрасывал грязь и выхлопные газы, когда поворачивал в конце следующего ряда припаркованных транспортных, и направился к дороге.

Гаунт вытащил один из своих новеньких болт-пистолетов, чистый и блестящий, девственный и нестреляный, и побежал, чтобы встать на пути транспортника-8. Он мог видеть, как сержант артиллерии сидит за рулем и ведет, как сумашедший.

Встав твердо, Гаунт поднял болт-пистолет.

«Тормози! Сейчас же!» прокричал он.

Грузовик остановился в десяти метрах от него. Турбодвигатель продолжал сильно реветь.

Выхлопные газы вырывались, как дыхание голодного дракона. Гаунт осознал, каким маленьким, хрупким и уязвимым он был, по сравнению с восемнадцатью тоннами ширококолесного транспортника.

«Заглуши двигатель. Выходи.»

Снова выхлоп, еще один рев двигателя.

«Ты еще не пересек черту, сержант артиллерии. Но скоро пересечешь,» крикнул Гаунт, передергивая затвор своего оружия. «Заглуши двигатель, выйди, и медленно подойди, и мы разберемся, как мужчины. Продолжишь в таком духе, и я обещаю, что ты будешь мертв.» Двигатель снова заревел. Транспортник-8 дернулся вперед на пару шагов.

Гаунт вздохнул и опустил оружие. «Ну ладно, продолжай. Ты можешь меня переехать. А потом что? Куда ты собираешься убежать? Больше некуда, кроме как остаться здесь, а здесь ты и останешься.»

Двигатель заревел в последний раз, и затих. С поднятыми руками, сержант артиллерии выбрался из кабины и лег на землю, лицом вниз.

Гаунт подошел к нему.

«Мудрое решение. Как тебя зовут?»

«Пекалд.»

«Мы позже поговорим, Сержант Пекалд.»

Уже ревели сирены. Персонал охраны неся по стоянке.

«Я арестовал,» сказал Гаунт одному из приближающихся солдат, когда шел от распростертого Пекалда. «Меня зовут Гаунт. Поместите их всех под арест и пусть ожидают моего допроса. И только моего. Ясно?»

«Да, сэр!» сказал рядовой.

Эзра ждал их, когда они вернулись к палатке. Нихтгейнец вопросительно наклонил голову.

«Тебе не о чем беспокоиться,» сказал ему Гаунт, и Эзра отступил. Внутри палатки их ждал Айэнмидоу. Он сидел строго прямо на одном из стульев, напряженный и напуганный.

«Привет, Айэнмидоу,» сказал Гаунт, когда вошел и снял свой плащ и фуражку. «Долго ждал?»

«Ваш человек...» нервно пробормотал Айэнмидоу. «Ваш человек, там, Эзра Ночь. Он...»

«Он что?» Гаунт взял одну из бутылок с водой и сделал большой глоток.

«У него был этот арбалет, и он махал им передо мной, и он заставил меня сесть, и --»

«Там, откуда прибыл Эзра, это обычная любезность, капитан. Я уверен, что вы не обиделись.»

«Нет, сэр. Только немного испугался.»

«Испугался? Эзры?» сказал Гаунт. «Хорошо. Когда прибудет транспорт?» Айэнмидоу откашлялся. «Я запросил транспортник-4 и водителя в ваше распоряжение, комиссар.»

«Это отлично, капитан, я ценю ваши усилия.»

«Я...» деликатно кашлянул Айэнмидоу. «Я так понял, что была перебранка--»

«Все закончено. Забудьте, капитан. Всего лишь еще одно рутинное дело для Комиссариата.»

«Ясно. Значит на сегодня больше никаких дел?»

«Ага,» сказал Гаунт, садясь на свою койку. «Свободны, Айэнмидоу. Мы продолжим завтра. Думаю, что проведем экскурсию в тюрьму.»

«Да, сэр. Ладно, спокойной ночи.»

«Сладких снов,» сказал Ладд, снимая куртку и пояс.

«Ой, комиссар,» сказал Айэнмидоу, заглядывая назад в палатку. «У меня есть ответ на тот ваш вопрос.»

Гаунт приподнялся. «В самом деле?»

Айэнмидоу выудил планшет из кармана и вручил его Гаунту. «Тактическая служба подготовила это для вас. Все здесь. Мы не уничтожили степные города с орбиты, потому что Экклезиархия допускает возможность того, что это святы места.»

«Они что?» спросил Ладд.

Айэнмидоу пожал плечами. «Здесь много аргументов в пользу того, что означают эти постройки, и кто их построил. Вы все найдете в тексте, сэр. Кто-то говорит, что это реликвии Губительных Сил, кто-то говорит, что это остатки от дочеловеческой культуры. Но есть признаки, по всей видимости, и доказательства того, как идентифицировали археологи, что этот Монс, как и все похожие на него, величественные строения во имя Бога-Императора, приблизительно М.30.»

«И в этом случае...» начал Гаунт.

«И в этом случае они представляют собой святы места,» сказал Ладд.

«И в этом случае они должны быть зачищены, а не уничтожены,» закончил Айэнмидоу. «Это отвечает на ваш вопрос, сэр?»

ДВЕНАДЦАТЬ

11.23, 195.776.M41

Пункт 36, Пятый Отсек

Спаршад Монс, Анкреон Секстус

Вайлдер был на наблюдательном пункте на южной окраине пункта уже почти час. Офицеры со всех полков, расположенных на пункте 36 собрались здесь, рассматривая в бинокли на триподах луга и разбитую, каменную местность отсека. В пяти километрах севернее разрасталась битва.

Прямо перед рассветом в этот день, разведчики доложили о концентрации вражеских машин,двигающихся на юг. Самым лучшим предположением было то, что они, воспользовавшись прикрытием темноты, выдвинулись через ворота шестого отсека. ДеБрэй послал свежеприбывший 8-ой Ротбергский Механизированный, чтобы встретить их, вместе с эскадронами Хауберканцев, по большей части для проверки, чтобы установить линию пикета позади них. Бой начался быстро, и быстро усугубился, когда Завоеватели Ротбергцев атаковали вражеские танки через несколько залитых водой низин к востоку от главной дороги.

Грохот огня танков с тех пор не прекращался, и бледный дневной свет в широком отсеке стал мягким от дыма. Огромные сгустки плотного, черного дыма текли к небу, обозначая места кончины бронемашин, дружественных и вражеских. Командир Ротбергцев доложил, что сражение «интенсивное, хотя фронт держится». Он идентифицировал стелк-танки, танки АТ70 модели Грабитель, АТ83 Разбойники и, по меньшей мере, два супертяжа. На многих были цвета и эмблемы презренного Кровавого Пакта.

На наблюдательном пункте, командиры пехоты с нетерпением ожидали. Если все пойдет хорошо, или если враг внезапно вызовет наземные войска, для поддержки атаки, подразделения, такие как 81/1(r) и Сороковой Колстекский должны будут быстро выдвинуться на помощь бронетехнике. Если все пойдет плохо, на самом деле плохо, на карту было поставлено полное отступление, включая отход с пункта 36 и других полевых штабов пятого отсека.

Единственное, что ДеБрэй не позволит, так это отступить из самого отсека. Потребовалось слишком много времени и крови, чтобы пробиться через древние врата во имя Золотого Трона.

С Вайлдером были Баскевиль и Колеа, соответственно старшие офицеры Белладонцев и Танитцев под его командованием. Вайлдеру очень нравился Майор Колеа, и он восторгался его твердостью и командованием с самого начала. Он задумывался, было ли важно, что самый старший офицер у влившихся был совсем не Танитцем, а Вергхастцем. Танитцы, на чьих костях полк был изначально создан, не казались возмущенными положением Колеа. После осады Улья Вervун, которая собрала вместе Танитцев и Вергхастцев, два племени хорошо ужились.

Вайлдер знал о других «смешанных войсках», где полки воевали друг с другом, пораженные раздорами, междоусобицей и соперничеством. Кроме нескольких острых углов и намечающихся проблем, Танитский Первый – также называемый Призраками Гаунта – прекрасно вписался, согласно отчетам.

Пока что игры «недобитков» происходили, хотя, казалось, что все идет еще очень хорошо.

Это было до тех пор, пока не пришли новости. После консультаций с Харком, Баскевилем, Колеа и еще несколькими офицерами, Вайлдер сделал объявление Восемьдесят Первому Первому. Оно было встречено ошеломляющей тишиной. Вайлдер смотрел на шокированные лица Танитцев и Вергхастцев, и полностью сочувствовал. Эта новость покончила с большинством ключевых причин для смешения.

В качестве последствий от действий на Херодоре, и засекреченной миссии на Гереон, Танитский Первый оказался лишенным ключевых лидеров. Полковник Корбек героически погиб на Херодоре, а обожаемый Вергхастец Сорик был освобожден от службы из-за сложных обстоятельств. Затем миссия на Гереон, очевидно, лишила Призраков Гаунта Майора Роуна и командира разведчиков Мколла. Несмотря на героические усилия Гола Колеа и Виктора Харка, никто из них не был Танитцем, Высшим Командованием предполагалось, что у Призраков прискорбное отсутствие харизматичного лидера, который, в первую очередь, делает их сильными. Гаунт, Корбек, Роун, Мколл: без этих людей Призраки были безголовой сущностью.

В свою очередь, Белладонский Восемьдесят Первый так же пострадал. Основанный за два года до начала Крестового Похода в Миры Саббат, когда-то в полку было восемь тысяч, и он принимал участие в серии значительных побед во время Операции Открытий и атаки на Кабал Салиент. Затем на Хан III спустился ад, война против Магистра Шебола Краснорукого. Как победа, она останется выдающейся в полковых почестях Белладона, но цена была высока. Около трех четвертей Восемьдесят Первого было убито, почти тысяча за один удар во время отчаянного сопротивления на Поле Последнего Воображения. Белладонский Восемьдесят Первый уничтожил там печально известную «Красную Фалангу», разрушил Морщинистый Алтарь, убил Патера Ученого и Патера Боль, и заставил сбежать самого Магистра, событие, которое привело к возможному уничтожению Шебола руками Серебряной Гвардии в Партополе. Но это был дорогой трофей. Сократившись до, примерно, двух тысяч человек, Белладонцы подверглись опасности быть переназначенными в «поддержку или вспомогательное соединение.»

Тем не менее, их командная структура оказалась удивительно нетронутой.

Таким образом, как это понял Валдер, лорд генерал, лично, одобрил смешение. Два неполных полка – оба легких, оба ориентированных на разведку – дополнили друг друга. Призраки смогли бы заполнить отсутствующие ряды Белладонцев, офицерский состав Белладонцев – особенно Валдер – могли бы снабдить Призраков необходимыми командными мускулами. Это было тем, как сухие, холодные решения делались в офисе командования, это было тем, как людей добавляли к людям, чтобы заполнить регистрационные книги Муниторума.

Именно поэтому Восемьдесят Первый Белладонский и Танитский Первый стали Восемьдесят Первым Первым, к лучшему или худшему.

А сейчас все это витало в воздухе снова. Гаунт был жив. Призраки приняли изменения, веря, что их единственный лидер был мертв. А теперь он больше не был. Как бы это не преподнесли, думал Вайлдер, Призраки будут теперь возмущаться слиянием. Возмущаться Белладонцами. Возмущаться лично Вайлдером. Все было к лучшему. А теперь было еще одно лучшее, на что Призраки даже не смели надеяться.

«Вы слишком много думаете об этом,» сказал Гол Колеа.

«Что?» осмотрелся Вайлдер.

Колеа улыбнулся. Он был большим парнем, горой мускулов, а его рот казался маленьким на фоне большого лица. Но улыбка была яркой и пронзительной.

«Вы беспокоитесь, сэр. Я советую вам не беспокоиться.»

Вайлдер кратко пожал плечами. Язык его тела был дружелюбным, одна из ключевых вещей, которая сделала его таким отличным лидером. «Я только беспокоюсь об этом, Гол,» сказал он, кивая в сторону отдаленных ударов от танковой войны, эхом отдающейся по отсеку.

«Нет, не об этом,» сказал Гол Колеа.

«Нет, он беспокоиться не об этом,» согласился Баскевиль, наклоняясь, чтобы посмотреть в бинокль.

«Это что такое?» спросил Вайлдер. «Вы тут сговорились против меня?»

«Вы беспокоитесь из-за сообщения, сэр,» сказал Колеа. «Того, которое вы прочитали нам вчера.»

«Ты не дурак, Гол Колеа,» сказал Вайлдер.

«Наверное, поэтому я еще жив,» ответил Колеа.

«Нет, это удача,» заметил Баскевиль, все еще всматриваясь в бинокль.

«Вообще-то, Баск прав,» сказал Колеа. «Не важно. Я понимаю, что вы взволнованы, потому что Гаунт вернулся живым. Вы беспокоитесь об эффекте, который это окажет на слияние.»

«А ты бы не стал беспокоиться?» спросил его Вайлдер.

«Я бы стал,» пробормотал Баскевиль.

«Я не тебя спрашиваю, Баск. А ты бы не стал, Гол? Я имею в виду, на моем месте?»

«На вашем месте? Сэр, на вашем месте, я бы сохранил имя Танитского Первого и позволил Белладонцам смириться с этим.»

«Ну, конечно, ты бы так и сделал.»

«Это была шутка,» сказал Колеа.

«Я знаю,» нечаянно ответил Вайлдер.

«Я просто шутил.»

«Я знаю.»

Несколько офицеров поблизости, из других подразделений, начали прислушиваться.

Колеа кивком позвал Вайлдера к задней части редута. Баскевиль присоединился к ним.

«Вот, что я думаю,» откровенно сказал Колеа. «Это слияние имеет смысл. Оно имеет абсолютный смысл для вас и для нас. Вы слышали какие-нибудь возражения?» Вайлдер помотал головой.

«Фес нет, вы не слышали. Я не притворяюсь, что было легко, но Призраки все потеряли. Потеряли свое имя, со слиянием. Они опытные Гвардейцы, они знают, как это работает. Нам всем нужно оставаться жизнеспособными, готовыми к битве. В Гвардии, вы либо двигаетесь, либо умираете.»

«Или отправляетесь домой,» сказал Баскевиль.

«Заткнись,» дружно сказали Колеа с Вайлдером.

Баскевиль пожал плечами. «Просто говорю...»

«Это слияние имеет смысл,» сказал Колеа. «Мы вошли, мы не жаловались. Вот так все работает. И знаете, почему было легко сделать это? Из-за вас. Из-за вас, и таких людей, как Баск.»

«Сейчас ты просто пускаешь мне пыль в глаза, Колеа.»

Колеа улыбнулся. «Я что, выгляжу, как человек, который любит подлизываться, Люсьен?» Вайлдер сделал паузу. Не Колеа. Большой, каким и был, он точно, точно не стал бы.

«Нет.»

«Мы потерялись и страдали. Появился ты и нам ты понравился. Понравился Баск, понравился Колосим и Варэйн. Понравился Новобазки. Каллид болван, но всегда попадетсЯ один, правильно?»

«Он не ошибается,» сказал Баскевиль. «Каллид полный болван. Я бы лично его пристрелил, если бы он не был моим зятем.»

Колеа выглядел подавленным. «Трон, я этого не знал. Простите, сэр.» Баскевиль посмотрел на Вайлдера, и они оба тихо засмеялись.

«Я вру,» сказал Баскевиль.

«Он не ваш зять?» спросил Колеа.

Баскевиль покачал головой. «Хотя, он болван.»

Колеа пробежался пальцами по бритой голове. «Трон, у меня только что была мысль, а ты со своими шуточками...»

«Прости,» улыбнулся Баскевиль.

«Я думал, к чему я веду,» воспрял Колеа, «это то, что Призраки приняли тебя, *из-за* тебя. Это начинает работать.»

«Но Гаунт --» сказал Вайлдер.

Колеа сделал жест «забудь». «Когда ты сообщил нам новость, знаешь, о чем я подумал? Я подумал... ладно, я подумал, что я счастлив. Ибрам выжил. Выбрался. Как и клялся нам, что выберется. Я был счастлив. Да и сейчас. И Призраки тоже. Ибрам великий человек, сэр, и то, что он выбрался и вернулся, чтобы рассказать историю, ну, это еще одна заметка для нас.»

«Но он жив,» сказал Гаунт.

«Ага. Но он не угроза для вас. Вы сказали нам, в сообщении было ясно... Гаунт вернулся к обязанностям в Комиссариате. Переведен. Он не собирается раскачивать лодку.» Вайлдер посмотрел в сторону. «Сам факт того, что он жив, будет раскачивать,» сказал он. «Призраки захотят вернуть его. Без заменителей.»

«Я думаю, что они пойдут дальше, сэр,» сказал Колеа. «А даже если они захотят его вернуть, Высшее Командование все равно было настойчивым. Мы не сможем его вернуть. Конец истории.» Вайлдер кивнул. «Думаю так. А что насчет остальных? Они возвращаются. Что насчет этого Роуна? Я слышал, что он проблемный парень.»

«Мы освободим место,» сказал Баскевиль. «Я отодвину Мерина, чтобы дать место Роуну. Что думаешь, Гол?»

«Не Мерина,» ответил Колеа. «Мерин был одним из внутреннего круга Роуна, и ему не понравится идея отойти в сторону. Я бы лучше передвинул Аркуду и дал Роуну Роту Н. Было бы лучше, чтобы Белландонцы отдали командование ротой.» Вайлдер обдумал это и сделал быстрый подсчет. «Если я сделаю это, тогда у большинства рот в командирах будут Танитцы, а не Белладонцы.»

«А это будет очень плохо?» спросил Колеа. «Я имею в виду, в качестве жеста. Компромисс?»

«Это мучительно,» сказал Вайлдер. «Я знаю своих парней. Этот парень, Роун, действительно так хорош?»

«Он гаков сукин сын,» откровенно сказал Колеа, «Но Гаунт никогда ничего не смог поделаться с этим.»

Вайлдер посмотрел на Баскевиля. «Что думаешь? Колосим? Или Рэйдрел?»

«Трон, никто из них!» сказал Баскевиль. «Понизьте в должности Ферди Колосима, и он будет гоняться за вами, как собака. Рэйдрел тоже великолепный офицер. Мы же здесь говорим о гордости.»

«Я согласен,» сказал Колеа. «Не Колосим и не Рэйдрел. Смотрите, если это поможет, я уступлю Роуну.»

«Нет!» сказали оба.

Колеа оскалился. «Только что я испытал теплые чувства. Тогда... Аркуда. Он поймет. Или, может быть, Обел. Или Домор, он очень лояльный.»

Вайлдер вздохнул. «Это, джентельмены, в точности то, чего я боялся. Не Гаунта. Остальных. Мколл --»

«Ой, это просто,» сказал Колеа. «Сформируйте отдельный разведывательный отряд и дайте ему полномочия. Вы полюбите то, что он делает. Он как... я не знаю. Он как волшебник. Дайте ему разведчиков из Призраков и лучших разведчиков из ваших людей, и он взорвет ваши штаны.»

«Мой друг говорит это в хорошем смысле,» сказал Баскевиль.

«Я понял,» сказал Вайлдер. «Ладно, ладно... Роун все еще проблема. Оставьте это мне.»

Микробусина запищала. Три офицера посмотрели друг на друга.

«Вот оно,» сказал Вайлдер. «Идемте, пожалуйста, со мной, оба.»

«Вы думаете, что я пропущу это?» сказал Колеа.

Северная окраина пункта 36 была странно тихой. Когда поднявшаяся пыль на дороге, ведущей от врат, медленно стала приближаться, Призраки оторвались от принятия солнечных ванн, от своих карточных игр и своих палаток, и собрались около дороги.

Приближались грузовики. Четыре транспортника-10, с медицинскими припасами и амуницией, и пятый, выделенный для перевозки солдат. Перейдя на низкую передачу, они загрохотали по откосу на пункт 36, поднимая позади себя стены пыли.

Вайлдер, Баскевиль и Колеа прибыли за несколько мгновений до того, как грузовики остановились. Они присоединились к Харку и Дордену, и стояли в ожидании. Появился аятани Цвейл и поспешил к ним, поддерживая полы своей робы.

«Вы солгали мне, полковник,» сказал старый священник.

«В чем, отец?»

«Вы поклялись мне тогда, что у вас нет власти возвращать людей из мертвых. Вы солгали.»

Вайлдер тихо рассмеялся и покачал головой сам себе.

Пыль медленно осела. Вайлдер огляделся, чувствуя электрическое напряжение в воздухе. Он видел Призраков: Домор, Каффран, Обел, Лейр, Мерин, Дреммонд, Лубба, Вадим, Рервал, Даур, Халлер, ДеФелюе, Чирия... все остальные.

С широко раскрытыми глазами. Ждущие. Ждущие.

Задний борт пятого грузовика с грохотом откинулся. Темные фигуры прыгнули на дорогу. Они на секунду остановились, а затем начали идти к пункту, свободным построением, фигуры, одетые в черное, медленно появляющиеся из плывущей пыли. Идущие в ногу, медленно и спокойно, с оружием, свободно свисающим с плечей.

Роун. Фейгор. Варл. Белтайн. Мколл. Крийд. Бростин. Ларкин. Бонин.

Их лица были суровыми. Их новая форма, имеющая отличительные знаки Восемьдесят Первого Первого, была яркой и свежей. Легкая улыбка медленно появилась на лице Вайлдера. В свое время он повидал кое-каких ублюдков, и самые лучшие были из рядов Белладонцев.

Но он никогда раньше не видел такого безразличного выражения. Эти солдаты ему уже нравились. Возвращающиеся домой, когда все верили, что потеряли их. Возвращающиеся домой, ищущие неприятности. Медленный темп, ленивый шаг. Трон, черт его дери, они уже были героями, хотя даже еще ничего не сделали.

Вайлдер услышал звук, звук, который медленно начал расти. Хлопание. Призраки на пункте хлопали и это превратилось в дикие аплодисменты. Даже не понимая по-настоящему почему, Белладонцы присоединились, приветствуя аплодисментами героев, вернувшихся домой. Крики, возгласы, свист, аплодисменты.

Роун и его отряд не реагировали. Они шли к Вайлдеру, с суровыми лицами.

Они остановились перед Вайлдером. Аплодисменты продолжали звенеть. Новоприбывшие не попытались встать в шеренгу, они просто остановились. Они встали по стойке смирно в идеальном согласии.

«Майор Элим Роун, и отряд, в вашем распоряжении, сэр,» сказал Роун.

Вайлдер сделал шаг вперед и отдал честь. «Полковник Люсьен Вайлдер. Рад познакомиться с вами. Добро пожаловать в пятый отсек.»

ТРИНАДЦАТЬ

14.01, 196.776.M41

Пункт 12, Третий Отсек

Спаршад Монс, Анкреон Секстус

Контраст между пунктами 10 и 15 не мог быть более впечатляющим.

Они провели пару дней в относительно цивилизованном и упорядоченном окружении пункта 10, ориентируя себя, но для Ладда это время показалось гораздо более долгим. Гаунт занимался тем, что всесторонне опрашивал командиров подразделений, тактических советников, старших членов Муниторума и офицеров Комиссариата, и Ладду стало немного скучно как от сидения в качестве тихого наблюдателя, так и от ожидания где-то снаружи. Ладд с нетерпением ждал начала фактической полевой работы в качестве заместителя Гаунта, но, казалось, что особенного направления у того, что они делали, не было. Гаунт двигался с определенной целью, но ничем не делился с Ладдом. Ладд не был полностью уверен, что ищет Гаунт, а когда он нажимал на комиссара, Гаунт по привычке отвечал загадками.

«Мы ищем, Нахум, людей, несущих пустые коробки и не сгибающих ноги.»

Гаунт так же провел много времени в тюрьме, разговаривая с заключенными. Ладд ожидал каких-то жестких допросов, но Гаунт был очень сдержанным и расслабленным. Он допросил Колстековцев, которых поймали в первый день. Некоторые из них уже почти сломались, когда рассказывали Гаунту о своих страхах.

«Всего лишь испуганные мальчишки,» сказал Гаунт Ладду. «Абсолютно без сильного руководства, потерянные. Они увидели шанс в том, чтобы убежать под прикрытием фальшивой перевозки груза. Все это было немного отчаянно и грустно. Я приказал поддержать их тут восемь дней, а затем переправить назад на Осколочные Равнины для вспомогательных обязанностей.»

«А нельзя их было просто... пристрелить?» спросил Ладд.

Гаунт притворился, что шарит по карманам своего плаща. «Я не знаю. А надо было? Я не могу найти свои *Инструменты Порядка*.»

«Вы понимаете, что я имею в виду, сэр.»

«Если мы начнем казни,» сказал Гаунт, «Вон Войтц будет вести эту войну в одиночку. Из того, что я видел и из того, что мне рассказали, Имперские войска Второго фронта поражены страхом и отсутствием решимости. У наказания есть свое место, Ладд, но здесь нам нужно Гвардию на что-то направить. На какую-то цель.»

«Потому что они ее потеряли?»

«Потому что ее у них никогда не было. У этих мальчишек нет опыта войны, ничего их от нее не ограждает. При других обстоятельствах, офицеры и комиссары смогли бы вбить в них дух и провести через первые недели сомнений и страха, пока они не встанут на ноги. Но офицеры здесь не более опытные, и здесь недостаточно комиссаров. Массовая казнь наиболее эффективный инструмент комиссара, Ладд. Она используется в ситуации, включающей в себя ветеранские подразделения, она напоминает людям об обязательствах. Если ее применить к молодым и неопытным парням, это разрушит тот небольшой дух, который у них есть. А хуже всего, это подтвердит их страхи.»

Когда, на второе утро после их прибытия в Монс, Гаунт объявил, что пора посетить пункт 15, Ладд оживился. Пятнадцатый был прямо внутри горячей зоны, поблизости от сражения за врата, ведущие в девятый отсек. Возможно, они даже смогут увидеть какие-то боевые действия.

Пока они ехали к пункту 15, Ладд осознал, что перспектива боевых действий делает его нервным. Внезапно он понял, как себя чувствует молодой Гвардеец.

Айэнмидоу достал для Гаунта транспорт и водителя, и поехал с ними в качестве связного. Транспортник был побитым транспортником-4 с открытым верхом, выдавшим лучшие дни. Его двигатель производил такой ужасный грохочущий звук, как камни в трубопроводе. Водитель был низким, смуглым трутнем из Муниторума, по имени Банкс, который был неопрятным и с плохой гигиеной.

«Только лучшее для нас, хе?» пробормотал Гаунт Ладду, когда они залезали на транспортник. Айэнмидоу ехал рядом с водителем впереди, а Ладд и Гаунт на задних сидениях. Эзра, которого Гаунт настоятельно взял с собой, сидел бочком в задней части грузовика, прислонившись к ряду металлических перекладин.

Пункт 15 лежал, примерно, в девяти километрах к северо-востоку от десятого в чахлом лесу, располагавшимся вокруг входа в девятый отсек. Айэнмидоу настоял на том, что они могут осуществить поездку только при дневном свете, и достал проездные документы, подписанные Маршалом Саутоем.

Поездка оказалась затянутой. Дорога проходила вокруг широких прудов и озер, которые были характерны для третьего отсека, и проходила через широкие равнины болезненно выглядящих осок и битого камня, и случайных мрачных лесков черной лиственницы.

Везде были признаки войны: выгоревшие остовы, земля в кратерах, и куски тусклого и забытого снаряжения около дороги. Три или четыре раза им приходилось останавливаться, чтобы пропускать колонны, едущие навстречу: большие темные грузовики и маленькие цистерны, едущие на юг, на пункт 10. Один раз, на полпути к 15, транспортник-4 перегрелся, и им пришлось задержаться на обочине, пока Банкс возился с уставшим двигателем, чтобы привести его в чувство. У них был хороший вид на возвышающуюся стену отсека, и массивные врата, ведущие в седьмой отсек. Где-то там был пункт 12. По ту сторону врат шла совершенно новая фаза войны.

Пункт 15 грубо заявил о себе еще до того, как они прибыли. Над мрачными, тощими деревьями, они увидели густой дым и пары топлива, полускрытые массивным холмом стены отсека и оспариваемых врат. Ладд слышал мощные хлопки энергетической артиллерии, и глухие удары артиллерийских снарядов. Его внутренности сжались. Он понял, что боится.

Затем они почувствовали запах. Вонючий, болезненный, органический запах, который прилипал к мрачному лесу, как несчастье.

Банкс замедлился, когда появилась охрана периметра и потребовала документы. Охранники, суровые мужчины с нервными манерами, стали слегка более любезными, когда увидели Гаунта.

«Езжайте туда, сэр,» сказал один. «Мы воксирuem командиру, что вы прибываете.» сказал

«Сделайте мне одолжение, рядовой,» сказал Гаунт, вынимая пару новых картонных пачек сигарет из вещмешка и спокойно давая их людям. «Пусть это будет сюрприз, ладно?» Люди кивнули. Банкс поехал дальше.

Пункт 10 был живым, заполненным полками местом, чистым и симметричным, как ухоженный часы. Пятнадцатый был адской дырой. Располагаясь в топкой низине под воротами, он был сырым и заболоченным. Подъездные пути были болотами, а уборные, несомненно, стали трясины. Место сильно воняло, а облака кусочей мошкары кружились во влажном воздухе. Они летали между палатками, которые промокли от грунтовой воды, огромные наросты плесени и грибков покрывали мягкие поверхности брезентов. Грязный дым готовки был густым, и в нем были намеки на протухшее мясо и жир. Все люди, мимо которых они проезжали, были бледными и с впавшими глазами, уставшими и напряженными. Они смотрели на проезжающий транспорт с угрюмым выражением. Ладд начал чувствовать себя еще более тревожно.

Северный конец пункта был кольцом позиций артиллерии, активно посылающей снаряды в широкий фасад ворот, и омывающей пункт фуцелиновым дымом. Постоянного сотрясения земли выстрелами орудий было достаточно, чтобы довести человека до грани. И это повторялось каждый час каждого дня.

Ладд подпрыгнул, когда группа Стервятников пролетела над ними, ревя турбодвигателями. Штурмовики широко разошлись и выстрелили в темную пасть прохода, извергая ракеты в искрах и дыму.

«Успокойся,» сказал Гаунт.

«Я спокоен,» сказал Ладд. «Очень, очень спокоен.»

Гаунт был весьма обеспокоен насчет пятнадцатого: высочайший уровень дезертирства и страшные заболевания. Ощущения от этого места неприятно напомнили ему о Гереоне и тамошней заразе. Он чувствовал, как его кожа зудит. Это заставило его на мгновение подумать о Кёрк. Он задумался, какая судьба постигла

ее, и был удивлен, когда понял, что ему все равно. Он сомневался, что увидит ее когда-нибудь снова.

Он провел минут двадцать с командиром пункта, измученным полковником, который был здесь уже очень долго, и у которого в голове было полно забот. Ладд видел медицинские палатки – в пять раз больше, чем к комплексу лазарета на пункте 10; дополнительные секции добавили за последние несколько дней, чтобы разместить заболевших Гвардейцев. Старший медик хотел отправить больных с передовой, но запрос был отклонен из-за страха занести инфекцию на «чистые» пункты.

«Они говорят, что это зараза Хаоса,» сказал Айэнмидоу Ладду, пока они ждали Гаунта снаружи командного пункта. «Что-то в воде, что-то в воздухе.» Айэнмидоу повязал шарф на лицо. Ладд думал, что капитан выглядит, как бандит.

Он был вовсе не удивлен тому, что болезнь поразила пункт. Условия были ужасными: сыро, что уже в одиночку создавало благоприятные условия для развития инфекции, и у Ладда была мрачная уверенность, что просачивающиеся уборные на многое смогли бы ответить.

Зараза Хаоса? Ответ не должен был быть таким фантастическим. Но даже в таком случае, у Ладда было ощущение, что заразные микробы копошатся повсюду на нем. И он хотел перестать подпрыгивать каждый раз, когда огромные пушки на северном краю лагеря стреляли.

Появился Гаунт. «Ну и дыра,» пробормотал он. «Я сам бы отсюда сбежал.»

«Я понимаю, о чем вы,» сказал Ладд.

«Я пойду достану для нас места,» сказал Айэнмидоу.

«Зачем?» спросил Гаунт.

Айэнмидоу пожал плечами. «Ну, сэр. Уже середина дня, и если мы уедем в течение часа или около того, отлично. Но если мы задержимся подольше, то нам нужно будет остаться до завтра.»

«Потому что?»

«Приказ Маршала Саутоя, сэр. Ни при каких обстоятельствах не предпринимать поездки после темноты.» Гаунт бросил взгляд на Ладда. «Мы здесь не пробудем долго, Айэнмидоу,» сказал он. «Не беспокойся об этом.»

«Вы что-то выяснили, сэр?» спросил Ладд.

«У меня есть подозрение. И я надеюсь, что очень сильно ошибаюсь,» ответил Гаунт.

До того, как он смог объяснить более детально, особенно ужасный взрыв раздался в воздухе у северного прохода. Взрыв сотряс землю и выбросил кольца пламени к небу.

«Святой Трон!» прохрипел Ладд. «А нам не нужно --»

«Что, Ладд?»

«Бежать, сэр?»

Гаунт покачал головой. «Это был, всего лишь, танк. Боеукладка взорвалась.»

«Откуда вы знаете?» спросил Ладд.

«Я уже такое слышал. Бедные ублюдки. Да защитит их души Император. Ладно, идем в столовую.»

Ладд с недоумением уставился на Гаунта. «Вы хотите есть?»

«Нет.»

«Сэр, я предлагаю вам поговорить со старшим медиком.»

«Это подождет, Ладд.» У Гаунта в руке был планшет. «Командующий пунктом дал мне это и я бытсро просмотрел. Отсюда мои подозрения. Я хочу сначала проверить их. Айэнмидоу?»

«Да, комиссар?»

«Я хочу извиниться, капитан.»

Айэнмидоу выглядел озадаченным. «За что, сэр?»

«Я думаю, что в следующие полчаса могу сильно ранить вашу гордость.»

«Я вас не понимаю, сэр.»

«Не важно. Просто примите мои извинения сейчас. Помните, что здесь ничего личного.» Айэнмидоу посмотрел на Ладда, который только пожал плечами.

«Туда, джентльмены,» сказал Гаунт и направился к палаткам столовой.

Длинный ряд открытых по бокам палаток столовой кишел жующими солдатами, выуживающими тушенку из помятых банок. Под потолком навеса струился дым, а запах мяса был густым.

В конце главной палатки группа из рабочих Муниторума и помощников от Гвардии разливали дневную раздачу на подносы ожидающих людей, размешивали на плитах еду в тяжелых кастрюлях, делали пюре из овощей, которые уже пережили свой расцвет.

«Ладд?» сказал Гаунт. «Иди, задай несколько вопросов. Займи персонал. Получи несколько простых ответов.»

«На что, сэр?»

«На все, что придет в голову. Айэнмидоу? Фуражка и плащ, пожалуйста.»

«Что?»

Гаунт снял свою комиссарскую фуражку и тяжелый кожаный плащ и обменялся с Айэнмидоу на куртку и фуражку. «Теперь ты притворяешься комиссаром. Ничего не говори, смотри равнодушно, и дай говорить Ладду.»

«Сэр, это очень неправильно...»

«Я очень неправильный,» ответил Гаунт, надевая фуражку. «И сними эту фесову бандану. Ты выглядишь, как бандит.»

Айэнмидоу надел фуражку и плащ, и пошел за Ладдом в столовую. Они потеряли Гаунта из виду.

«Эй, там, привет,» позвал Ладд вдоль кастрюль с едой.

«Вам еды, сэр?» ответил один из работников.

«Нет, спасибо. Я только хотел задать пару вопросов. Вообще-то, мой начальник хотел, но он не слишком любит болтать.»

Ладд показал на Айэнмидоу, которых пытался казаться отстраненным и устрашающим. Плащ Гаунта был немного великоват для него, и заставлял Айэнмидоу выглядеть похожим на упыря или вампира, притаившегося и готового к нападению.

«Ему не нравится еда?» спросил работник.

«А тебе?» спросил Ладд, которому пришлось повысить голос из-за гудения и шума на забитой кухне.

«Мне? Нет, сэр. Я ем сухие пайки.»

«Кто обслуживает эту столовую?»

Работник, мощный, грузный человек в фартуке и жилетке, задумался. «По большей части, Муниторум. Повара из местного полка. Первый Фортис Бинарский.» Ладд посмотрел на Айэнмидоу, но капитан был так занят входя в роль и хмурясь, что он даже не заметил упоминания его родственного подразделения.

«Укажи мне на одного из них,» сказал Ладд.

Работник осмотрелся. «Эй, Корги! Сюда!» крикнул он.

Подошел еще один работник. Он был очень крепко сложенным, угрюмым. Он вытер руки о засаленный фартук и осмотрел Ладда сверху до низу. Ладд увидел, что к майке мужчины была прикреплена эмблема Фортиса.

«Комиссар? Чем могу помочь вам?»

«Просто осматриваюсь. Ты Корги? Что-то такое?»

Человек кивнул, настороженно и, слишком уж защищаясь на взгляд Ладда. «Офицер полковой службы, первый класс, Ладник Коргякин. Корги, для краткости. Есть проблемы?»

«Ты заведешь этой кухней?»

Корги кивнул. «Я и Болсамой,» сказал он, указывая на высокого, тучного, лысого человека, быстро проходящего мимо с полным котелком тушеного мяса.

«Есть проблемы?» спросил Ладд.

Корги пожал плечами. «Например, сэр?»

«Ну не знаю. Лагерь слег с лихорадкой, но вы парни выглядите нормально.»

«Мы хорошо питаемся и живем в чистоте, что я могу еще сказать? Комиссариат никогда не показывал здесь носа. Вам что-то не нравится?»

«Нет,» сказал Ладд.

«У вас есть ордер?» добавил Корги.

«Нет,» сказал Ладд. «Мне он не нужен.»

«Ладно, вы задерживаете очередь,» сказал Корги.

«Да, мы немного задерживаем очередь,» вставил Айэнмидоу.

«Заткнись и оставайся в роли,» прошипел Ладд.

«Всего лишь говорю...» сказал Айэнмидоу.

«Он говорил,» заметил Корги.

«Игнорируйте его. Он контуженный,» сказал Ладд. «Очередь может подождать пару секунд. Почему вы такой встревоженный, Офицер Службы Коргикин?»

Корги отпустил свой черпак, и он ударился по стенке котелка для тушения. «Без понятия. Может быть, потому что меня допрашивает Комиссариат? Может быть поэтому.»

«Может быть,» сказал Ладд. «Ты слишком нервный для повара. Почему?» Корги посмотрел на кого-то. Намек, предупреждение. Ладд видел это ясно. Корги снова перевел взгляд назад. «Слушай, ты будешь есть или что? Если не будешь, уходи. Позади тебя масса голодных парней.»

Какой-то инстинкт, какая-то часть него, о которой он никогда не знал, заставила Ладда среагировать. Не думая, он вытащил свой лазерный пистолет и навел его на Корги.

«Шаг назад и подними руки!» сказал он.

«Что ты делаешь?» промычал Айэнмидоу позади него. «Убери его!» Корги сделал шаг назад, поднимая свои мясистые руки и роняя тряпку.

«Ты дерьмоголовый,» сказал он.

«Ладд!» крикнул Айэнмидоу.

Ладд бросил взгляд в сторону. Другой старший повар, Болсамой, уронил свой дымящийся котелок и выхватил тяжелый автоматический пистолет, Холстек-5.

Болсамой открыл огонь.

Гаунт проскользнул к задней части палаток столовой, и подождал, пока шаги поблизости не исчезли.

Здесь не было двери, поэтому он вытащил свой серебряный Танитский клинок, и прорезал щель в брезенте.

Зайдя внутрь, он обнаружил, что находится в холодильнике для мяса, кладовой, в которой сохранялся холод благодаря мощным морозильным установкам. Тощие куски мяса свисали с крюков, или лежали, разбухшие и липкие, в ящиках.

Он сделал пару шагов вперед. Все еще естество хотело, чтобы его подозрения были ложными. Он подошел к задней стене. Доски, крепко приколотенные, формировали мощный барьер вокруг задней части столовой. Он осмотрел их, и увидел отметины на полу, старые царапины были на одной доске, которую отодвигали множество раз.

Он рванул ее. Она отошла с небольшим усилием. На другой стороне была погрузочная платформа и сборная пристройка. Здесь было тихо, маленькое частное пространство в сердце беспокойного лагеря. Гаунт учуял запах в воздухе.

«Ох, Трон, нет...» пробормотал он.

Он пересек пристройку и открыл ее.

Холодный пар вырвался из двери во влажную жару. Антисептическая вонь. Он бросил взгляд и все его страхи подтвердились.

Его чуть не стошнило.

«Вот тупые ублюдки,» сказал он.

Позади него, в палатках столовой, зазвучали выстрелы, и последовавшие за ними крики.

Гаунт залез в куртку Айэнмидоу и вытащил свои болт-пистолеты. Он побежал назад в столовую.

Первый залп Болсамой разнес поддерживающий шест ближайшей палатки и убил молодого солдата, который ждал в очереди, держа свою оловянную тарелку. Парень просто упал, его череп взорвался.

Следующие выстрелы ранили еще трех людей в очереди, и заставили всех разбегаться в панике.

Айэнмидоу упал и закрыл голову руками.

Ладд рванул в сторону, натываясь на столы и опрокинув несколько котелков.

Корги убегал, вместе с несколькими членами obsługi столовой.

Ладд перекатился, пригнулся под несколькими выстрелами, а затем прицелился.

«Комиссариат! Брось пушку или я тебя пристрелю!»

Болсамой снова выстрелил.

У Ладда был превосходный угол. Он гордился своей меткой стрельбой. Он выстрелил.

Болсамой слегка зашатался. Для Ладда, мир превратился в какое-то подобие замедленной съемки. Повар вздрогнул, так сильно и яростно, что Ладду удалось увидеть, как жир на его животе и челюсти трясется, как желе. Маленькая черная дымящаяся дырочка, внезапно появилась на правой щеке Болсамой. Его лицо деформировалось вокруг нее. Его правый глаз лопнул. Его голова резко дернулась

назад, как будто у него сломался позвоночник. Неспешно, его конвульсирующие руки нажимали на спусковой крючок autopистолета, который наклонялся вверх, пока он падал на спину, и проделывал дырки в брезентовой крыше.

Ладд встал на колени, целясь. Он услышал глубокий, горловой вой, который прошел мимо его левого уха, и понял, что кто-то только что выстрелил в него и почти попал ему в голову. Корги был рядом с боковым навесом палатки, в середине безумной массы убегающей obsługi столовой. У него в руке был Блант-9 и он стрелял назад на полном автомате.

На долю секунду Ладд поверил, что видит одну из пуль в воздухе, летящую к нему. Он попытался увернуться. Пуля попала ему в голову с треском, похожим на гром, и он упал, ударившись правой щекой по ножке сервисной тележки рядом с ним.

Айэнмидоу кричал, как девченка. Солдаты в палатке массово убегали, крича и толкаясь.

Гаунт появился откуда-то сзади, ворвавшись через боковой навес, который закрывал кухни. У него в руках было по блестящему болт-пистолету.

Корги увидел его, и дал очередь, отходя назад, выкрикивая грязные проклятия.

Гаунт резко остановился, поднял свое монструозное оружие и выстрелил. Последовала яростная вспышка и Корги развалился на части, разлетевшись ошеломительным душем из крови и мяса.

«Стойте, где стоите!» крикнул Гаунт. «Никакой жалости! Никакого выбора! Побегите, и я вас всех убью!» Убегавшие повара и слуги резко остановились и попадали на колени, с руками за головой.

Один из них повернулся, потянувшись за спрятанным пистолетом.

«Идиот!» бросил Гаунт и выстрелил человеку в затылок. Тот упал, сложившись пополам.

«Ладд?» позвал Гаунт. «Ладд?»

«Я думаю, что он мертв, сэр,» крикнул в ответ Айэнмидоу.

Он не был мертв. Пуля уничтожила его фуражку и оставила линию на верхушке черепа.

«С тобой все в порядке?» спросил Гаунт.

Ладд кивнул. «Я... я только что пристрелил человека?» спросил он.

«Ага,» кивнул Гаунт.

Ладда вырвало.

«Командир пункта в ярости,» сказал Айэнмидоу. «Что это была за чертовщина?»

«Помнишь, я просил прощения, Айэнмидоу?» сказал Гаунт.

«Помнишь?» Гаунт вывел капитана из палатки. Он оставил Айэнмидоу плевать снаружи.

«Мне жаль, что Бинарцы принесли эту беду с собой,» сказал Гаунт. «Серьезно жаль.»

«Заткнись!» рычал Айэнмидоу между рвотой. «Заткнись нахрен!»

Банкс, верный себе, ничего не говорил, пока они возвращались на пункт 10. Дневной свет угасал, но у них все еще было время. Сейчас Гаунт ехал рядом с водителем, а Ладд и Айэнмидоу сидели, угрюмые и бледные, на задних сидениях. Эзра, как всегда, был тих.

«Мне жаль,» сказал Гаунт через плечо.

«Вы ошибались,» ответил Айэнмидоу. «Фортис Бинарцы никогда бы --»

«Мне жаль, Айэнмидоу, но это так. Я там был. На Фортис Бинари, запасы еды так серьезно уменьшились, что Муниторум начал собирать трупы из моргов, чтобы перерабатывать плоть в еду. В какой-то момент в ульях разразились болезни. Постыдный секрет, который твой народ оставил позади.» Айэнмидоу нагнулся за край транспортника-4 и его снова начало рвать желтой желчью.

«Я узнал запах, как только приехал. А как только командир базы показал мне размах на планшете, все было ясно. Фортис Бинарцы – молодая кровь, но их обслуживающий состав нет. Повара и работники столовых - ветераны старой войны

на твоём родном мире, Айэнмидоу. Они знают, как готовить пищу. Даже более вероятно, что они могли убивать и продавать свежую еду на чёрном рынке, заполняя дефицит запрещёнными припасами.»

«Ты ублюдок!» крикнул Айэнмидоу.

«Болезни и эпидемия, Айэнмидоу, вот и думай. Мне жаль, что эта трагическая часть истории Фортис Бинари последовала за тобой сюда.»

«Ублюдок!» ответил Айэнмидоу, и его снова начало тошнить. Ладд ухватился за капитана, когда тот высунулся, чтобы проблеваться.

«Все нормально, Ладд?» спросил Гаунт.

«Великолепно,» крикнул в ответ Ладд сквозь рев двигателя.

«Ты все хорошо сделал, сынок. Как голова?»

«Болит.»

«Ты все сделал хорошо.»

«Не хорошо,» внезапно сказал Банкс. Двигатель транспортного средства-4 кашлянул и полностью сдох. Они катились до остановки в тени нескольких лаймовых деревьев с чёрными стволами.

«Запусти его,» сказал Гаунт трутню Муниторума, выбираясь из транспорта. Банкс поспешил к передней части грузовика и поднял капот.

«Черт возьми, этого нам не нужно,» сказал Айэнмидоу, когда подходил к Гаунту на обочине.

«Скоро стемнеет.»

«Просто расслабься,» сказал Гаунт.

Ладд присоединился к ним. Небо над головой всё ещё было чистым и бледным, но тяжёлая тень от стены отсека быстро приближалась из-за садящегося солнца.

«С нами всё будет хорошо,» сказал Гаунт. Он посмотрел на Банкса.

Писклявый, раздражительный шум исходил от транспортника-4, пока трутень пытался перезапустить его. Прошло пять минут. Десять. Тридцать. Транспортник-4 чихал и кашлял, но возвращаться к жизни отказывался. Банкс красочно его материл.

Ближайшая лесистая местность вокруг них стала розовато-лиловой. Тень уже была близко.

«Сэр?» сказал Ладд, трогая Гаунта за рукав, чтобы привлечь внимание.

Эзра внезапно спустился с транспортника, держа свой рейнбоу в руках. Он был настрожен, прислушивался и крутился. Он бросил взгляд на Гаунта, а затем исчез в подлеске.

«Дерьмо,» сказал Гаунт. «Вот теперь у нас проблемы.»

Глубокий рев прорезал воздух, вой хищника, который отдавался эхом на сырой просеке.

Их окружили сумерки. В темных зарослях неподалеку что-то огромное приближалось к ним.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ

18.47, 196.776.M41

Открытая Местность, Третий Отсек

Спаршад Монс, Анкреон Секстус

Температура начала резко падать, когда опустилась ночь. На отдалении, в отсеке начали отдаваться эхом необычные, нечеловеческие крики, гортанные и грубые. Что-то поблизости отвечало на крики ухающим ревом.

«Сталкеры,» сказал Айэнмидоу. «Святой Трон, сталкеры! Они появляются после темноты и --» Гаунт сильно схватил его за плечо. «У тебя был по-настоящему плохой день, капитан. Говори тише и не делай его еще хуже. Доставай оружие.»

Айэнмидоу кивнул, и пошел к транспортнику, чтобы взять свой лазерный карабин.

«Ты тоже, Ладд,» сказал Гаунт. «Никому из вас не стрелять, пока я не скажу. Ясно?»

«Да, сэр,» сказал Ладд, доставая из кобуры свой пистолет. «Куда... куда ушел Эзра, сэр?»

«Охотиться, Ладд. Я думаю, что скоро мы узнаем, кого жалеть: нас, или что там рыскает рядом.»

Гаунт пошел к грузовику, и еще раз взглянул на усилия Банка. Руки трутня тряслись так сильно, что он почти не мог работать.

«Успокойся,» сказал ему Гаунт. «Тебя прикрывают четыре вооруженных человека. Нам нужно, чтобы эта груда металлолома поехала, так что сконцентрируйся, работай и сделай это.» Банк кивнул и вытер пот с бровей рукавом.

Что-то двигалось в подлеске на той стороне дороги. Ладд резко повернулся, целясь. Гаунт поспешил к нему. Теперь он тоже вытащил болт-пистолет.

«Видишь что-нибудь?»

«Что-то определенно ходит кругами вокруг нас, сэр.»

Где-то сломалась веточка, и зашуршали листья. Отдаленные крики снова начали отдаваться эхом. Как лесные волки на Таните, подумал Гаунт, воющие, когда медленно кругами подходили, чтобы напасть на одиноких, несчастных, потерявшихся. Конечно же, он сам их никогда не слышал, но Колм Корбек любил рассказывать такие истории у костра. «Мне нравится взгляды на лицах парней,» однажды Колм сказал об этих историях. «Я могу увидеть, как истории напоминают им о доме.» *Больше похоже, что они пугают до чертиков,* считал Гаунт.

Внезапно он осознал, что не напуган. Он всецело осознавал, что они находятся в опасности, но страх отказывал приходить. Во всяком случае, его пульс снизился, и на него спустилась пугающая ясность. Он попытался вспомнить, когда в последний раз он на самом деле чувствовал страх, и понял, что не может. Гереон украл это у него, и у всех членов отряда. Террор был таким неотъемлемым элементом вокруг них в каждую секунду, что отклик в виде страха просто выгорел. Как и все остальное:

желания, аппетит, ощущения. Все, с чем они остались, было простым, чистым желанием выжить. Гереон закалил их так чрезмерно, что Гаунт задумался, сможет ли кто-нибудь из них когда-нибудь вернуть эти простые человеческие черты.

Еще один хруст в темной листве. Карабин Айэнмидоу мотался туда-сюда при каждом звуке, или, по крайней мере, воображаемом звуке. Двигатель транспортника-4 с шумом ожил, взревел, а затем снова умер.

В наступившей тишине, Гаунт услышал быстро странное шушукание. Он отследил его до Айэнмидоу. Капитан Бинарцев снова и снова бормотал Литанию Божественной Стойкости.

«Мне нравятся сентименты,» сказал Гаунт, «но давай потише, будь любезен.» В подлеске послышалось гораздо более громкое движение. Закачались ветки, затряслись листья.

Захрустели камешки. Все трое подняли оружие.

В деревьях внезапно задвигалось что-то большое, проламываясь сквозь папоротник и разбивая в щепки молодые деревца. Это звучало так, как будто Леман Русс пробивал себе дорогу через деревья. Наводящий ужас, громкий рев вырвался из темноты.

«Ждите, пока не увидите это!» крикнул Гаунт.

Последовали еще более сильный стуки, еще один рев, затем серия странных, приглушенных кашлей. Что-то, возможно дерево, упало с треском во внешнюю темноту и стуки внезапно прекратились. Опять наступила тишина.

«Ох, мой Император, вот оно!» завизжал Айэнмидоу.

«Идиот!» сказал Гаунт и отбил его оружие в сторону.

Эзра Ночь появился из темноты и спокойно пошел к ним.

«Пряети, соуле?» сказал Гаунт.

Эзра поднял руку ко рту и сделал резкое движение от губ своими длинными пальцами. Это был жест Нихтгейнцев, равнозначный движению пальцем по горлу Гвардейцев. *Дух врага был вырван.*

«Оно мертво,» сказал Гаунт.

«Что?» сказал Айэнмидоу.

«Оно мертво. Эзра убил это.»

«Ого, это чертовски замечательно!» воскликнул Айэнмидоу. Он настолько успокоился, что едва не плакал. «Чертовски замечательно! Это поразительно! Отлично сделано, сэр!» Он протянул руку Нихтгейнцу.

Эзра посмотрел на нее, как будто ему предложили дохлую крысу.

«В любом случае, чертовски хорошая работа!» сказал Айэнмидоу, когда Эзра прошел мимо него.

Транспортник-4 произвел мерзкий скрежет, а затем заревел, ожив. Двигатель звучал несомненно нездоровым, но он работал. Когда двигатель завелся, включились фары, омыв Банка ярким желтым светом. Он захлопнул капот, а затем повернулся к ним в свете лучей, раскинув руки, как шоумен, вышедший на бис.

«Медленно, но верно,» крикнул он им, «Муниторум делает свою работу. Можете поблагодарить меня позже!»

Для Банка, «позже» продлилось около секунды. Гигантская тень выросла позади его освещенной фигуры, наклонилась к яркому свету и откусила ему голову.

Все еще с раскинутыми руками, то, что осталось от водителя сделало пару шагов вперед, дергаясь, и упало на дорогу. Мощные струи крови брызнули в воздух из ужасной раны, и сейчас кровь была похожа на дождь.

Айэнмидоу потерял контроль над своим мочевым пузырем и упал на колени.

«Святой Трон...» выдохнул Ладд.

Кованый вышел на свет, низко пригибаясь, его горловые трубки были мешковатыми и болтались. Его огромные руки, согнутые в локтях, поддерживали титаническую

массу головы и верхней части тела. Его плоть была красной с розовым, а грива спутанных коричневых волос ниспадала на сегментированную металлическую броню на массивном черепе. Крошечные, свирепые глаза сияли в глубине щелей визора. Они могли чувствовать его, чувствовать сладковатую вонь его туши, чувствовать кислый запах крови и мяса, гниющих в его пасти.

Широкая нижняя челюсть сталкера выдвинулась вперед из-под защищенного рыла, и длинные стальные зубы, такие же лопатовидные и острые, как стамески, выдвинулись из десен и зафиксировались.

«Хверат? Хверат зис?» пробормотал Эзра, явно удивленный. «Айет дартес ит тук хафф, визен венем сур, со даун дайд ит!»

«Ну, так или иначе,» сказал Гаунт, «ему нужно больше.»

Существо мгновение смотрело на них. Затем его вялые, тяжелые горловые трубки начали набухать и расширяться. Оно открыло рот и произвело оглушительный рев, выдыхая вонючий воздух и кровавые испарения могучим порывом.

«Убить это. Прямо сейчас,» сказал Гаунт. Он вытащил оба болт-пистолета. Они начали гроыхать, освещая мрак яркими вспышками. Рядом с ним Ладд тоже открыл огонь, его лазерный пистолет стрелял с максимальной скорострельностью. Эзра поднял свой рейнбоу и всадил еще одну железную стрелу в мясо на плече твари.

Объединенная огневая мощь могла бы свалить большинство гуманоидных врагов человечества. Даже внушающего ужас Десантника Предателя, должно было бы развернуть от мощи двух болт-пистолетов на таком близком расстоянии.

Несомненно, что плоть монстра рвалась и взрывалась. Глубокие раны избороздили его верхнюю часть туловища и руки, а две глубоких вмятины появились на его бронированном рыле.

Но казалось, что это его не беспокоит. Оно атаковало их.

«Уходим! Уходим!» крикнул Гаунт.

Ладд рванул влево. Эзра исчез справа. Гаунт последовал было за Эзрой, а затем вспомнил об Айэнмидоу.

Капитан все еще стоял на коленях на пути твари, беззащитный и плачущий.

«Ох, фес,» прорычал Гаунт.

Он повернул назад, поскользнулся на грязной дороге, чуть не упал, а затем выпрямился. Обхватив руками Айэнмидоу, все еще держа пистолеты в руках, он закричал «Уходим! Сейчас же!» Почти все высшие функции Капитана Айэнмидоу к этому времени были направлены на то, чтобы побыстрее опустошить его тело. Проливание слез было самым благоразумным аспектом этого опорожнения. Гаунт почувствовал, как трясется земля, когда монстр грохотал к ним. Он вложил всю силу в отчаянный бросок.

Гаунт кувыркнулся через спину, и Айэнмидоу перелетел через него, приземлившись на спину в дорожную грязь. Он немного проскользил по ней и остановился рядом с транспортником-4.

Массивный зверь с грохотом промчался мимо, когда его добыча внезапно исчезла.

Кованый тяжело развернулся, хрипя и принюхиваясь. Его горловые мешки надувались и спадали, надувались и спадали. Его ужасные зубы втянулись, а затем выскочили снова, яркие и убийственные.

Он увидел Гаунта, распластавшегося на спине.

Гаунт попытался подняться. Он увидел железные стрелы, восемь штук, торчащие в розовой плоти зверя.

Эзра не лгал. Он вогнал в тварь восемь стрел, заряженных токсином Антилла, а она все еще двигалась.

Проревев, сталкер двинулся к Гаунту.

Гаунт потерял один из болт-пистолетов, но, все еще лежа на спине, он стрелял из другого в ужасную тварь, когда она напала на него.

Гаунт резко откатился налево. Одна из огромных лап сталкера, с выдвинутыми когтями, зарылась в грязь, когда он ударил по месту, где лежал Гаунт.

Гаунт вскочил на ноги. В обойме оставалось только три патрона. Он выстрелил их все в череп зверя сбоку, когда пятился назад.

Встряхнув своей длинной, бронированной головой, сталкер повернулся, чтобы посмотреть на него своими сверкающими поросячими глазками.

Обойма пуста. Еще одна в кармане плаща. Возможно, две секунды на перезарядку? Три? Не похоже, что на это есть время.

Святой Трон, подумал Гаунт, *я боюсь. Великий Боже-Император, я, на самом деле, боюсь!*

«Ну ладно, сукин сын!» закричал он в лицо монстра.

Зверь прыгнул к нему, подняв руки, такие толстые, бугрящиеся узлами усиленных мышц, что Гаунт понял, что его кости смогут превратиться в мягкую массу.

До того, как удар достиг цели, сталкер отшатнулся, моргая. Лазерные заряды застучали по его ребрам. Тяжелые, мощные, непрерывная серьезная атака.

«Вот так, ублюдок!» прокричал Ладд. «Сюда! Сюда!» Он снова открыл огонь.

С яростным, влажным хрипом, кованый повернулся и направился к новой цели.

«Ох! Твою мать...» сказал Ладд.

Пустой болт-пистолет полетел в воздух. Гаунт бежал вперед, вытаскивая силовой меч Иеронимо Сондара. Он включил его и почувствовал потрескивание.

Он произвел режущий удар по кованому.

Усиленное лезвие прошло сквозь тело монстра. Если бы ему удалось ударить по позвоночнику, Гаунт был уверен, что он перерубил бы его и либо покалечил, либо убил бы зверя. Но это у него абсолютно не получилось.

Кованый издал мощный вой от боли, который сотряс его горловые трубки. Он развернулся, чтобы выяснить, что ему причинило такую боль. Огромное количество черной, воняющей крови полилось из глубокого разреза, который меч Гаунта оставил на его теле.

Зверь замахнулся на него. Гаунт защищался и ударил в ответ, отбив когти монстра. Несколько когтей полетели в воздух, шипя в местах разреза.

Зверь открыл пасть. Вонь ударила в Гаунта, как будто врезалось тело. Зверь собирался прыгнуть вперед, чтобы укусить. Гаунт взял клинок обеими руками. Он был уверен, что сможет пронзить тварь, а может быть, и убить. Конечно же, он так же может и умереть, когда огромные убийственные челюсти рванут вперед и сомкнутся.

По крайней мере, здесь была симметрия. Умереть, убивая своего убийцу. Этого должно быть достаточно.

После всего этого времени, всех этих битв, после беспрестанных ужасов Гереона, этого должно быть достаточно.

Достаточно, чтобы умереть с этим. Он почти приветствовал это.

«В конце концов...» выдохнул он.

Кованый упал на морду у его ног.

Он прохрипел один раз, а затем дыхание прекратилось. Он был мертв. На этот раз, точно мертв.

«Святой...» сказал Гаунт. Он опустился на колени, опираясь на свой меч.

Сильные токсины в стрелах Эзры, которых было более чем достаточно, чтобы убить обычного человека от мельчайшей царапины, наконец-то сработали в организме сталкера.

«Сэр? С вами все в порядке? Сэр?» звал Ладд, подходя ближе.

«Я в порядке. Я жив,» ответил Гаунт. Он снова поднялся на ноги. «Я жив. Я, все еще, жив!» выкрикнул он слова в темные деревья вокруг них. Ладд сделал шаг назад. «Вы слышите меня? Я жив, ублюдки! Вы не сможете убить меня! Вы просто не сможете убить меня, так ведь?» Гаунт поднял руки, держа свой меч вверх, и медленно поворачивался. «Даже сейчас, я жив! Ублюдки! Что у вас еще осталось?»

Он начал дико хохотать, запрокинув голову, почти маниакально.

Нахум Ладд много чего повидал за день, что пугало его, и сталкер почти возглавил этот список. Но дерзкий хохот Гаунта был самой пугающей вещью.

Эзра Ночь выскользнул из тени и положил руку на плечо Гаунта.

«Рестью, соуле,» прошептал он.

Гаунт кивнул. «Все в порядке, друг мой. Я в порядке. Ладд?»

«Да, сэр?»

«Хорошая работа. Я этого не забуду. Приведи в порядок Айэнмидоу.»

«Как именно, сэр?»

«Найди ручей или пруд. Заставь его там постоять.»

«Да, сэр.»

Гаунт обернулся к партизану. «Хове камут би, соуле? Соу саддан, соу ваил?» Эзра пожал плечами. «Стинк оффут ай хэдд. Зиссен степпе.»

Нихтгейнец повел Гаунта в подлесок. Дальше от дороги, и от света грузовика, огромные гранитные плиты мерцали в темноте между деревьями. Они косо лежали, как монолит, который опрокинулся и погрузился в землю за целую вечность.

«Хистю,» сказал Эзра, притрагиваясь к кускам камня и листве, пока шел впереди. «Херейн, херейн ю твейн. Зиссен спур, хир алсвер, ит макес спур, алсвер, алсвер овер.» Он остановился у огромной кварцевой плиты, размером со сверхтяжелый танк. Глыба лежала среди драпировки из болезненных деревьев. Гаунт пришлось нащупать ее грань в темноте.

«И здесь следы заканчиваются?» спросил он.

«Наморе стинк, наморе спур ит лиф. Комен фрам Урз ит дид.»

«Ты уверен?» спросил Гаунт, держа руку на камне. Эзра не ответил. Гаунт мог почувствовать упрек Нихтгейнца. Конечно, Эзра был уверен. Он был партизаном, Нихтгейнцем Антилла. То, что он не смог бы отследить, было за гранью возможного.

Гаунт посмотрел в ночное небо. В холодном, морозном воздухе, звезды мерцали по ту сторону деревьев. Где-то там, среди далекого туманного космоса, велась настоящая война, решительными и опытными людьми.

Но здесь она будет проиграна. Если он был прав, а Гаунт был совершенно уверен, что он прав, Крестовый Поход в Миры Саббат будет проигран здесь, в степных городах Анкреон Секстуса. Магистру Войны ударят в спину.

Ему ударят в спину, и он погибнет.

И с этим Гаунт ничего не мог поделать. После всего, он был потерянным оружием, подозреваемым офицером, награжденным опасениями насчет его лояльности, и к нему приставили наблюдателя, следящего за ним. Награжденным так несправедливо, что ему даже не дали командовать людьми.

Просто потому, что его подозревают в порче. Что ж, именно эта ядовитая сущность в его крови дала ему понять все это сейчас. Знать наверняка.

Каким-то образом, несмотря на все подозрения насчет него, ему нужно найти путь в старший командный состав, чтобы его воспринимали серьезно.

И был только один способ, который он смог придумать...

«Возвращаемся к транспорту,» сказал Гаунт Эзре. На дороге позади них, двигатель транспортника-4 все еще работал, и его фары все еще горели. Отдаленные крики охотящихся сталкеров заполнили ночь.

«Ладд? Айэнмидоу?» крикнул Гаунт, когда пробирался назад к транспортнику с Эзрой за спиной. «Мы уезжаем. Сейчас же.»

ПЯТНАДЦАТЬ

04.02, 197.776.M41

Пятый Отсек

Спаршад Монс, Анкреон Секстус

Отряд Роуна был среди них уже около двух дней, а Вайлдер уже был уверен, что им вообще не стоило возвращаться. Это было не из-за того, что он не знал их – и, во имя Трона, он не знал их – но он рассчитывал, что Танитцы помогут им влиться в полк, помогут сгладить переходный период, радушно примут возвратившийся отряда. А этого просто не произошло.

В первый день при встрече была такая попытка. Сразу после того, как аплодисментами и радостными восклицаниями приветствовали их прибытие, Призраки толпой окружили своих давно потерянных товарищей, трясли их головы, обнимали, спрашивая первые из тысяч вопросов. Отряд Роуна, по большей части, просто терпел это внимание. Они кое-как улыбались в ответ, позволяли рукопожатия и сухо обнимались, тихо говоря «привет» старым товарищам.

Гол Колеа прошел прямо к своему старому другу Варлу, и сжал меньшего по размеру человека в больших объятиях. Варл ухмылялся пустой ухмылкой и хлопал Колеа по спине, пока он не отпустил.

«Все это, а они тебя все еще не убили?» сказал Колеа.

«Кажется так,» сказал Варл. «Я предполагаю, что они старались изо всех сил, но не вкладывали в это душу.»

«Святой Трон, хорошо увидеть тебя снова,» признался Колеа.

«Ага,» казалось, что Варл согласился. Он просто смотрел на лагерь, куда-нибудь, но только не в лицо Колеа.

«И... когда мы услышим все об этом?» спросил Колеа.

«Да почти нечего рассказывать,» ответил Варл.

Танитские разведчики окружили Мколла и Бонина. Из того, что Вайлдер смог расслышать, эта встреча тоже была странно слабая.

«Что вы видели, сэр?»

«Что происходило?»

«Гаунт жив, так ведь?»

«Что случилось с Веном?»

«Рад видеть, что вы все всё еще дышите,» ответил Мколл. Этот Мколл, знаменитый Мколл, которым так гордились разведчики, Вайлдеру не показался каким-то особенным. Маленький, не располагающий к себе, скованный.

«Но что вы там видели?» спросил Лейр.

«Не много, что достойно рассказа,» ответил Бонин.

«Кто-нибудь, опишите мне обстановку,» сказал Мколл, как будто он только что вернулся из рутинной получасовой вылазки.

Рядовой Каффран проталкивался сквозь толпу к Тоне Крийд, и остановился перед ней. Он начал было движение, чтобы обнять ее, но было что-то в ее поведении, что убедило его не делать этого.

«Тона,» сказал он.

«Кафф.»

«Я знал... я знал, что ты вернешься.»

«Рада, что хоть кто-то.» Затем она прошла мимо него, направившись к месту размещения, оставив его одного, с озадаченным выражением на лице, с напряженными мускулами на краях челюсти.

Только Бростин, огнеметчик Роуна, казался в относительно хорошем настроении. Встреченный огнеметчиками полка, Луббой, Дреммондом, Несконом и Лайс, Бростин взял сигарету с лхо из предложенной пачки.

«На что это было похоже, Брос?» спросил Дреммонд.

«Ну,» ответил Бростин, смотря на сигарету, «для начала этого там было мало.»

Пришло уныние. Вернувшиеся «герои» показывали, что не хотят ничего больше, кроме как оставаться наедине с самими собой. Праздничное настроение закончилось

с шипящим звуком, таким же жалостным, как плохо присоединенная лента детонатора.

Следующим утром Вайлдер позвал их всех в свою палатку для инструктажа. Он так же позвал других офицеров, включая Баскевиля, Колосима, Мерина и Колеа. Стычки с Кровавым Пактом, дальше на местности, все еще грохотали, перебранка, остававшаяся с предыдущего дня. Солнечный свет в отсеке был пятнисто-серым, и казался таким же скучным, как и настроение. Согласно советникам пункта, ДеБрэй, скорее всего, прикажет наступление пехоты в следующие тридцать шесть часов.

Вайлдеру это казалось уместным. Вражеская бронетехника не стала бы так крепко держаться, если бы не пыталась держать дверь открытой для наземного наступления.

«Шансы таковы, что мы выдвинемся в отсек снова завтра,» сказал Вайлдер. «Может быть, даже, сегодня вечером. Детали будут позже, но я буду ожидать решительного наступления от основных подразделений, с отрядами разведчиков впереди. Второй вопрос – аккуратно распределить вас по местам.» Под «вас» он имел в виду отряд Роуна. Майор кивнул.

«У меня есть разные идеи, куда вас определить,» сказал Вайлдер, «но я думаю, что сначала нужно небольшое ознакомление. Это странная зона боевых действий --»

«Мы привыкли к странностям,» сказал Роун.

Вайлдер сделал паузу. Он не привык, чтобы его перебивали, и особенно люди, которых он не знал.

«Принято, Роун. Спасибо. Я собираюсь разделить вас по трем отрядам. Сержант Мколл и Рядовой Бонин, исходя из вашей специализации, я хочу, чтобы вы вошли в разведывательный отряд, чтобы вы получили представление о том, как нам нравится проводить разведывательные операции. Капитан Колосим один из наших лидеров разведчиков, так что вы будете с ним.»

Колосим кивнул Мколлу и Бонин, и получил подтверждение.

«Варл, Крийд, Бростин и Ларкин. Простите, я еще не очень хорошо вас знаю. Я хочу ввести вас в Роту С, это группа Колеа, так что вы будете наступать с основными

силами. Попробуйте найти свое место. Я не думаю, что у вас возникнут с этим какие-то проблемы.»

«Я буду держать их в узде, если не найдут,» заметил Колеа, попытавшись отпустить хорошую шутку. Это прозвучало плоско.

«Майор Роун. Я бы хотел прикрепить вас к Роте Е, вместе с Фейгором и Белтайном. Рота Е – это отряд Капитана Мерина. Если я могу быть откровенным, я понимаю, что это может показаться немного странным, так как Мерин был намного ниже званием, когда вы ушли. Пожалуйста, уживитесь. Это просто акклиматизация. Мерин, ты знаешь, что Майор Роун бывалый и опытный офицер. Я полагаю, мы все знаем, что счастливы, что он к нам вернулся. Врать не буду – есть все шансы, что вскоре я передам Роту Е ему. Я понимаю, что это для вас выглядит, как понижение в должности, но смиритесь. Если это произойдет, на вас это никак не отразится, Мерин. Будут другие возможности.»

«Я прекрасно понимаю, сэр,» сказал Мерин. Не было даже намека на то, что он расстроен указанием. Должно быть, он предполагал, что так будет, подумал Вайлдер. Вайлдер увидел, как Колеа кратко показал себя расстроенным из-за того, что Вайлдер не последовал его рекомендации насчет Мерина и Роуна.

«Ладно, вот и все,» сказал Вайлдер, поднимаясь на ноги. «Майор Роун, я уверен, что вы напомниме вашей команде, что это все для того, чтобы снова узнать ваших старых товарищей, и узнать новых так быстро, как только возможно.»

«Конечно,» сказал Роун.

«И могу я воспользоваться случаем, чтобы сказать, что Восемьдесят Первый Первый с восхищением относится к тому, что вы сделали за последние восемнадцать месяцев. Конечно, нам не все рассказали. Части деталей вашей миссии остаются засекреченными. Но вам ничего не нужно нам доказывать... за исключением того, что вы в состоянии вернуться к операциям на уровне рот.»

Наступал еще один рассвет. Вайлдер проснулся и тотчас опять почувствовал себя скованным. Это было не просто от холода. Холодное, равнодушное отношение команды Роуна все еще сильно беспокоило его. Их здесь было только девять, но этого оказалось достаточно, чтобы нарушить баланс во всем полку. Белладонцы не

знали, что делать с такими угрюмыми новичками и их твердой-как-гвозди репутацией. Для Танитцев и Вергхастцев это было просто огромное разочарование. Эти люди были героями, вернувшимися из мертвых.

Они так возвысили их в своих мыслях, что реальность была подобна холодному душу.

Восемьдесят Первый Первый и Колстекский Сороковой мобилизовались в непроглядной темноте. Зловещие уханья сталкеров отдавались эхом в темноте отсека.

Баскевиль доставил приказы с командного пункта. Предрассветное наступление, прямо как и предполагал Вайлдер, Восемьдесят Первый Первый пойдет от Колстековцев к восточной стороне отсека. ДеБрэй хотел, чтобы полк Валдера к девяти утра встал вдоль Холма 56, предпочтительно войдя в контакт с бронетехникой Ротбергцев.

Дальше по дороге, и на близлежащей местности, собирались роты: люди, окоченевшие в местах размещения, запасшиеся провизией, подгоняли разгрузки, поправляли форму и проверяли оружие. Небо над головой было чистым и прозрачным, и только яркие звезды показывали, где кончалось черное небо и начинались черные очертания высоких стен отсека.

До выхода оставалось 20 минут. Вайлдер застегнул на пуговицы свое пальто с шерстяной подкладкой, сделал быстрый тест интеркома, и пошел взять карабин со склада. В обычных условиях он нес только мощный лазерный пистолет, притороченный к бедру, но сегодня у него было чувство, и оно было не из приятных.

Возвращаясь с пункта, он увидел Харка и Новобазки, разговаривающих с Дорденом.

«Доброе утро,» сказал он, присоединившись к ним.

«Я только что подошел, сэр,» сказал Новобазки.

«Проблемы?» спросил Вайлдер.

«Мы только что обсуждали Роуна и остальных,» сказал ХARK.

«Хотите чем-то поделиться?»

Харк пожал плечами и посмотрел на старого медика. «Я даже представить не могу, через что они прошли,» сказал Дорден. «Я не могу представить, и поэтому понятия не имею чем, потому что никто из них не хочет об этом говорить. Я проверил каждого из них вчера, просто обычная рутинная проверка. Я так хотел снова увидеть каждого из них, а они были, как незнакомцы. Не в том смысле, что недружелюбные, а... отдаленные.»

Харк кивнул. «Я думаю то же самое, сэр.»

«И какие выводы?» спросил Вайлдер.

Дорден нахмурился. «Они так долго были сами по себе, что им потребуется время, чтобы влиться в подразделение. Я имею в виду, они просто отвыкли быть рядом с людьми, которым могут доверять. Я думаю, что им пришлось многим пожертвовать, чтобы выживать так долго. По факту, в них только это и осталось. Выживание. Я не знаю, будут ли когда-нибудь они теми людьми, которых мы знали.»

Вайлдер знал, что старый доктор был горько разочарован тем, что его любимая коллега, Керт, не вернулась с командой. «Они в порядке?» спросил Вайлдер.

«Физически, они в превосходной форме. Даже Ларкин, а он самый старый из них. И Ларкс единственный, кто привел меня в замешательство. Он никогда--»

«Продолжайте,» сказал Вайлдер.

«Дорден дипломатично пытается сказать, что у Ларкина было слегка плоховато с головой,» сказал Харк. «У него были личные проблемы, напряженный и нервный. Единственная причина, по которой его выбрали для миссии на Гереоне, заключалась в том, что в Танитском Первом не было лучшего снайпера.»

«Теперь Ларкс тверд,» сказал Дорден. «Множество из его старых тиков и дрожей исчезли. Я предполагал, что такое шоу ужасов, как Гереон доведет его до края. Может быть, так и было, и он забрался так далеко, что вернулся с другой стороны. Дело в том, если такое произошло с самым слабым, в психологическом плане, членом команды...» его голос затих.

Вайлдер вздохнул. Он проверил часы. «Ладно, джентльмены, пора привести этот цирк в движение.»

Сигнал выдвигаться поступил по микро-бусинам, простой и тихий. Стоя вместе с Ротой С, Ларкин услышал писк в ухе и взял свое оружие. Оно было новым, лонг-лаз марк IV, модель с Урдеша, сатиново-черное с темной пластековой отделкой. Очень хорошее оружие, все продумано, но ему все равно надо было узнать его. Он оставил свое оружие – старый, отделанный деревом нала, лонг-лаз, с которым он прошел все битвы от Танита до Херодора – на Гереоне. На самом деле, ему было все еще тяжело не думать о том, что они оставили трех друзей позади, в той жопе мира: Вена, Дока Керт и его снайперскую винтовку. Но, в конце концов, это было простое решение. Примерно за шесть месяцев тура по Гереону, он израсходовал все горячие выстрелы, исчерпал даже средства для производства или восстановления горячих выстрелов. Безжизненный, смолкнувший, его старый лонг-лаз стал таким же полезным, как дубинка. Он заменил его на простую, солидную автоматическую винтовку, которую для него нашел Ландерсон, старое охотничье ружье.

Пока они шли по дороге в темноту, Ларкин понял, что идет рядом с молодым Белладонцем, у которого тоже был лонг-лаз.

«Кайдей,» сказал юноша, протягивая руку.

«Ларкин.»

«Майор Колеа попросил меня идти с вами. Он хочет, чтобы мы шли впереди.»

«Веди,» сказал Ларкин. Они ускорились на пару минут, обгоняя колонну солдат.

«Значит, вы постреляли на этом Гереоне?»

«Пару раз.»

«На что это было похоже?»

Ларкин посмотрел на парня. «Прицелился и выстрелил, прямо как здесь.»

«Нет, я имел в виду--» начал Кайдей.

«Я знаю, что ты имел в виду.»

После этого, Кайдей много не говорил.

Колеа повел свою роту с дороги на север, в лесистую местность. Рассвет все еще не наступил, и на большинстве были очки, красящие мир в зеленый, как будто они были под водой.

Колеа показал Дерину куда идти, и пошел назад, проверяя колонну, солдата за солдатом. Он увидел Крийд, и пошел рядом с ней.

«Ты избегаешь меня, Тона?» спросил он.

«Да, Гол. Вот почему я отправилась на Гереон, чтобы избегать тебя.»

«Я не думаю, что у тебя был шанс увидеть детей по пути сюда,» сказал он.

Крийд и ее супруг Каффран спасли двух маленьких детей в боевой зоне Улья Вervун, и растили их, как своих собственных, в полковом обозе со слугами, вспомогательным персоналом и гражданскими. Выяснилось, что дети, в один из большинства причудливых примеров чувства юмора Бога-Императора, были детьми Колеа. Дети, о которых он думал, что потерял. Колеа оставил все, как есть, позволив Крийд и Каффу командовать, не желая причинять вред детским разумам больше, чем уже было.

С тех пор, как полк прибыл на Анкреон Секстус, дети, Йонси и Далин, были на попечении сопровождающих полк в Имперском Командном Центре.

«Нет,» сказала Крийд.

«Собираешься?»

«Меня не было восемнадцать месяцев, Гол. А ты их видел? Ты был у них и рассказал им правду, что папочка, вообще-то, жив?»

«Нет,» сказал он.

«По крайней мере, ты говорил с Каффом?»

«Нет,» сказал Колеа.

«Ради Трона, Колеа! Он знает! Я все ему рассказала. Фес это все, восемнадцать месяцев, а вы оба даже не поговорили?»

«Тона--»

«Не говори со мной,» сказала Крийд. «Может быть, позже, но сейчас не разговаривай со мной. Мы в фесовом поле, ты тупой как. Заткнись и выбирай моменты получше.» Она ушла вперед. Несколько человек поблизости посмотрели на Колеа. Они не слышали многого, но поняли, что что-то резкое только что произошло.

«Правильно *майор* тупой как...» Колеа крикнул ей вслед.

Рота Е, вместе с Ротой Н Каллида, были последними, кто выдвигался с пункта 36. В мрачной темноте, освещаемой люминисцентными палочками и лампами, отряды Колстековцев, которые последуют за ними, уже собирались и занимали места, освобожденные Восемьдесят Первым Первым.

Ожидая отправления, Фейгор смотрел на Колстековцев, собирающихся на плацу в тридцати метрах позади них. Он тихо выражал неодобрение и качал головой. Колстековцы производили весьма много шума.

Роун стоял рядом с ним, закутавшись в свое новое кожаное пальто. Он потратил кое-какое время за последние несколько дней, работая над плащом маслом и шерстью, чтобы смягчить его, но новая кожа все равно еще слегка скрипела, когда он двигался.

«Мюрт?»

«Фесовы дерьмояеды,» прошептал Фейгор. «Нулевая шумовая дисциплина.» Роун кивнул. Он, как ни странно, был весьма удивлен тем, как Восемьдесят Первый Первый собрался вместе и выдвинулся. Немного шума, немного разговоров, но ничего слишком позорного. Он предположил, что опыт Танитцев передан этим Белладонцам.

Колстековцы наоборот, просто не затыкались. Он слышал жалобы, недовольства и внезапные взрывы смеха. И даже, несмотря на то, что у них были очки ночного зрения, они сверкали лампами и факелами, как будто это был День Триумфа Трона.

Роун увидел комиссара Белладонцев – как там его звали, Новобазки? – говорящим с Капитаном Каллидом и несколькими младшими офицерами, которых Роун не знал. Он пошел к ним.

«Майор Роун? Доброе утро.»

«Комиссар. Я полагаю, что вы с этим что-нибудь сделаете?» Он кивнул головой в сторону Колстековцев.

«Простите?»

«Шум и свет. Это неприемлемо.»

«Они успокоятся, как только мы отправимся.»

Роун улыбнулся. «Да? Ой, тогда ладно.»

«К тому же, это проблема их собственных комиссаров, которые должны --»

Роун уставился в глаза Новобазки. «Это станет нашей проблемой, когда те фесовы идиоты призовут боль на наши головы, болтая у нас за спиной. Если вы просто предполагаете, что что-то будет сделано, то этого никогда не произойдет. И чья-то там проблема никогда не остается только чьей-то.»

«Вы говорите мне, как мне делать мою работу, майор?» сказал Новобазки.

«Да, именно фесово так. Кто-то должен.» Он повернулся и ушел.

«Майор! Вернитесь!»

«Это вряд ли, фесова подстилка,» сказал Роун, все еще шагая.

«Майор Роун!»

Роун проигнорировал Новобазки и вернулся к Фейгору. «Мы только что получили сигнал выступить,» сказал Фейгор.

Рота Е начала шевелиться. Аятани Цвейл шел вдоль колонны, отправляя последние благословения солдатам. Он дошел до Белтайна и улыбнулся, готовый сказать простую молитву защиты.

«Оставьте, отец,» сказал Белтайн.

«Сын, я только --»

«Просто оставьте. Я благословлен или проклят. В любом случае, несколько слов от вас не помогут.» Цвейл закрыл рот и смотрел, как молодой солдат уходит вместе с ротой.

Дуган Белтайн когда-то был одним из самых набожных солдат в полку, и почти всегда среди первых, кто приходил на дневную службу. Но его взгляд вот только что...

Мерин был рядом с началом колонны, уводя людей в темноту. Несмотря на то, что он кивал на распоряжения Вайлдера предыдущим днем, он был нервным и чувствовал себя некомфортно.

Он чувствовал себя так, как будто глаза Роуна буравят его, куда бы он не пошел. До Гереона, он показывал себя перед вторым офицером Танитцев, восторгался им, старался быть поближе, и пользовался выгодой быть одним из «людей Роуна». Сейчас он был капитаном и командиром роты, а Роун вернулся из мертвых, угрожая забрать это все. Мерин не винил Роуна; ирония заключалась в том, что вся ситуация заставила его сфокусироваться, даже более пристально, на навыках и философии, которые в него вбил Роун: самоуверенность, хитрость, желание защищать то, что было его, с жестокой и всеобъемлющей эффективностью.

Он был вежливым, он кивал перед Вайлдером. Но не было никакого фесового способа, чтобы Флин Мерин позволил Роуну придти и украсть его командование.

Жесси Бэнда была впереди него, двигаясь вперед со снайперами. Это был еще один острый момент. Это не было широко известно, но Роун и язвительный, нахальный снайпер были вместе до миссии. Как только Роун исчез, Бэнда выбрала Мерина в качестве замены. Мерин не был дураком. Он понимал, что Бэнда была амбициозной женщиной, которая любила водить компании с многообещающими офицерами, или влиятельными людьми. Как и Роун до него, Мерин был одним из трофеев снайпера. Он знал, что она не любит его, и не очень-то беспокоился.

Им было хорошо вместе, и у них были упорные, изменчивые отношения, которые, казалось, удовлетворяли их основные потребности.

Проблема была в том, что Мерин стал ужасным собственником. Он тоже не любил Бэнду, если честно, но он был опьянен ею: опьянен ее жестокими шутками, ее смехом, ее манерой флиртовать, даже самими ее теплом и запахом. Стоило ей

только посмотреть на другого мужчину – или другой мужчина смотрел на нее – как Мерин заводился. Двумя днями ранее, Белладонский сержант по имени Беренбек попал в госпиталь, сильно избитый. Беренбек был болтуном, и предполагалось – даже самим Беренбеком – что его избили Хауберканские танкисты, которые прослышали, что у него есть мнение, что Гадовин был даже недостойн пули. Правда была в том, что это был Мерин, поджидавший Беренбека позади палаток уборных после темноты с носком, полным камней. Мерин услышал, как тот говорит своим приятелям, как «горяча Призрачная снайперша».

Бэнда ничего не сказала о возвращении Роуна, во всяком случае, ничего, что заставило бы Мерина задуматься.

Но Мерин едва справлялся с жжением в глубине живота. Его командование и его девушка.

Фесов Роун не заберет у него ни то, ни другое.

Рота Е, с Ротой Н на правом фланге, двигалась по лесистому району, приближаясь к отрядам Восемьдесят Первого Первого, которые уже с трудом прошли на север сквозь отсек. Белладонцы были, несомненно, достаточно приличным полком. По всей вероятности, Призракам повезло влиться в их состав. Но Роун чувствовал пустоту и холод, и не из-за кусучего предрассветного мороза. Больше не было ничего, что бы его интересовало, ни дела, ни цели, ни чувства верности. Танитский Первый исчез, не смотря на то, что вокруг него было множество знакомых лиц. Больше не было никакой энергии, никакой страсти. Мир стал пустым, его блеск исчез, и Элим Роун просто плыл по течению.

К северо-востоку от пункта 36, ландшафт отсека представлял собой низкие кустарники, растянувшиеся на три километра, доска из крошащегося грунта, покрытого редкими лаймовыми деревьями и кустами терновника. В самой нижней точке, лесистая местность переходила в болота и излучины солоноватой воды, густо заросшие черными камышами и тростником. К востоку от низины, за почти исчезнувшей и заросшей мхом дорогой, местность снова уходила вверх, становясь голой и кремнистой, с кустарниками, прорезанными кварцем и оуслитом, которые выглядел похожими на гигантские обнаженные корни массивной восточной стены отсека.

Горный Хребет 18, обозначенный так на планах, был особенно высоким образцом, жесткий изгиб из острых камней, который пролегал с востока на запад почти на полкилометра, его верхнюю поверхность густо покрывали кизил, ежевика и цветущая жанитура. Разведывательный отряд Колосима был на полпути наверх с южной стороны.

Четыре разведывательных отряда выдвинулись впереди основного продвижения, один на запад, два через центральный кустарниковый бассейн, а четвертый, Колосима, на восток.

Им понадобилось около сорока пяти минут, чтобы добраться сюда от пункта. Рассвет все еще не мерцал над восточной стеной.

Ферди Колосим, рыжеволосый и широколицый, был эквивалентом Мколл среди Белладонцев. Специалист по разведке, он дорос до командования ротой из-за своих лидерских навыков и опыта. Его все любили. Даже Танитцы испытывали к нему теплые чувства.

В его отряде было восемь человек. Танитские Разведчики Каобер и Хвлан, Белладонские Разведчики Маггс, Дарромай, Бернстин и Сержант Бакрен, и новички Мколл и Бонин.

Колосим уже сделал мысленную заметку о том, как пугающе двигаются последние двое. Он всегда верил, что Белладонцы весьма хороши в скрытном передвижении, и был пробуждающий звоночек, когда стали очевидны экстраординарные способности Призраков, когда полки впервые объединились.

Но Мколл с Бониным были чем-то другим. Колосим продолжал проверять, что они все еще здесь, и каждый раз, когда он делал это, как Мколл, так и Бонина не было там, где он их видел последний раз.

Следует отдать должное Белладонцам, как разведывательной дивизии, гордящейся своими навыками, не было никакой недоброжелательности, когда Призраки появились впервые. Вместо того, чтобы обижаться на способы, которые Призраки показали им, Белладонцы были заняты изучением умения ориентироваться и боевых навыков, которым Танитцы могли обучить их.

Они избавились от сетчатых накидок, которыми пользовались с самого основания, и приняли камуфляжные накидки, похожие на накидки у Призраков. Они прекратили использовать неуклюжие, напоминающие меч, винтовочные штыки для ближнего боя, и заменили их меньшими, обоюдоострыми боевыми ножами. Ножи были совершенно не такими красивыми, как отличительные серебряные клинки Призраков, но они были гораздо удобнее, чем длинные штыки. Они даже начали затемнять свои полковые эмблемы ваксой. Каобер, самый старший разведчик Призраков, с тех пор, как Мколл, Бонин и Мквеннер пропали, лично научил этому Колосима. Он указал на смешной факт, что Белладонцы покрывают серым пуговицы, клинки, застежки, ушки на ботинках, кожу и униформу для скрытных операций, но, тем не менее, носят блестящие, добросовестно начищенные полковые эмблемы на мундирах.

«Это вопрос гордости,» говорил Колосим. «Гордость за наше подразделение.»

«Гордость – это великолепно,» отвечал Каобер. «Великолепно во многих случаях, за исключение того, когда из-за этого тебя увидят и убьют.»

Колосиму нравилось откровенное и честное отношение Каобера, и оба сформировали приличные рабочие отношения. Он не был уверен, как теперь пойдут дела, когда знаменитый Мколл вернулся. Каждый намек и совет, которые Каобер, или любой другой разведчик, когда-либо давали, начинались с фраз типа «как Мколл учил нас» или «как Мколл всегда говорил.»

К настоящему времени, Мколл сказал дюжину слов Колосиму, и четыре из них были, «Ты Колосим? Точно. Идем.»

Отряд достиг вершины Горного Хребта 18 и проскользнул через ежевику. С вершушки хребта у них был приличный вид, с помощью ночных прицелов, на глубокий бассейн вдали, с крутыми откосами по краям, покрытая кустарником долина, которая расширялась на запад. На дальней стороне бассейна, параллельно им, пролегал Горный Хребет 19, более низкий и более неровный. На его западном конце вырастал Холм 55, а позади, более широкий, похожий на булку, Холм 56, где предполагалось собраться Восемьдесят Первому Первому позже этим днем. Холм 56 был подсвечен дергающимся светом, короткими вспышками и взрывами, которые оставляли остаточные изображения на их очках. Даже с полдюжины километров, они могли

слышать взрывы и выстрелы танков. Бронетехника Ротберга отбросила архиврага назад по отсеку, но они все еще сражались, даже в этот ранний час.

Колосим изучил местность и сделал несколько кратких заметок восковым карандашом.

«По крайней мере, они там, где мы и предполагали,» пробормотал он. Бакрен кивнул. Была опасность того, что Ротбергцев могли отбросить назад за ночь, или еще хуже, что сделало бы Холм 56 неподходящим, в качестве цели для пехоты. Одной из ключевых задач разведывательных отрядов было убедиться, что приказы ДеБрэя все еще имеют смысл. Отряд Колосима был первым, кто получил визуальное подтверждение, спасибо высоте и эффективности их продвижения.

«Послать сигнал?» спросил Бакрен.

«Делай,» сказал Колосим. Бакрен подполз к Дарромаю, у которого был вокс-передатчик, и начал отправлять подробности.

Второй задачей разведывательного отряда было дать оценку подступам. Тактические советники по пункте подсчитали, что есть высокая вероятность того, что архивраг может воспользоваться отвлекающим сражением бронетехники, чтобы незаметно перебросить пехоту по восточной стороне отсека.

Мколл пристально смотрел на север. Он изучил планы в деталях, но ничто не могло сравниться с тем, чтобы самому увидеть местность. Почувствовать ее ложь. А здесь было много лжи. Хотя все выглядело, как натуральный ландшафт, отсек был искусственным. Это был гигантский ящик, набитый грязью и камнями. Он не доверял ни единой его части. Он повернул свой прицел к дальнему северному концу, и смог разглядеть только намек на конец стены, массивный бастион, ограждающий следующий огромный проход. Это будет настоящая цель в следующие несколько дней: выжечь путь к этим монументальным вратам и пробиться сквозь них.

Что лежало за ними, никто не мог сказать. Даже наблюдение с орбиты ничего не давало.

Единственную вещь точно знали все, что следующий отсек был еще одним шагом к центру древней головоломки, и что они способны запустить четыре колонны бронетехники и роты воинов туда.

Гикающие крики раздавались из бассейна. Мколл направил прицел в ту сторону.

«Ты никогда их не заметишь,» сказал Маггс.

Бонин посмотрел на него. «Сталкеры?»

«Ага, ты никогда их не увидишь. Пока не станет слишком поздно.»

«Точно?»

Маггс кивнул, и похлопал приклад своего марк III. «И ни одна из этих крошек не остановит одного, даже на полном автомате. Даже если ты увидишь его первым. А ты не увидишь. Ты не увидишь их, пока они тебя не найдут.»

«Ты, может быть, но только не шеф,» ответил Бонин.

Вес Маггс нахмурился. Он был низким, хорошо сложенным человеком с широкой спиной, как у пловца, и мощными плечами. У него были короткие и коричневые волосы, и у него был небольшой шрам, спускающийся с края левого глаза. Маггс был одним из лучших разведчиков Колосима, известный среди Белладонцев, как шутник и проказник, у которого иногда было слишком много слов во рту, для его же блага. Бонин еще не сделал выводов насчет Маггса. Слишком много индивидуальности на его взгляд.

«Хотел бы я увидеть, как твой старик попытается убить сталкера...» начал Маггс.

«Тогда будь рядом,» сказал Бонин.

Колосим игнорировал тихий разговор. Он изучал тропинки вдоль хребта перед ними.

«Они ни за что не пойдут сюда пешком,» сказал Бакрен.

«Слишком тяжело,» согласился Бернстин. «Боковые хребты замедлят их. А если они влипнут в неприятности, то отступить будет нелегко.»

«Кровавый Пакт не часто думает о вещах с точки зрения отступления,» сказал Мколл.

«Ты думаешь, что они могут пойти этим путем?» спросил Маггс.

«Я думаю, что это возможно. Я думаю, что нужно проверить,» сказал Мколл.

«Ты сумашедший--» заметил Маггс.

«Рот закрой,» бросил Колосим. Он поднялся на ноги и встал рядом с Мколлом. «Я собирался повести нас по линии этого хребта, пока мы не выйдем на плоскогорье, а затем забраться на Холм 56. Что-то мне говорит, что это не то, что ты хочешь сделать.» Мколл слегка пожал плечами. «Твой отряд. Ты командуешь.»

«Предполагается, что мы должны узнать друг друга, Мколл. Я бы хотел услышать, что ты хочешь сказать.»

«Ладно,» сказал Мколл. «Хребты разделяют местность вдоль этой восточной стены. Это не стало бы выбором для наступления. Скорее всего, враг попытался бы провести колонну пехоты возле Холма 55, и выйти на дорогу. Но, я думаю, что нам надо прекратить думать об этом, как о нормальной открытой местности. Мы ограничены стенами. Мы заперты. Если бы я хотел зайти нам во фланг, я бы послал войска этим путем.»

«Через хребет?»

«Через хребет. Он отвесный, но мы забрались наверх, за сколько? Меньше чем за час, после выхода с пункта? Тут еще хорошая растительность. Самая густая в отсеке. Было бы тяжело, но это окупится. К тому же, мы не знаем, что там внизу или рядом со следующим хребтом...» он сделал жест в сторону бассейна. «И мы не знаем, насколько хорошо враг знает это место.»

«Что ты имеешь в виду?» спросил Каобер.

«Туннели. Рвы. Проходы, которых мы не можем увидеть. Тут все искусственное.»

«Здесь не было признаков туннелей или чего-то еще,» сказал Хвлан.

«Это не значит, что их нет,» сказал Мколл.

Колосим поджал губы. «Идем, посмотрим.»

«Да вы издеваетесь!» проворчал Маггс.

«Дарромай,» сказал Колосим, игнорируя Маггса. «Пошли сигнал на командный пункт, что мы выдвигаемся на Хребет 19. Может быть, понадобится час. Мы воксирuem им снова, когда доберемся туда.»

«Да, сэр.»

Внизу, в темноте, в заросшем бассейне между Хребтом 18 и Хребтом 19, на сырой поляне между густо покрытыми лишайником лаймовыми деревьями, Криволап Трижды-кованый замер. Что-то приближалось, что-то двигалось вниз по крутому склону к югу от него.

Другие, меньшие кованые, единожды-кованые или дважды-кованые, охотились в сырых рощах неподалеку, но все они знали, что должны дать широкое место для сна Криволапу. Солнце, и время возвращаться, давно ушло.

Криволап втянул воздух через свои свисающие горловые трубки и приглушенно и лениво проскрежетал. Он начал карабкаться вперед, перекачивающейся походкой на всех своих четырех мощных конечностях и опустив голову.

Он вдохнул воздух. Теперь он определенно это чувствовал.

Что-то приближалось, и это называлось мясо.

ШЕСТНАДЦАТЬ

05.26, 197.776.M41

Пятый Отсек

Спаршад Монс, Анкреон Секстус

Даже при дневном свете бассейн был бы темным. Чаша между двумя длинными горными хребтами была забита подлеском, который закрывал небо. На Таните лесорубы называли бы это узкой долиной.

Южный склон был отвесным, местами почти вертикальным. Земля была смесью из кремнистой глины и обнаженного кварца. Густой утесник обыкновенный и ежевика покрывали склон, свисая, как замерзший водопад. Упругий лайм и какая-то разновидность клубневых, шишковатых деревьев, росли на более толстых пластах земли, и предоставляли опоры для разведывательного отряда, пока он забирался наверх.

Затхлый запах сырости, грязи и листьев поднимался из бассейна внизу. На открытой местности было на несколько градусов теплее.

Люди передвигались со своим оружием, висящим на ремнях на правых плечах, держась за рукоятки правыми руками, а левыми хватались. Из темноты внизу доносился отдаленный шум. Царапанье, фыркание, случайный едва слышимый хрип. Мколл не сомневался, что там был, по меньшей мере, один сталкер.

Мах Бонин тщательно прислушивался. Остальные члены разведывательного отряда производили весьма немного шума, но он все еще звучал громко и топорно, по сравнению с полной тишиной, которую умудрялись поддерживать он и Мколл. Это были не только Белладонцы. Ему казалось, что даже Каобер и Хвлан тяжело шагают, а они оба были одними из лучших разведчиков Призраков. Неужели их техника на самом деле ухудшилась в отсутствии Мколла?

Не, понял он, мгновение смотря за ними. Они хороши, как и всегда. Разница были в нем самом. Направляясь на Гереон, Бонин и не думал, что сможет стать еще лучше. Место доказало ему, что он в этом ошибался, как оно доказало, что он ошибался еще во многом.

На полпути вниз по склону, Мколл задел и стряхнул вниз горсть кварца и поднял руку, чтобы все остановились. Остальные быстро прекратили спуск, и ждали, глядя на него.

Мколл замер, прислушиваясь, втягивая воздух, выясняя, что там есть, а чего нет. Нет птиц, нет насекомых. Возможно копошащиеся черви и жуки, но ничего летающего.

Ничто не щебечет и не движется. Никаких мелких грызунов, никаких ящериц. Только тихий, сырой, волокнистый подлесок.

Он чуял мокрый камень, кору, мускусный запах листьев, гумус. Он чуял свободно текущую воду, и мог ее слышать тоже: родники и ручейки, булькающие внизу склона.

Шум от сталкера или сталкеров на мгновение стих, а несколько более громких звуков, которые он услышал, были, на самом деле, отдающимися эхом взрывами от танковой битвы за холмами, которые было трудно не замечать.

Но он мог чувствовать кровь. Вонючий пот, запах тела, воняющего кровью, как плохо залеченная рана. Запах разлагающегося мяса между зубов хищника, которое он носит с собой.

Он просигналил им снова выдвигаться. Как только они встали и пошли, Маггс покачал головой, как будто развеселенный старательностью Мколл.

Колосим достиг низа склона там, где начинались глубины бассейна, и был рад, что теперь обе его руки держат оружие. Он начал осматриваться вокруг, а затем подпрыгнул от удивления, когда обнаружил Мколл прямо рядом с собой.

«Дерьмо!»

«Пойдем веером в ту сторону,» прошептал Мколл.

Шеренгой они пошли по бассейну, их сапоги утопали в густой черной грязи, густой ежевике и ветках. Бонин тоже почувствовал запах крови, и бросил взгляд на Мколл.

Запах немного изменился, насколько смог понять Мколл. Он стал больше похож на пот, грязный человеческий пот.

Что-то двигалось впереди. Дерево задрожало и оттуда послышалось фыркание.

Все подняли оружие.

Мколл сделал шаг вперед.

Криволап Трижды-кованый истекал слюной, когда пробовал на вкус воздух. Он уже был близко, двигаясь с ошеломительной грацией и осторожностью для чего-то такого большого и тяжелого, деликатно отодвигая стебли утесника и молодые деревца, когда скользил вперед.

Недалеко, слева от него, меньший кованый, дважды-кованый, активно сопел. Еще немного, и маленькая тварь все испортит.

Криволап открыл челюсти и вытянул свои стальные зубы. Его ночное зрение стало красным. Он, наконец-то, мог видеть мясо, тонкие формы розового тепла в красной темноте.

Его зубы зафиксировались на местах.

С винтовкой у щеки, Мколл рукой отправил Маггса и Бонина налево. Каобер и Бернстин были неподалеку по правую руку, а остальные подходили сзади.

Маггс пошел через подлесок, как было приказано, скользя туда-сюда, так что едва-едва трогал веточки. С него было достаточно саморекламы новичков. Они не единственный, кто знает, как надо делать вещи.

Маггс встал под извилистым лаймом и обернулся, высматривая Бонина. Не было никаких признаков человека.

Куда черт—

Рука зажала ему рот. Маггс напрягся в ужасе, а затем понял, что это был Танитец.

Бонин убрал руку. Каким-то образом он подкрался к Маггсу, что он даже не заметил.

Как, черт возьми, человек сделал это, если конечно он не был--

Призраком.

Маггс бросил взгляд на Бонина. Бонин проигнорировал язвительный взгляд, и показал вперед. Там что-то было. Что-то, определенно, охотилось на них так же, как они охотились на него.

Маггс сглотнул. Это было безумие. Правда была в том, и Маггс не собирался в этом признаваться Мистеру Всезнайке Бонину, что он, на самом деле, никогда не видел сталкера. Но он слышал кучу историй с тех пор, как Восемьдесят Первый Первый зашел в Монс. Ужасные истории о монстре, который охотится в отсеке по ночам. Жестокие огры, которые отказывались падать, даже если вы высадите в них обойму в полном автоматическом режиме и любезно скажете «пожалуйста». Все знали, что ты

не пойдешь искать сталкеров, даже если ты часть огневой команды. Колосиму нужно было повернуть назад с хребта, не спускаться сюда, не сюда, где—

Бонин медленно поднимал оружие. Из чащи, черного подлеска впереди, слышалось хриплое фыркание. Треск корня, сломавшегося под огромным весом.

Маггс тоже поднял свою винтовку. Он, во всяком случае, переключил ее на *автоматический огонь*.

Криволап Трижды-кованый напрягся, его мускулы пульсировали, его дыхание было коротким и резким. Он начал наполнять свои горловые трубки. Его боевые шипы на позвоночнике вздыбились. Слюна стекала с широкой, обрамленной зубами-кинжалами линии челюсти.

С взрывным воем, кованый выпрыгнул из подлеска и заскакал к Маггсу и Бонину. Маггс сразу же открыл огонь, выпуская яркий конус энергетической вспышки, когда его оружие разряжалось на максимальной мощности.

В двадцати метрах позади, Мколл начал бежать вперед, и остаток отряда побежал за ним.

Мколл не мог ничего разглядеть впереди, кроме яркого, мерцающего потока лазерного огня, освещающего подлесок. Он мог слышать стрельбу и рев.

Маггс стрелял так долго, насколько отважился. Он сделал настоящую кашу из бронированной морды и глотки сталкера. Его яростный огонь вгрызался в него, рвал и дырявил плоть. Но сталкер все еще продвигался вперед, ревя во всю глотку, и выбрасывая пятна крови и слюны в воздух. *Ты никогда не увидишь их*, услышал он, как говорит сам себе, *пока не станет слишком поздно*. Тварь была чертовым кошмаром...

Затем Маггс осознал кое-что еще. Он был один. Бонин испарился. Где-то между тем, когда тварь рванула к ним, и когда Маггс открыл огонь, проклятый Троном, дерьмоголовый бесхребетный Призрак просто *исчез*, даже не сделав чертов выстрел. Он сбежал, и оставил Маггса расхлебывать.

«Вшивый дерьмоголовый ублюдок!» прокричал Маггс, его голос полностью заглушал ухающий рев из горловых трубок монстра. Он повернулся и побежал. Маггс пробежал около пяти метров, зацепился за корень, и упал.

Кованый бежал к нему.

Маггс смотрел, орал, пытался освободиться. Тварь неслась прямо на него, прямо на него, разинув пасть, эти зубы, эти зубы, эти чер—

Кованый внезапно споткнулся и упал на морду, как будто он тоже зацепился. Он упал так внезапно, что его нижняя челюсть ударилась о землю и его раскрытая пасть захлопнулась. Он упал меньше, чем в метре от вытянутых ног Маггса.

Он даже близко не был мертв. Он трясся и ревел, протягивая длинные огромные руки, его пасть щелкала по воздуху. Маггс снова заорал, и стал с трудом отползать, из зоны досягаемости. Он нащупывал лазган. Почему оно упало? Почему, черт возьми, оно упало?

И почему, во имя Бога-Императора, оно ревет таким жалостным и пронзительным ревом?

Как будто... ему больно.

Кованый бросил себя вперед могучим усилием, подняв огромные руки с бугрящимися мускулами и венами, торчащими, как кабели. Пена блестела вокруг его вытянутых губ. Он рванул к Маггсу.

Маггс нашел свое оружие и выстрелил ему в глотку, мельком увидев прожженные дырки, которые оставили его выстрелы в рифленом нёбе. Затем он тяжело откатился в сторону, раздирая руки и лицо об утесник и колючую ежевику.

Бонин внезапно появился в воздухе, по-видимому из-за прыжка, который потребовал разбега. У него больше не было лазгана. В одной руке он сжимал отличительное оружие Танитцев, прямой серебряный боевой кинжал. Лезвие кинжала Бонина было влажным от черной крови.

Бонин приземлился, широко расставив ноги, на согнутую спину кованого с хрипом от усилий, и схватился за поднятые боевые шипы свободной рукой. Маггс осознал, что сталкер полулежал на животе, таща свои задние конечности.

Монстр трясся и брыкался, пытаясь стряхнуть человека со своей широкой спины. Бонин удержался, и вонзил свой кинжал в основание черепа сталкера.

Тридцать сантиметров прямого Танитского серебра вонзились в черепную коробку. Густая, черная кровь захлестала наружу, окатив Бонина, как из шланга. Он выдернул нож и ударил снова.

Кованый задрожал, забился в конвульсиях и упал так, что, казалось, затряслась земля. Бонина сбросило.

Наступила почти полная тишина. Единственным звуком были последние, неровные вздохи, вырывавшиеся из горловых трубок мертвого сталкера, булькающая кровь вытекала вокруг рукоятки застрявшего клинка.

«Святой Трон...» сказал Маггс.

«Ты в порядке, Маггс?» спросил Бонин, поднимаясь на ноги и вытирая кровь твари с лица ладонью.

«Да, в полном...»

«Бонин?» сказал Мколл. Он внезапно появился рядом с ними с поднятым оружием. Колосим и остальные подошли секундой позже.

«Золотая Терра...» пробормотал Колосим, с ошеломлением смотря на огромный труп сталкера. «Я имею в виду... Золотая чертова Терра...»

«Твоя работа, Мах?» спросил Хвлан.

«Ох, а чья же еще,» тихо рассмеялся Каобер. «Видишь серебро?»

«Да. Хорошая работа, Бонин,» сказал Мколл. Он все еще был напряжен, как будто обеспокоенный.

«Хорошая работа? Хорошая работа?» взорвался Маггс. «Он оставил меня лицом к лицу с этим! Он оставил меня разбираться!» Бонин подошел к сталкеру и выдернул

свой кинжал. Когда он повернулся, Маггс был перед ним. «Ты бросил меня, ублюдок!»

«Я убил это, разве нет?» спросил Бонин.

«Да, но--»

«До того, как оно сожрало тебя.»

«Да, ублюдок, но--»

«Ты сказал мне, что даже автоматический огонь не остановит сталкера,» спокойно сказал Бонин. «И поэтому я принял к сведению твои слова, Маггс. Это чудовищный зверь, но он все-таки животное. У него есть анатомия. Анатомия, которая подчиняется простым законам охоты.»

«Каким?»

«У него есть сухожилия. И я перерезал их. Он упал. У него есть мозг. Туда я его и ударил. Видишь вон там череп? Имплантированную броню спереди? Вот почему их нельзя остановить даже автоматическим огнем. Кто бы их не сотворил, они бронировали их черепные коробки спереди. Нужно ударять по ним сзади.»

Маггс надолго уставился на Бонина.

«Погодите минуту,» сказал Сержант Бакрен. «Кто бы не *сотворил* их... ?» Каобер уже был готов что-то сказать, когда увидел, как Мколл медленно поднял руку.

Старший разведчик Танитцев поднял оружие к подбородку и целился в подлесок позади них.

«Приготовьтесь,» прошипел он. «Мы еще не закончили. Совсем.»

Криволап Трижды-кованый тяжело дышал. Дважды-кованый слишком рано атаковал, и обломал ему убийство. Он почти испортил охоту своей неопытностью и спешкой. Позже, под Тихими Камнями, как только они вернулись бы назад, Криволап, скорее всего, убил бы его за дерзость отбирать у трижды-кованого его мясо.

Но больше в этом наказании не было необходимости. Маленькая тварь была мертва. Мясные палочки убили его.

Криволап сделал вдох. Его горловые мешки наполнились и стали розовыми. Солнце, и время возвращаться, уже наступали, но он все еще мог поесть. Мясо понятия не имело, как близко он был. Они не имели представления, как близко его когти были к их—

Нет. Один имел. Самый маленький. Единственный без мяса на костях. Этот повернулся и смотрел прямо на Криволапа Трижды-кованого.

Жажда крови Криволапа к этому времени была слишком сильной, чтобы он беспокоился такой странностью.

Он вытянул когти и прыгнул.

Второй сталкер выскочил из-за ежевики, как лавина. Стебли лайма трещали и раскалывались, когда его туша дробила их. Он был огромным, по меньшей мере, в два раза больше, чем монстр, которого убил Бонин.

Колосим, Хвлан, Бакрен и Каобер открыли огонь. Мколл уже стрелял на полном автомате.

Бонин побежал к своему упавшему оружию. Маггс повернулся и открыл от удивления рот при виде громады нового монстра. Бернстин просто побежал.

Дарромай умер.

Средний коготь растопыренной лапы Криволапа вонзился с треском в верхушку черепа Дарромая, прямо сквозь усиленный стальной шлем. Затем вес Криволапа продолжил давить, вмяв Дарромая в землю, сломав его, как стебель травы, сломав все кости, и выдавив из треснувшие концы сквозь деформированную кожу.

Дарромай превратился в переломанную, втопанную в суглинок массу, его кровь фонтаном била в воздух.

Криволап даже не собирался убивать его. Дарромай просто оказался под ногами.

Сломанный вокс на перекрученной спине Дарромая сыпал искрами и трещал.

Пятясь, отряд дружно открыл огонь, стуча ярким лазерным огнем по приближающемуся монстру. Автоматический огонь из пяти Гвардейских винтовок его

даже не замедлил. Маггс подобрал свое оружие и присоединился к расстрелу. Как и Бонин.

Этого было недостаточно.

Оан Мколл отбросил в сторону свое израсходованное оружие и вытащил боевой клинок.

«Потанцуем, уродливый ублюдок,» прорычал он.

Прозвучал внезапный, пронзительный звонок, который заставил всех Гвардейцев вздрогнуть и потянуться к своим микро-бусинам.

Криволап споткнулся, поднимая огромные лапы к бокам головы.

Он заревел от разочарования.

Зов. Зов к тихим камням.

Мколл выдернул микро-бусину из уха. Он все еще слышал жужжание. Оно было в воздухе, повсюду вокруг них, такое низкое и интенсивное, что все листья дрожали. Остальные шатались рядом, цепляясь за интеркомы, чтобы вытащить их.

Криволап сделал пару шагов назад, сопротивляясь команде, мотая массивной головой из стороны в сторону и стуча по своим ушам. Дрожа от тошнотворного, инфразвукового жужжания, Мколл сделал шаг к монстру.

Он посмотрел на него. Заморгал. Захрипел.

«В следующий раз я убью тебя,» сказал Мколл.

Криволап Трижды-кованый заревел, повернулся и исчез в густой осоке и ежевике.

Жужжание прекратилось.

Медленно, люди из разведывательного отряда выпрямились.

«Что это была за чертовщина?» спросил Каобер.

«Какой-то зов,» сказал Колосим. «Тае ведь, Мколл? Какой-то зов?» Мколл кивнул.

«Он мне кое-что напомнил,» тихо сказал ему Бонин.

«Тебе тоже?» спросил Мколл, поднимая лазган и перезаряжая его.

«Он мне напомнил звук, который производили глюфы на Гереоне.»

«Это то, о чем я подумал,» сказал Мколл. Он повернулся к остальным.

«Нам нужно найти Бернстина,» сказал Колосим.

«Бернстин? Бернстин?» начал кричать Бакрен.

«Заткнись!» выплюнул Мколл. Он посмотрел на Бонина. «Интересно, почему они отзывают своих монстров?» Мколл замер. Он снова чуял это. Запах сухой, кисловатой крови, который он засек на склоне. Он предполагал, что эта вонь идет от сталкеров, но теперь он знал, что это другое.

Сталкеры воняли кислым человеческим потом.

Этот сухой запах крови был другим.

Знакомым.

«Нам нужно идти,» сказал он.

«А что насчет Бернстина?» спросил Колосим. «Черт возьми, Мколл, что насчет Бернстина? И Дарромая? Мы не можем просто так бросить тело бедного ублюдка.»

«Мы можем и мы бросим. Забудьте о нем, капитан, забудьте о Берстине. Я не шучу. Я думаю, что враг близко. Очень близко. Как мы и предполагали.»

«Почему?»

«Пойдем посмотрим, а потом отправим послание, если я прав.»

«Без вокса?» сказал Бакрен. Передатчик отряда погиб вместе с Дарромаем.

«Мы найдем способ,» сказал Колосим. «Делайте, как говорит Мколл.»

Они пробрались сквозь густую растительность, направившись на северо-восток, срезая крупные листья утесника, которые мешали им. Позади них, на западе, первые лучи рассвета показали над стеной, медленно окрашивая небо в красный.

«Что это?» шепотом спросил Колосим, резко остановившись.

«Шут машины,» отозвался Хвлан.

Клак-клак-клак раздавалось сквозь растительность. Еще были шаги. Множество, скрипящих и хлюпающих по грязи и гравию. Колосим махнул отряду укрыться. Они попадали, быстро и послушно, спрятавшись за стволы деревьев и густые колючие растения с приготовленным оружием.

В зону видимости, в область из светящихся приборов ночного видения, вошли фигуры, продвигающиеся через запутанный подлесок бассейна, колонна людей,двигающаяся от северного хребта.

На людях были темные гротескные маски. На людях были знаки отвратительного и запретного.

Мколл знал, что уже чуял этот запах сухой крови раньше. Слишком часто, на самом деле.

Это была вонь Кровавого Пакта.

Со своей удобной позиции Мколл насчитал примерно сотню пехотинцев Кровавого Пакта, может быть больше.

С ними – *клак-клак-клак!* – стуча ногами шли сталк-танки, достаточно легкие и проворные, чтобы иметь дело с отвесной местностью хребтов.

Колосим подал сигнал отряду оставаться тихими. Они даже не отважились отступить.

Тихо и спокойно, пусть пройдут, затем проскользнем назад и—

«Капитан? Капитан? Пожалуйста, ответьте...» тревожный голос Бернстина внезапно прозвучал по интеркому. Колосим быстро заглушил свой микрофон, но дело уже было сделано.

Один из сталк-танков вздрогнул и остановился, подняв корпус. Его головная пушка водила по сторонам, пока не стала указывать прямо на то место в подлеске, где разведчики лежали в укрытии. Они могли видеть оператора танка, хирургически аугментированного человека, распростертого в заполненной жидкостью волдыре-кабине под хвостом танка, делающего поправки в управлении. Пушки на голове танка застучали, когда начали заряжаться.

«Вой шет тар греж!» раздалась команда из громкоговорителей сталк-танка.

Незамедлительно, два отряда солдат Кровавого Пакта вышли из колонны и начали двигаться в сторону укрытия разведчиков с оружием наготове. Почти сразу один из них заметил Бакрена.

Воин выкрикнул. Пока он поднимал оружие, чтобы открыть огонь, лазерный выстрел сбил его с ног.

«Прятаться больше не вариант,» сказал Мколл, снова стреляя и убив еще двух солдат. «Стреляем и бежим.» Остальной разведывательный отряд присоединился к его стрельбе.

В ответ Кровавый Пакт начал стрелять по подлеску из винтовок, когда лазерные заряды начали врываться в их ряды.

А затем пушки сталк-танка тоже открыли огонь.

СЕМНАДЦАТЬ

06.10, 197.776.M41

Пятый Отсек

Спаршад Монс, Анкреон Секстус

При первом свете Вайлдер позволил себе слегка преисполниться чувством удовлетворенности. Основная масса Восемьдесят Первого Первого все еще продвигалась по кустарниковому плоскогорью, но Холм 56 был уже менее, чем в километре, а рота Баскевиля уже дошла до него. Они очень хорошо опережали график.

Начало дня должно было стать холодным и серым. Туман все еще сохранялся в долине. На расстоянии от мягкого изгиба Холма 56 гремевший шум танковой битвы отдавался эхом, как далекий гром. Случайные вспышки освещали небо.

Вайлдер вызвал своего вокс-офицера и связался с Баскевилем. Он ходил позади вокс-офицера, говоря в трубку вокса.

«Скажи мне, что у тебя там, Баск.»

«... немного повоюем ...» прозвучал в ответ голос Баскевиля, прерываемый атмосферными помехами.

Восход солнца делал такое иногда, хотя сейчас казалось хуже, чем обычно.

«Скажи снова, Баск. Ты прерываешься.»

«Я сказал, что полагаю, что сегодня утром мы немного повоюем, сэр. Холм безопасен. Я могу видеть линию Ротбергцев, и у меня была краткая связь с их командиром. Там внизу адская драка. Броне--»

«Повтори последнее, прием.»

«Я сказал адская драка. Бронетехника держится, но из того, что я могу увидеть, враг сюда много чего бросил. Банда Ротберга уже подтянула Хауберканцев на помощь.»

«Они держатся, прием?»

Статика.

«Баскевиль? Баскевиль? Командир Роты Е, ответь.»

«... меня сейчас? Повторяю, вы меня сейчас слышите, лидер Восемьдесят?»

«Проверка, Баск. Воздух сегодня плохой. Я спросил, как справляются Хауберканцы.»

«Согласно командиру Ротбергцев, Хауберканцы улучшили свою игру. Я могу видеть линию их танков к северо-западу от меня, охраняющих дорогу. Много дыма, много густого дыма. Кажется, проблема будет в том, что Ротбергцы были во всем этом большую часть трех дней. Экипажи устали, как собаки. На командный пункт был отправлен сигнал, чтобы пригнали больше техники, чтобы заменить их. Я понял, что несколько Сарпойских танков должны присоединиться к нам примерно к полудню. Это будет переломный момент. Враг может попытаться атаковать, если увидит, что Ротбергцы отступают.»

«Понял,» ответил Вайлдер. Это будет как раз тогда, когда линия пикета хорошо окопавшейся пехоты вступит в свои права. Предчувствуя бронетехнику, как Восемьдесят Первый Первый, так и Колстекский Сороковой позади них, прибыли загруженными для охоты на танки. Каждой огневой команде была выдана, по меньшей мере, одна противотанковая установка, устройства, которые Танитцы, как узнал Вайлдер, называли «фесовы трубы».

Он снова сверился со своей схемой. Им нужно было держать холм и расположенные рядом дороги, а также реку вдоль западной стороны. Фесовы трубы – оружие, обслуживаемое расчетами. У них было около шести часов, чтобы основательно окопаться. Это было выполнимо.

«Вы все еще здесь, лидер Восемьдесят?»

«Слышу тебя, Баск. Я хочу, чтобы ты начал просматривать местность на предмет хороших защитных позиций. Я хочу непреодолимую линию, ты меня понял? Непреодолимую линию, чтобы остановить все, что угодно, чей вид нам не понравится.»

«Понял. Я займусь этим,» протрещал в ответ голос Баскевиля. «Непреодолимая линия» было условным обозначением Белладонцев для защитной позиции, построенной так, чтобы максимизировать перекрестный огонь, чтобы каждый элемент был под огнем соседнего.

«Баск, есть признаки пешего продвижения?»

«В настоящее время нет, сэр, но как я и сказал, густой дым. Вероятно, что у них есть пехота, накапливающаяся на флангах, чтобы нахлынуть, как только закончится танковый бой.»

«С тобой были разведывательные отряды?»

«Два. Отряд Рэйдрела все еще на западе, осматривает болота. Он доложил около десяти минут назад и сказал, что нулевой шанс, что враг попытается повернуть что-нибудь в том направлении.»

«Как мы и предполагали. Что насчет Колосима?»

«Не могу связаться с Ферди, лидер Восемьдесят. От него ничего после стандартной проверки больше часа назад.»

«Понял. Работай. Я буду у тебя через, примерно, двадцать минут. Лидер Восемьдесят отбой.» Вайлдер отдал трубку назад вокс-офицеру, который подвигал плечами, чтобы поправить ремни тяжелого передатчика на спине, чтобы он сидел более комфортно.

«Найди мне Колосима.»

«Да, сэр.»

Все еще шагая, вокс-офицер отрегулировал свои наушники и начал прослушивать каналы, используя вторичную панель управления передатчика, которая была привязана к его левому предплечью. Вайлдер слышал, как человек вызывает Колосима на каналах, зарезервированных для разведывательных отрядов.

Вайлдер повернулся и посмотрел на восток вдоль плоскогорья на далекую стену отсека.

Вдали, за пунктирными линиями его людей, идущими на север сквозь кустарник и отбрасывающими длинные тени, земля уходила вниз и становилась неровной и выступающей вдоль отвесных каменных хребтов. Лесная местность там представляла собой глубокие темные карманы, все еще покрытые туманом. Где-то в том направлении, разведывательный отряд Ферди Колосима должен был пробираться на запад к Холму 56.

Вайлдер попытался стряхнуть ноющее чувство, которое поселилось у него в голове. Было не похоже на Колосима, чтобы он пропустил проверку, и он уже должен был быть на или около холма.

«Ничего, сэр,» доложил вокс-офицер. «С назначенного капитану канала ответа нет.»

«Попробуй другие. Может быть у него проблемы с приемом.»

«Уже, сэр. Ничего. Командный пункт говорит, что он воксировал прямо перед пятью часами, и доложил, что он у Хребта 18. Он сказал им, что собирается осмотреть

следующую линию хребта до того, как повернуть на восток.» Вайлдер кивнул. Он почесал щеку там, где два часа ношения очков ночного видения начинали натирать.

«Я хочу, чтобы ты пытался его вызвать каждые пять минут.»

«Да, сэр.»

«Перед этим, соедини меня с командиром Колстековцев. А затем я хочу общую связь с командирами рот.»

«Да, сэр.»

Полевым командиром Колстекского Сорокового был человек по имени Форвегг Фофобрис. Сороковая была отличной толпой опытной тяжелой пехоты, упакованная несколькими серьезными, обслуживаемыми расчетами, вспомогательными штуками, которые в полдень могли стать полезными. Тем не менее, Фофобрис показался Вайлдеру хвастуном за немногие встречи, которые у них были. Баскевиль и Вайлдер начали называть Фофобриса «Фуфу Фригвиг», что было плохой привычкой, потому что было слишком легко называть человека за глаза по его прозвищу. Однажды эта парочка изобрела имя «Джонни Чертовы Солнечные Очки», ссылаясь на хитрого Вольпонского офицера, с которым им пришлось иметь дело на Хане III. Когда Вайлдер назвал человека так, случайно во время брифинга, его вызвали на дуэль чести.

Он выкрутился из этого, спасибо Вон Войтцу. Официальное извинение и ящик амасека. Забавно было то, что Баскевиль, который обычно выдумал эти унижительные прозвища, никогда не попадался. Это всегда был Вайлдер.

Вайлдер подумал, есть ли у Баскевиля прозвище для него.

Скорее всего.

Фуфу Фригвиг вышел на связь. «Вайлдер, это вы, сэр?» Вайлдер внезапно получил приступ хохота. Он вспомнил момент в казармах пункта 36, несколькими ночами назад, когда Гол Колеа и Бан Даур познакомили офицерский состав Белладонцев с тайнами сакры домашнего приготовления. Несомненно, Танитский напиток. Один глоток заставляет тебя улыбаться, как сексапильного ублюдка. Именно во время этой маленькой посиделки Баскевиль озвучил имя «Фуфу Фригвиг», добавив, что «мудак

первого клакласса» командует «Колстакским Сосороковым», сражающимся «заза Золотой Чечертов Трон.»

Ох, ладно, в тот момент это было чечертовски забавно, и такой детский юмор имел привычку появляться в местах, где больше не было ни смешно, ни подходяще. Пока там не появлялись вы.

«Фофобрис? Это лидер Восемьдесят.»

«Что за проблемы с этой связью, мужик? Звучит так, как будто ты хихикаешь.» Вайлдер закрыл трубку и посмотрел на офицера связи. «Шлепни меня посильнее, Кешлан.»

«Сэр?»

«По щеке. Если не против.»

«Сэр... э-э, чего?»

Вайлдер покачал головой. «Забудь.» Он посмотрел на восток, на хребты, и мысли о Колосиме очень быстро привели в порядок его лицо.

«Извини, лидер Колстека, здесь очень сильные атмосферные помехи. Ты у нас на хвосте, я правильно понял?»

«Ответ утвердительный, лидер Восемьдесят. Сейчас в сорока минутах от холма.» *Сосорока минут.* Действительно, все еще смешно.

«Ротбергцы собираются отступить примерно в полдень, Фофобрис. Потом нам нужно будет серьезное наземное прикрытие. Справитесь с этим?»

«Как только доберемся до позиции, лидер Восемьдесят.»

«Рад слышать, лидер Колстека. Нам нужны будут фесовы трубы и--»

«Повтори?»

Трон, как легко опуститься до сленга. *Я свой самый худший враг*, подумал Вайлдер. «Противотанковые, Фофобрис. Много. Ожидаем тяжелое дерьмо. Направляйся к

моему заместителю, Баскевилю, на 751. Он сейчас разведывает территорию. Я хочу, чтобы ты разместился по его советам.»

«Не проблема. Понял, лидер Восемьдесят.»

Вайлдер отдал трубку вокс-офицеру Кешлану. «Теперь командиры рот, пожалуйста.» Кешлан соединил его, и Вайлдер вкратце рассказал офицерам Восемьдесят Первого Первого самую суть предстоящего мероприятия.

Все это время он пристально смотрел на восток.

Где ты, Ферди, и что случилось?

Рота С достигла подножия Холма 56. «Удвоить шаг, бездельники!» кричал Колеа. «Живее на склон. Сможете отдохнуть, когда умрете.»

Солдаты начали забираться по покрытому кустарником склону.

Колеа повернулся и увидел Варла. Варл остановился. Он стоял на склоне, смотря на восток, прижав руку к левому уху.

«Варл?»

Варлу потребовалось время, чтобы осмотреться. Когда он это делал, не было никакого намека на того человека, которого Гол Колеа когда-то знал.

Варл подстроил свою микро-бусину. «Слышишь это?»

«Что?»

«Резкий звук появляется и пропадет. Сквозь статику.»

Колеа покачал головой. «Атмосферные помехи, Цег. Просто атмосферные помехи. Сегодня плохая погода. Солнечная радиация или что-то такое.»

«Нет,» сказал Варл. «Это шеф. Он в беде.»

«Мколл?»

Варл посмотрел на него.

«Знаешь, тебе нужно будет рассказать мне несколько историй, когда-нибудь, Цег,» мягко начал Колеа.

«Я имею в виду, только ты и я. Когда-то мы были друзьями. И Цеглан Варл, которого я знал, был самым большим любителем рассказывать истории, которого я когда-либо встречал. Я начинаю думать, что архивраг послал нам копию, которая выглядит нормально, но, вообще-то--»

«Это какая-то шутка?» нахмурился Варл. Его глаза внезапно посерьезнели.

«Гак, да!» сказал Колеа, делая шаг назад, обидившись. «Шутка, Варл. Фесова шутка. Ты же их помнишь, так?»

Варл сделал глубокий вдох. Легкая улыбка появилась на его лице. «Прости, Гол. Прости, мужик. Кажется все, кого я встречаю, подозревают меня. Думают, что я заражен, потому что я пробыл там очень долго. За мной следит фесова Инквизиция, знаешь ли.»

«Знаю.»

«За всеми нами. После того, что мы сделали, это фесово правильно? Трибунал? Я служил, ради Трона! Я фесово служил!»

Колеа побледнел. Он потянул руку. «Гак это все, Цег. Что с тобой случилось? Что они сделали с тобой на Гереоне?»

Варл рассмеялся. «Ничего, Гол. *Они* ничего не сделали. Я сам все это сделал с собой. Только для того, чтобы выжить...» Голос затих. Он посмотрел на старого друга.

«Иногда, знаешь ли...»

«Что, Цег?»

Варл покачал головой. «Ничего. Просто иногда я хочу, чтобы мои старые приятели Призраки получили первую фесову зацепку о том, с чем нам пришлось иметь дело на Гереоне.»

«Так Расскажи мне. Тогда я буду знать.»

Варл снова рассмеялся. Колеа было больно видеть своего старого друга таким противоречивым. «Рассказать тебе? Нет ничего, что я могу рассказать тебе. Гереон не делал анекдотов и военных историй. Гереон был фесовым адом на палочке. Иногда я хочу кричать. Иногда я просто хочу излить душу.» Колеа улыбнулся. «Сделай и то, и другое. Это будет только между нами.»

«Ты хороший человек, Гол. Как дети?»

«Кто?»

«Тона нам обо всем рассказала. Тебе нужно увидеть своих детей, Гол.» Колеа отвернулся, рассерженный. «Тебе лучше следить за языком, Варл.»

«Хорошо. Как скажешь, папаша. Задело, так? Напоминает о доме? Вот, что я тебе скажу, Гол, Гереон ближе, чем дом, для меня. Для всех нас дом был потерян. Это фесово причиняет боль.» Варл снова посмотрел на восток. «Шеф. Он в беде. Я это знаю.»

Капитан Мерин отбежал назад по тропе и вызвал командиров отрядов из продвигающейся массы Роты Е.

«Идем на 56 сейчас же,» сказал он им, когда они встали вокруг него. «Вайлдер хочет, чтобы мы были на передовой, с поддержкой поблизости. Фаргер, Кален, Гахин, Харджон, это подразумевает ваши команды. На позиции, быстренько, и ждите приказов Баскевиля.»

«Да, сэр,» хором ответили они.

Мерин замер и огляделся. «Где Майор Роун?»

Гахин указал на толпу людей внизу склона.

«Хорошо,» сказал Мерин, «идите. Я буду через пару минут.» Он поспешил назад, вниз по склону, к Роуну.

Роун стоял вместе с Фегором, Каффраном и Белтайном. Вокс-офицер возился со своим передатчиком.

«Есть проблемы?» потребовал Мерин.

Роун посмотрел на Мерина, когда тот подходил к ним. «Думаю так, капитан.» Трон, как Мерин ненавидел то, как Роун произносит «Капитан».

«И какие?»

Белтайн поднял взгляд на Мерина, все еще возясь с циферблатом передатчика. «Что-то неправильно.» Мерин выдавил из себя улыбку. Прошло чертовски много времени с тех пор, как он в последний раз слышал эту фразочку.

«Например?» спросил он.

«Мколл в беде,» проскрежетал Фейгор, его голос выходил сухо и плоско из металлической горловой коробки.

«И откуда же, фес вас, вы можете это знать?» спросил Мерин. «Ну же, Танит. Мы должны сидеть на вершине этого фесова холма и--»

«Мколл в беде,» повторил Роун. Он уставился на Мерина. «Белтайн сказал мне это. Что тебе еще нужно?»

Мерин подошел вплотную к майору. «Мне нужно знать,» сказал он, «почему вы так думаете. Мне нужны детали. Не хамите мне, сэр, я все еще командую здесь.» Роун сделал жест в сторону Белтайна. «Я получаю статичные звуки, ритм, три после одного,» сказал Белтайн, подстраивая свой передатчик.

«Это всего лишь атмосферные помехи,» сказал Мерин. «Вайлдер предупреждал нас об этом. Солнечная радиация. Она только нарушает связь.»

«Нет, сэр,» сказал Белтайн. «Это сигнал.»

«Ой, да ладно тебе, пожалуйста, нам--»

Мерин быстро заткнулся, когда Роун схватил его за отворот. «Слушай его, маленькая нахальная фесова подстилка,» прорычал Роун. «Это сигнал, которому мы научились на Гереоне.»

«Что?»

«Ритм, три после одного. Это был наш сигнал для тревоги. На Гереоне, мой юный друг, у нас часто не было вокса. Нам приходилось импровизировать. Статичный ритм. Три после одного было нашим сигналом для тревоги.»

Мерин отстранился от Роуна. «Это правда, Белтайн?» спросил он.

«Да, это правда,» ответил вокс-офицер.

«Ладно, ладно,» сказал Мерин. «Может быть я смогу выделить пару солдат, чтобы они пошли на восток. Может быть.»

«Побыстрее, или я расскажу Бэнде, что ты кинул шефа в беде,» сказал Роун.

«Ублюдок.»

«Да, да, неважно.»

«Вот снова,» позвал Белтайн, работая с передатчиком.

Три звука, потом один. На бегу это было сложно делать. Мколл разломал свою микробусину и оставил пластовый корпус открытым, чтобы можно было посылать сигналы вручную. Большим и указательным пальцем.

Три, потом один. Именно так, как они делали на Гереоне. Импровизация. Это создавало чертову тучу помех, заглушая основные каналы вокса, но Мколл знал, что это того стоит.

Три, потом один.

Разведывательный отряд рассеялся по подлеску бассейна. Бакрен уже был мертв, а Хвлан был ранен так тяжело, что хромал и падал позади.

В густой растительности Кровавый Пакт гнался за ними, стреляя из оружия. Звеня и бряцая, стелк-танки неслись за ними, их пушки стреляли в чащу, разбрасывая листья и обугленные стволы.

Три, потом один.

Три, потом один.

«Полковник Вайлдер?» сказал вокс-офицер Кешлан.

«Да?»

«Я получаю доклады, сэр.»

«О чем?»

«Я не уверен, сэр... Ух, кажется, Роты С и Е повернули на восток.»

«Они что?»

Кешлан пожал плечами. «Как я и сказал, я не уверен, сэр. Кажется, им пришлось повернуть на восток.»

«Они понимают, что они должны быть на этом холме прямо сейчас?» спросил Вайлдер.

«Да, сэр. Я говорил и с Мерином и с Колеа. Они извиняются. Но они направляются на восток.» Вайлдер вытянул правую руку и несколько раз ударил пальцами по ладони. «Дай мне трубку, мистер. Дай сейчас же.»

ВОСЕМНАДЦАТЬ

06.59, 197.776.M41

Пятый Отсек

Спаршад Монс, Анкреон Секстус

Разведывательный отряд выбежал из темного бассейна на бледный, смутный дневной свет. Земля впереди была малопродуктивной, кремнистый склон с осоками и утесником. Яркие лазерные заряды следовали за ними из чащи, воя в холодном воздухе.

«Было бы хорошо укрыться,» почти случайно произнес Колосим.

Мколл указал рукой. В пятистах метрах вверх по голому склону, земля слегка выравнивалась, и там были то ли валуны, то ли часть стены.

«Это подойдет!» согласился Колосим. Они начали бежать. Хвлан снова отстал, спотыкаясь и хромая. Мколл кинул микробусину Бонину. «Продолжай посылать!» приказал он, и побежал назад к раненому разведчику. Хвлан был намного выше и тяжелее Мколла, но старший разведчик Танитцев не колебался. Он наклонился, обхватил бедро Хвлана левой рукой, и поднял его на плечи. Затем он начал бежать к обещанному укрытию.

«Бросьте меня...» выдохнул Хвлан.

«Заткнись,» прохрипел Мколл, делая быстрые, короткие шаги, стараясь не упасть. Несколько мощных лазерных зарядов попали в грязь рядом, взметнув вверх пепел и пыль. Еще пара с шипением пролетели мимо.

Колосим и Бонин добежали до камней. Это оказалось руинами одного из необычных домов Монса. Этот конкретный реликт был за гранью надежды на реконструкцию: немного больший, чем план стен, которые когда-то здесь стояли, превращенный в каменные обломки среди травы. Местами остатков стен было достаточно, чтобы за ними стоять на коленях. Колосим и Бонин перепрыгнули неровные камни и заняли позиции, стреляя назад по склону, чтобы прикрыть остальных. Маггс присоединился к ним, затем Каобер. Мколл и его ноша все еще были слегка позади.

«Ну же!» кричал Колосим. «Ну же!»

Первые из преследователей вырвались из густого подлеска позади них. По меньшей мере, дюжина солдат Кровавого Пакта, их тяжелое снаряжение и боевая броня гремела, когда они побежали вверх по склону и открыв огонь от бедра.

«Убрать их!» проревел Колосим.

Четыре разведчика с укрытия начали стрелять одиночными. Лазерные заряды металась вверх и вниз по склону, пересекаясь в воздухе. Каобер попал одному Кровавому Пактийцу в грудь и бросил его на спину, затем сразу же выстрелил и попал второму врагу в голову. Выстрел разнес злобную черную железную маску солдата и разбросал ее куски, когда человек упал вперед. Колосим подстрелил еще одного, который осел в сидячую позицию, зажимая горло до того, как опрокинуться на спину. Маггс и Бонин умудрились убить одного и того же.

«Пустая трата,» мрачно сказал Маггс, снова прицеливаясь и стреляя.

Бонин не ответил. Он настучал еще один ритм на микробусине, затем снова поднял свое оружие и свалил еще двух вражеских солдат.

Мколл достиг руин. Колосим и Маггс положили свои винтовки и схватили его и Хвлана, чтобы затащить через стену. Выстрелы зашлепали по камням.

Хвлан заорал от боли, когда упал. Ему попали в правое бедро и торс прямо над ним.

«Я присмотрю за ним!» крикнул Маггс, пригнув голову, когда начал работать.

Колосим и Мколл присоединились к Бонину и Каоберу у стены, и начали стрелять. Намного больше пехотинцев Кровавого Пакта начали появляться из подлеска позади первых нападающих. Три, четыре дюжины, возможно больше. Некоторые побежали вперед, другие встали на колени или упали на животы, и стали стрелять прицельной стрельбой. Лазерные заряды наполнили воздух, как дождь.

Маггс открыл одну из сумок на ремне и вытащил полевую аптечку, разбросав бинты в бумаге по земле.

«Держись, слышишь меня?» пробормотал он Хвлану. Хвлан, лежа на спине и входя в гиповолевмический шок, вяло кивнул, его лицо было искаженным и бледным от боли.

Маггс разорвал штаны Хвлана и ослабил лямки.

Раны были ужасными. Плоть обгорела, обычное последствие попадания сверхгорячих энергетических выстрелов, но сильный удар разорвал плоть и стал причиной нескольких вторичных источников кровотечения.

Кожа Хвлана была болезненно белой и начала синеть. Руки Маггса стали скользкими от крови.

«Держись,» снова сказал Маггс. «Хвлан? Хвлан! Не уходи от меня! Хвлан!»

«Я здесь, я здесь!» настойчиво сказал Хвлан, резко придя в себя. «Фес, Вес, больно.»

«Что, правда?» Маггс промывал раны антисептическим гелем. «Ну же, будь со мной. Говори со мной.»

«О чем?»

«Расскажи мне что-нибудь. Что-нибудь. Расскажи мне про свой первый раз.»

«Когда меня подстрелили?»

«Нет, придурок. Твой первый раз с девушкой.» Маггс наложил липкую перевязку на обе раны, и сейчас использовал пояс Хвлана, чтобы наложить на ногу жгут в районе паха.

«Хвлан?»

«Что?»

«Твоя первая девушка.»

«Ох. Ее звали Себа.»

«Сабля? Как меч?»

«Нет. Нет. Себа. Фес, она была милой. Аай!»

«Извини. Нужно, чтобы было туго.» Маггс вытер руки о свою куртку и снял колпачок с одноразового пластекового шприца.

«Себа, да? Она была хороша?»

«Не знаю. Да. Мне было только шестнадцать. Я не понимал, что делаю.» Маггс воткнул иглу в мясо бедра Хвлана. «История моей жизни,» сказал он. «Хвлан?»

«Ух. Да.»

«Укол должен снять боль, но ты почувствуешь небольшую слабость. У меня есть еще укол, если тебе будет нужно.» У каждого из них были полевые аптечки с двумя дозами болеутоляющего, но медики никогда не рекомендовали использовать больше одной за раз.

«Я уже чувствую себя лучше.»

«Хорошо. Я собираюсь уйти. Ты лежи здесь и не двигайся.»

«Прислони меня к стене. Я могу стрелять.»

«Ох, помолчи. Ты теперь тоже герой? Заткнись и лежи здесь.»

Маггс пополз назад к стене. «Что я пропустил?» спросил он.

«Только еще один запоминающийся момент жизни в несчастной фесовой Гвардии,» сказал Каобер, стреляя.

Маггс посмотрел вниз по склону на удручающе большое количество вражеских солдат, скопившихся там. Разведчики, все вместе, убили более двадцати, усеяв пеструю почву телами. Но сейчас по руинам стреляли больше сотни. Плотность лазерных и огнестрельных выстрелов, летящих к разведчикам, была ужасающей.

«Как Хвлан?» спросил Мколл между выстрелами.

«Стабилен,» ответил Маггс. «При таких условиях он переживет нас всех.»

Взрыв прямо за стеной выбросил в воздух песок и почву. Воины Кровавого Пакта начали бросать гранаты, хотя и не добрасывали. Колосим увидел, как один солдат Кровавого Пакта встал, с занесенной рукой для броска, и всадил ему в грудь лазерный заряд. Воин упал, а секундой позже четверо или пятеро солдат рядом с ним распластались от взрыва гранаты. Перед стеной упали еще две гранаты и подняли в воздух грязь и пламя.

Бонин прохрипел, когда лазерный заряд задел его правое плечо.

«Мах?» позвал Каобер.

«Я в порядке. Только поцарапало,» ответил Бонин, хотя, по правде, его плечо пульсировало, как будто по нему ударили раскаленной кувалдой.

Еще один выстрел, крупного калибра, разнес часть верха стены и отрекошетил в лицо Колосиму.

Он отшатнулся назад, кровь текла у него изо рта. Деформированная пуля порвала его верхнюю губу и подносовой желобок. Сплевывая кровь, он продолжил стрелять.

«Не нравится мне этот звук,» внезапно сказал Бонин. Маггс вытянул голову. «Мне тоже,» согласился он.

Первый сталк-танк прогремывал из подлеска, таща за собой лозы и ежевику на паучьих ногах. Позади него шел второй. Кровавый Пакт яростно приветствовал их.

Звук приветствия вывел Хвлана из ступора. «Мы побеждаем?» спросил он.

Маггс и Каобер засмеялись. Даже Бонин ухмыльнулся.

«Нет,» печально сказал Мколл. «В этот раз, не думаю.»

Шагая вперед, танки открыли огонь.

«Баскевиль!» кричал Вайлдер в вокс. «Ты командуешь, слышишь меня?»

«Слышу вас, лидер Восемьдесят.»

«Организуй оборону и защити холм. И не слушай ничьих приказов.»

«Понял. Что происходит? Где вы?»

«Нет времени объяснять. Действуй.»

Вайлдер кинул трубку своему вокс-офицеру. «Иди за мной,» приказал он, и пошел вниз по склону, направляясь на восток. «И свяжи меня с Мерином, Колеа или Роуном. С любым из них. Сейчас же.»

«Да, сэр.»

Вдвоем они побежали по пересеченной местности, против волны продвигающихся людей. «Продолжайте идти на холм!» кричал Вайлдер солдатам, пока бежал.

«Новобазки!» Комиссар, выстраивающий отряды возле подножия холма, повернулся на звук своего имени.

«Да, полковник.»

«Идите со мной.»

Новобазки поспешил и побежал рядом с Вайлдером и Кешланом. «Что происходит?»

«Вкратце, Роун. У нас две роты нарушили строй и направились на восток.»

«Что? Почему?»

«Как я и сказал, я думаю, что это работа Роуна. Почему, черт возьми, ему нужно было вернуться?»

«Я не собирался упоминать об этом, сэр, но он подкинул мне дерьма сегодня утром.»

«Тогда у вас есть мое разрешение пристрелить ублюдка.»

Втроем они уже были на пустой, покрытой кустарником, земле, быстро удаляясь от Гвардейцев, собирающихся на холме. Вайлдеру пришлось притормозить, чтобы тяжело нагруженный оператор вокса поспевал.

«Майор Роун, сэр,» доложил Кешлан, задыхаясь. Троица остановилась, и Вайлдер взял трубку.

«Роун? Это Вайлдер. Какого черта происходит?»

«У нас ситуация, сэр,» пришел голос Роуна. «Контакт с пропавшим разведывательным отрядом. У них проблемы.»

«Какого рода проблемы?»

«Не могу сказать. Контакт был невербальным.»

«Как так?»

«Аварийный импульсный код, импровизация. Я знаю, что это Мколл. Я знаю код.»

«Роун, я собираюсь задушить тебя твоими же гениталиями. Что, черт возьми, случилось с цепью командования? Почему, во имя Золотого Трона, ты не поделился этим со мной?»

«Не было времени, сэр. Это было приоритетом.»

Вайлдер на секунду убрал трубку от рта. «Этот ублюдок сведет меня в могилу,» сказал он Новобазки. «Я могу, конечно, представить, как он втягивает в это Мерина, но что за херня с Колеа? Я думал, что этот человек рациональный.»

«Старая верность,» сказал Новобазки. «Этот Мколл, он очень много значит для Призраков. Почти так же, как и Гаунт, насколько я понял.»

«А я тогда кто? Сухой паек? Это не способ управлять армией. Я им всем предъявлю обвинения. Ты им всем предъявишь обвинения. Все и так достаточно сложно и без этих идиотов...» Он умолк, закрыл глаза и выругался.

«Роун?» сказал он, стараясь придать голосу немного спокойствия и контроля, когда снова поднял трубку. «Где ты?»

«Идем на юго-восток от Холма 55, к Хребту 19.»

«Найди, где это,» сказал Вайлдер Новобазки, который вытащил свою схему и начал просматривать.

«И где ты полагаешь разведывательный отряд?»

«Где-то возле хребта. Там впереди низина. Мы слышим стрельбу. Пушечный огонь.»

«Роун, я направляюсь к вам. Когда узнаешь что-нибудь конкретное, скажи мне. И не, повторяю *не* наступайте без моего непосредственного разрешения. Вайлдер, отбой.»

«Идем,» сказал он Новобазки и вокс-офицеру. Им пришлось бежать, чтобы не отстать от него.

Роун отдал трубку вокса обратно Белтайну.

«Что он сказал?» спросил Фейгор.

«Он идет к нам,» сказал Роун.

«А что он еще сказал?» спросил Мерин.

Роун пожал плечами. «По правде говоря, не помню. Атмосферные помехи прерывали его.»

«Вы лжете,» сказал Мерин.

«Да, но я выше тебя по званию, так что живи с этим.»

Он шли, пока говорили. Рота Е упорно продвигалась ускоренным шагом сквозь жесткий кустарник.

Основная часть Роты С была в пятнадцати минутах позади них, к северу.

«Впереди много стрельбы,» крикнул Каффран. «В полукилометре, внизу хребта. Серьезная перестрелка.»

Роун остановился. «Кто-нибудь, дайте мне бинокль.» Один из Белладонских сержантов, Разеле, дал Роуну магнокуляры. Роун поводил ими влево и вправо.

«Фес,» сказал он. Возвышенность закрывала большую часть обзора, но Роун мог видеть пелену от оружейного дыма, плывущую к небу, и серьезные отсветы от лазерного огня. «Кафф не шутил. Кто-то по-тихому начал маленькую войну там внизу.» Он отдал бинокль. «Наступаем шеренгой!» крикнул он. «Серебряный клинок! Оружие к бою!» В ответ прозвучали щелчки, когда рота начала прикреплять свои штыки.

«Я думал, что Вайлдер сказал, чтобы мы не наступали?» сказал Мерин.

«Мерин, если ты знаешь, что он сказал, какого феса ты продолжаешь меня доставать?»

«Рота готова, сэр,» сказал Фейгор.

«Займемся делом,» крикнул Роун. «Рота вперед! За Императора и за Танит!»

«Что насчет Белладона?» спросил Разеле.

«В жопу Белладон,» сказал ему Роун. «Это семейное.»

Разрушительный огонь приближающихся стелк-танков уничтожил еще одну секцию разрушенной стены.

Огонь и каменная крошка полетели в воздух. Пригнувшись, Мколл, Колосим и Бонин медленно отходили от того, что осталось от стены, все еще стреляя. Каобер и Маггс тащили Хвлана.

Из подлеска уже появился третий стелк-танк. У этого была увеличенная головная турель, как какое-то уродство, и казалось, что он вооружен плазменным орудием или мультилазером. Гикая и воя, Кровавый Пакт, уже численностью в две сотни, был на ногах, и наступал по следам гремящих стелк-танком. Две минуты, и они будут у стены.

«Ты тот еще фрукт,» сказал Маггс Мколлу. «Я тебя знаю всего около двадцати четырех часов, а ты уже втянул меня в это дерьмо.»

«Просто подумай о том, что бы я мог сделать, если бы по-настоящему старался,» сказал Мколл.

Еще один залп ударил по хилому барьеру из камней, превратив его в каменную пыль и обломки. Затем первый стелк-танк показался над разрушенной стеной, его голова с орудием высоко поднялась на засаленной гидравлике, из выхлопных отверстий тяжелой пушки вырывался дым.

Прозвучал громкий, сосущий звук, и что-то проревело над головами съезжившихся разведчиков. Это ударило стелк-танк прямо между шарнирных соединений передней пары ног и взорвалось. Вся передняя секция стелк-танка испарилась в ослепляющем оранжевом пятне.

Избыточное давление от взрыва распластало разведчиков на земле.

Окруженные дымом, кашляющие, они с трудом поднялись.

«Ладно,» сказал Колосим. «У кого из вас, шутников, все это время в кармане была ракетная установка?»

«Восемьдесят Первый Первый!» закричал Маггс. «Восемьдесят Первый Первый!» Он показывал на открытую местность позади них.

«Святой фес,» сказал Каобер.

Солдаты Роты Е кричали, пока наступали по обе стороны от дома. Их крик был неясным, но намерение, страсть, очевидными. Воины Империи пришли в ярость при виде противника. Разведчики видели сверкание прикрепленных клинков на фоне темной боевой формы бегущих фигур.

«Вот это зрелище,» сказал Бонин.

Роун понимал, что для утонченности времени не будет. Это будет грязная драка в самом древнем смысле слова, шеренга пехоты против шеренги пехоты. Здесь не было укрытий, не было местности для перестрелки, и не было места для обхода с флангов. Лицом к лицу, рука к руке, так, как должны вестись войны.

Со стороны Роты Е был склон. Они перевалили через верх, мчась в сторону врага, стреляя из оружия, которым махали, как копьями. Казалось, что Кровавый Пакт

замешкался в основной массе, как будто не мог полностью понять, что происходит. Те, кто был наверху, замерли в замешательстве, а те, кто был дальше, замешкались, потому что не могли видеть, что приближается.

Шеренги столкнулись с хрустом тел, шлемов и боевых доспехов. Звуки выстрелов, криков и ударов стали неистовыми.

Каффран и Гахин забежали в руины к разведчикам. Оба тащили пусковые установки. Даник следовал за ними, неся ящик с ракетами.

«Добро пожаловать в мой мир,» сказал Каобер Гахину.

«Это твоя работа?» спросил Бонин Каффрана, который заряжал ракету.

Каффран бросил взгляд на безголовый стелк-танк, тлеющий за стеной. «Да. Это было рискованно из-за расстояния, но я подумал, что ты оценишь попытку.»

Гахин уже положил свою фесову трубу на плечо и прицелился на второй танк.

«Спокойно!» крикнул он. Люди вокруг него открыли рты, чтобы облегчить дискомфорт от перепада давления.

Фесова труба Гахина рявкнула, выпустив назад струю огня, и выплюнула ракету в плечевой сустав второго танка. Он затрясся от попадания, серьезно поврежденный, но все еще действующий.

«Заряди меня!» крикнул Гахин Данику.

Каффран подкрался к стене со своей трубой. «Спокойно!» предупредил он, и выстрелил. Его мчащаяся стрелой ракета попала во второй танк и закончила работу, которую начал Гахин. Основная секция корпуса развалилась на части с огромной силой, возможно с помощью подрыва собственных снарядов танка, и дюжины Кровавых Пактийцев вокруг него были зажарены в огне.

«Целься в третий танк,» сказал Мколл Каффрану. Жуткая плазменная пушка открыла огонь, безжалостно посылая лучи энергии в ряды Роты Е. Воздух внезапно стал пахнуть жареной кровью и костями.

Провизжали ракеты с нескольких точек рассыпавшейся Роты е. Белладонский солдат по имени Харвен произвел победный выстрел. Третий танк взорвался, его огромная

голова отлетела в сторону, все еще дико стреляя лучами плазмы, как фейерверк, когда упала среди шеренг Кровавого Пакта.

Роун и Фейгор были прямо в самой гуще, потерявшиеся в ударах, вращениях, оглушительной жестокости битвы. Роун стрелял в тех, в кого мог стрелять, и вонзал свой штык в тех, кто подходил слишком близко. Последний аналогичный бой он видел в последние дни на Гереоне, и слегка забыл, какие чувства вызывает убийство. Эта резня быстро напомнила ему.

Когда-то, битва для Элима Роуна была связана с гордостью и яростью, честным, пылким делом сражающегося пехотинца. Сейчас для него это казалось романтическим понятием. Он вспомнил, как Гаунт и Колм Корбек обсуждали стили и типы сражений, как будто у них были разные ароматы или яркость, как у любви или сна.

Сегодня, его кровь была холодной, его пульс едва поднялся. Его кровь всегда была холодной. Гереон сделал это с ним. На Гереоне, каждая драка, от полномасштабных открытых сражений до дикой работы клинками на миссиях проникновения, была связана с выживанием, безжалостным выживанием, совершенно лишенная сентиментов, чести или милосердия. Он научился использовать все, каждую брешь, каждое преимущество. Он пинал, колол, дробил, топтал, кусал и долбил; он вонзал свой серебряный клинок в спины, бока и ягодицы, он вырезал людей, которые уже лежали на земле раненые, или кто поворачивался, чтобы сбежать.

Роун никогда не был особенно благодушным человеком, но теперь его душа была холодна и пуста, чрезвычайно лишенная чести или отваги. Борьба стала просто абсолютно механической; у нее больше не было особенностей. Роун или сражался или не сражался, убивал или не убивал. Цель битвы уменьшилась до точки, на которой можно было просто убедиться, что он был все еще жив, когда все вокруг него умерло. Он больше не пользовался осторожностью, не пользовался страхом.

Фейгор, сражающийся позади своего командира, был почти таким же. Смерть уже не была чем-то таким, чего он боялся. Это было тем, что он использовал, дар, который он преподносил тем, кто стоял напротив него. Смерть была всего лишь орудием, инструментом. Единственное, чего боялся Мюрт Фейгор больше всего, это бояться.

Рядом с ними, сражаясь в рукопашной, Мерин осознал чистую ярость, свидетелем которой он был.

У него перехватило дыхание от того, что он увидел двух мужчин, абсолютно несконванных страхом. Когда Мколл и Бонин прорвались сквозь драку, чтобы встать рядом с Роуном и его адъютантом, Мерин окончательно дрогнул и отступил. Он страстно ненавидел архиврага, но его отвага и решимость, казалось, улетучились, когда он увидел Кровавый Пакт, порванный на куски этими демонами.

Демоны. Демоны. Совсем не Призраки. Даже не люди.

Кровавый Пакт сломался. Поглощенный и сокрушенный, удивленный внезапным появлением врага, которого он не ожидал встретить, он в беспорядке отступал к густому покрову бассейна. Рота Е, вдохновленная примером и яростью Роуна, гналась за ним.

Мерин захромал назад к дымящимся камням дома. Он получил ранение в колено где-то в шеренге, но не мог вспомнить как. Земля была завалена телами, по большей части одетыми в темно-красное Кровавыми Пактийцами. Пар поднимался, как туман. Воздух был влажным и пах, как в лавке у мясника.

В руинах дома, и вдоль хребта рядом с ним, команды Роты Е устанавливали обслуживаемое расчетами оружие. Леклан, санитар, перевязывал Хвлана. Маггс и Каобер исчезли в сражении.

Колосим сидел у кучи камней, прижимая перевязку к разорванному рту.

«Что с тобой такое?»

Мерин обернулся. Бэнда использовала часть каменной стены, как снайперское гнездо, но враг уже был вне досягаемости.

«Ничего,» сказал он.

«Ты просто позволишь ему сделать это?» спросила она, разряжая свой лонг-лаз, чтобы вставить новый магазин.

«Сделать что?»

«Просто придти и захватить власть. Последнее, что я слышала, ты был командиром Роты Е.» Мерин сел на часть погнутого шасси стелк-танка. Он сорвал свой шлем и бросил его на землю.

«Это Роун,» сказал он.

«И что?» спросила она.

«Ты думаешь, мне нужно было сделать это?»

«Ты отдаешь приказ, капитан, Рота Е прыгает,» сказала Бэнда.

Ему, на самом деле, не понравился ее тон. «Жесси,» сказал он, «если бы решение было за мной, я бы даже не сорвал нас на восток. Роун узнал сигнал, я нет.»

«Вайлдер будет в ярости.»

«Я знаю.»

«Ты хочешь, чтобы Роуну досталась Рота Е?» спросила Бэнда.

«Его арестуют за это.»

«Ты так думаешь, Флин?» спросила она. «Ты, действительно, так думаешь?» Лицо Жесси Бэнды было необычайно прекрасным и выразительным, но когда она сердилась, оно становилось уродливым и отталкивающим, на взгляд Мерина. «Посмотри, Флин. Хорошенько посмотри,» сказала она, делая жест рукой вниз на усеянный телами склон до темного бассейна. Рота Е уже была почти у линии подлеска, стреляя во вражеских солдат, пока они пытались убежать.

«Роун просто начал контрнаступление и раздавил Пакт. Вайлдер может и поговорит с ним, но вот это – рекомендация в глазах высшего командования. Может быть даже красивая медаль.»

«И что?»

«А то, что ты просто стоишь здесь и позволяешь ему сделать это,» сказала она, потянувшись к ноге и вставляя свежий горячий выстрел на место.

«Что-то происходит,» внезапно сказал Колосим, поднимаясь на ноги.

«Ты прав. Они возвращаются,» согласился Леклан, вставая рядом с Хвланом.

Мерин повернулся. Внизу длинного склона, Рота Е внезапно побежала назад. Мощный огонь заставил их отступить от подлеска. Плазма, прокалывающие лучи горячей энергии.

Мерин осознал, что улыбается, несмотря на ситуацию. Роун сделал большой укус, а это доказало, что он оказался слишком большим. Войско Кровавого Пакта, о котором их предупредили разведчики Мколла, было намного больше, чем они сначала представляли.

«Дерьмо,» снова сказал Колосим, встав рядом с Мерином. «Мы думали, что это небольшая ударная бригада. Должно быть, они притащили целую чертову армию вдоль восточной стороны.» Мерин сделал глубокий вдох и потянулся к болтающейся микробусине. Теперь он должен был взять командование и сообразить приличную оборону. Теперь он должен выставить Роуна импульсивным идиотом перед –

«Мы слышали, что здесь вечеринка. Мы опоздали?»

Мерин обернулся. Гол Колеа невозмутимо подошел к ним. Позади него, Рота С рассыпалась широкой линией, занимая верх склона. Команды орудий поддержки собирали свое оружие.

«Примкнуть серебро,» внезапно крикнул Колеа.

На его слова ответили щелчки.

«Хорошо выглядишь, шахтер,» крикнула Бэнда Колеа с нахальной ухмылкой.

«Я всегда хорошо выгляжу, девочка,» крикнул он в ответ. «Рота С! Соберитесь. Пусть люди Роуна вернуться к нам, а затем займемся делом.»

Люди Роуна. Мерин сердито посмотрел на Колеа.

«Ну же, Рота С!» прокричал Колеа. «Принесите сюда несколько факелов.» Бростин, Лайс, Мкелла и Белладонец по имени Фронтелле поспешили вперед из рядов Роты С, стуча тяжелыми емкостями.

«Я рассмотрел подлесок,» сказал Колеа. «Мне он кажется горячим. Что скажешь, Брос?» Бростин улыбнулся. Последняя затяжка сигареты с лху торчала в уголке его рта. Он вонял прометиумом, как будто искупался в нем.

«Я скажу, доброе утро горячий подлесок, сэр. Только скажите.»

«Зажарь их,» сказал Колеа.

Бростин двинулся вперед, с трудом спускаясь по длинному склону. «Ко мне, факелы, широким веером,» крикнул он. «Густой синий, широкая струя, держите поближе к земле.» Лайс, Мкелла и Фронтелле шли вперед вместе с ним, настраивая регуляторы. Вонь прометиумого желе сейчас была острой и резкой.

«Эй, Ларкс!» крикнул Бростин, пока шел вперед. Ларкин вышел из рядов Роты С со своим лонг-лазом. Белладонец, Кайдей, шел с ним.

«Ась?»

«Небольшой воздушный специальный?» сказал Бростин.

Ларкин кивнул. «Все, что угодно, чтобы ты был счастлив.» Он снял свой лонг-лаз и встряхнул плечи, следуя за огнеметчиками вниз по склону.

«Что мы делаем?» спросил его Кайдей.

«Я стреляю,» сказал Ларкин. «Ты смотришь и учишься.»

«Привет, снайпер,» сказала Бэнда, когда Ларкин проходил мимо нее.

«Привет тебе, куколка,» ответил Ларкин, дав ей пять.

«Иди, сделай кому-нибудь больно,» крикнула она.

«Как раз собираюсь,» ответил Ларкин, положив лонг-лаз на плечо, пока шел вперед, как егерь, держащий дробовик.

Рота Е возвращалась обратно на склон. Это было не столько отступление, сколько необходимость для выживания.

Кто бы не толпился в подлеске позади них, они были рассержены и хорошо вооружены.

Огнеметчики Роты С, спускающиеся по склону широким веером, как будто на загородней прогулке, встретили людей из Е, бегущих вверх. Роун, покрытый кровью, подошел к Бростину.

«Рад тебя видеть,» сказал он.

«Проблемы, майор?» спросил Бростин.

«Неприятель, которого мы только что изрубили, был всего лишь передовой группой чего-то намного большего. Они прямо за нами и почти готовы нанести визит.»

Бростин кивнул. «Отлично. Мистер Желтый дома для встречи гостей,» ответил он. «У вас есть сигареты с собой, босс?»

«Фейгор?» позвал Роун.

Фейгор поспешил к ним и вытащил пачку сигарет с лхю. Пока солдаты Роты Е толпой направлялись к вершине склона, Фейгор вытащил сигарету и вставил ее в рот Бростину.

Бростин поднял огнемет и поджег сигарету от голубого пламени, шипевшего рядом с регулятором оружия. Пузырьки прометиума капали из шланга.

«О, да,» сказал Бростин. «Хорошо тянется. Отличная марка, Мистер Фейгор.»

«Только лучшее,» улыбнулся Бростин.

Бростин выдохнул. «Огнеметы? Давайте сделаем это.»

Пока последние из Роты Е пробежали мимо них, огнеметчики топали вниз по склону, разойдясь шире. Емкости на их спинах булькали и шумели, а огни на клапанах шипели. Ларкин, придерживая оружие, шел за ними, с Кайдеем позади.

В двадцати метрах от края подлеска Бростин остановил команду. Он хорошенько затаился и щелчком выбросил окурок.

«Ждите, пока не появятся,» крикнул он. «Давайте посмотрим на них.» Солдаты Кровавого Пакта начали выходить из подлеска. Они подняли вой. Оружие трещало и рывкало. Позади них, машинный шум выдавал приближение стелк-танков.

«Ох, ладно,» сказал Бростин. «Хватит на них смотреть. Зажарим их. Густой синий, широкая струя, держите поближе к земле. Сделаем это.»

Четверо огнеметчиков активировали свое оружие и послали обжигающие султаны огня вниз по склону.

Пойманная во внезапное inferno, передняя линия Кровавого Пакта завизжала и зашаталась, окутанная огнем. Мгновением позже, край сухого подлеска тоже загорелся. Беспорядочное пламя забушевало в бассейне, яростное и стремительное.

Бростин мягко нажимал на спусковой механизм своего огнемета, выкачивая сгустки жидкого пламени. «Спокойненько,» твердил он.

Край подлеска уже весь был объят огнем. Оттуда доносились крики и визги. Появились несколько солдат Кровавого Пакта, спотыкающиеся и объятые огнем.

«Вот теперь вообще хорошо,» сказал Бростин.

Что-то большое взорвалось в подлеске – боеприпасы стелк-танка воспламенились – и огонь распространился.

Бростин снял с плеч емкости и бросил взгляд на Ларкина. «Ларкс?» сказал он.

«Я готов,» ответил Ларкин, поднимая оружие. Бростин отсоединил подающие трубки и бросил свое оружие.

«Подбрось,» сказал Ларкин. Он и Бростин не единожды запускали «воздушный специальный» на Гереоне.

Бростин был большим, массивным человеком с мощным торсом. Он начал медленно поворачиваться, набирая скорость, пока вращался, как метатель молота. Емкости были в его правой руке, действуя, как противовес.

С хрипом от усилий, он отпустил их, и тяжелые емкости с прометиумом полетели в воздух над подлеском бассейна. Ларкин следил за ними, и, когда они начали падать, выстрелил.

Горячий выстрел попал в емкости с повышенным давлением внутри, и воспламенил их. Проливной дождь жидкого огня упал на бассейн и поджег его.

«Святое дерьмо,» сказал Кайдей.

Бростин отвернулся от трескучего жара огненного шторма в бассейне. Крики и взрывы доносились до них вместе с дымом.

«Скажи привет Мистеру Желтому,» сказал он.

Широкий пояс густого дыма поднимался к небу, когда Вайлдер добрался до места битвы.

Кешлан сел, чтобы отдышаться. Новобазки подошел позади Вайлдера, уставившись на беспорядок от битвы.

Роты С и Е заняли мощную оборонительную позицию по направлению к Хребту 19. Огромный кусок низменности был в огне.

«Боже-Император защити нас...» сказал Вайлдер, обзорева опустошение. Подошел Колеа и отдал честь.

«Я хочу все подробности, включая жертвы, позже, Колеа. Прямо сейчас, короткую версию.»

«Разведывательный отряд Колосима засек неприятеля вон там. Рота Е подошла и значительно их потрепала до того, как мы добрались сюда.»

«Это та Рота Е, которой я специально приказал не атаковать без моего разрешения?»

«Думаю так, сэр.»

«Продолжай, Колеа.»

«Но неприятель был всего лишь частью намного большего войска.»

«Насколько?»

«Восемь, девять сотен солдат, с поддержкой сталк-танков. Враг определенно собирался провести большое наступление через сложную местность с восточной стороны отсека, пока наше внимание было приковано к танковому сражению.»

Вайлдер кивнул. «И вы сдержали их?»

«Огнеметы нанесли много урона. Отбросили их. Мы предполагаем, что они или отступают, или ждут, чтобы добраться до нас вдоль хребта вон там.»

Вайлдер огляделся. «Пойми меня, Колеа. Ты, Мерин, Роун и я, у нас будет серьезный разговор насчет этого позже. Я понимаю, что мне будет сложно объявить тебе выговор, когда результаты настолько хороши, но поверь мне, это будет сделано.»

«Да, сэр.»

«Ты остаешься в моей команде, ты следуешь моим приказам, или я брошу тебя комиссарам.»

«Да, сэр.»

Вайлдер подошел к Кешлану. «Свяжи меня с командным пунктом,» сказал он оператору вокса. «Лучше рассказать ДеБрэю, что враг только что напал на нас.»

«И не только здесь, сэр,» сказал Кешлан. «Из поступающих докладов, весь Монс сошел с ума.»

ДЕВЯТНАДЦАТЬ

07.54, 197.776.M41

Пункт 10, Третий Отсек

Спаршад Монс, Анкреон Секстус

Звук двигателей штурмовика вырвал Гаунта из необычного сна. Наступил рассвет, серый и сырой, и холодный ветер ударял по боковинам палатки. Ладд все еще спал, а Эзра присел у входа в палатку, всматриваясь в лагерь. Снаружи была большая активность.

Грузовики и транспортеры работали, а люди кричали. Еще одна эскадрилья Стервятников пролетела низко, опустив носы, направляясь на северо-восток в холодное утро.

Гаунт прошел мимо Эзры, который поднялся, чтобы последовать за ним. Гаунт покачал головой, и сделал жест, чтобы Нихтгейнец оставался на месте.

Он вышел наружу, на территорию расквартировки войск. Большинство палаток вокруг уже были пусты.

Здесь действительно было чертовски много активности. Гаунт снял рубашку и майку через голову и подошел к колонке у ближайшей цистерны. Он нажал на рукоятку насоса, и пустил воду, чтобы вымыть подмышки, шею и лицо.

Мимо пролетели еще ударные корабли, на этот раз Валькирии. Гаунт стоял прямо и стряхивал воду с лица, как собака, пока смотрел, как воздушные корабли скользят мимо. Двадцать, затем еще одна группа, по меньшей мере, тридцать самолетов. Объединенным шум двигателей был оглушительным.

Что-то в них, или что-то в холодном, сером небе позади них, напомнило Гаунту о его сне.

Он был в комнате, маленькой, прямоугольной комнате, с дверями на каждой короткой стене. Комната была открыта небу, потому что потолка не было. Каждый раз, когда он смотрел вверх, он мог видеть обширный участок диких небес, широких и цветастых с кучками облаков, края которых были угрожающей огненно-рыжими.

Во сне, Гаунт чувствовал огромное желание выбраться из комнаты. Какая-то странная часть внутренней логики сна говорила ему, что если он не покинет комнату без крыши, он не сможет сделать ничего хорошего. Сон не удосужился определить, что же это за хорошее.

Но каждый раз, когда он подходил к одной из дверей, ее там больше не было. Двери не оставались на месте. Он шел к двери, а она, внезапно, уже была на другой стене.

За недели на Гереоне, давно, его беспокоил повторяющийся сон, в котором он был заперт в каменной камере, у которой не были ни окон, ни дверей. Это его сильно беспокоило, пугало его, в то время, когда он все еще мог бояться. Клаустрофобия, чувство тюремного заключения, задерживалось в нем каждое утро, уже намного позже того, как он просыпался. Ана Керт говорила ему, что это просто тревожный

сон, ночной кошмар о том, что они застряли на Гереоне. По прошествии недель он прекратился.

Этот новый сон не пугал его, но он оставлял ему тревожное ощущение, которое подпитывало неудобство от его текущих проблем.

Гаунт надевал майку и рубашку, когда появился Ладд, с заспанными глазами.

«Что происходит, сэр?» спросил он.

«Я не знаю. Что-то большое. Я пойду к Саутою. В любом случае, мне нужно доложить ему.» Они прибыли поздно предыдущей ночью, после кровавой стычки на дороге.

Айэнмидоу сразу же хотел предоставить полный отчет, но Гаунт сказал ему, чтобы тот пошел поспать. Он уверил капитана, что тот сделает свой чертов доклад насчет пункта 15 утром.

«Я пойду с вами,» сказал Ладд.

«Нет. Остайся здесь и завари кофеина. Нам обоим он нужен. Я скоро вернусь.»

Гаунт надел свои плащ и фуражку, и пошел по дороге к командному пункту. Повсюду была активность. Молодые солдаты, с бледными и беспокойными лицами, загружались в транспортеры или загружали боеприпасы на транспортники или в бронированные машины. Мимо прогрохотала колонна Химер. Небо было мрачным и затянутым облаками, и поднялся по-настоящему сильный ветер. Было сложно сказать, но Гаунт был уверен, что может расслышать тяжелые, сильные взрывы, отдающиеся эхом издалека.

Командный пункт был загружен. Здесь толпились офицеры и тактические советники, посыльные и техники. В некоторых смежных комнатах проходили брифинги, и постоянный поток громких сводок звенел из шумной вокс станции.

Гаунт протолкался внутрь. Здесь был запах страха. Застарелый пот, утреннее дыхание, ужасная вонь людей, которые жили в поле, а сейчас поднялись рано, неохотно, чтобы встретить холодный, враждебный день. Лица были измученными,

беспокойными, недружелюбными. В частности, молодой люди выглядели так, как будто их медленно охватывал ужас.

Саутой был на командном пункте. Он выглядел обеспокоенным. Начало его дня, очевидно, наступило так бестактно, что у него даже не нашлось времени нацепить свою большую коллекцию медалей на пурпурный мундир. Офицеры собрались вокруг его стола со схемами, и Саутой разбрасывал приказы и директивы налево и направо, пока пробирался сквозь увеличивающуюся кипу бумаг с сообщениями и отчетов о состоянии дл, которые посыльные приносили со станции вокса.

«Гаунт!» позвал он, когда увидел комиссара в дверях. Никакого фальшивого дружелюбия этим утром.

«Подойди. Я как раз послал Айэнмидоу найти тебя.»

«Я, должно быть, разминулся с ним на полпути,» сказал Гаунт. «На улице оживленно.» Гаунт вошел внутрь и снял фуражку. Полдюжины младших офицеров вокруг стола маршала поспешили уйти со своими приказами. Остальные остались, нагнувшись над столом, тщательно обсуждая и указывая на различные детали на подсвеченном изображении карты.

«Я хотел предоставить отчет, сэр,» начал Гаунт. «О моем вчерашнем визите на пункт 15. Серьезные нарушения привели меня к--»

Саутой поднял руку. «Я все знаю, Гаунт. Айэнмидоу приходил ко мне прошлой ночью.»

«Ясно.»

«Его трясло, Гаунт. Понятно почему. То, что вы там нашли, это отвратительно.»

«Симптоматика, лежащая в основе--»

«В любом случае, это уже не важно, Гаунт.»

«Почему, сэр?»

«Потому что около двух часов назад на нас налетел абсолютный шторм из дерьма, Гаунт. Пункта 15 больше нет. Двенадцатый тоже почти потерян. Архивраг решил,

этим утром, организовать полномасштабное контрнаступление.» Он подвел Гаунта к столу. Гаунту понадобилось весьма мало времени, чтобы вникнуть в маркеры и расположения на дисплее.

«Значительные вражеские силы ударили из отсеков семь и девять сразу перед рассветом,» все равно сказал Саутой. «Они ураганом вырвались из девятого отсека и захватили пункт 15. Наши воиска довольно быстро покинули этот участок. Они, так же, полностью выгнали нас из седьмого отсека. Сейчас мы пытаемся кинуть все, что у нас есть, в этот отсек, чтобы попытаться организовать какое-нибудь сопротивление на низменности здесь, позади пункта 12. Проблема в том, в данных условиях, что пункт 12 скорее всего отрезан, и на него легла вся тяжесть от обоих наступлений. У нас с ними не было контакта уже тридцать восемь минут.»

Саутой кивком отозвал Гаунта от младших офицеров и понизил голос. «Мы не видели ничего, такого масштаба, с тех пор, как впервые погнались за ублюдками в этом степном городе. С трудом верится, что у них были такие ресурсы внутри. Наши парни взволнованы. Seriously взволнованы, и их застали врасплох. Есть реальная опасность, что нас выгонят из третьего отсека, если мы в ближайшее время не соберемся.»

Подошел вокс-офицер, отсалютовал Саутой и вручил ему пакет с сообщением. Лицо Саутой мрачнело, пока он его читал. «Трон великий,» прошептал он, и дал сообщение Гаунту. Пункт 36 в пятом отсеке тоже докладывал о мощном наступлении врага.

Гаунт вздохнул. На это утро он придумал план. Он собирался найти какой-нибудь способ убедить Саутой позволить ему перебраться в штаб пятого отсека. Было мало шансов, да и Саутой, определенно, не был союзником. Гаунт уже проговорил, про себя, по меньшей мере, дюжину возможных извинений или причин для перевода, и ни одно не было удовлетворительным. Он даже подумывал связаться с Вон Войтцем и перешагнуть через голову Саутой. Но теперь случилось вот это, и все, как подметил Саутой, уже стало неважным. Не было смысла даже спрашивать.

Но Гаунт, все равно, сделал это.

«Я бы хотел получить разрешение на перевод в пятый отсек, сэр,» сказал он.

Саутой заморгал. «Не может быть и речи, мужик. Почему ты вообще об этом просишь?» Гаунт сделал паузу. В свете текущей ситуации, он быстро решил, какое из его извинений будет звучать наиболее правдоподобным. «Моя старая часть, Танитский Первый, в Пятом, сэр. Если все так плохо, как звучит, я бы хотел быть с ними и попытаться--»

Саутой покачал головой. «Восхитительно, Гаунт. Весьма восхитительно. Преданность. Мне это нравится. Вот поэтому ты мне всегда и нравился. Но ответ, все еще, нет. Ты мне нужен здесь, ради Трона. Ты мне нужен прямо здесь, ты и каждый опытный кадровый офицер, который у меня есть. Я хочу, чтобы ты отправился на передовую так быстро, как только возможно. Разведка говорит, что зеленые полки, особенно те, что отступает с 15, в полной растерянности. Мы должны сплотить этих молодых людей, и для этого потребуются ветераны, такие, как ты.»

«Я понимаю, сэр.»

«Отправляйся на поле боя и начни приводить в чувство этих парней. Заставь их организовать приличную линию обороны. Я пошлю всех офицеров, которых смогу, вперед, чтобы помочь взять ситуацию под контроль.»

«А... а вы к нам присоединитесь, сэр?» спросил Гаунт.

Саутой уставился на него. «Черт тебя, Гаунт. Конечно, присоединюсь. Теперь иди.» Гаунт отдал честь. «Мои извинения, маршал. Я не хотел выказать неуважения.» Он повернулся, чтобы пойти к двери, а затем обернулся к Саутою. «Почему сегодня, сэр?»

«Что?»

«Я размышляю, почему это случилось сегодня?»

«Без понятия, Гаунт!» резко бросил Саутой.

«Тогда, может быть, вы захотите передать этот вопрос в Командование на Осколочных Равнинах, чтобы тактические советники подумали об этом. С точки зрения истории, ритуалов, в этом может быть причина, что архивраг именно в это утро выступил такими силами.»

Гаунт покинул комнату. Вместо того, чтобы пойти наружу, он протолкался сквозь спешащих туда-сюда людей по внутреннему коридору, и вошел в вокс-комнату. Двадцать пять фокс-офицеров работали на индивидуальных высокочастотных передатчиках, и все они говорили в одно и то же время, отправляя и принимая доклады.

Гаунт подошел к ближайшему. Оператор, маленький человек с узкими усами, посмотрел вверх и снял свою тяжелую гарнитуру.

«Комиссар, могу я помочь вам?»

«Я хочу, чтобы ты предоставил мне связь, оператор,» сказал Гаунт.

«На каком основании?» спросил офицер.

«На основании моих полномочий, солдат,» сказал Гаунт. Оператор сглотнул. «Да, сэр. Простите, сэр.» Гаунт сказал ему коммуникационный код, который ему требовался. Оператор ввел его. Он выглядел не в своей тарелке.

«Он... нестандартный, комиссар,» сказал он, пока подстраивал шкалу. «Мне нужно будет занести его в журнал.»

«Делай то, что должен,» сказал Гаунт. «И обязательно отметить, что это был прямой приказ Комиссариата.»

«Есть контакт, сэр,» доложил оператор. Он указал на гарнитуру на столе, и включил канал, когда Гаунт надел ее.

«Получаю,» сказал голос по связи сквозь статику. «Идентифицируйте себя, отбой.»

«Это Первый. Это ты, Белтайн, отбой?»

Пауза. «Да. Да, я, сэр. Не ожидал услышать ваш голос, отбой.»

«Прости, нет времени, чтобы поболтать, Бел,» сказал Гаунт. «Мне нужно поговорить с Роуном или Мколлом. Это возможно, отбой?»

«Ждите, отбой.» Гаунт ждал, вслушиваясь. Треск и завывания искажения отдавались эхом на канале.

«Это Роун. Это ты, Ибрам, отбой?»

«Подтверждаю. Какова ситуация, отбой?»

«Сущая неразбериха, Брам. Ад в тележке. Где ты, отбой?»

«Не так близко, как хотел бы быть, Эли. Слушай внимательно. У меня очень мало времени, чтобы объяснить, но мне нужно, чтобы ты и Мколл кое над чем поработали, отбой.»

«Понял. Мы сейчас слегка заняты, но продолжай, отбой.»

«Так. Послушай, и скажи мне, что ты думаешь...»

Как только он закончил короткий разговор, Гаунт отдал гарнитуру оператору, поблагодарил его, и покинул командный пункт. Оператор, слегка смущенный, сделал запись в своем журнале, и уже был готов продолжить свою работу, когда другой голос сказал, «Могу я взглянуть, оператор?» Оператор поднял взгляд и увидел второго комиссара, стоящего рядом с его передатчиком. Да что *это* такое?

«Твой журнал, пожалуйста,» сказал второй комиссар. Оператор дал ему его. «На этот запрос ответили?»

«Да, сэр.»

«Полномочия?»

«Комиссара, сэр. Он сказал, что это дело Комиссариата.»

«А это подтверждение? Код?»

«Да, сэр. Полевой вокс-передатчик. Идентификационный номер 11012К. Это Восемьдесят Первый Первый.»

«Соедини меня с управлением Комиссариата, Осколочные Равнины. Незамедлительно, пожалуйста. Используй этот код.» Комиссар написал код в блокноте оператора.

«Канал открыт,» мгновением позже сказал вокс-офицер.

Комиссар взял гарнитуру. «Управление, это Ладд. Соедините меня с Комиссаром-Генералом Балшин.»

Гаунт вернулся к себе.

«Где Ладд?» спросил он Эзру. Нихтгейнец пожал плечами.

«Собирайся,» сказал ему Гаунт. «Мы отбываем.» Ветер уже был очень сильным. Казалось, что в нем есть капли дождя. Гаунт дотронулся до щеки, там, где он почувствовал упавшие капли. Дождь? Небо представляло собой массу изогнутых серых облаков над возвышающимися стенами.

Появился Ладд, спешащий по дорожке между палатками. Пустые, они стояли по обе стороны от него, как почетная гвардия, полотно входов натягивалось, как плащи на поднявшемся ветру.

«Где ты был?» спросил его Гаунт.

«Я пошел искать вас, сэр,» сказал Ладд.

«Я сказал тебе остаться здесь, Ладд.»

«Да, сэр. Я знаю. Но Айэнмидоу пришел сразу после того, как вы ушли. Он забронировал места в транспорте для нас. Мы уезжаем, потому что--»

«Я знаю, Ладд. Где он?»

«Ждет нас у транспорта, сэр. Поэтому я пошел искать вас. Я подумал, что вам нужно знать.» Гаунт посмотрел на него. Ладд казался более напряженным, чем обычно, но этот день делал это со всеми.

«Где ты искал, Ладд?»

«Ох, на командном пункте. Здесь поблизости. Один из офицеров Бинарцев сказал, что они видели, как вы возвращаетесь этим путем.»

Гаунт еще немного смотрел на Ладда. «Ладно, Ладд. Бери вещи.» Они взяли только свое оружие и основное снаряжение. Эзра оставил оставшуюся часть снаряжения и застегнул на молнию палатку, а затем поспешил за Гаунтом и Ладдом.

Основные площадки для сбора были забиты транспортом, растянувшимся колонной вдоль восточной дороги. Большинство транспортников перевозили людей, одетых в бледную боевую форму Фортис Бинарцев.

Айэнмидоу махнул им на пару командных машин, Саламандр, обе из которых были свежеевыкрашены в цвета Бинарцев.

«Сэр!» сказал Айэнмидоу, отдавая честь и протягивая пакет с сообщением. «Маршал просил меня найти вас и--»

«Старые новости, Айэнмидоу, я говорил с ним.» Гаунт прочитал сообщение. Это было краткий, отрывисто-грубый приказ, требующий, чтобы Гаунт выдвинулся со Вторым Бинарским в горячую зону, и «достиг поддержания достойного боевого духа и дисциплины.»

Гаунт отдал пакет Ладду. «Сохрани его для меня, Ладд. Если позже мне представится шанс, я, может быть, захочу загнать это в глотку Саутою.»

«Вы и ваше чувство юмора, сэр,» засмеялся Айэнмидоу.

«Ты подумал, что я шучу, Айэнмидоу?» спросил Гаунт. Айэнмидоу снова слегка рассмеялся, а затем заморгал.

Гаунт мог сказать, как был отчаянно напуган молодой офицер. Он вспомнил, как мало у Айэнмидоу было боевого опыта – как мало было опыта у любого в его полку. Саутой посылал новичков, испуганных парней на помощь новичкам, испуганным парням. И сверх того, Айэнмидоу, почти наверняка, был все еще напуган событиями предыдущего дня.

На мгновение Гаунт напомнил себе, кем и чем, они думают, он был. «Все будет хорошо, Айэнмидоу,» сказал он. «Может быть, наши души и будут испытаны сегодня, но если мы сохраним нашу веру в Трон и вспомним, чему мы научились, мы одержим победу.»

«Да, сэр,» кивнул Айэнмидоу.

«Пусть будет известно, что я считаю привилегией наступать вместе с людьми из Второго Фортис Бинарского.»

От этого, на самом деле, лицо Айэнмидоу залилось румянцем от гордости. «Спасибо, сэр. Я передам всем.» Одна из Саламандр с открытым верхом была зарезервирована для Гаунта, с водителем, стрелком и оператором вокса. Другая принадлежала Майору Жернону Вайтсмиту, непосредственному начальнику Айэнмидоу. Он был стройным, морщинистым человеком в свои пятьдесят, с редкими волосами и выглядел ветераном.

«СПО?» спросил его Гаунт, когда его представили. Вайтсмит улыбнулся, как будто впечатленный тем, что Гаунт смог подметить. «Да, сэр. Было честью служить в войне освобождения.» При основании полков, в помощь Крестовому Походу, люди Фортис Бинари выбрали несколько ветеранов из сил планетарной обороны, чтобы они служили в качестве кадровых офицеров. По крайней мере, это уже что-то, задумался Гаунт. Будет неплохо, если опыт и стойкость нескольких старых людей, как Вайтсмит, смогут объединить роты новобранцев вместе.

Больше времени для разговоров не было. Вайтсмит забрался в свою Саламандру и выдвинулся вниз по дороге, тяжелые гусеницы машины застучали. Гаунт, Ладд и Эзра забрались после Айэнмидоу во вторую машину, и загремели за ним, легкие танки быстро обогнали колонну медленных грузовиков с солдатами на дороге. Тяжелые танки и бронированные машины сформировали основную массу передней части колонны, включая в себя Троянцы, буксирующие тяжелую полевую артиллерию.

Чернильно-серые грозовые облака накрепко засели над отсеком, закрыв большую часть дневного света. И снова, Гаунт почувствовал холодные капли дождя в воздухе. Стало так хмуро, что множество машин включили свои фары и прожектора.

«Чертова погода!» сказал Айэнмидоу, повысив голос над ревом двигателей Саламандры. «Там становится черно, как ночью!»

Он прав, подумал Гаунт. Черно, как ночью. Затем он задумался, думал ли кто-нибудь в высшем командовании или в старшем офицерском составе, насколько, *буквально*, сталкеры жили ночной жизнью.

Меньше, чем через час, быстро направляясь на северо-восток в срединные низины третьего отсека, они встретили ад, идущий с другой стороны.

Зрелище было ошеломительным. Покрытая кустарником, пологая местность, через которую Гаунт с Ладдом проезжали вчера, была скрыта гонимыми ветром клубами дыма, огромными волнами удушающих черных сажи и пепла, которые плыли от огненных штормов, бушевавших вдоль центра отсека. От стены до стены, казалось, что ландшафт вся была в огне, за исключением тех мест, где были озера и глубокие пруды, отрезки воды, которые отражали свет от огня, как зеркала. Повсюду двигались люди и машины, не только на дороге. Тысячи Гвардейцев и обветшалаая масса машин ползли назад, подгоняемые огненными штормами.

Когда Саламандра замедлилась, Ладд поднялся на ноги и уставился через верх кабины. Он никогда не видел ничего такого.

Колонна собралась впереди в кучу. Подкрепление с пункта 10 натолкнулось на массовое отступление с севера. Здесь была паника и смятение. По вокс-передатчику Саламандры, Гаунт мог слышать яростные разговоры. Призывы о помощи, вопросы для пояснений, запросы приказов. Он очень хорошо знал эти звуки. Это были звуки поражения. Это были ужасные звуки, которые производила Имперская Гвардия, когда распадалась на части.

«Пункт 12?» спросил он оператора вокса Саламандры. Человек покачал головой.

«Сэр!» резко выкрикнул Ладд. Гаунт присоединился к нему спереди отсека Саламандры и взял бинокль. Неровный край огненных штормов лежал перед ними, примерно, в трех километрах, и сквозь него только что начали появляться первые вражеские единицы. Танки, некоторые отодвигали огонь, кустарник и землю перед собой массивными бульдозерными отвалами; самоходные орудия, выползающие из дыма; взводы солдат в респираторах. Гаунт мог видеть вспышки снарядов, падающих среди убегающих Имперских сил войск. Он видел яркие волны огня от огнеметов, которые Кровавый Пакт использовал, чтобы гнать всех перед собой. Быстрый подсчет показал, что вражеских машин было больше трех сотен, и это было только то, что он смог увидеть. О силах пехоты ничего нельзя было сказать.

«Трон, это ужасно,» сказал Ладд.

«От тебя ничего не ускользает, а, Ладд?» ответил Гаунт. Он прыгнул с Саламандры и поспешил по дороге к кромке холма. Там Вайтсмит стоял и разговаривал с несколькими из старших офицеров своего подразделения.

«Ситуация?» спросил Гаунт.

«Мы только что получили неподтвержденные данные, что Полковник Стоунрайт был убит.» Стоунрайт был старшим офицером Второго Бинарского, который вел силы поддержки за час до них. Приказом Вайтсмиту было выдвинуться ему на помощь.

«Это делает вас главным, Вайтсмит,» сказал Гаунт. «Эти люди ожидают ваших приказов.» Вайтсмит выпрямился, как будто только что осознал это. «Да, комиссар, конечно.» Он помедлил. «Я вызвал больше прикрытия с воздуха.»

«Это хорошо. Наверное, это единственное преимущество, которое у нас есть прямо сейчас.»

Вайтсмит сделал жест налево. «Основная масса наших танков там, хотя Трон знает, что ее сложно расположить должным образом. Дальше, по направлению к озеру, я думаю, что там у нас легкая вспомогательная бронетехника, Дев Хетра 301, но я понятия не имею, в каком они состоянии.»

«С другой стороны?» спросил Гаунт, бросив взгляд на юг.

«Основная часть нашей пехоты, и две колонны бронетехники Сарпоя. Хотя, сами посмотрите. Там неразбериха.»

Вайтсмит посмотрел на Гаунта. «Я не могу связаться с Маршалом Саутоем. Я даже не могу получить четкую связь с Сарпойцами или командирами Дев Хетра. И я боюсь, что могу сказать точно, что мои парни готовы сломаться. У них нет для этого опыта. Нет дисциплины и--»

«Дисциплина - это моя работа, Майор Вайтсмит. Прекратите беспокоиться о том, что люди будут делать после того, как вы им прикажете, и начните беспокоиться о том, что, на самом деле, вы собираетесь им приказывать.» Вайтсмит покачал головой. «В таком случае, я думаю, что у меня два варианта, сэр. Первый – отдать командование вам.»

«Вайтсмит, я комиссар, а не командующий офицер. Мое дело советовать, контролировать и убеждаться, что приказам следуют. Я не имею права обсуждать стратегию.» Глубокий, катящийся гул отдавался эхом по затопленной долине. Вражеские танки стреляли с большим усердием. «С уважением, Гаунт,» рассудительно сказал Вайтсмит, «вы были кадровым офицером и командиром долгое время. Успешным, награжденным офицером. У вас было чертовски больше опыта в боях на передовой, чем у меня или любого из моего штаба, и вы жили, чтобы нести эти знания вперед. Ради всего святого, сэр, мне тяжело думать, что сейчас подходящий момент, чтобы придерживаться какого-то невнятного правила о полномочиях.»

«Нет, майор. В качестве агента Имперского Комиссариата, я собираюсь помочь вам в выполнении ваших командных решений. Вы неспроста получили свое звание. Вы офицер и лидер людей, и ваше обучение должно подсказать вам, что делать в данных обстоятельствах.»

Вайтсмит печально улыбнулся. «Тогда есть второй вариант, комиссар. Мои войска в смятении. Враг прямо перед нами. Я должен отдать приказ о немедленном отступлении, чтобы сохранить жизни и технику, какие смогу.»

«А третий вариант, майор?» сказал Гаунт.

«Черт возьми, нет--»

«Всегда есть другой вариант, Вайтсмит!» резко бросил Гаунт. «Придумайте хоть один! Вы были так добры, что вспомнили, что я когда-то был успешным командиром. А вы на мгновение задумались, что те успехи не достались легко? Что я не ломал себе голову и не думал за гранью очевидного? Быстро, скажите мне, что бы вы сделали, что бы вам больше пришлось по вкусу?»

«Что?»

«Забудьте о насущных проблемах. Представьте, что у вас под командованием есть Жантинские Патриции, или фаланга Кадрианских Касркинов. Закаленные в боях ветераны, готовые и жаждущие ваших приказов. Что это были бы за приказы, Вайтсмит?»

«Я бы...» начал Вайтсмит. «Я бы приказал им держать эту линию хребта, и открытое болото до озера вот там. Это дало бы нам наилучшее защитное построение.»

«Хорошо. Продолжайте.»

«Я бы распределил пехоту по линии, и отправил бы два эскадрона бронетехники на хребет на правом фланге. Я бы разместил артиллерию на низменности позади нас и стал бы обстреливать врага до того, как он подберется еще ближе. И я бы чертовски убедился, что Дев Хетра и Сарпойцы поняли, что мне нужна их решительная поддержка.»

Гаунт улыбнулся и хлопнул Бинарца по плечу. «Для меня это звучит, как план, сэр.»

«Но--»

«Созовите офицеров. Проработайте план за пять минут, сделайте его цельным и выполнимым, убедитесь, что все поняли, что от них требуется.»

«А вы где будете?» спросил Вайтсмит.

«Буду соблюдать свою сторону сделки,» ответил Гаунт, «удостоверяясь, что вашим приказам будут следовать, когда они поступят.»

Гаунт поспешил по грязной дороге к Ладду и Айэнмидоу. Эзра крался позади него, нерешительно смотря на ползущую завесу огня и дыма, приближающуюся, как судный день по покрытой кустарником местности.

«Айэнмидоу,» сказал Гаунт. «Твои обязанности в качестве связного больше не требуются.»

«Сэр?»

«Слушай, мужик. Вайтсмиту нужен каждый офицер, какой у него есть. Иди к нему, слушай его, повинуйся ему. У тебя есть звание, Айэнмидоу. Пользуйся им. Покажи пример своим людям и они последуют за тобой. Вайтсмит рассчитывает на тебя.»

«Да, сэр!» сказал Айэнмидоу.

«Я понимаю, что ты молод и для тебя это внове, Айэнмидоу, но у меня есть вера. Ты встретился со сталкером прошлой ночью, и выжил, чтобы рассказать историю.»

«Только потому, что вы спасли мою чертову жизнь, сэр,» проворчал Айэнмидоу.

«Это не важно. Ты посмотрел смерти в лицо и выжил. Это больше, чем любой из этих молодых людей может рассказать. Это делает тебя особенным, закаленным, как и любого хорошего офицера или кусок стали. Это почти делает тебя ветераном. Сила характера, Капитан Айэнмидоу.» Айэнмидоу улыбнулся.

«Скажи каждому Бинарцу, которого встретишь, что Ибрам Гаунт с ними, и Ибрам Гаунт ожидает, что будет гордиться подразделением, в котором находится. И Айэнмидоу?»

«Да, сэр?»

«Я ожидаю прочитать твое имя в списке награжденных завтра, слышишь меня?»

«Да, сэр!» ответил Айэнмидоу, и побежал вверх по склону туда, где Вайтсмит собирал своих офицеров.

«Ладд?» сказал Гаунт, поворачиваясь к своему заместителю. «Я хочу, чтобы ты нашел всех комиссаров по эту сторону холма и собрал их здесь в течение десяти минут.»

«Сэр?»

«У Бинарцев их, как минимум, три. Найди их мне.»

Ладд замешкался. Звук пушечных выстрелов был уже ближе. На ветру были темные нити дыма.

«Чего ты ждешь?»

«Ничего, сэр. Я пошел.» Ладд поспешил прочь.

С Эзрой попятая, высоким и зловещим, Гаунт пересек дорогу слева и поспешил вниз по склону, испещренному пучками травы, на грязный берег рядом с длинным прудом. Почти сотня Бинарских солдат собрались здесь, пристально глядя на приближающийся ужас. Позади них застыли, с выключенными двигателями, несколько танков Бинарцев.

«Вы там!» крикнул Гаунт. Некоторые из них повернулись и выпрямились при виде приближающегося комиссара.

«Какого черта вы делаете?» потребовал Гаунт, подходя ближе. Прозвучало несколько жалких бормотаний. Гаунт запрыгнул на известняковый булыжник на краю пруда так, чтобы все могли его видеть.

«Видите эмблему на моей фуражке?» крикнул он. «Комиссариат! Знаете, что это означает, не так ли? Это означает угроза! Это означает мастер дисциплины! Это означает плеть Бога-Императора, гонящая вас трусов к жалкой кончине! Дайте-ка мне показать вам еще кое-что...»

Он взял болт-пистолет в одну руку, силовой меч в другую, и держал их так, чтобы толпа могла их видеть. «Инструменты моей профессии! Они убивают врага, они убивают трусов! Любого, они не привередливые! А теперь послушайте вот что...»

Гаунт понизил голос, сделал его мягче, но все равно привнес хорошо отработанные годами интонации, чтобы все они все равно могли слышать его. «Вы хотите сбежать, не так ли? Вы хотите сбежать прямо сейчас. Вы хотите убраться отсюда. Добраться до безопасности. Трон, я знаю, что вы все хотите.» Он убрал в ножны меч и пистолет в кобуру. «Я мог бы размахивать этим еще немного. Я бы мог сказать вам, и Трон знает, что я бы не стал лгать, что то, что приближается сюда в той стене дыма, ничто, по сравнению с моим гневом. Я мог бы сказать вам, что я – это та вещь, которой нужно бояться.» Он спрыгнул с булыжника и пошел между ними. Некоторые попятились.

«Если хотите бежать, люди Фортис Бинари, тогда вперед. Бегите. Может быть, вы сможете сбежать от врага, обрушившегося на нас. Фес, вы даже, может быть, сможете сбежать от меня. Но вы никогда не убежите от своей совести. Ваш мир страдал под гнетом Губительных Сил долгое время. Вы здесь только потому, как свободные граждане Империи, что другие не сбежали. Ваши отцы, дяди и братья, и молодые люди, прямо как вы, Имперские Гвардейцы с сотен разбросанных миров, у которых была отвага стоять и сражаться. За ваш мир. За Фортис Бинари. Я это знаю, потому что я был там. Так что, бегите, если осмелитесь. Если сможете с этим жить. Если сможете справиться со снами и с угрызениями совести. Если даже сможете выдержать мысли об отцах, дядях и братьях, которых вы потеряли.» Он сделал паузу. Была напряженная тишина, прерываемая только звуками взрывов обстрела позади них.

«С другой стороны, вы можете остаться, и следовать приказам Майора Вайтсмита, и сражаться, как мужчины. Вы можете остаться и почтить память ваших отцов, ваших дядей и ваших братьев. Вы можете остаться и сражаться рядом со мной, за Империум, за Бога-Императора. И за Фортис Бинари.» Гаунт прошел назад к булыжнику и снова забрался на него. «Что скажете?» спросил он.

Люди одобрительно завосклицали. Это было искренне, и именно этого ожидал Гаунт. Он улыбнулся и поднял кулак. «Командиры отрядов по местам! Освободите дорогу, чтобы танки могли проехать! Командиры взводов! Где вы? Вперед! Идите по дороге к Вайтсмицу, чтобы он проинструктировал вас! Орудия поддержки, занять позиции впереди и приготовиться! Выдвигайтесь!» Люди начали уходить. Гаунт спрыгнул. Он повернулся к Эзре. «Идем,» сказал он.

Он прошлепали по краю пруда, на дальний склон, и побежали к следующей толпе Бинарцев, бесцельно топчущихся на верху ближайшего хребта.

«Хистю, соуле!» позвал Эзра.

«Что?» обернулся Гаунт через плечо на бегу.

«Пряети, верейн вастю маден со?»

«Кровь,» просто ответил Гаунт. «Моя кровь. Мой отец.»

Эзра кивнул, и последовал за Гаунтом вверх по склону. Бинарцы, толпившиеся там, отпрянули от комиссара. Гаунт поспешил к припаркованной Химере и забрался на ее крышу.

Он постоял там мгновение, смотря вниз на толпу людей. Такие молодые, все они. Таким напуганные.

«Сыны Фортис Бинари,» начал он. «Я скажу по-простому. Я скажу вам то, что только что говорил вашим товарищам внизу...»

Прошло почти за пятнадцать минут прежде чем Гаунт с Эзрой вернулись на дорогу. Вражеская линия, огненный шторм, на самом деле, была уже гораздо ближе. Передний край Бинарцев уже был менее, чем в километре от наступающих войск, и дождь снарядов от танков Кровавого Пакта начал входить в зону досягаемости.

Бинарские и Сарпойские танки начали ответный огонь. Артиллерия, позади передовых позиций Бинарцев, начала выпускать снаряды в ряды Кровавого Пакта.

Гаунт проверил Вайтсмита. Человек был бледен от напряжения, а так же весь на нервах. «Я распределил всех,» сказал он Гаунту. «И бронетехника почти на местах. Пехота немного вялая. Большинство из них все еще напуганы. Это из-за тех, кто отступает.» К этому времени, массовое бегство солдат и машин, начавших отступать перед вторжением, начало просачиваться сквозь линию укреплений. Их вид, и истории, которые они приносили с собой, неуклонно подтачивали решимость.

«Скажи своим офицерам, чтобы они пропускали их,» сказал Гаунт. «Не препятствуйте им. Они все равно побегут, и ничто это не изменит. Позвольте им пройти и игнорируйте их.»

«Это приказ, сэр?» улыбнулся Вайтсмит.

«Нет,» в ответ улыбнулся Гаунт. «Просто обоснованное предложение. В следующие полчаса, или около того, станет тяжело, майор. Не буду лгать. Держите линию и верьте своим людям. Император защищает.» Вайтсмит отдал честь Гаунту и побежал к своей Саламандре. Снаряды уже свистели и падали вниз холма там, где кончалась дорога. Гаунт поспешил назад по дороге к Ладду.

Ладд собрал пять комиссаров. Старейшего комиссара, прикрепленного к Сарпойцам, по имени Бланшен, двоих старших Бинарских комиссаров – Фенвика и Саффонола – и двух молодых младших комиссаров.

«Джентльмены,» сказал Гаунт, когда подошел к ним.

«Ситуация опасная,» сразу же сказал Бланшен. «С таким прискорбным количеством решимости, и таким слабым взаимодействием между отрядами, мы обязаны осуществить немедленно отступление и --»

«Бланшен, правильно?» спросил Гаунт.

«Да, комиссар.»

«Цепь командования поместила Майора Вайтсмита во главу здесь. Я – комиссар Майора Вайтсмита, и это дает мне здесь власть. Вы согласны?»

«Думаю, так,» сказал старый комиссар.

«Хорошо. Никаких больше разговоров об отступлении. Ни от кого, особенно от тех, кто носит эту эмблему. Последним приказом Маршала Саутоя мне было достичь поддержания достойного боевого духа и дисциплины на этой линии. Так ведь, Ладд?»

«Слово в слово, сэр.»

«Хорошо,» сказал Гаунт. «Не будет никакого отступления. Не в мою смену. Вайтсмит разработал план обороны. Вы все с ним ознакомились?»

«Я убедился, что приказы майора распространились,» сказал Ладд.

«Архивраг вздернет нас всех здесь,» сказал Гаунт. «Нельзя позволить ему одержать победу. Если мы сломаемся – или побежим, Комиссар Бланшен – тогда третий отсек будет потерян. Вы понимаете, что это означает?»

«Серьезную задержку нашего продвижения в структуру Монса--» начал Бланшен.

«Нет, Бланшен. Это означает, что Лорд Генерал Вон Войтц будет в ярости. Мне довелось узнать его, и я не хочу оказаться тем, на кого упадет эта ярость. Сегодня мы всемером стоим между успехом и неудачей. Гвардейцы хорошо вооруженные, хорошо обученные и способные. Единственное, чего им не хватает, это дисциплины. Они напуганы. Он нас зависит обеспечение контроля, который им нужен. От нас зависит, чтобы вполне работоспособный стратегический план Вайтсмита сработал. Гвардия нуждается в воодушевлении и мотивации, джентльмены. Хотя нас мало, мы должны это сделать. Бланшен, я бы хотел, чтобы вы вернулись к своим Сарпойцам и убедились, что они держат правый фланг. Многое зависит от их огневой поддержки. Если потребуется, объясните им, что Фортис Бинарцы в центре линии будут уничтожены, если они не будут поддерживать темп огня.» Бланшен кивнул. «Я сразу об этом позабочусь.»

Гаунт повернулся к остальным. «Как вас зовут? Фенвик? А вас? Саффонол? Рад познакомиться. Вайтсмит расположил свою бронетехнику вдоль хребта, а между ними пехоту. Нам нужно держать это положение стабильным. Фенвик, идите на юг. Обеспечьте огневую дисциплину там, пусть танки стреляют. Расстояние – это все, что

у нас есть. Саффонол, идите вперед, Возьмите на себя ответственность за подразделения во главе подъема. Не, и я подчеркиваю, не позволяйте отрядам гнаться за ними и терять наше преимущество высоты. Используйте орудия поддержки.»

Оба кивнули.

«Младшие комиссары, подойдите. Как вас зовут?»

«Канфрейд, сэр.»

«Младший Комиссар Лобоскин.»

«Выдвигайтесь назад, господа. Мы не выживем без артиллерийской поддержки, а артиллерийские расчеты имеют привычку становиться нервными и убегать, потому что они слишком далеко от видимой передовой, чтобы понимать, что происходит. Уверьте их, что все в порядке. Отговорите их от побега. Как вы это сделаете – это я оставляю вам. Просто сохраняйте спокойствие и поддерживайте темп. Даже если мы сломаемся, нам нужны будут орудия, чтобы они прикрыли нас. Они должны продолжать стрелять. В случае разгрома, они могу бросить свои орудия и сбежать в последнюю минуту.»

«Да, сэр,» эхом ответили молодые люди.

«Приступайте!» крикнул Гаунт, хлопнув руками. Комиссары поспешили прочь. Гаунт повернулся к Ладду.

«Я собираюсь на северный фланг Бинарцев,» сказал Гаунт. «Мне нужно, чтобы ты добрался дальше на север и связался с частями Дев Хетры. Мне нужно, чтобы ты держал их в руках.» Ладд помешкал. «Сэр,» начал он.

«Что такое, Ладд?»

«Сэр... Я не должен покидать вас. Я имею в виду, мои приказы таковы, что я должен оставаться с вами все время.»

Гаунт уставился на него. «Ради Трона, Ладд! Фес, а я и на самом деле забыл, что ты не от меня получаешь приказы.»

Ладд отстранился, уязвленный. «Это не честно, сэр. Совсем.»

«Серьезно? Ты шпион Балшин. Ты никогда это не отрицал. Ты мой... как это? Соглядатай? Все было хорошо, когда это была просто игра, но это больше не игра, Ладд. Ты видишь, что здесь происходит? Ты видишь, что приближается?»

«Да, сэр. Да, вижу.»

«Тогда покажи немного сообразительность, Ладд,» прорычал Гаунт. «Нам, комиссарам, нужно распределиться, что максимизировать эффект. Ты мне на полном серьезе говоришь, что приказы Мамзель Балшин настолько неподатливые, что ты собираешься прилипнуть ко мне, как плохой запах, вместо того, чтобы делать дело?»

«Нет, сэр.»

«Громче, чтобы это что-то значило, Ладд.»

«Нет, сэр!»

«Найди Дев Хетру, Ладд. Построй их. Это война, парень. Не политика, Не игра.»

«Да, сэр.»

«Примиись с собой. Ты – Имперский комиссар, Ладд. Действуй, как он. А если Балшин прожужжит тебе уши, пошли ее ко мне.»

«Да, сэр,» крикнул Ладд, спускаясь по мокрой траве.

«Ладд?» крикнул ему вдогонку Гаунт.

«Сэр?»

«Не умирай, ладно?»

«Нет, сэр.»

Чтобы добраться до Дев Хетры 301, понадобился двухкилометровый рывок по пересеченной местности. Ладд бежал так быстро, как только мог, пробираясь сквозь болота на низменности. Он пробежал позади подтянувшегося кортежа пехоты Бинарцев, позади наспех сделанных укрытий, где они установили орудия поддержки.

Он увернулся от колонны боевых танков,двигающихся сквозь грязь к местам развёртывания.

Каким-то чудом, понял он, Гаунту с Вайтсмитом удалось сплотить линию Бинарцев. Она была сильной, и она была твердой. Люди пели боевые песни, которые последний раз гремели над полем битвы между разрушенными фабриками Фортис Бинари. Позади передовой линии Гвардии, в километре на юго-запад, позиции артиллерии посылали в воздух снаряды с поддерживаемой решительностью.

Снаряды свистели назад. Враг был ужасающе близко. Вздыхающийся пояс из дыма и огня. Мощные взрывы рвали линию Гвардии, подбрасывая в воздух тела, уничтожая танки. Кровавый Пакт был у дверей, и их штурм безжалостно врезался в ряды войск Императора.

Ладд бежал, поскользывался, и восстанавливал равновесие. Снаряд упал прямо за следующим подъемом и поднял в воздух огромный столб воды, огня и грязи. Насквозь промокнув от этого, Ладд рванул вперед. Послышался жужжащий звук, который стал громче, а затем еще громче. Волна Стервятников пролетела над головой, пятьдесят или больше машин, посылая ракеты в приближающиеся ряды врага. Длинная линия огня, от перекрывающихся взрывов, затрещала вдоль цели. Стервятники полетели назад. Прилетела вторая волна, еще пятьдесят машин или около того. Ладд мог слышать, как их ракетные установки громяхают, как барабаны, а их автопушки долбят, как точильные камни. Менее, чем в полукилометре, он увидел, как АТ70 Кровавого Пакта развалился, превратившись в дым и куски металла.

Лазерный огонь от приближающегося врага начал доставать до Имперских рядов.

Ладд добрался до возвышения над позицией Дев Хетры. Что-то ударило в землю позади него, и весь мир превратился в огонь.

Гаунт достал свой силовой меч и зажег его. В правой руке он сжимал один из своих болт-пистолетов. Небо уже было черным, как угольная звезда, и густой дым поднимался к нему. По всей линии рядом с ним, офицеры Фортис Бинарцев свистели в свистки и отдавали приказы.

Гаунт мог слышать бормочущие молитвы и испуганные стоны, адресованные матерям и любимым.

Снаряды вопили. Взрывы рвали воздух и сотрясали землю.

«Люди Фортис Бинари, будьте твердыми!» прокричал он.

Это было бессмысленно. Они не могли его слышать.

Первые АТ70 Кровавого Пакта показались в зоне видимости. Гаунт мог расслышать характерный свист от выстрела их главных орудий. Он увидел фигуры в темно-красной боевой форме, массой наступавшие вместе с танками, бегущие сквозь дым к возвышению, где Имперцы решили встретить их. Он видел черные гротескные маски, как лица, замерзшие в агонии, блеск штыков.

«Вперед, в атаку!» крикнул он. В ответ прозвучали свистки. Молодые, неопытные солдаты Второго Фортис Бинарского вышли вперед, чтобы встретить сокрушающий наплыв Кровавого Пакта.

Гаунт перепрыгнул край наспех выкопанной траншей и встретил врага. Бинарские солдаты по обе стороны от него согнулись и умерли от внезапного потока огня.

Клинок Гаунта начисто снес голову первому солдату Кровавого Пакта, который добрался до него. Второй и третий пали жертвами его громящего болт-пистолета.

Резня разрасталась. Тела сталкивались в дыму, кровь летела в воздух. Гаунт выстрелил из болт-пистолета в упор, прямо в грудь наступающего солдата Кровавого Пакта. Он перепрыгнул через упавшее тело и снова выстрелил, сбив еще одного врага из войска архиврага на спину. Фигуры наступали вокруг него: Бинарские парни, кричащие, стреляющие, делающие выпады своими штыками.

«За Трон!» заорал Гаунт. Две винтовочные пули пролетели сквозь его плащ. Гаунт резко развернулся и пристрелил солдата Пакта слева от него, швырнув его в воздух кучкой конечностей. Земля склона была предательской. Он обнаружил, что скользит в толпу вражеских солдат, которые пытались взобраться по грязи. Гаунт махал налево и направо силовым мечом, отрезав руку у плеча одного солдата и разрезав горло другому. Третий упал в грязь в безумной попытке избежать меча.

Офицер Кровавого Пакта, рывая приказы и проклятия, с трудом пошел вверх и атаковал Гаунта вопящим цепным мечом. Гаунт отбил первый удар силовым мечом, а затем отступил, отбивая в сторону безумные рубящие удары.

«Ублюдок!» крикнул он, вложив силу руки в поперечный удар, который перехватил цепной меч на полпути вниз и погнул его. Когда вражеский офицер попытался защититься сломанным оружием, Гаунт повторил удар, и кончик его клинка нашел боковую сторону лица война. Офицер отпрянул и упал, кровь полилась с его головы, его серебряная гротескная маска повисла на одной стороне.

Гвардеец в наступающей шеренге упал и растянулся, когда лазерные заряды пролетели над грязью и попали в него. Снаряды рвались в сильным, сосущим ревом. Взрывы взлетали, как гейзеры над ядовитым болотом.

Гаунт быстро пошел дальше. Он вонзил свой клинок в шлем солдата Кровавого Пакта, вырвал его, и пристрелил другого, который пробирался вперед со штыком наперевес. Пуля скользнула по его правому плечу и на секунду сбила его с ног.

Сильные руки схватили его. Гаунт посмотрел вверх и обнаружил, что Эзра Ночь поднимает его на ноги. Партизан покрыл свое лицо воудом, ритуальным символом, что он собирается начать войну.

«Я сказал тебе оставаться позади!» прокричал Гаунт сквозь грохот. Эзра приложил руку к уху, как будто чтобы показать, что не слышит. Нихтгейнец повернулся и прицелился из рейнбоу. Электромагнитное оружие выплюнуло стрелу, которая свалила вражеского солдата поблизости. Эзра залез в сумку и зарядил еще одну стрелу, опустив ее в трубку рейнбоу. Оружие партизан стреляло железными стрелами с такой силой, что они могли легко убить человека, если попадали куда надо, но тот факт, что на их кончиках был мощный Антильский яд, означало, что даже царапина была смертельной.

Эзра снова выстрелил. Тот слабый звук, который производил рейнбоу, полностью терялся в реве битвы.

Еще один солдат Кровавого Пакта упал, железная стрела торчала из щели для глаз.

Гаунт поднял упавший меч и продолжил продвижение. Почти сразу же, он потерял контакт с Эзрой, когда вокруг закружился дым. Впереди были столк-танки, быстро продвигающиеся сквозь мерзкий воздух, поливая лазерным огнем со своих турелей. Гаунт увидел, как один из них взорвался, когда в него попала ракета. Вспышка была такой яркой, что оставила остаточное изображение на его сетчатке.

Еще одна волна отвратительных фигур появилась из адского дыма. С кровью, бегущей из раны на плече, Гаунт подстегивал Бинарских пехотинцев наступать на них. Тела сталкивались вдоль траншеи, ударяя и делая выпады.

Гаунт вырвался, тяжело дыша. Он убрал пистолет с пустой обоймой в кобуру и вытащил его близнеца.

Он огляделся в поисках следующего врага, которого нужно убить. Неподалеку, три танка, Завоевателя, пробирались, разбрызгивая грязь, вперед. Вспомогательное оружие на танках стрекотало, выбрасывая бриллиантовые языки горящего газа. Несколько дюжин вражеских солдат отступали перед приближающимися танками.

Лучи света пронзили стену дыма перед ними. Гаунт увидел, как один из танков просто испарился перед ним.

Выпуская пар, расчищая дорогу для продвижения архиврага, прибыли «спотыкатели».

ДВАДЦАТЬ

10.29, 197.776.M41

Третий Отсек

Спаршад Монс, Анкреон Секстус

Когда он был мальчиком, Нахуму Ладду особенно нравились фрески на потолке часовни схолы. Он любил все картины войны и изучал старые книги и военные тексты, но фрески были особенными. Куполообразный потолок был широким,

облачно-голубым, имитация неба, на котором Имперские ангелы войны летели на золотых крыльях с поднятыми мечами. Вместе с ними, запечатленные в старом, слегка примитивном стиле старой настенной живописи, были штурмовики и истребители, воздушное войско, лучезарное и могущественное.

Он открыл глаза, и на секунду подумал, что он все еще мальчик, все еще в старой часовне. И крыша над ним, с увеличивающимся белым облаком, полным штурмовиков и ангелов.

Его слух вернулся, как удар молота. Ладд быстро сел. Он лежал на спине в грязной траве. Взрыв сбил его с ног, теперь он это вспомнил. Он замерз, но, казалось, что нет заметных признаков травм.

Ладд огляделся. Над головой пролетали Стервятники, на низкой высоте и высматривая наземные цели. К востоку, ужас битвы растянулся напротив ползущего черного облака. Это была суматоха. Ладду понадобилось время, чтобы осознать ее размах, ослепительные вспышки и взрывы снарядов, вонь грязи и фуцелина, дрожащие ударные волны избыточного давления.

Отдельные фигуры были почти слишком маленькими, чтобы заметить их, но он видел темные, искрящиеся глыбы, которые, очевидно, были стреляющими танками, когда они с грохотом посылали снаряды в долину. Он видел яркое дыхание огнеметов, яростный шторм огня автолазеров в небе, взрывы экстраординарной мощности.

В самом разгаре боя, он смог разглядеть баннеры и боевые знамена, развевающиеся высоко, высмеивающие святость Императора и чистоту человека. Он видел ракеты, летящие, как искры от костра.

Костер. Вот как это выглядело: гигантский, ослепительный костер, заполнивший весь отсек, потрескивающий искрами и углями, хлещущий языками желтого пламени, душащий небо на востоке громадой угольного дыма.

Он осознал, что это, в конце концов, было тем самым. Это была война. Он желал ее, тренировался для нее, готовился к ней, и тяжело работал, чтобы получить место в рядах Империи, чтобы заниматься ей.

Это, до смешного, было тем, что он искал всю свою жизнь. Это безумие, этот хаос, эту катастрофу.

У этого не было смысла или формы, ни структуры или значения. Это был просто вихрь ран и повреждений, разрушительный водоворот, пронизанный огнем и кровью, и рвущимся металлом. Это было так, как будто Ладда посвятили в какую-то огромную, приватную шутку. Люди тренировались для войны, репетировали, оттачивали навыки, торжественно изучали военные доктрины, как будто война была чем-то, что можно было изучить, что можно было контролировать, и чем можно было управлять, как официальным банкетом или большими деревенскими танцами. Но вот здесь была голая правда обо всем этом. Все теории битвы мгновенно исчезали в горниле настоящей войны.

Какими дураками казались лорды генералы, составляющие планы на командных пунктах и в своих апартаментах, выдумывающие принципы и схемы битв. Они бы с таким же успехом могли попытаться обуздать и управлять сверхновой.

Ладд почти позабыл, почему он бежал на север, или что Гаунт просил его сделать. Конечно, чем он сейчас может помочь? Безумие войны подпитывало само себя, добавляя огонь в огонь. Оно просто *было*, и ни один человек не смог бы изменить это.

Ладд задумался, где был Гаунт. Он попытался связаться по микробусине, но там не было ничего, кроме шипящих помех. Гаунт должен был быть где-то там внизу, в челюстях зверя.

И возможно, он уже мертв. Смог бы какой-нибудь человек выжить в том ужасе?

Он задумался, куда идти, что делать. Танки Бинарцев и группы пехоты продвигались мимо него на фланги хребта. Он мог видеть, где передовые части вступают в битву, двигаясь вперед в свирепый орудийный огонь. Снаряды падали в болота, и дождем разбрызгивали воду из длинных, широких озер.

На дальней стороне хребта лежали позиции Дев Хетры. Две сотни единиц, большинство из которых Гидры и мультिलाзерные мобильные установки, вместе с несколькими массивными осадными танками Громовержец и тяжелыми платформами Василиск. С их позиций стреляли очень мало.

Ладд начал спускаться вниз по склону к позициям легкой поддержки. Послышался внезапный взрыв над головой, как будто, в конце концов, треснул небесный свод. Ладд посмотрел вверх, и увидел в беспомощном страхе, как штурмовик, Стервятник, падает с неба, оставляя за собой охряной дым. Подфюзеляжные узлы отвалились, когда он падал. Он упал поблизости от главной позиции, и переворачивался снова и снова, разваливаясь на части и извергая огонь.

Ладд повернулся и побежал к позициям Дев Хетры. Двигатели работали, а экипажи укладывали штабелями боеприпасы и силовые зарядные устройства. Машины Дев Хетры были высочайшего качества, и блестели так, как будто только что выехали с завода. Униформы, которые были на людях, были почти царскими в своем убранстве: белые с золотыми галунами, с блестящими серебряными шлемами с гребнями у офицеров, и с черными меховыми киверами у рядовых. Они выглядели, как церемониальный эскорт губернатора сектора. Ладд никогда не видел таких блистательных солдат.

«Кто здесь командует?» крикнул Ладд. Его голос охрип от дыма. Люди, величественные в своих одеждах, насмешливо смотрели на него, как будто он был каким-то замарашкой из нижнего общества, ошибочно забредший неприглашенным в их круг. «Черт возьми, я сказал, кто здесь командует?» Люди вокруг все еще не отвечали. Они продолжали награждать его тем, что словами выражалось, как презрение. Нет, подумал он, они просто потрясены, напуганы. Именно так. Несмотря на их пышные наряды, солдаты здесь, все молодые, все, без сомнения, свежие новобранцы, были просто слишком шокированы спектаклем, чтобы сформулировать какой-нибудь вразумительный ответ. Ладд знал это ощущение. Он тяжело сглотнул, пытаясь немного прочистить горло и вложить немного власти в свои слова.

«Кто командует?»

Вперед вышел сержант. На нем был голубой кушак и у него была серебряная силовая сабля. Он резко кивнул.

«Кто, могу я спросить, спрашивает?»

«Ладд. Комиссар Ладд.»

«У вас нет головного убора, сэр?» спросил человек.

Ладд осознал, что его фуражка где-то упала, возможно, тогда, когда он упал. Он попытался пригладить волосы назад, и почувствовал, что они покрыты грязью. Его плащ был порван и покрыт высыхающей грязью. Он понял, что его первое предположение было правильным. Высокомерные Дев Хетраханцы решили игнорировать его из-за его растрепанного вида.

«Нет, у меня нет головного убора! А, так же, у меня нет большого терпения! Приведите мне старшего офицера! Сейчас же, будьте любезны!»

Сержант снова кивнул, и повел Ладда к орудийной платформе к очень молодому офицеру, капитану, который работал с вокс-передатчиком. Сержант обменялся несколькими тихими словами с капитаном. Капитан положил трубку вокса, и повернулся к Ладду. Его белая униформа была отделана спереди золотой тесьмой, а его высокая фуражка была роскошно отделана серебром и, еще раз, тесьмой. На плече у него была мантия из черного меха, закрепленная золотой пряжкой.

«Вы действительно комиссар?» спросил он. Он был красивым, не от мира сего, высокорожденным, его слегка косые глаза смотрели с неодобрением.

«Я упал,» сказал Ладд.

Капитан осмотрел Ладда сверху донизу. «Упали? Как печально.»

«С кем я разговариваю?» спросил Ладд.

«Капитан Сир Балтус Вайдер Кронн.» Молодой человек очень мягко говорил, а его акцент выдавал отличную родословную. Ладд вспомнил свой брифинг. Хетраханцы прибыли с высокоструктурированного мира, управляемого аристократической элитой. Они назначали офицеров по рождению и родословной.

«Почему вы не наступаете, Кронн?» спросил Ладд.

«Я бы предпочел, если бы вы использовали мое полное имя, когда обращаетесь ко мне,» сказал капитан и начал отворачиваться.

«Я бы предпочел, чтобы вы ответили на мой чертов вопрос, Кронн,» сказал Ладд. «Почему подразделение не наступает?»

По выражению лица Кронна, Ладд мог бы с таким же успехом ударить его. «Прямо сейчас,» сказал Кронн, «было решено неуместным нам наступать.»

«Серьезно? Кем?»

«Моим командиром, Полковником Сиром Сазманом Вайдером Урфанусом.»

«Ладно, тогда мне лучше поговорить с ним.»

«Его нет. Он уже покинул поле битвы. Меня оставили за главного, чтобы отвести боевые машины.»

«Его нет? Ваш старший офицер оставил вас здесь?»

Кронн поднял брови. «Конечно. Здесь опасно. Сир Вайдер Урфанус высокородный человек, первый кузен самого Хзеппара Коридского. Его безопасность первостепенна.» Ладд начал смеяться. Он не мог остановиться. Чистое безумие всего этого поглотило его. Позади него высвободилась аморальная, элементарная ярость войны, бросающая вызов осмыслению и логике. Перед ним, стоял человек, ограниченный традициями и родословной, который собирался сегодня уходить, как будто их вечеринку в саду залило дождем.

«Мне не нравится, как вы смеетесь,» сказал Кронн. «Это нецивилизованно.»

«В данный момент мне вообще ничего не нравится,» ответил Ладд. «Слушайте, вам отдали приказы.»

«Коммуникационная система не работает,» сказал Кронн, делая жест в сторону вокса.

«Вам послали приказы. Посыльным. Приказы от командира Фортис Бинарцев.»

«Приказы были спутанными, а посыльный отказался обратиться к Сиру Вайдеру Урфанусу с должной формальностью. Сир Вайдер Урфанус будет уважать приказы, отданные ему только маршалом.»

«Слушайте меня внимательно, *капитан сир,*» сказал Ладд. «Если он выживет сегодня, Сир Вайдер Урфанус обнаружит, что у него большие проблемы с

Комиссариатом. Это будет потому, что он не подчинился приказам. И, скорее всего, его расстреляют без суда.»

«Продолжите намереваться отступить сейчас, и вас... и всех ваших коллег-офицеров... постигнет та же постыдная судьба. Если это не подходит, то заталкивайте свои задницы в машины и начинайте делать то, что должны делать.»

Кронн начал говорить, с негодованием на лице.

«Вы грубиян,» заявил Кронн. Он расстегнул пуговицы на своей кожаной перчатке и ударил ей по лицу Ладда. Затем он бросил ее на траву.

«Вы чрезвычайно оскорбили мою честь, честь моего сира, и честь Хетрахана. Я буду рад разрешить этот вопрос в бою за достоинство, когда вам будет удобно.»

«Вы...» Ладд задумался, пытаясь сообразить. «Вы только что вызвали меня на дуэль?» спросил он, потирая лицо.

«Вы такой невежда, что не знаете обычных манер? Конечно, вызвал. Согласно Кодексу Дуэлло, мы будем--»

Ладд ударил Кронна по лицу и сломал ему нос. Молодой капитан отшатнулся на несколько шагов и упал возле траков орудийной платформы.

«Дуэль окончена,» сказал Ладд. «Вы сказали, когда мне будет удобно. Для меня это было самое подходящее время. А сейчас, встаньте, черт возьми!»

Кронн посмотрел на Ладда. В его глазах были слезы, но это, возможно, от боли.

«Во имя Трона!» крикнул Ладд. «Какой путь вы проделали, чтобы добраться сюда Кронн? Сколько чертовых световых лет вы пролетели? Ваши боевые машины новые и блестящие, ваша униформа чистая и выглаженная. Что это, золотые пуговицы? Вы проделали весь этот путь, одели самую лучшую форму, добрались до передовой... а затем просто решили отправиться домой, даже не сделав ни единого выстрела?»

«Было решено неуместным--» выдохнул Кронн. Он замер и проглотил. Ладд осознал, что слезы были настоящие. За всем своим хвастовством, капитан был смущающе молодым, просто большой ребенок.

Кронн посмотрел на Ладда, а его голос стал тонким и жалобным. «Посмотрите туда! Посмотрите! Это просто безумие! Просто слепое безумие! Скажите мне, что вы так не думаете!»

«Нет,» соврал Ладд. Он поднял Кронна на ноги, и резко развернул в сторону катастрофической битвы. «Уйдете сейчас, и вы просто отсрочите свою смерть. Уйдете сейчас, погибнет фронт, погибнет фронт, падет город, падет город...»

Он посмотрел на Кронна. «... падет город, падет мир. Смерть и слава, Кронн. Или убьют, когда будете убегать. Что говорит твоя родословная насчет того, что должен выбрать человек?» Кронн вытер кровь с лица. Его руки тряслись. «Я боюсь,» просто сказал он.

«Как и я,» сказал Ладд. «И с нами было бы что-то не так, если бы мы не боялись. Но стоит помнить, что Империи Человечества, который живет эти тысячи лет, был выкован людьми, которые боялись, и, тем не менее, они сражали демонов.» Он отпустил Кронна, наклонился, и поднял упавшую фуражку капитана. Она была тяжелой от золотых нитей и тонко сделанных полос серебра. Он смахнул с нее пыль и отдал Кронну. «Давайте начнем сначала, Капитан Сир Вайдер Кронн.»

Кронн повернулся к людям, которые собрались поблизости. «Мы будем наступать, Сержант Жанвиер. Готовьтесь.»

«Да, капитан сир!»

«Команды, к платформам! Загрузить боеприпасы! Присоединить силовые ячейки!» Ладд последовал за Кронном к его командной машине, блестящей супер-Гидре с двумя счетверенными пушками. Стоя у машины, Кронн сделал паузу и повернулся к Ладду. «Что нам делать, комиссар?»

«Передовая немного впереди нас. Я предлагаю вам выдвинуться вперед примерно на пятьсот метров, может быть чуть больше. Мы должны запечатать эту сторону фронта. А еще более важно, нам нужно начать стрелять по позициям врага. Может

быть, у вас и немного танков, сир, но у ваших Гидр и мультилазерных орудий серьезная скорострельность. Нам нужно поддерживать непрерывный огонь вдоль того участка.» Ладд показал. «Врежем им, и, может быть, нам даже удастся разделить их передовую фалангу.»

Кронн кивнул и забрался на площадку. «Я буду благодарен вашим советам по мере продвижения,» сказал Кронн. «Как вы легко заметили, это подразделение новое в войне. Мы... новички. Мы никогда ничего такого не видели. Мы бы извлекли пользу из вашего опыта в таких вещах.» Ладд на секунду испугался. «Моего опыта?»

«Из всего, что позволяет вам оставаться таким спокойным, таким сосредоточенным. Помогите мне, пожалуйста, комиссар. Я уверен, что вы можете посочувствовать нашей ситуации. Вы должны помнить ваш первый вкус битвы.» Ладд взобрался на Гидру. «Собственно говоря, я помню,» сказал он. «Вы никогда не забудете свой первый раз.»

Спотыкатели были практически сферическими каркасами, обшитыми стальными листами, трех метров в диаметре. Дула плазменных пушек торчали из их каркасов, как шипы морского ежа. Они катались и прыгали по полю битвы, тяжелые и безжалостные, приводимые в движение каким-то видом инерционного механизма, выпуская случайные лучи разрушительной энергии.

Гаунт никогда не видел ни одного во плоти, но он слышал слишком много докладов об их разрушительном эффекте в других конфликтах. Они были похожи на убийственные игрушки, безделушки, укатившиеся из коробки с игрушками архиврага, учиняющие резню, куда бы они не подскочили.

Фаланги солдат культа следовали за продвижением спотыкателей. Культисты были одеты в тяжелобронированные черные доспехи, и размахивали огнеметами, очищая землю, разрушенную оружием-шарами. Культисты так же несли тяжелые кадильницы, держа их, как носилки. Кадильницы изрыгали тьму, черное облако, которое отмечало продвижение архиврага и создавало вихрящийся покров, который усиливал дым от огненных штормов.

«Держаться! Сформировать линию здесь!» закричал Гаунт.

Некоторые из Бинарцев повиновались. Другие побежали. Передовой спотыкатель прокатился перед линией, убивая людей своими взрывными копьями, сокрушая остальных металлическим каркасом. Гаунт видел, как люди умирают.

Слишком много людей.

Спотыкатели не были цельными. Хорошо вооруженные и тяжелобронированные, так же, как и обернутые в ржавую колючую проволоку, они, тем не менее, были каркасами. Гаунт мельком видел операторов внутри шаров, поддерживаемых в стабилизированных, поддерживаемых гироскопами кабинах, которые оставались на месте, на фоне шарообразных клеток вокруг них.

Они производили ужасный звук, когда приближались: бряцающий, грохочущий звук, перекрываемый воем и визгом изрыгающего оружия.

Гаунт повернулся, чтобы выкрикнуть еще один сплочающий клич, а луч плазмы уничтожил землю ниже него. Он упал, в грязь, в зубчатую воронку, где парили перегретые грунтовые воды.

Взрывы разразились над головой. Гаунт выбрался из воронки, вымокший в грязи. Он увидел, как спотыкатель проноситься мимо, и нагнулся, когда еще больше плазменных лучей устремились в его сторону. Линия Бинарцев отступила назад. Люди бежали. Некоторые загорелись и упали, когда случайные лучи коснулись их. Другие были разрезаны надвое, или обезглавлены, прямыми попаданиями. Прямые плазменные лучи, особенно грубые потоки спотыкателя, весьма хорошо разрезали человеческое тело. Яркий луч врезался в целый взвод убегающих людей, и их торсы оставили их ноги позади. Гаунт увидел, как сержант Фортиса пытается выбраться из рва. Луч коснулся его, яркий, как солнце, и человек распался на две стороны, разрезанный вертикально по линии позвоночника.

Гаунт поднялся, и начал бежать назад к сломленной позиции Бинарцев. Люди вокруг него убегали. Завоеватель Бинарцев прорвался вперед по канавам, и точно попал в один из спотыкателей из своей пушки. Спотыкатель заскакал назад, снова и снова, а затем начал крутиться в сторону танка. Он завизжал и выстрелил.

Броня танка порвалась, как мокрая бумага, и он загорелся.

«Держаться!» крикнул Гаунт.

«Они убивают нас!» запротестовал человек.

«Так убьем их в ответ!» закричал Гаунт.

Но как? Линия разрушилась. Все драгоценные достижения, которые они сделали в первые несколько минут битвы, исчезли. Как даже начать убивать машины, как эта?

Гаунт обнаружил, что хочет, чтобы с ним был Ларкин. По крайней мере, у сидящего снайпера были ум и способности, чтобы попасть сквозь клетку спотыкателя и убить оператора.

Но Призраков с ним больше не было, и, может быть, больше никогда не будет. Он был окружен испуганными юнцами, которые спасались бегством и позорили себя перед лицом смерти.

И он не мог винить их.

«Кто-нибудь, дайте мне гранату!» крикнул он.

Ближайший спотыкатель внезапно прекратил стрелять и остановился. Гаунт побежал к нему, на каждом шагу ожидая, что его испепелять. Он приблизился к дымящемуся шару. Даже с нескольких метров, сквозь листы и каркас, он мог видеть, что оператор был мертв, перегнувшись за край своей люльки.

Железная стрела торчала в горле оператора.

«Эзра! Эзра!» закричал Гаунт.

Появилась высокая, стройная фигура Нихтгейнца, направляющаяся к Гаунту по грязи. Он перезаряжал свой рейнбоу.

«Хват сейзи, соуле?»

«Ты это сделал?»

Эзра снова отдернул свои пальцы от рта. Нихтгейнский поцелуй забирания души.

«Сделай это снова, будь любезен.»

Может быть, у него и не было Хлэйна Ларкина, но у него были охотничьи навыки партизана Антилла.

Гаунт с Эзрой побежали к следующему спотыкателю. Он прокатился мимо них на мягкую землю болота.

Перед ним бежали люди. Несколько Бинарских солдат нашли укрытие позади нескольких опаленных булыжников.

«Ты! Как зовут?» крикнул Гаунт.

«Сержант Тинтайл, сэр. Георг Тинтайл.»

«Приятно познакомиться,» сказал Гаунт, когда подбежал к человеку. «Меня зовут Гаунт.»

«Мы все знаем, кто вы, сэр,» сказал Тинтайл.

«Я польщен. Слушай меня, сержант. Наша линия сломана, но еще не все потеряно. Я хочу, чтобы ты послал гонца к Вайтсмиту и сказал ему, что ты наступаешь.»

«Почему, сэр?»

«Потому что ты наступаешь. Спотыкатели – оружие террора. Сам посмотри, они уже прорвались сквозь наши позиции. Враг полагает, что когда такое происходит, мы ломаемся, как дураки. Докажи ему, что он ошибается. Наступай. Ударь по приближающимся ублюдкам.»

«Но спотыкатели, сэр...» начал Тинтайл.

«Оставь их мне. Сделай это для меня, пожалуйста, Тинтайл. Император защищает.»

«Да, сэр.»

«У тебя есть гранаты, Тинтайл?»

Сержант отдал свои последние две гранаты Гаунту.

«Удачи, сэр,» сказал он.

Тинтайл собрал людей и продолжил наступление. Сначала постепенно, затем более упорно. Нарушенная структура линии Бинарцев восстановилась и снова пошла вперед.

Гаунт и Эзра приблизились к следующему спотыкателю. Он продирался сквозь лиственницу и выпускал плазменные лучи в бронетехнику Бинарцев, пока, активно напрягая свои инерционные механизмы, пытался пробиться.

Эзра убил его оператора вторым выстрелом. Когда спотыкатель затих и откатился назад в грязь, Гаунт подбежал ближе и кинул одну из гранат Тинтайла в клетку.

Спотыкатель взорвался с такой силой, что Гаунт растянулся на земле. Эзра помог ему подняться и убраться от горячей сферы.

«Это второй,» сказал Гаунт, осматриваясь в поисках других орудий террора.

«Хистю,» сказал Эзра, и указал.

С севера на продвижение архиврага начал падать монументальный дождь из снарядов и лазерного огня. Фаланги воинов культа дрогнули и побежали, когда мультилазерный огонь, с запредельной скорострельностью, врезался в них. Носильщики кадильниц рухнули. Шквал выстрелов, похожий на проливной огонь, затопил правый фланг врага.

Дев Хетра выдвинулась вперед и, наконец-то, ввела свои орудийные платформы в битву.

ДВАДЦАТЬ ОДИН

15.50, 198.776.M41

Пятый Отсек

Спаршад Монс, Анкреон Секстус

Они отбивались от них целый день.

Примерно через три часа после одностороннего отражения атаки Кровавого Пакта Роуном, враг ударил снова с востока, используя кварцевый заслон Хребта 19, чтобы скрыть свое приближение. К тому времени, проконсультировавшись с ДеБрэем, Вайлдер привел всю массу Восемьдесят Первого Первого на позиции на восточном фланге в ожидании именно такого действия, оставив Колстекскому Сороковому взять на себя ответственность за Холм 56.

К этому моменту, день, казалось, стал необыкновенно плохим. Столпившийся гораздо большим числом, чем прежде, Кровавый Пакт заполонил кустарниковую местность, решительно заявив, что во-второй раз его не отвергнут. Восемьдесят Первый Первый застрял на месте, жестко обороняя двухкилометровую линию пересеченной местности из поспешно вырытых укрытий, главным образом полагаясь на орудия поддержки.

Несомненно, скоординировав усилия с Кровавым Пактом на восточном направлении, бригады бронетехники врага около Холма 56 возобновили свой штурм. Все возможности для отвода смертельно уставших Ротбергских танкистов испарились. С Хауберканскими резервами, они оказались втянутыми во все более и более дикую схватку, которая стала немного легче только после прибытия обещанных Сарпойских танков, силой, которой предполагалось заменить их на поле битвы. Еще больше пехоты Колстека быстро перебросили с пункта 36, чтобы усилить как Холм 56, так и линию Вайлдера, а цепочки Валькирий начали летать туда-сюда вдоль южной части отсека, срочно доставляя боеприпасы в обе боевые зоны.

К вечеру стало ясно, что архивраг не собирается отходить ни от одной из битв.

В течение этого длинного, утомительного дня, Вайлдер держал себя в курсе новостей со всего Монса. Из того, что он слышал, в третьем отсеке было даже хуже. Как Вайлдер, так и Фофобрис, послали запросы высшему командованию, через ДеБрэя, насчет подкреплений, но получили мало уверенности. Значительные резервы были посланы в третий отсек, где ситуация была описана, как «тяжелая». Немного погодя, даже это затормозилось. Вайлдер вслушивался в безумный и обескураживающий вокс-трафик, описывающий неразбериху в первом и втором отсеках, где колонны подкреплений затормозил спасающийся бегством личный состав третьего отсека. Здесь были так же зловещие доклады о том, что некоторые подразделения из

подкрепления сами начали отступать, слишком напуганные тем, что они слышали о том, что происходило перед ними. Некоторые из этих подразделений, на самом деле, докладывали, что «спасаются бегством». Другие, возможно более осторожные, заявляли, что «механические проблемы» и другие неудачи мешают им продвигаться.

Это была ужасная картина. Два ключевых «горячих» отсека, третий и пятый, претерпевали массовые атаки, а остальные Имперские силы крутились рядом в замешательстве, не способные или не желающие пойти на помощь любому из них.

Профессиональным опытом Вайлдера было то, что война приходит и уходит. Тихие дни, тихие месяцы могли, внезапно, нарушиться яростными вспышками вражеской активности. Он не видел ничего особенно зловещего в том, что враг выбрал этот конкретный день, что скоординировать и объединить свою защиту Спаршад Монса. По многим причинам, он ожидал, что такое случится.

Но нельзя было отрицать, насколько успешным был архивраг. Никто с уверенностью не знал, насколько было централизованным командование архиврага в мистическом сердце Монса, но в любом случае, оно организовало сокрушительную, хорошо расписанную по времени, атаку по всем направлениям. И, в результате, все системы и дисциплину хваленной Имперской Гвардии заклинило и парализовало.

В пятом отсеке сражение продолжилось после наступления ночи. Когда температура упала, яростное танковое сражение возле Холма 56 разгорелось, освещая низкий горизонт и окрашивая смутные очертания черных стен отсека игрой разноцветных вспышек. У линии Вайлдера интенсивность немного уменьшилась, но всю ночь орудия поддержки Восемьдесят Первого Первого продолжали обрушиваться на агрессивные попытки ударных команд Кровавого Пакта продвинуться вперед в темноте. Сразу после полуночи, одно подразделение почти прорвалось, но было отброшено Ротой Каллида после жестокой, сорокаминутной перестрелки над морозной кустарниковой местностью.

В темноте рыскали другие опасности. Снова появились сталкеры, как-то необъяснимо, охотясь в темноте позади Имперского фронта, как будто они каким-то образом сумели скрываться днем логовах и пещерах в южной части отсека. Два конвоя с боеприпасами были атакованы, и были потеряны люди, и Колстековцы Фофобриса на холме подверглись серии нападений хищников со спины.

Забрезжил следующий день, но солнце было всего лишь маленьким синяком света на фоне черных облаков.

Неестественно черный дым, поднимающийся над боевой зоной третьего отсека, полностью покрывал Спаршад Монс. Сюрреалистичные сумерки, которые он создавал, казались продуктом какого-то отвратительного колдовства.

Вдоль позиции Восемьдесят Первого Первого, в первые несколько холодных дневных часов, было тихо. Уровень помех в воксе вырос, а необъяснимые дневные ветры стонали над кустарниковой местностью. Затем Кровавый Пакт возобновил свою атаку на восточном фланге.

На этот раз они послали спотыкателей, чтобы разорвать линию пехоты, которая отбивала их атаки раз за разом в предыдущий день. Вайлдер был предупрежден об этих штуках посредством путанных докладов, доходящих из третьего отсека. Предполагалось, что они снесут все перед собой, как кегли, случайно и дико, и откроют путь для наземных войск.

Здесь их было три. Они спустились по откосу Хребта 19, гремя, как камушки в банке. На расстоянии они выглядели так необычно, так безобидно. Солдаты Вайлдера просто пялились на них. Стальные шары, медленно пробирающиеся по сырой, песчаной почве. Затем их шипы начали светиться, и они начали выпускать обжигающие лучи плазмы во всех направлениях, как прыгающие фейерверки.

Мужчины и женщины Восемьдесят Первого Первого, все ветераны, не отступили в панике, как поступили неопытные Бинарцы предыдущим днем в третьем отсеке. Они держали позицию. Это решение стоило им, примерно, тридцать жизней, к тому времени, как они уничтожили спотыкателей.

Самые большие потери были среди Роты L, отряда Варэйна. Не обращая внимания на колоссальный огонь, который они посылали в него, спотыкатель смял тех, кого не расчленил и не обуглил своими лучами. Капрал Чойрес, один из самых стойких солдат Варэйна, в конце концов, остановил его продвижение. Удача, по большей части, оставила Чойреса невредимым, когда шар прокатился мимо, и он метнул гранату, попавшую внутрь бронированной структуры и уничтожившую оператора.

Чойрес не выжил, чтобы отпраздновать. Один из последних, конвульсивных плазменных лучей испарил его голову.

Комиссар Харк возглавил атаку на второе оружие, намереваясь остановить его до того, как оно доберется до позиции Восемьдесят Первого Первого. Несмотря на потерю четырех солдат, достаточно упрямых, чтобы пойти с ним в зону досягаемости смертельного устройства, Харк стрелял снова и снова из своего плазменного пистолета, и ему удалось убить оператора. Неуправляемый спотыкатель резко остановился, дымясь.

Каффран, Гахин и Белладонец Геспелдер, каждый вооруженный фесовой трубой и в сопровождении беспокойных команд зарядателей, использовали четырнадцать ракет, чтобы остановить третий.

Одной из последних двух ракет удалось пробиться в тяжелобронированную сферу достаточно глубоко, чтобы задеть плазменные баки или причинить какое-то критическое повреждение оружию. Спотыкатель взорвался, как миниатюрная звезда. Гахин и Геспелдер по-дружески спорили, кому из них нужно приписать уничтожение.

Линия Восемьдесят Первого Первого взорвалась ликованием при виде кончины последнего спотыкателя, но облегчение долго не продлилось. Со стлук-танками и модифицированными орудийными платформами на переднем плане, началось основное наступление Кровавого Пакта.

Последовали три часа интенсивного сражения. Не единожды Вайлдер боялся, что их смогут захватить и уничтожить, но Харк и Новобазки, вместе с командирами отрядов, твердо держали позицию. Даже Роун, отметил Вайлдер, со смесью раздражения и удовлетворения, был на передовой, стимулируя Гвардейцев.

Прямо перед полднем, фаланга Хауберканских танков, часть резервного подразделения с пункта 36, прибыла на помощь. Серьезная дальность и эффект от их главных орудий, нарушили слаженность передовой Кровавого Пакта, и заставили их отступить.

Вайлдер был удивлен. Он никогда не думал, что будет рад увидеть Хауберканский танк.

После битвы наступило тревожное затишье. Осторожно посматривая на хребет, Восемьдесят Первый Первый использовал выгоду от чар тишины, чтобы поест пайки, обслужить оружие, и даже выхватить несколько быстрых минут сна. Хотя уже было далеко за середину дня, условия не улучшились. День все еще был слабоосвещенным и гнетущим, воздух злым и холодным, а земля твердой, как свинец. Закутанные в камуфляжные накидки и спальные мешки, солдаты кучками сидели рядом с булыжниками или гнездились на клочках жесткой травы. Некоторые просто сидели, смотря на кустарниковую местность, где сотни трупов и остовы боевых машин лежали на всем пути к острому кварцу Хребта 19.

Хауберканские танки заняли позицию на левом фланге позиции Восемьдесят Первого Первого, и Вайлдер пошел наладить связь с экипажами, оставив Баскевиля присматривать за распределением боеприпасов с пары Валькирий, которые только что прибыли с пункта 36.

«Я думаю, что нам надо выходить сейчас, пока все еще тихо,» сказал Мколл. «Если мы уйдем позже, стемнеет.»

Роун кивнул. Они нашли место, чтобы поговорить вдали от остальных, позади нескольких сломанных деревьев лайма, примерно в тридцати метрах от узких траншей Роты Е. Крийд, Варл, Фейгор и Ларкин были с ними.

«Хорошо. Все берите то, что нужно и собираемся позади тех камней через пятнадцать минут,» сказал Роун. «Мы--»

Внезапно Варл сделал резкий, как бы перерезающий горло, жест пальцем и Роун замолчал. Приближались Гол Колеа и Бан Даур.

«Все в порядке?» спросил Колеа.

«Отлично,» сказал Роун.

«Просто передышка,» сказал Варл.

Колеа бросил взгляд на Даура. «Видишь? Они просто отдыхают. Я говорил тебе, что ничего сомнительного не происходит.»

«Ты прав,» сказал Даур, прислонившись к стволу лайма и сложив руки.

«И ты сказал, что они выглядят заговорщически,» сказал Колеа Дауру.

«Ага. Я говорил это.»

Колеа посмотрел на Роуна. «Тут же ничего заговорщического не происходит, так ведь?» Роун ничего не сказал. Вместо этого Колеа посмотрел на Мколла. «Так ведь, шеф? Просто группа товарищей, бродят, отдыхают. Я не должен ничего прочесть в том факте, что вы все потерянные души, которые отправились на Гереон?»

Мколл выдержал взгляд Колеа без какого-либо признака дискомфорта. «Здесь ничего не происходит, Колеа,» сказал он.

Колеа поджал губы и посмотрел на секунду в небо, как будто смотря на бег черных облаков. «Меня слегка допекли,» протянул он. «За то, что встал на твою сторону вчера, Роун. Вайлдер был весьма гаково зол на то, что мы увели С и Е с передовой без его приказа, даже хотя оказалось, что у нас хорошая причина. Так или иначе, я не виню его. Если бы я был Вайлдером, я был бы чертовски зол. Это хорошее подразделение, и по большей части из-за его тяжелой работы собрать его вместе.»

«Заметил,» сказал Роун. «Почему ты мне это говоришь?»

«Потому что я бы не хотел, чтобы это снова повторилось,» ответил Колеа. «Это замечательно, что вы все вернулись к нам, но если вы отказываетесь обосноваться, это может создать проблемы. Например, если вы гоняетесь за секретами. Это будет вызывать разногласия. Как Вайлдер будет поддерживать авторитет, если вы совершенно отказываетесь работать с ним? Восемьдесят Первый Первый будет страдать. И все и всё, что было Танитским Первым, тоже будет страдать.»

«Я это понимаю,» сказал Роун. «Но есть просто кое-какие вещи...»

«Например?» спросил Даур.

Роун глубоко вдохнул перед тем, как ответить. «Некоторые вещи, которые не влезают в ваши хорошие, упорядоченные коробки. Внутренние инстинкты. Чувства. Мне не нравится этот Вайлдер. И у меня искренне нет желания нанести ущерб этому подразделению. Но есть кое-какие вещи.»

«Они важные?» спросил Даур.

«Фес, я полагаю, что так,» ответил Роун.

«Ну так введите Вайлдера в курс дела. Приведите его на свою сторону вместо того, чтобы красться за его спиной, злить его и подрывать его командование.»

«Вайлдер не--»

«Откуда ты знаешь, что Вайлдер будет делать, а чего не будет, Элим?» спросил Колеа. «Ты его спрашивал? Ты давал ему шанс? Бан прав, Вайлдер хороший человек, и когда мы, Призраки, думали, что ты, Мколл и Гаунт, все были мертвы и ушли, мы считали себя счастливыми заполучить его в качестве командира. Я сказал – иди и поговори с ним.»

Роун посмотрел на остальных. Никто из них не высказался.

«Гереон действительно запутал тебя, так ведь?» мягко сказал Колеа. «Я думаю, что вы все стали такими полагающимися только на себя, что забыли, как доверять кому-то еще.»

«Ты не знаешь, на что это было похоже,» прорычал Фейгор.

«Нет, не знаю. Вы, ублюдки, все еще не хотите мне рассказать. Но я думаю, что задел за живое, так ведь? Ты забыли, как доверять.»

«Мы доверяем друг другу,» сказал Роун. «И мы доверяем Гаунту.»

«Это связано с Гаунтом?» спросил Даур.

«Возможно,» сказал Роун.

«Кому вы верны?» потребовал Колеа. «Этому полку или Гаунту? Потому что если ответ – Гаунт, это никогда не сработает.»

«Вы помните его последний приказ?» спросила Крийд. Все посмотрели на нее. Подул ветер и поднял ее длинные волосы от лица, и все увидели уродливый шрам на ее левой щеке, рану от клинка, которые она прятала за отросшими волосами.

«Его последний приказ Танитскому Первому,» повторила она. «Перед тем, как мы отправились на Гереон, Гаунт сказал Призракам, что если он не вернется назад, они должны служить тому, кто займет его место, так же преданно, как они служили ему.»

Мы должны рассказать Вайлдеру, Роун. Как солдаты Империи, мы обязаны, потому что это то, что приказал нам Гаунт.»

«Хорошие новости,» сказал Баскевиль Вайлдеру и Новобазки. «Мы только что получили сигнал с 36. Мы должны ожидать серьезное подкрепление к завтрашнему рассвету. Вон Войтц направил все резервы Осколочных Равнин на передовую.»

«Все?» сказал Вайлдер.

«Полностью,» подтвердил Баскевиль. «Я полагаю, что он устал от этого места так же, как и мы.»

«Не оборачивайтесь,» сказал Новобазки. Роун, Мколл и Колеа шли к ним.

«Отлично,» сказал Вайлдер. «Далеко не уходите, оба. Я видел и более дружелюбно выглядящих мятежников.» Он сделал несколько шагов вперед, и Колеа с Мколлом поотстали немного, так что Роун встал лицом к лицу с Вайлдером.

«Майор?»

«Полковник. Я думаю, что для нас есть хороший повод начать все с начала.»

«Серьезно?» Вайлдер поднял брови.

«Ситуация трудная, и возвращение в этот полк команды с Гереона, в особенности меня и Сержанта Мколла, должно быть расшатывает лояльность.»

«Можно и так сказать.»

«Мои вчерашние действия мало чем смогли помочь.»

Это заставило Вайлдера улыбнуться. «Ладно, Роун. И не думай, что я не оценил этих твоих усилий, но у меня чувство, что есть что-то еще.»

«Вы правы. Есть кое-что, что нужно сделать. Я как раз собирался уйти и сделать это, но Майор Колеа побеспокоился напомнить мне, что я офицер Имперской Гвардии, и у меня обязан прояснить ситуацию моему командиру.»

«Бонусные очки Майору Колеа,» сказал Вайлдер. «Ладно, валяй. Что за дело?»

«Скоро стемнеет,» сказал Роун. «После событий прошлой ночи, мы должны сформировать защитный периметр в тылу, чтобы предотвратить любую проблему со сталкерами.»

«Согласен. Абсолютно. Видишь, это было не очень сложно, так ведь, Роун?» сказал Вайлдер. Он сделал паузу и посмотрел на лицо Колеа. «Есть еще, так ведь?» Колеа кивнул.

«Сэр,» сказал Роун. «Я бы хотел извлечь выгоду из текущего затишья не только для того, чтобы установить периметр, но, так же, попытаться выследить этих сталкеров.»

«Выследить их?»

«Мколл совершенно уверен, что сможет сделать это.»

«Выследить их?» повторил Вайлдер.

«Выяснить, откуда они приходят,» сказал Мколл.

«Ты имеешь в виду норы, берлоги или что-то такое?»

«Или что-то такое,» согласился Мколл.

«Почему?» спросил Вайлдер.

«Эта часть вам не понравится,» сказал Колеа.

«А мы еще до нее не добрались?» спросил Вайлдер.

«Я получил сообщение от Гаунта,» сказал Роун.

Вайлдер сделал невольный шаг назад и косо посмотрел на Новобазки и Баскевиля.

«Вы знаете это чувство?» спросил он их. «Когда вы выяснили, что ваша девчонка все еще пишет письма своему бывшему любовнику?»

Баскевиль захихикал.

Вайлдер снова посмотрел на Роуна. «Роун. Роун, я бы не смог почувствовать себя более подорванным, если бы ты... если бы у тебя была чертова мина и... и ты бы посадил меня на нее.»

«Это, возможно, лучше прозвучало в вашей голове, так ведь?» сказал Роун.

«Да,» сказал Вайлдер. «На самом деле, намного, намного лучше.»

«Послушайте меня, Вайлдер,» сказал Роун. «Как все – включая высшее командование, Комиссариат, Инквизицию, и наших старых товарищей в Танитском Первом – быстро определили, команда, которая отправилась на Гереон, вернулась другой. Вы не провели столько времени на удерживаемом Хаосом мире, и он на вас не повлиял. Он изменил способы, которыми мы сражаемся. Он изменил то, как мы живем и думаем, как мы доверяем. Все эти изменения силой перестроили нас из-за единственной необходимости выжить. Гереон оставил на нас свой знак.»

«Как заразу?» спросил Новобазки. Он только наполовину шутил.

«Да,» сказал Роун. «Но не в том смысле, какой ты имеешь в виду. Чтобы остаться в живых мы развили... интуицию. Инстинкт. Как ты это называешь, Мколл?»

«Чувствительность,» сказал Мколл.

«Да, чувствительность. Маленькое подозрение, которое стучало в колокола, когда было что-то не так. Когда губительные силы проделывали трюки или собирались ударить. У меня сейчас есть это подозрение. Как и у Гаунта. У нас оно есть с тех пор, как мы впервые ступили в это место.»

«И что это значит?» спросил Вайлдер.

«Мы не думаем, что Спаршад Монс то, чем кажется. Это не просто старые руины с архиврагом, прячущимся внутри. Происходит что-то еще. Подумай о сталкерах. Откуда, во имя феса, они продолжают приходить по ночам?»

«Я не знаю,» сказал Вайлдер.

«Никто не знает. Гаунт предложил, что пора кому-то это сделать. Он связался со мной, потому что подумал, что эта работа идеально подходит Танитским разведчикам, особенно Мколлу и Бонину. Если они не смогут выследить этих тварей до источника, никто не сможет.»

«И что он предполагает, вы обнаружите?» спросил Баскевиль.

«Будем надеяться, что норы и берлоги,» сказал Мколл. «Может быть, ходы. Естественные укрытия, которые еще никто не обнаружил.»

«Но твое подозрение говорит тебе...» начал Вайлдер.

«Что они приходят другим путем. Что это место не то, чем кажется.»

«Если это правда,» сказал Новобазки, «это сможет изменить все.»

«Ладно, вы меня убедили,» сказал Вайлдер. «Я не счастлив, но вы меня убедили. Собери отряд, Роун. Хотя, не только из выживших с Гереона. Включи Новобазки и, по меньшей мере, пару Белладонских разведчиков.»

«Да, сэр.»

«И продолжай советоваться со мной.»

«Да, сэр.» Роун отдал честь и ушел. Вайлдер повернулся к Баскевилю и Новобазки.

«Это было правильно, так ведь?» спросил он.

Баскевиль кивнул. «Если в этом есть хоть клочок правды,» сказал Новобазки, «это важно.»

«А если нет, по крайней мере это уберет Роуна с глаз долой на несколько часов.» Вайлдер ухмыльнулся. «Кто знает, может быть нам повезет. Что-нибудь может съесть Роуна.»

Охотничий отряд покинул позицию Восемьдесят Первого Первого через полчаса, и направился на юг в широкую кустарниковую местность центра отсека. Роун взял Мколла с Бониным, Варла, Крийд и Белтайна, а выбор Белладонцев оставил Комиссару Новобазки. Новобазки выбрал Ферди Колосима, Веса Маггса и двух разведчиков, которых Роун не встречал, по имени Кортенхус и Виллярд.

Они прошли на юг по широкому кругу, через заросли утесника и колючий кустарник, и вдоль кремневых полей и пепельно-бледной почвы. Три раза за первый час, Мколл сообщал, что засек след, но каждый был, по меньшей мере, двух или трехдневный, по его мнению, и слишком неясный, чтобы иметь с ним дело.

«Я ничего не виже,» каждый рах жаловался Маггс.

«Почему я не удивлен?» бормотал Бонин.

Мколл вел их через пояс мертвых деревьев: не имеющих листьев, высохших, выбеленных стихией, цепляющихся за небо скрюченными ветвями. Массивные валуны появлялись между деревьями каждые несколько дюжин метров, покрытые мхом блоки деформированного гранита, которые выглядели так, как будто упали со стен отсека поколения назад. Мколл с Бониным изучали каждый.

«Что интересного в камнях?» спросил Новобазки Роуна.

«Гаунт сказал мне, что выследил сталкера в третьем отсеке, и его след привел к основанию большого камня.»

«Он выследил одного?» с сомнением спросил комиссар.

«На самом деле, слежку осуществил Эзра Ночь, партизан Гереона, который, так сказать, прикрепил себя к Гаунту. Великолепный охотник, знаете ли. Совершенно блестящий.»

«Если этот Ночь так хорош,» сказал Новобазки, «почему Гаунт попросил нас это делать?»

«Гаунт хочет, чтобы мы подтвердили его теорию четкими доказательствами,» сказал Роун. «Если бы вы были высшим командованием, Новобазки, кому бы вы поверили? Утверждениям первобытного охотника, или засвидетельствованным находкам разведывательной экспедиции Имперской Гвардии?»

«Очко,» сказал Новобазки.

«Здесь что-то есть!» позвал Мколл.

Они поспешили у нему. Крийд, Варл и Белладонцы сформировали периметр.

«Становится темно!» крикнул Варл, подняв оружие.

«Я знаю,» ответил Роун. Мколл присел рядом с большим валуном.

«Здесь след,» сказал Мколл. «Весьма свежий. Кажется, он уходит прямо под камень.»

«Как это может быть?» спросил Колосим.

Маггс нагнулся рядом с Мколлом. «Теперь я вижу. Трон, Мколл, у тебя хорошие глаза. Нет сомнений, след уходит под этот камень.»

«Здесь еще один!» позвал Бонин.

Основная группа пошла туда, где он стоял на коленях на клочке травы. Солдаты на часах пошли с ними, подготовив винтовки.

«Серьезно, уже темнеет!» позвал Варл.

«Я знаю,» сказал Роун.

«Просто говорю,» сказал Варл.

«Свежий. Ведет в ту сторону,» сказал Бонин, изучая след. «Может быть, прошлой ночью или рано этим утром.»

Мколл кивнул. «Сюда.»

«Погодите,» сказал Колосим. Его голос звучал забавно из-за опухлости вокруг его разорванной губы. «Я думал, Бонин сказал, что он ведет в ту сторону?»

«Так и есть,» сказал Бонин.

«Значит... почему бы нам не пойти в противоположную?»

«Потому что мы не хотим знать, куда он ведет, Ферди,» сказал Маггс. «Мы хотим знать, откуда.»

«Скажу, что вам нравится в Маггсе,» сказал Бонин Мколлу, «он быстро учится.»

«Да,» согласился Мколл. «В самом деле, быстро.»

Внезапно Крийд подняла руку. Отряд замер. Не так далеко, сквозь мертвые деревья, зазвучал ухающий рев.

«Ох, чрезвычайно совсем не хорошо,» сказал Варл.

«Автоматический,» сказал Роун. «Снять предохранители.»

«Не обращайтесь внимания,» сказал Новобазки. Он вытащил пистолет из-под плаща. Тяжелый, матово-черный и уродливый, это был, без сомнения, плазменный пистолет. «Харк одолжил его мне. Подумал, что нам может понадобиться дополнительная мощь.»

«Я всегда любил Комиссара Харка,» сказал Варл. Белтайн оскалился.

Крийд подала сигнал. *Что-то движается, тридцать метров.*

Мколл кивнул, и просигнализировал отряду в любом случае выдвигаться. Крийд и Варл шли в хвосте, спиной вперед, целясь винтовками в собирающуюся темноту.

След привел еще к одному участку. В центра лежал еще один большой камень, трехтонный овал, блестя лаком из глянцево-зеленого лишайника.

«Не подходите,» сказал Мколл. Отряд остановился на краю участка.

«Что такое?» спросил Новобазки.

«Чувствуете это?» спросил Мколл.

Бонин с Белтайном кивнули. «Я уверен, как фес,» сказал Роун. «Слабое, но он есть. Тонкое жужжание.»

«Как глюф,» сказал Белтайн.

«Точно,» сказал Роун. «Звук в точности такой, какой производит глюф.»

«Что такое глифф?» спросил Кортенхус.

«Ты не захочешь знать,» сказал Бонин.

«Черт возьми, от него у меня мурашки по коже,» сказал Роун.

«От него у меня чешется язык,» сказал Варл.

«Я ничего не чувствую,» сказал Новобазки. «Кроме... кроме чувства тревоги. Это только я?» Роун покачал головой.

«Не в первый раз я слышу это на Анкреон Секстусе,» сказал Мколл. «Прошлый раз ты слышал его, Маггс. Вы тоже, Майор Колосим.»

«Это жужжание?» ответил Колосим. «Оно было оглушительным.»

«Сейчас он гораздо более тихий, но это то же самое,» сказал Бонин.

«Ох, дерьмо,» сказал Виллярд. «Смотрите!»

Белладонский разведчик указывал на камень. С ним происходило что-то *неправильное*. Он искажался: изгибался и скручивался, как будто был видим сквозь рябь от марева. Жужжание усилилось, пока все его не смогли услышать.

Прозвучал звук, как будто порвалась ткань, раздался внезапный хлопок изменения давления, как будто открылся шлюз, и безжизненные деревья вокруг них задрожали от дыхания холодного ветра.

Камня больше не было. Занявшей его точные размеры и форму была дверь. Врата.

Простая, невозможная дыра в ткани мира.

Дыра мерцала. Туман, морозно-белый, медленно плыл из ее темноты, разверзшейся бездны. Реальность каким-то образом изогнулась, чтобы позволить этой дыре быть.

«Вот и ответ на вопрос Гаунта,» сказал Бонин.

«Я не понимаю, что я вижу,» пробормотал Новобазки.

«То, что вы видите, это очень плохая вещь, комиссар,» прошептал Мколл.

«Ненавижу поправлять вас, шеф,» начал Варл.

Сталкер, трижды-кованый, восемьсот килограмм весом, появился из дыры, как будто соскользнув с поверхности зеркала. Он брел вперед на суставах, со сгорбленными и свободно перекатывающимися плечами.

Он понюхал воздух.

«Ага,» сказал Варл. «Видите, вот *теперь* это очень плохая вещь.»

ДВАДЦАТЬ ДВА

18.01, 198.776.M41

Пятый Отсек

Спаршад Монс, Анкреон Секстус

«Новобазки!» закричал Роун.

«Что?» заикаясь, произнес комиссар.

«Новобазки! Оружие!»

Генадей Новобазки, совершенно лишенный самообладания от своего первого знакомства со взрослым сталкером, медленно вспомнил, кем, чем и где он был, и начал нащупывать плазменный пистолет, который ему дал Харк.

«Стреляйте в него!» заорал Колосим. Сталкер шел вперед, увеличивая скорость. Его горловые мешки раздувались, как кузнечные меха, а широкие челюсти открылись, чтобы позволить выдвинуться стальным челюстям.

Охотничий отряд открыл огонь. Десять лазганов в полном автоматическом режиме осветили участок земли разрушительным лазерным огнем.

Отмахиваясь от этого, монстр приблизился, превратив свое уверенное продвижение в прыжок.

Гвардейцы в отчаянии разбежались. Маггс умудрился сбить Новобазки с ног, что спасло жизни им обоим. Сталкер пролетел над ними и поймал в свою пасть Виллярда.

Белладонец заорал самым ужасным криком из тех, который любой из них когда-либо слышал, когда грандиозный укус сталкера разорвал его пополам. Варл повернулся и начал стрелять в огромного зверя. Варл не был дураком. Он прекрасно знал, что не сможет убить тварь из своего марк III. Он пытался попасть в Виллярда. Он пытался избавить бедного ублюдка от мучений.

Занятый своей жертвой, сталкер хлестнул левой лапой и подбросил Варла в воздух. Он ударился о дерево, сломал его, и упал на холодную землю.

Маггс слез с Новобазки. «Плазменный пистолет! Плазменный пистолет!» кричал он.

«Я не могу снять с предохранителя!» лепетал комиссар, сражаясь с любимым оружием Харка. «Я не могу--»

Маггс вырвал пистолет из рук Новобазки. Он щелкнул переключателем и прицелился в сталкера.

Огромный зверь повернулся, с рылом, скользким от крови Виллярда. Он заухал и заревел, и начал нестись к Белладонскому разведчику, как боевой бык.

«Съешь это,» сказал Маггс, и выстрелил. Обжигающий луч из пистолета испарил огромный череп сталкера в ошеломительном взрыве из крови и кусочков кости.

Но чистый импульс атаки трижды-кованого сохранила его огромная, безголовая туша. Она врезалась в Маггса, и он спиной вперед полетел по воздуху.

Молотя конечностями, с отчаянием на лице, Маггс влетел спиной в дыру и исчез.

Безголовый сталкер упал на землю перед мерцающими воротами.

«Маггс!» закричал Бонин, и побежал к дыре. Мколл был позади него.

«Фес!» сказал Бонин, тормозя напротив дыры. Он вытянул руку, и свет пошел рябью, как вода, на кончиках его пальцев. «Маггс! Маггс!»

Бонин посмотрел на Мколла.

«Никогда не бросай своих,» сказал Мколл, и прыгнул в портал.

«Мколл! Нет!» проревел Бонин.

Позади него слышался крик. Это была Крийд. Второй сталкер, тот, который охотился на них, выскочил из-за линии деревьев и неуклюже рванул по открытому участку к Бонину.

Танитский разведчик бросился в сторону, усеяв бок твари лазерными выстрелами, когда она повернулась. Она не была такой большой или взрослой, как зверь, который вышел из дыры, но она была все-таки достаточно большой. Больше трехсот килограмм, с толстыми мускулами, бронированный череп длиной полметра, зубы, размером с пальцы.

Она помчалась к Бонину, ревя. Выстрелы попали в нее слева и заставили повернуться.

Колосим и Крийд шли вперед, стреляя в нее, пытаясь отвлечь ее от Бонина.

Их попытка сработала. Она направилась к ним.

Дуган Белтайн приземлился твари на спину. Он воткнул свой серебряный клинок в заднюю часть черепа монстра. Черная кровь хлынула ему на руки и предплечья. Сталкер задержался в конвульсиях и взбрыкнул, сбросив Белтайна со спины, как необъезженная лошадь.

Раненый, тяжело дышащий, раздувающий горловые мешки, как насос аппарата искусственного дыхания, сталкер сделал несколько нетвердых шагов. Кинжал Белтайна был все еще утоплен в заднюю часть его головы.

Роун сделал шаг к нему. В его руке что-то было.

«Эй, ты,» сказал он. Зверь повернулся, кровь текла из его огромной пасти. Он пробулькал и открыл челюсти, выдвигая и пряча зубы, когда учуял новую цель для укуса.

Роун кинул трубчатый заряд в широко открытую улыбку.

Челюсти сталкера сомкнулись. Послышался краткий грохот, а затем он разлетелся на куски, покрыв весь участок скользкой кровью и кусками мяса.

Роун вытер горячую, вонючую кровь с лица. «В порядке, Мах?» Бонин поднялся на ноги и кивнул.

«Крийд? Колосим? Бел?»

«Я в порядке,» сказал Белтайн. Он посмотрел на Бонина. «Задняя часть черепа, вот, что ты мне говорил. Задняя часть черепа, ты говорил.»

«Ты все отлично сделал,» ответил Бонин. На самом деле, ему было не до этого. Он пристально смотрел на валун.

Врата закрылись. Это опять был просто валун.

«Мколл? Ответь. Маггс? Отзовись.» Белтайн деликатно подстраивал свой вокс-передатчик.

«Мколл. Это охотничий отряд. Слышишь меня?»

«Может быть, ты сломал передатчик, когда запрыгнул на спину твари?» предположил Бонин.

«Мне бы не пришлось делать такой идиотской вещи, если бы ты мне не сказал, что задняя часть черепа это слабое место,» резко ответил Белтайн.

«У меня сработало,» сказал Бонин.

«Дети, шшш,» сказал Роун. «Бел? Есть что-нибудь?»

Белтайн покачал головой. «Что-то неправильно. Я не могу вызвать Маггса или шефа, но они близко. Я имею в виду, что получаю их сигналы. Сигналы с микробусин.»

«Почему мы не можем говорить с ними?» спросил Колосим.

Белтайн пожал плечами. «У микробусин дальность, примерно, десять километров, максимум, майор. Эта крошка--» он похлопал по своему вокс-передатчику, «ну, она хороша для глобальной работы. Дело в том, посмотрите сюда.» Белтайн показал на специальный измерительный прибор на вокс-передатчике. «Это дальномер. Мы называем его бустер. Видите, видите, как прыгает стрелка?»

«И что это значит?» спросила Крийд.

«Это значит... это значит – что-то неправильно,» ответил Белтайн. «Я получаю сигналы с их микробусин, что предполагает, что они где-то в радиусе десяти километров отсюда. Но стрелка прибора прыгает безумно и не может зафиксироваться. Как будто они, так же, вне досягаемости.»

«Вне досягаемости?» сказал Роун. «Вне *глобальной* досягаемости?»

Белтайн покачал головой. «Я не могу объяснить это. Они близко... но они, на самом деле, так же больше не на...» он замолчал.

«Больше не на Анкреон Секстусе?» закончил Роун.

«Эм, да, сэр. Я сказал, что что-то неправильно.»

Роун отвернулся. «Как Варл?» спросил он Кортенхуса.

«Ударился,» сказал Белладонец. «Жить будет.»

«Все в порядке, Новобазки?» сказал Роун.

«Я замер,» сказал Новобазки. «Извините. Я никогда раньше ничего такого не видел. Я все еще не могу--»

«Никто вас не винит,» сказал Роун. «Для всех нас это был шок.»

«Сэр!» крикнул Белтайн. «Что-то есть. Трон, оно приходит, как будто с задержкой. Почему оно приходит с задержкой?»

«Динамик!» потребовал Роун.

Белтайн дернул переключатель на вокс-передатчике. Все тихо стояли, когда потрескивающие, искаженные голоса вырывались из вокс-передатчика.

«-- дерьмовую дыру!»

Треск. «Это не хорошо, так ведь?»

«Ты это имел в виду? Дерьмо, в которое сможешь меня втянуть, если по-настоящему постараться?»

«Заткнись, Маггс.»

Некоторое время слышалась нечеткая чепуха.

«--небо? Что за чертовщина с небом?» Это был Маггс. «-- чертовы звезды неправильные. Они просто неправильные. Так чертовски холодно.»

«Заткнись.»

«Так холодно. Посмотри на крышу.»

Треск.

«Почему?»

«Это похоже на крышу. Я имею в виду, потолок. Камни. Огромные камни. Что это поддерживает?»

«Заткнись.»

Треск.

«Мколл, Мколл, мы тебя слышим,» сказал Белтайн. «Ответь!» *Треск.*

«--мы? Я имею в виду, где, черт--»

«--клянусь, Маггс, если ты не затк--»

Треск.

«Белтайн? Белтайн? Это ты? Это Мколл. Я слышу тебя, но не четко. Повтори.» Белтайн нажал на кнопку. «Мколл, это Бел. Мы слышим тебя, отбой.» *Треск.*

«--больше не слышу тебя. Если можешь меня слышать, приведи Роуна к передатчику.»

«Я здесь,» сказал Роун.

«--ничего не слышу в микробусине. Я надеюсь, что ты можешь меня слышать. Скажи Роуну, что мы больше не на Анкреон Секстусе. Скажи Роуну--»

Треск.

«-- место похоже на большую часовню. Ничего не поддерживает крышу. Камни висят в воздухе. Это заставляет меня хотеть плакать. Это все так невозможно. Маггс сдался. Здесь сталкеры. Повсюду вокруг нас. Сотни, забираются на камни в нашем направлении. Я думаю, что они учуяли нас.» *Треск. Долгий вой помех.*

«-- мне пистолет! Дай мне фесов плазменный пистолет, Маггс! Они приближаются! Дай мне--»

Треск. Искажение. Вой.

«--идем! Шевелись! Не—»

«--сюда! Сохраняй--»

«--прямо за нами! Шевелись, ради феса, или мы--»

Ужасный рев вырвался из динамиков вокс-передатчика. Затем канал отключился.

Плоский шум доносился из динамиков.

«Ох, Трон,» сказал Крийд.

Все вздрогнули, когда бомба взорвалась в трех сотнях метров к западу. С Роуном во главе, они начали бежать в сторону взрыва с поднятым оружием.

Варл, Бонин и Крийд разошлись веером впереди, осматривая лесную местность с винтовками у плеч.

«Чисто!»

«Здесь тоже!»

«Сюда!» крикнул Бонин. Охотничий отряд побежал к нему.

Он присел на еще одном чистом участке, рядом с еще одним огромным камнем. Мколл с Маггсом растянулись у его ног, бездыханные, покрытые инеем. Труп сталкера лежал поблизости, его череп был взорван трубчатым зарядом.

Роун опустился на колени рядом с Мколлом и прижал к груди его голову.

«Шеф?»

Глаза Мколла открылись, медленно моргая. «Гаунт был прав,» выдохнул он. «Гаунт был прав.»

ДВАДЦАТЬ ТРИ

01.05, 199.776.M41

Третий Отсек

Спаршад Монс, Анкреон Секстус

Гаунт проснулся и обнаружил, что Эзра трясет его за плечо. На мгновение он подумал, что он все еще на Гереоне, во мраке Антиллы. Но это была другой вид темноты. Он вспомнил, где он был, на самом деле.

Он посмотрел на свой хронометр. Его стекло треснуло несколько раз за предыдущие два дня. Была, все еще, глубокая ночь. Он проспал в задней части Саламандры менее трех часов. Он вспомнил, как забирается в нее, чтобы передохнуть минутку, а затем ничего. Усталость одолела его.

«Что такое?» спросил он.

Эзра указал. Молодой Бинарский капрал ожидал около командной машины. Его форма был порвала и заляпана грязью.

Гаунт вылез из танка. Каждый атом его тела болел, а некоторые части отзывались гораздо худшей болью. Он был слегка дезориентирован и испытывал головокружение.

«Да?» сказал он.

Капрал отдал честь. «Комиссар Гаунт?»

«Да.»

«Для вас сообщение, сэр. Оно пришло на мою станцию вокса. В нем говорится, что оно срочное.» Гаунт кивнул и поискал фуражку. Он последовал за молодым солдатом вниз по изрезанной колеями дороге.

Битва все еще бушевала в километре позади них. Только что наступил ее третий день. Каким-то образом, они продержались так долго, каким-то образом они удержали эту узкую, драгоценную линию и задержали врага.

Предыдущим днем начали прибывать подкрепления. К вечеру, Фортис Бинарцы и их союзники, наконец-то, смогли отойти с фронта и отдохнуть.

Гаунт бросил взгляд назад, пока шел по дороге. Чернота ночи уплотнилась до почти твердой массы из-за дыма, и эта темнота освещалась пульсирующим оранжевым светом от широких боевых зон вдоль линии фронта. Треск и визг снарядов

продолжался отражаться эхом от позиций на болотах. Штурмовики кружились во мраке над головой.

По всей длинной дороге люди спали или отдыхали в беспорядочно стоящих грузовиках. Большинство из них были Бинарцы, множество из них были ранены. Тяжелораненых эвакуировали медленные процессии на пункт 10.

Гаунт с капралом добрались до станции вокса, установленной в одном скоплении палаток рядом с дорогой. Фигуры, в основной массе младшие офицеры, бродили рядом, едва держась на ногах от усталости.

Капрал повел Гаунта к одному передатчику, где оператор сделал несколько умелых переключений и дал Гаунту гарнитуру. Он снял фуражку и надел гарнитуру.

«Это Гаунт.»

«Роун. У нас есть то, что тебе нужно, отбой.»

«Повтори, Роун. У тебя есть доказательство, отбой?»

«Подтверждаю, Брам. Оно весомое, отбой.»

«Где ты, отбой?»

«Пункт 36, пятый отсек. Это 36 в пятом, отбой.»

«Оставайся там. Я направляюсь к тебе. Гаунт отбой.»

Гаунт отдел гарнитуру и покинул палатку.

Эзра ждал его снаружи. Несмотря на то, что он был в гуще боя столько же, сколько и Гаунт, Нихтгейнец не показывал ни признака усталости.

«Идем,» сказал ему Гаунт, и начал идти на юг по дороге, в другую сторону от гула войны.

«Рестю!» позвал Эзра. Гаунт повернулся. Партизан поотстал, оглядываясь на дорогу позади него.

«Что?» спросил Гаунт.

«Ладд?» сказал Эзра. В последний раз, когда Гаунт видел Ладда, молодой человек был без сознания от истощения на сидении транспортника-10, припаркованного у дороги.

Гаунт покачал головой. «Не в этот раз. Идем.»

Они шли по дороге около километра, сходя с нее время от времени, когда тяжелые транспортники и бронированные машины проезжали мимо, двигаясь к фронту. Местность по обе стороны от них была забита грузовиками для перевозки людей и снарядов, вместе с танками и Химерами, готовящимися к наступлению. Большие куски голой земли использовались в качестве передовых посадочных полос для штурмовиков и Валькирий. На земле были шесть машин, окруженных подготовительными командами и топливозаправщиками.

Гаунт провел Эзру мимо команды артиллеристов, сгружающих танковые снаряды с потрепанной Валькирии, и подошел к следующей. Пилот, отдыхающий на земле рядом со своей машиной, подпрыгнул, когда увидел приближающегося комиссара.

«Ты заправлен и подготовлен?» спросил Гаунт.

«Да, сэр, но--»

«Но что?»

Пилот объяснил, что его Валькирия и три следующих ожидали Маршала Саутоя и его старших офицеров. Саутой, наконец-то, удостоил линию фронта своим присутствием четыре часа назад, чтобы «проследить за подкреплением».

«Маршал, который мой личный друг,» сказал Гаунт, «поощадит тебя. Мне нужно лететь прямо сейчас. Неотложное дело Комиссариата.»

«Это... необычно, сэр,» сказал пилот.

«Посмотри вокруг, друг мой,» сказал Гаунт. «Прямо сейчас все необычно. Я не могу преувеличить важность этого. Если я буду шататься вокруг и пытаться пробиться на соответствующие каналы, чтобы достать птицу, я проторчу тут всю оставшуюся ночь. Если это поможет, я подпишу бланк к46-В, в котором будет сказано, что я реквизиру тебя. Ты всегда сможешь показать еще своему летному инспектору.»

Пилот изучал Гаунта какое-то время. В его звании сомнений не было, но комиссар был грязным. Его одежда была изорвана и перепачкана, и у него были свежие царапины и ушибы на грязном лице и муки от усталости в его бледных глазах. Он, так же, показывал, что у него рана на плече. Пилот пришел к мнению, что это, возможно, не тот человек, которому стоит переходить дорогу.

«Я отпущу техников и мы полетим, сэр,» сказал пилот, застегивая на пуговицы летную форму.

«Пункт назначения?»

«Пятый отсек,» сказал ему Гаунт. «Пункт 36.»

С воздуха, Спаршад Монс был расползшейся, монструозной тенью, дрожащей от десяти тысяч точек огня. Они пролетали сквозь зловонные клубы дыма, которые закрывали все, заставляя пилота лететь по приборам. На более чистых участках, когда они были над вторым отсеком, Гаунт смог увидеть колонны солдат и бронетехники, продвигающиеся цепью в степной город: длинные, извилистые реки фонарей и прожекторов, плывущие сквозь темноту. Шли все. Вон Войтц направил все, что у него было.

Вдали, на севере, возвышалось сердце Монса, полное секретов и злого умысла. Непреклонное, безмерное, такое же твердое, как горный пик, оно опускалось над нижними отсеками, полувидимое в ночи, такое же ужасное, как угроза смерти.

Валькирия пролетела по длинному четвертому отсеку, где еще больше могучих рек военных машин плыло вперед. Значительная часть контингента Вон Войтца была направлена в самую горячую зону пятого отсека. Гаунт догадывался, что Имперские силы, по меньшей мере, добились некоторого прогресса в пятом. Учитывая вес подходящего подкрепления, он едва удивился этому.

Они пролетели под исполинской аркой и влетели в пятый. Далеко впереди, на земле, губительный свет битвы освещал ночь, янтарным и красным. Гаунт заметил пункт, ярко освещенный наземными огнями и прожекторами, слева от них. Еще одна длинная колонна бронетехники и транспортов двигалась на север вниз.

Валькирия описала круг, и начала спускаться на широкую базальтовую площадку, которая служила посадочной площадкой. Они коснулись земли с мягким глухим стуком и двигатели выключились.

Гаунт открыл люк и выпрыгнул, с Эзрой позади.

«Вы хотите, чтобы я остался, сэр?» позвал пилот.

Гаунт кивнул. «Да, спасибо. Так долго, как только сможешь.»

«Круговая проверка, пожалуйста!» закричал пилот приближающейся наземной команде. «Десять минут!» Гаунт с Эзрой поспешили по дорожке к дому, который служил центром пункта. Низкая пологая местность вокруг была покрыта тысячами палаток, как казармами на коже какого-нибудь морского монстра. Слышался гул двигателей от близлежащей дороги, когда колонна с подкреплениями проезжала мимо, без начала или конца. Сам пункт кишел личным составом.

«Кто командующий пунктом?» спросил Гаунт проходящего мимо Колстекского сержанта.

«Это Маршал ДеБрэй, сэр.»

«Где я могу найти его?»

«Он уже отправился на линию фронта, сэр.»

«Тогда кто командует здесь?»

«Полковник Бейдер, сэр. Сарпойский 88-ой.»

«И где он может быть?»

Сержант пожал плечами. «Может быть, в главном укрытии? Или вы можете попробовать--»

«Забудь,» сказал Гаунт. Он прошел мимо сержанта к фигуре, которую только что заметил в толпе. Старику, стоящему в одиночку, смотрящему, ждущему.

Гаунт начал идти быстрее, проталкиваясь сквозь толпу. Старик повернулся, и увидел его.

Гаунт сделал несколько последних шагов и упал на колени перед ним.

«Аятани отец,» прошептал он. Цвейл нагнулся и положил свои руки на плечи Гаунту, мягко подталкивая его подняться на ноги. Священник уставился в лицо Гаунта. Из старых глаз Цвейла лились слезы.

«Я многое повидал за свою жизнь,» сказал Цвейл. «Но видеть тебя здесь доставляет мне наибольшую радость.»

«Рад вас тоже видеть,» сказал Гаунт. Он тяжело сглотнул. «Я долго был без благословения, отец, слишком долго. Мои грехи грузом давят на меня. Иногда, я думаю, что они слишком тяжелы, чтобы с меня их мог кто-нибудь снять, даже беати.»

«Она сильная девочка,» сказал Цвейл. «Я уверен, что она поможет.» Цвейл продолжал пристально смотреть в лицо Гаунта. «Во имя всего святого, Ибрам, ты побывал в аду, так ведь?»

«У него другое имя, но да.»

«Хотя, мне нравится борода,» сказал Цвейл.

Цвейл повел Гаунта к командному пункту, держа руки Гаунта в своих, как для утешения, так и для поддержки. Аятани Цвейл, неизменно старый, стал намного более старым и хрупким с тех пор, как Гаунт видел его в последний раз.

«Роун здесь?»

«Да, да. Ты тоже похудел. Ты не ел?»

«Отец...»

«И ты ранен. Эти царапины на твоём лице.»

«Да, отец. Была битва.»

«А твоё плечо. Что случилось с твоим плечом:»

«Рана. Телесная рана.»

Цвейл воскликнул с неодобрением. «Телесная рана? Телесная рана? Они все телесные раны! Никто никогда не говорил 'Во, смотрите! Мне только что попали в

кости, но плоть абсолютно не задета!' Это все старая чепуха, вот, что это такое. Это фраза, которую вы, героические воины, произносите, чтобы казаться мужественными и стойкими. 'Ха, это, всего лишь, телесная рана! Всего лишь, телесная рана! Я могу продолжать!' Чушь!»

«Отец--»

«Я слышал такое от человека, когда он потерял ногу!»

«Отец Цвейл...»

Внезапно Цвейл наклонился ближе и прошептал на ухо Гаунту. «Я не хочу беспокоить тебя, Ибрам, мой дорогой мальчик, но за нами следует очень большой человек. Очень большой. Очень высокий парень. Мне он кажется весьма зловещим, но я уверен, что ты знаешь о нем, потому что ты всегда бдительная напряженная пружина.»

Гаунт остановился и повернулся.

«Эзра? Иди сюда.» Нихтгейнец подошел.

«Эзра ап Нихт, из Антиллы Гереона. Это мой старый друг Отец Цвейл из Имхавы Аятани.»

Возвышающийся партизан слегка кивнул в сторону Цвейла.

«Биддю халлоу, элдерен,» сказал он.

«Что он сказал?» спросил Цвейл, искоса посмотрев на Гаунта.

«Он приветствует вас.»

«Он очень высокий. Опасно высокий. Я сказал, вы очень высокий, сэр.»

«Хват сейзи?»

«Я сказал, ты очень высокий. Высокий!» Цвейл сделал жест рукой над своей головой.

«Высокий? Ну, знаешь? Не низкий?»

«Хват, элдерен?»

«Он дурачок, Ибрам? Кажется, он не понимает.» Эзра вопросительно посмотрел на Гаунта, кивнул в сторону Цвейла и резко оторвал пальцы от своих губ.

«Нет, все в порядке,» сказал Гаунт. «Я его все время терплю.»

«Это был грубый жест, так ведь?» прошептал Цвейл Гаунту. «Он только что сделал грубый жест в мою сторону.»

«Нет, отец. Он только заботился о моем благополучии.»

«Хнх! Высокий – это одно, грубый – совершенно другое. Ты заводишь странные знакомства в своих путешествиях, Гаунт.»

«Я часто так думаю,» улыбнулся Гаунт. «А сейчас, где Роун?»

«Там, там,» пробормотал Цвейл, открывая двери в лазарет. Запах антисептика и выделений тел внезапно наполнили воздух. Медицинский персонал перевязывал последнюю группу раненых, привезенных с передовой пятого отсека.

«Сюда!» весело позвал Цвейл, вероятно не обращающий внимания на страдания вокруг него. Он быстро пошел к полемому театру.

Гаунт последовал за ним и остановился. Огромный, серьезно поврежденный труп полувзрослого сталкера лежал на полу театра. Хирург в маске был в процессе тщательного вскрытия.

Хирург поднял взгляд на вторжение и медленно положил свои, покрытые кровью, инструменты. Он мгновение боролся со снятием перчаток и маски, а затем быстро прошел через комнату к Гаунту и обнял его.

«Трон Терры, Ибрам!»

«Привет, Толин.»

Дорден сделал шаг назад. «Дай мне на тебя посмотреть,» сказал он. «Фес, это, действительно, ты?»

«Во плоти.»

«Вот, почему я сначала привел его в вас, доктор,» сказал Цвейл. «Так вы сможете осмотреть его. Он сказал, что у него телесная рана. В плоть, если быть точным, *in corpus mortalis*. Он похвастается, что в порядке, но вы то знаете этот тип воинов. Отрежь им ногу, а они, все равно, жизнерадостные.»

«Ты ранен?» сказал Дорден. «Нога?»

«Просто не обращайтесь внимания на Цвейла какое-то время. Я поцарапал плечо. Ты сможешь осмотреть меня позже. Роун здесь, так ведь?»

Дорден кивнул.

«Это была его идея?» спросил Гаунт, делая жест в сторону трупа.

«Вообще-то, это предложил один из твоих. Комиссар, Новобазки. Он с Роуном. Они притащили труп из кустарниковой местности с собой.»

«Нашел что-нибудь?»

Дорден пожал плечами. «Да. Вещи, которые я бы лучше не находил. Но я все еще собираю данные.»

«Мне нужно увидеть Роуна. Ты знаешь, где он?»

Охотничий отряд ждал в одной из самых больших палаток снаружи лазарета. Дорден повел Гаунта, с Эзрой и Цвейлом позади. Гаунт вошел в палатку, и обнялся с Крийд, Варлом и Белтайном. Бонин крепко пожал его руку. Призраки, так же, тепло приветствовали Эзру, хотя партизан не ответил. Роун ждал, глядя на Гаунта.

«Брам.»

«Элим. Постарел, постарел. А?»

«Есть только война, сэр.»

«Покажи мне, что у тебя есть.»

«Сначала знакомство,» сказал Роун. «Это Колосим, Восемьдесят Первый Первый.»

«Я многое о вас слышал, сэр,» сказал Колосим.

«А это Комиссар Новобазки.»

«Гаунт,» кивнул Новобазки.

«Комиссар,» кивнул в ответ Гаунт.

«А там,» сказал Роун, «это Рядовой-Разведчик Кортенхус. На койках там, Рядовой-Разведчик Маггс и, ну, Мколл.»

«Бедные дьяволы,» сказал Цвейл.

Мколл и Маггс лежали на спинах на простых койках. Они оба были подключены к капельницам и биопитателям. Оба выглядели без сознания, холодными, измученными.

«Что с ними?» спросил Гаунт.

«Они вошли,» сказал Роун. «Они полностью покинули эту планету на несколько минут. Дорден говорит, что у них переохлаждение и истощение, но жить будут.»

«Они полностью покинули эту планету на несколько минут?» повторил Гаунт.

«Доказательство, которое ты просил,» сказал Роун.

«Начни сначала,» сказал Гаунт.

Роун рассказывал об охотничьей миссии несколько минут. Те подробности, которые он упускал, с готовностью дополнялись Варлом, Новобазки и Белтайном.

«Бонин сказал, что задняя часть черепа была уязвимым местом, и так я поступил,» пожаловался Белтайн.

«Он уже убил сталкера таким способом.»

«Ты убил сталкера, ударив его в заднюю часть черепа?» спросил Гаунт Бонина.

«Ага. Точно,» сказал разведчик. «Они не бронированы сзади.»

«Это не то, что я пытался сделать, сэр,» продолжил Белтайн. «Я попытался, по доброй воле, и--»

«Давайте продолжим дальше,» сказал Гаунт. «Комиссар Новобазки? Может быть, вы хотите что-нибудь сказать?» Новобазки кивнул. «Я могу только подтвердить все, что эти люди сказали вам, Гаунт. Сталкеры, несомненно, приходят в отсек сквозь порталы. Варп врата. Я не знаю, как вы их называете. Они как люки, позволяющие ублюдкам появляться после наступления темноты, прямо среди нас.»

«Вы думаете, это характерно для Монса?»

Новобазки пожал плечами. «Различные стоящие камни во внутренней местности кажутся фокальными точками врат. Трон, я не знаю. Я не эксперт в таких вещах. По моему мнению, Монс связан с чем-то, чтобы впускать сталкеров. Это встроено в его архитектуру. Установленные варп врата, подключенные к, я не знаю, чему. Это не ровное игровое поле.»

«А сами сталкеры?» спросил Гаунт, смотря на Дордена, который стоял в проходе палатке.

«Образцы ткани говорят, что это огрины,» сказал Дорден, «с некоторым количеством человеческого генетического материала. Создания какой-то порочной евгенической программы. Их мозги модифицированы для абсолютной агрессии. Мы говорим о человеческих и огринских образцах, которые были соединены вместе, перестроены и запрограммированы, чтобы убивать.»

«Есть доказательства?»

Дорден покачал головой. «Я все еще собираю данные. У меня здесь нет правильных инструментов, чтобы закончить. Это, всего лишь, полевой госпиталь. Может быть, если бы у меня был бы доступ к сканерам и помещению для биопсии на Осколочных Равнинах или Таренале. Прямо сейчас, это только догадки.»

«Мы разрешаем догадки,» сказал Роун. «Подозрения тоже.»

Гаунт посмотрел на Дордена. «Но из того, что вы видели, доктор, вы могли бы сказать, что это модифицированные человеческие или дружественные человеку единицы?»

Дорден кивнул. «У трупа, над которым я проводил вскрытие, есть жетон, зарытый в плоти на горле. Я имею в виду, скрыты пересадкой кожи и ее разрастанием. Жетон

идентифицирует Рядового Олиоса Оллогреда, Пятая Штурмовая Группа (Огрины), 21-ый Харгрэнский Полк. Я проверил. 21-ый сейчас воюет на Морлонде.»

«Они посылают наших собственных людей сражаться с нами,» сказал Новобазки.

«Кажется так,» ответил Гаунт. «И они посылают их сквозь дыры в варпе. Кто-нибудь здесь помнит *жехгенеш*?» спросил он.

Роун, Варл, Крийд и Бонин кивнули. Белтайн застонал от воспоминания.

«Что?» спросил Новобазки, но Гаунт уже продолжил. «Мколл и... как его имя? Маггс? Они прошли туда?» спросил он.

«И вернулись назад живыми,» ответил Роун.

«Я хочу поговорить с ними,» сказал Гаунт.

Дорден ввел что-то мощное в капельницу Мколла, и привел его в чувство.

«Пять минут,» сказал он Гаунту. «Это все, что я могу позволить.»

Гаунт кивнул. Он присел рядом с койкой Мколла. «Оан? Эй, Оан? Это Гаунт.»

«...никогда не вернетесь...»

«Мколл?»

«Думал, что вы никогда не вернетесь,» неотчетливо произнес Мколл, открывая глаза.

«Ты будешь в порядке, Оан. Дорден так говорит. Я просто хотел поговорить с тобой.»

«Так говорите. Я никуда не собираюсь.»

«Что ты видел, Оан? Что за фес ты видел?»

Мколл повернулся и уставился на крышу палатки. «Маггс попал внутрь, и я последовал за ним. Никогда не бросай своих, этому вы меня всегда учили.»

«Учил. Учил.»

«Значит, я отправился за ним. В том меня было холодно. По-настоящему холодно. Я сразу понял, что я полностью покинул Анкреон Секстус. Я был... где-то...»

«Оан?»

«Простите, простите, засыпаю. Я был где-то еще. Звезды были неправильными, это была первая вещь, которую я заметил. Созвездия были абсолютно другими. Я двигаюсь по звездам. Я замечаю такие вещи.»

«Продолжай, Оан.»

«Было холодно. Я уже это говорил? Я имею в виду, по-настоящему холодно. Камни, плиты. Куда ни посмотри. Маггс кричал о небе, и я тоже это заметил. Я мог видеть звезды, но прямо над головой была крыша. Потолок. Огромные каменные блоки висели в ночном небе. Это не имело смысла. Как могут камни просто висеть? И они были такими тихими.»

«Тихими?» спросил Гаунт.

«На самом деле, тихими,» прошептал Мколл. «Они должны были производить огромный шум, небо, заполненное каменными плитами. Но они были тихими.»

Его голос затих. Дорден с неохотой вставил еще один пузырек в капельницу.

«И не больше,» сказал он Гаунту.

Гаунт кивнул. «Оан? Расскажи мне об этом месте. Оно было пустым?»

«Нет! Нет, нет, нет, Орды сталкеров, собирающихся атаковать. Еще нечеловеческие твари. Машины. Военный машины. Кровавый Пакт. Мы бежали, и мы пытались спрятаться. Сталкеры гнались за нами. Кованные. Я видел легионы проклятых, собравшихся огромным числом, ждущих открытия врат.»

«Врат?» спросил Гаунт.

«Вы должны понять,» пробормотал Мколл. «Внутри Монса ничего нет. Он пуст. Это просто врата.»

«Массивные врата, высасывающие нас, чтобы открыться и уничтожить нас. Врата в каждом отсеке не ведут в следующий отсек перед собой. Я видел их. Установленные в ряд. Они открываются куда-то еще...»

«Мколл?»

«Достаточно!» резко сказал Дорден. «Он снова отключился.»

Внезапно Эзра снял свой рейнбоу и пошел ко входу.

«Что такое?» спросил Варл. Он с Крийд повернулись, наведя свое оружие на вход в палатку. Снаружи мерцали яркие огни. Гаунт встал, услышав вой штурмовика.

«Уберите оружие,» сказал он. «Ты тоже, Эзра. Я ожидал этого.» Вход в палатку открылся, и внутрь вошли солдаты Комиссариата с приготовленным оружием.

«Никому не двигаться!» сказал командир отряда, водя своим хелганом.

Никто не двинулся, даже Роун.

Наведя пистолет прямо на Гаунта, в палатку вошел Фарагут. Позади него вошли Комиссар-Генерал Балшин, Инквизитор Велт и Нахум Ладд.

«Вы арестованы властью Комиссариата!» рявкнул Фарагут.

«Приехали, Гаунт,» улыбнулась Балшин.

«Мне, на самом деле, очень жаль, сэр,» сказал Ладд.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ

04.10, 199.776.M41

Пункт 36, Пятый Отсек

Спаршад Монс, Анкреон Секстус

«Мы давали тебе шанс, Гаунт,» мягко сказала Балшин. «Я была против, но лорд генерал настоял. Мы дали тебе шанс оправдать себя. И, как обычно, когда кому-то дают достаточно...»

«Ах, вещи, на которых вы могли бы сосредоточить свое внимание, комиссар-генерал,» сказал Гаунт, «и вы сосредоточились на мне. Я на самом деле беспокою вас, не так ли?»

«Моей первостепенной задачей является устранение ереси порчи в Имперской Гвардии, Гаунт,» ответила она. «На этом фронте Крестового Похода она эндемическая. Я никогда не видела, чтобы ее эффекты были такими разрушительными, так глубоко пустившими корни. Конечно, я обеспокоена, когда старший комиссар, человек с влиянием и авторитетом, ходит свободно среди нас, пронизанный губительным прикосновением.»

Гаунт чуть громко не рассмеялся. «На чем это основано?»

Балшин пристально посмотрела на него, как будто ругая непослушного ребенка. «Я никогда не была удовлетворена твоими показаниями на трибунале. Они были лживыми. Быть открытым столько времени зараженному миру? Идея, что ты остался незапятнанным, смехотворна. С тех пор, как ты вернулся к обязанностям, твое поведение было непредсказуемым, по меньшей мере. Ты уклонялся от долга, преследуя свои личные цели. Были несанкционированные установления связи, законспирированные обмены, проведенные под видом официальной работы Комиссариата...»

Гаунт покачал головой. «И это все, что у вас есть?»

Она мягко улыбнулась. «Давай рассмотрим тот факт, что всего лишь несколько часов назад ты покинул свой пост, нарушил приказы, незаконно присвоил Имперский транспорт, перебрался из одного места в другое внутри военного кордона без разрешения... и я нашла тебя здесь, снова плетущего интриги, в маленькой группе с некоторыми из тех людей, которых обвиняли в порче.»

«Я советую вам следить за языком, мадам генерал,» резко сказал Новобазки. Игнорируя солдат Комиссариата вокруг них, он сделал шаг в ее сторону.

«Не подходить ближе!» предупредил Фарагут.

«Я не согласен с вашей характеристикой нас, как порченных или еретиков,» сказал Новобазки. «Есть причины, по которым--»

«Новобазки,» сказала Балшин. «Я всегда думала, что вы заслуживающий доверия человек. Спасибо вам, что продемонстрировали, как злонамеренно и отвратительно может распространиться разложение Гаунта.» Лицо Новобазки посуровело а щеки

залил гнев, но он не ответил. Гаунт посмотрел прямо на Инквизитора Велта, который еще не произнес ни слова. «Инквизитор? Вы согласны с этим? Полагаю, что вы намного менее ограниченный, чем Балшин.»

«Скажи что-нибудь, чтобы убедить меня,» сказал Велт.

Гаунт сделал жест вокруг. «Я могу многое рассказать вам. Любой в комнате может многое рассказать вам. Зараза здесь, инквизитор. Это сам город. Место, за которое мы сражаемся – больно.»

«Это смешно,» сказала Балшин. «И на грани ереси. Степные города Анкреон Секстуса – почитаемые монументы, которые датируются--»

«Расскажите мне о сталкерах,» сказал Гаунт.

«Что?» резко сказала Балшин.

«Ордо Ксенос установило, посредством анализа извлеченных образцов, что так называемые 'сталкеры' – аугментически улучшенные люди а, чаще, огрины,» сказал Велт. «Эта информация была скрыта из-за соображений морали.

Несанкционированное вскрытие, которое вы провели здесь, и доказательства, полученные из него, будут изъяты Инквизицией.»

«И расскажите мне о варп дверях,» сказал Гаунт.

«О чем это ты говоришь?» спросила Балшин.

«Расскажите мне о варп дверях, которые пронизывают отсеки. Объясните мне, как сталкеры приходят и уходят ночью.»

«Я не понимаю, что ты имеешь в виду. Мы предполагали норы, возможно...»

«Здесь нет ни одной фесовой норы,» сказал Роун. «Я и мой отряд стали очевидцами варп двери в действии прошлой ночью, менее, чем в пяти километрах от того места, где мы стоим. Мы видели, как в нее прошел сталкер. Те двое людей сами прошли через ворота и вышли назад через вторую.» Роун указал на бессознательные фигуры Маггса и Мколла на койках.

«Они должны быть проверены и допрошены,» сказал Велт.

«Это должно подождать,» сказал ему Дорден. «Они не в состоянии.» Велт полуулыбнулся Дордену, как будто развлеченный вызовом медика приказу Инквизитора.

«Структура Монса ошибочна, Балшин,» сказал Гаунт.

«Структура Монса была тщательно изучена и разведана,» воскликнула Балшин. «Она под постоянным наблюдением Флота и Тактической службы. Ты что серьезно ожидаешь, что я поверю, что ты и несколько твоих ненормальных приятелей пришли сюда и, просто за несколько дней, раскрыли секреты, которые все остальные пропустили? Если бы здесь была система варп дверей, как ты заявляешь, их бы засекли месяцы назад.»

«Они практически невидимы для стандартных сенсорных систем,» ответил Гаунт, «и для обычных человеческих чувств тоже.»

«Но не для тебя?» усмехнулась Балшин.

«Нет, не для меня,» сказал Гаунт. «Как и ни для кого из команды с Гереона.»

«Он практически признался в порче!» выпалил Фарагут.

«Я повторяю то, что говорил вам постоянно,» сказал Гаунт. «Я допускаю чувствительность, осведомленность о вибрациях Хаоса. Мы бы не выжили на Гереоне без развития чувствительности. Те самые инстинкты, которые помогли нам выжить там, теперь нам показывают правду здесь.» Он пристально посмотрел на Балшин. «Факт того, что мы работали, чтобы раскрыть эту опасность, факт того, что мы говорим вам это в лицо... Разве это не доказывает, на чьей стороне мы сражаемся?» Балшин собралась ответить, но Велт поднял руку. «Комиссар-генерал, возможно вы и ваши люди будут столь любезны, чтобы записать полные показания личностей, присутствующих здесь. Доктор? Пожалуйста, подготовьте этих двух людей для перевозки на Осколочные равнины. Гаунт, идемте со мной.» Гаунт бросил взгляд на Роуна, а затем последовал за Велтом из палатки. Настал момент тишины.

«Я думаю, хорошо прошло,» сказал Варл.

Гаунт и инквизитор прошли вместе через ряды жилых палаток пункта, и остановились на небольшой возвышенности, смотря на север. Небо был все еще черным, но отсек был освещен движущимися огнями и отдаленным блеском выстрелов.

«Балшин под давлением, чтобы предоставить результаты,» сказал Велт. «Второй Фронт Крестового Похода действительно болен. Если твои утверждения подтвердятся, это сыграет большую роль в том, как здесь, на Анкреон Секстусе, пойдет война.»

«Лучше бы им побыстрее подтвердиться,» сказал Гаунт. «Мколл сказал, что он был свидетелем того, что огромное войско собирается по ту сторону врат. Разве никто никогда не остановился и не задумался, как врагу удастся выводить так много солдат и боевых машин из сердца Монса?» Велт сделал паузу, как будто размышляя, поделиться ли с Гаунтом засекреченной информацией. «Это не только здесь, Гаунт. Ситуация здесь, в Спаршад Монс, повторяется прямо сейчас в каждом степном городе на планете.»

«Объединенное вторжение? В городах, расположенных в тысячах километров друг от друга?» Вели кивнул.

«Это потому, что враг не в городах,» сказал Гаунт. «Города, всего лишь, системы доставки, чтобы приводить их. Армии Кровавого Пакта не ждут нас в следующем отсеке, или в следующем за ним. Они просто выходят из врат. Мколл предположил, что основные врата отсека – более масштабные версии дверей, которые использую сталкеры.»

«Значит враг привлекает наше внимание, втягивает нас в осаду этих скал с привидениями, заставляет нас направить все силы внутрь стен...» Велт позволил словам повиснуть.

«А затем полностью открывает проходы,» сказал Гаунт. «Я иногда думаю, что мы преступно недооцениваем нашего старого врага, инквизитор. Губительные Силы оперируют с хитростью и изощренностью, которые мы едва понимаем. На Гереоне, мы были свидетелями, как они используют *жехгенеш*. Гигантских созданий варпа, которых вырастили, чтобы поглощать природные ресурсы планеты, такие как свежая вода и минеральные руды, и извергать их через варп для поддержки планет,

находящихся на расстоянии многих световых лет. Они не уничтожители, они потребители. Если они работают в таком масштабе, почему нас должно удивлять, что они доставляют целые армии таким способом, в места, как это, где древние механизмы для такого перемещения все еще существует?»

«Я присоединяюсь к теории, что самый худший враг Империиума,» сказал Велт, «это его собственное невежество.» Велт посмотрел на Гаунта, и мгновение с любопытством поизучал его. «Инквизитор?»

«Ты находишься в печальном положении, Гаунт. Несмотря на всю великую службу, которую ты сделал для Империиума, ты расцениваешься, как трудный, опасный человек.»

«Не знают насчет трудного,» сказал Гаунт. «Хотя опасный – это да.»

«Ты вот настолько близок к казни,» прямо сказал Велт. «И есть только одна вещь, из-за которой ты все еще жив.»

«И что это?»

«Я,» сказал Велт. «Если ты и твоя команда смогли выживать так долго, как выживали, в той адской дыре и не поддались порче, тогда, ради Империиума и защиты нашего вида, я должен выяснить как.»

Велт вернулся к палатке театра, чтобы помочь с допросами. Два солдата Комиссариата были прикреплены к Гаунту и держали его в уединении в одной из комнат пункта. Он посидел в одиночестве несколько минут, а затем глубоко заснул. Ладд разбудил его через четыре часа. Снаружи, тусклый свет оповещал о начале нового дня.

«Что происходит?» спросил Гаунт.

«Комиссар-Генерал Балшин закончила здесь. Отряд Роуна допросили. Они готовятся вернуться в свое подразделение на фронте. Маггс и Мколл будут перевезены на Осколочные Равнины.»

«Как они?»

«Все еще без сознания, но показывают признаки восстановления. Меня послали забрать вас, сэр. Вы возвращаетесь с нами.»

Гаунт поднялся на ноги.

«Сэр, я хочу сказать... мне жаль,» сказал Ладд.

«За что?»

«За то, что докладывал о ваших действиях. Балшин совершенно ясно дала понять, что я должен докладывать о любых ваших... неортодоксальных поступках. Это был мой долг. Но мне не нравилось это делать.»

«Я рассчитывал на тебя, Ладд,» сказал Гаунт.

«Что, сэр?»

«Когда я понял, что что-то здесь не так, я знал, что мне и пытаться не стоит убеждать Балшин. Для меня у нее не было времени. Мне нужно было, чтобы она поверила, что я что-то замышляю, что у меня есть, что скрывать. В этом случае она бы пришла посмотреть и не смогла бы уклониться от того, что я собирался ей показать.»

«Значит... вы ожидали от меня--»

«Я ожидал, что ты выполнишь свой долг, Ладд. И, к счастью, ты выполнил.»

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ

14.10, 199.776.M41

Осколочные Равнины, Штаб

Спаршадская Боевая Зона, Анкреон Секстус.

Он ждал часами, почти, но не вполне заключенный, в спартанской камере на борту одного из командных Левиафанов. Он продолжал смотреть на свой бедный, разбитый хронометр, смотря, как медленно ползет время.

Двери камеры раскрылись внутрь на электрических моторчиках. В дверном проеме стоял Комиссар Фарагут.

Фарагут с презрением смотрел на Гаунта.

«Вытащили счастливую соломинку, Фарагут?» спросил Гаунт. «Вы, должно быть, очень счастливы. В затылок, пожалуйста. Я не хочу, чтобы ваше лицо было последним, что я увижу.» Фарагут напрягся, но наживку не проглотил. «Лорд генерал ожидает вас,» сказал он.

Вон Войтц был в главном командном тактическом центре Левиафана. Повсюду вокруг него была большая активность. Сотни голосов говорящих одновременно, сотни логических машин, щелкающих и жужжащих. Гололитические экраны на главной ямке стратегиума быстро менялись: цветные модели и очертания, символизирующие эффекты от громадной работы по координации.

Вон Войтц увидел приближающегося Гаунта.

«Ибрам,» сказал он, и сделал круговой жест. «Все это, Ибрам.»

«Сэр?»

«На этом все, Фарагут,» сказал Вон Войтц, и комиссар покинул их.

Вон Войтц повел Гаунта к более тихому боковому помещению, где восемь тактиков, включая Антонида Байоту, тихо обсуждали свою область работы вокруг активированного стола с экраном.

«Могу я попросить вас удалиться, джентльмены?» спросил Вон Войтц. «Байота, ты останься.» Остальные тактики вышли.

«Было некоторое предварительное расследование, Гаунт,» сказал Вон Войтц. «Ордо Ксенос, различные астропаты. Никакого твердого доказательства, что внутри Монса есть какая-то варп-сеть.»

«Ясно,» сказал Гаунт.

«Но это все было поспешно, предварительно, как я сказал. Время не на нашей стороне.»

«Нет, сэр.»

Вон Войтц вздохнул. «И это именно то время, когда лорд генерал отрабатывает свою зарплату. Доказано или не доказано, но должны быть сделаны решающие тактические решения, основанные на лучшей информации. Ты, должно быть, слышал аргументы против, среди старшего состава этим утром. Я едва не пристрелил парочку из них. К тому же, в лазарете есть два Гвардейца – один 'запятнанный' Призрак из твоей команды с Гереона, другой, определенно, нет – которые достаточно пришли в себя, чтобы дать показания о том, что они видели прошлой ночью. Я поговорил с ними обоими лично...»

Вон Войтц посмотрел на Гаунта. «Я знаю, когда люди лгут, и эти люди не лгали. Их слова испугали меня. А когда я читаю независимые показания, письменные утверждения от людей, как Новобазки, я понимаю, что был бы дураком, если бы отверг то, на что ты наткнулся.»

Лорд генерал бросил взгляд на Байоту.

«Тридцать восемь минут назад,» сказал тактик, «был отдан официальный приказ о незамедлительном отступлении сил Имперской Гвардии из Спаршад Монса и других степных городов на этой планете. Проводятся орбитальные маневры, чтобы разместить Флот на геостационарной орбите для орбитальной бомбардировки. Они, примерно, выйдут на огневые позиции через восемь часов.»

«Я собираюсь отдать приказ около полуночи сегодня,» сказал Вон Войтц.

«Вы собираетесь уничтожить города...» сказал Гаунт.

«Я собираюсь стереть их с лица Вселенной,» сказал Вон Войтц. «Как и хотел, между прочим, все время. Черт подери эту осаду.»

«Это благоразумное решение,» сказал Байота.

«Быстрая и полная победа здесь должна быть тем, что нужно Второму Фронту,» сказал Вон Войтц. «Твердое заявление об Имперском доминировании. Конец долгой, медленной, истощающей борьбы, которая высасывает соки и уничтожает боевой дух.»

«По-моему мнению, сэр,» сказал Гаунт, «проблемами Гвардии здесь являются – дезертирство, болезни, психозы – большинство из которых можно приписать на счет порчи в городах. Воздействие этих мест искажало умы и души людей, даже если они не знали об этом. Порча, которую Балшин так отчаянно выкорчевывала, здесь реальна и весьма, весьма губительна. Но в целом по Второму Фронту, проблема проста и заключается в том, что Макарот дал вам молодую, неопытную армию. Они напуганы, у них нет должной поддержки, они учатся вести войну по ходу дела. Здесь, в Спаршаде, для меня было честью служить вместе с молодыми людьми, которые никогда до этого не видели битвы. У них храбрые сердца, генерал, я могу поручиться за это. У них просто не хватает уверенности, чтобы использовать эту отвагу.»

«Имперская Победа на Анкреон Секстусе,» сказал Вон Войтц, ударив кулаком по краю стола. «Это добавит им огня в кишки. Они увидят, что Второй Фронт способен что-нибудь довести до конца.»

Гаунт посмотрел на схематичные изображения внешних отсеков на дисплее. «Вы собираетесь отдать приказ о начале бомбардировки около полуночи, сэр?» спросил он.

«Приблизительно, сразу, как только это станет осуществимо.»

«Это будет, в самом деле, логистическое чудо, чтобы вывести такое огромный контингент войск и машин из городов к тому времени. Особенно в ситуации, когда за них цепляется враг.» Вон Войтц бросил неловкий взгляд на Байоту. «Мы организуем настолько полный вывод, насколько возможно,» сказал тактик. «Прискорбно, но могут быть небольшие потери.»

«Ты имеешь в виду, черный крест?» сказал Гаунт.

«Да.»

«Так значит, любое подразделение Гвардии, слишком медленное, чтобы выбраться из городов к сроку... или любое, которое не сможет оторваться от врага...»

«Будет принесено в жертву,» спокойно сказал Байота. «Такие потери прискорбны, но, до определенной доли, считаются приемлимыми, по сравнению с общим стратегическим преимуществом.»

«Антонид имеет в виду,» проворчал Вон Войтц, «что если бы мы застряли с осадой, мы бы, почти наверняка, потеряли чертовски больше людей, чем тех, кто отдаст свои жизни во благо сегодня ночью.»

«Я понимаю, что он имеет в виду,» сказал Гаунт. «Бедному арьергарду достанется худшее.»

«А разве не всегда так?»

Гаунт отвернулся от дисплея и посмотрел на Вон Войтца. «Сэр, я прошу разрешения вернуться на фронт. Дисциплина будет решающим фактором того, как быстро и чисто может пройти отступление. Будет страх и паника, а, так же, небрежность. Вам нужен каждый комиссар, которого сможете найти, для управления.»

«Я ожидал, что ты это скажешь,» сказал Вон Войтц. «Если ты должен, тогда--»

«Я хочу отправиться в пятый отсек, сэр.»

Вон Войтц позволил легкой улыбке появиться на губах. «Да, думаю ты можешь. Они ведь там, так ведь?»

«Да, сэр.»

«Идите, Комиссар Гаунт.»

Гаунт забрал Эзру Ночь из камеры, куда Комиссариат поместил его, и они вместе забрали свое конфискованное оружие и пожитки у дежурного.

Взлетные платформы наверху корпуса бурлили активностью в ослепляющем дневном свете. Лифтеры, штурмовики и другие летательные аппараты уже доставляли персонал из Монса. Сервиторы выгружали оборудование, а команды техников, в защищающих от солнца одеждах, оперативно увозили его. Гаунт нашел смотрителя палубы, который сверился со своим списком и сказал Гаунту, что будут места на одном из тяжелых транспортников типа «Боевой Конь» через пятнадцать минут.

Гаунт с Эзрой ждали у ограждающего поручня. Собрались другие пассажиры, по большей части офицеры и медицинский персонал. С высокой точки, Гаунт мог видеть внизу лагерь Осколочных Равнин, растянувшийся под белым солнцем, жарящимся на

жаре. После дней в сером, сыром микроклимате Монса, накрытым дымом, это ощущалось, как другой мир.

Лагерь гудел. Даже Штаб Осколочных Равнин собирался отступить подальше от Монса до полуночи. Гаунт наблюдал, как временный город медленно разбирает себя.

Позади него взлетела с палубы пара Валькирий, и он повернулся посмотреть на них. Они по дуге взлетели в яркое голубое небо и полетели к огромному, темному облаку на горизонте.

Палубный смотритель позвал их, и они пошли с остальными людьми к одному из больших Боевых Коней. Это был уродливый, толстый летательный аппарат, с шелушащимся серым корпусом. Боковой люк был открыт, и они забрались в потрепанный, металлический грузовой отсек и закрепились в небольших настенных стропях.

Другой Боевой Конь поднялся в воздух с огромным шумом и в облаке летающего песка. Двигатели их транспортного средства начали разгоняться.

«Две минуты!» крикнул палубный смотритель.

Снаружи, в солнечном свете, появилась фигура, и забралась в отсек, последняя добавка к пассажирам. Он пошел к Гаунту и Эзре.

«Привет, Ладд,» сказал Гаунт.

«Я слышал вы были... Я имею в виду, я думал, что смогу...»

«Пристегнись,» сказал Гаунт.

«Это будет тяжело, так ведь?» сказал Ладд. «Будет трудно вывести людей вовремя.»

«Особенно, если они в арьергарде,» сказал Гаунт. «Первым вошел, последним вышел.» Ладд посмотрел на Эзру Ночь.

Медленно, осторожно, как ритуал, партизан размазывал воуд по своему лицу, готовый к войне.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ

15.05, 199.776.M41

Пятый Отсек

Спаршад Монс, Анкреон Секстус

Где-то, какой-то бог или похожая высшая сущность, возможно та, что восседает на золотом троне, от души смеялась над значимостью Люсьена Вайлдера. Обычно, думал Баскевиль, у его друга и вышестоящего офицера была утонченная оценка для хорошей иронии, но особенная ирония этой конкретной ситуации заставляла Вайлдера просто ругаться и сыпать проклятиями.

Они подобрались уже так близко.

Вайлдер метнулся вдоль сухой канавы и пригнулся позади разбитых кусков кварца, где Баскевиль и огневая команда сидели в укрытии.

«Ты можешь поверить в то, что сделала эта задница?» быстро проговорил Вайлдер.

«Какая именно?» спросил Баскевиль. «Мы все еще про Вон Войтца?»

«Нет!» прорычал Вайлдер. «ДеБрэй! Чертов дерьмоголовый ДеБрэй!»

«Потому что?»

«Он только что приказал отойти колоннам с боеприпасами В и С! Им обеим! Это оставляет нас--» Вайлдер замолчал, когда потом трассирующих пуль прошелся вдоль их позиции. Несколько попало в верхушки кварцевых валунов, подняв в спертый воздух измельченный камень.

Вайлдер поднял голову и закричал «Кто-нибудь, пожалуйста, уничтожьте тот стаббер ради меня?» Два орудия с расчетами неподалеку немедленно выстрелили.

«ДеБрэй уже приказал колоннам В и С покинуть зону,» продолжил Вайлдер. «Что оставляет нас с тем, что осталось от А. И, по словам главного оружейника с А, это в основном танковые снаряды и мины.»

«Нехорошие новости,» согласился Баскевиль.

«Как ДеБрэй собирается осуществить успешный отход?» Три мощных взрыва, в быстрой последовательности, раздались поблизости, и дико сотрясли их. Посыпался дождь из грязи.

«Черт возьми,» сказал Вайлдер, «мне нужно лучше рассмотреть. Идем со мной.» Вайлдер с Баскевилем покинули укрытие, пригнув головы, и побежали вокруг низкого хребта, где окопалась большая часть роты Каллида. Они продолжили продвигаться по склону с лиственницами на северной стороне хребта. Среди деревьев были солдаты Восемьдесят Первого Первого, Рота N. Вайлдер мог слышать, как Капитан Аркуда выкрикивает приказы.

Баскевиль с Вайлдером пригнулись, и Вайлдер вытащил свой бинокль. Случайные выстрелы попадали в верхушки мертвых деревьев вокруг них, шумевших, как суетливые лесные животные.

«Где Колеа?» спросил Вайлдер.

Баскевиль указал. «К западу, там, с поддержкой толпы Обела. Рота Варэйна пытается прикрыть открытый участок там, но по нему продолжают стрелять орудийные платформы, которые они притащили через... на вон тот подступ.»

Вайлдер поводил биноклем, и засек уродливые, многоствольные пушечные платформы, стреляющие на среднюю дистанцию, окутанные белым дымом. Он прекрасно знал, что Баскевиль сказал «на подступ», потому что он не хотел использовать фразу «через врата». Баскевиль не хотел напоминать Вайлдеру об иронии.

Орудийные платформы в самом деле «притащили через врата». Трон, они подобрались уже так близко.

Битва на и вокруг Холма 56 и Хребта 19 закончилась за несколько часов после прибытия обещанных подкреплений: огромное количество подкреплений, с еще большим количеством в дороге.

ДеБрэй самолично прибыл с подкреплением. Говорили, что Вон Войтц, в конце концов, решил отправить все резервы в Монс. К концу ночи, и с началом утра,

воодушевленная Имперская волна покатила вперед, делая большие успехи в пятом отсеке. Местами вражеское сопротивление, казалось, полностью исчезло. К середине утра, возвышающиеся ворота шестого отсека были ясно видны. К середине дня, Имперские войска были в полукилометре от них.

ДеБрэй предложил Восемьдесят Первому Первому, вместе с Колстековцами и группами бронетехники, воспользоваться благоприятной возможностью и отойти, чтобы отдохнуть. Они, в конце концов, держали линию фронт с самого начала наступления. Все, кто остались из Ротбергерцев, покинули поле битвы, истощенные и измельчавшие. Но в остальных играла кровь. Прибытие огромного подкрепления подстегнуло их дух, и Вайлдер, естественно, не собирался уводить своих людей от битвы и позволить кому-то еще забрать славу. Фофобрис из Колстека был того же мнения, как и Майор Гарроган из бронетанковой Хауберканцев. ДеБрэй любезно позволил им продолжить, и вместе, три подразделения продвинулись дальше всех. У них даже появилось чувство дружеского соперничества в том, кто из них будет иметь честь захватить ворота в качестве приза.

Вот тогда-то любимый бог и начал смеяться. Вперед передавался общий приказ. Вон Войтц приказал полное и незамедлительное отступление, которое нужно закончить не позже полуночи. Он приказал Имперской Гвардии бросить Спаршад Монс. ДеБрэй незамедлительно начал систематический вывод сил из пятого отсека, начав с тыловых колонн подкрепления, которые даже еще никогда не видели сражений.

Вайлдер не был полностью уверен в том, что происходит в голове лорда генерала. Очень немного, было его лучшим предположением. Он просто не мог понять почему, после всего этого времени и усилий, и жертв, Крестовый Поход собирается сдать Спаршад Монс.

В довершении всего, никто просто так не отступал с передовой. Требовалось правильное отступление. Определенные подразделения должны были оставаться на позициях до самого конца, прикрывая основное отступление и сдерживая врага, или они поспособствуют бойне. Стандартная тактика Гвардии предписывала, что любое такое действие должно ложиться на отряды арьергарда на наиболее продвинутых позициях. Для Восемьдесят Первого Первого, Колстековцев и Хауберканцев, больше не было шансов на славу от победы. Все, что было сейчас перед ними, так это

ужасная, изнурительная ответная атака, пока они прикрывали основное отступление до того времени, как они сами смогут убежать.

Просто убежать. Конец этой смехотворной экспедиции увидит, как они бегут, спасая свои жизни. Если он выберется живым, Вайлдер поклялся, что найдет Вон Войтца и—

«Сталк-танки!» сказал Баскевиль. Из врат появились пять машин, продвигаясь по неровному склону на помощь отрядам Кровавого Пакта вдоль нижнего хребта. Яростный орудийный огонь облизывал склон сверху донизу. Вайлдер слышал, как взрываются ракеты.

«Кто внизу, у той линии камней?» спросил он.

Баскевиль всмотрелся. «Рота Е,» сказал он.

Группа Мерина, подумал Вайлдер. «Я надеюсь, что у них осталось несколько фесовых труб, потому что те сталки доберутся до них, примерно, через десять минут.»

Еще больше случайных выстрелов пролетели сквозь мертвые деревья. Куски сухих веток летели вниз. Далеко на востоке, АТ70 стреляли, пытаясь выманить танки Гаррогана с крутого откоса.

«Полковник!» Вайлдер повернулся и увидел своего оператора вокса, Кешлана, бегущего к нему по лесистому склону.

Мелкокалиберный огонь затараторил по деревьям, и Кешлан с пронзительным криком упал.

«Черт возьми! Кешлан!» Вайлдер поднялся и побежал. Засвистело еще больше пуль, разбивая вдребезги кору и ветки. У каких-то ублюдков где-то был чертовски хороший угол.

«Заградительный огонь!» закричал Баскевиль Аркуде, и Рота N начала поливать лазерным огнем вражеские позиции.

Вайлдер добрался до вокс-офицера.

«Я в порядке, сэр,» сказал Кешлан. Его лицо было белым от шока.

«Куда они в тебя попали?»

«Всего лишь в броню, сэр. Наплечник вдребезги, но я в порядке.» Вайлдер осмотрел его. Пуля прорвалась сквозь наплечник Кешлана и порвала кожу. Несколько сантиметров направо, и Кешлан поймал бы пулю горлом.

«Надо научить тебя бегать,» сказал он. «Они вооружены, знаешь ли.»

«Да, сэр.»

«Хотел меня видеть?»

Кешлан поднялся. «Да, сэр. Сигнал от маршала, сэр. Хедроганская Легкая только что стала отходить позади нас, и мы должны ожидать, что последние из Сарпойцев последуют за ними в следующие сорок минут.»

«При такой скорости никого не останется, с кем можно будет поговорить,» сказал Вайлдер. Он видел, что молодой человек был напуган, и он хотел подбодрить его. Но нет, это не страх. Что-то еще.

«Что такое, Кешлан?»

«Сигнал от Роты I. Капитана Рэйдрела убили около пятнадцати минут назад, а его адъютанта и Сержанта Фавре убили, когда они пытались спасти его.»

«Святой Трон...» тяжело задышал Вайлдер. Фавре, и адъютант, Валлери, были отличными людьми и старыми товарищами. Рэйдрел был другом, одним из лучших офицеров под командованием Вайлдера. «Кто... кто теперь командует Ротой I?»

«Ух, Сержант Хастон, сэр.»

«Свяжи меня с ним.»

Кешлан начал устанавливать свои вокс. Подбежал Баскевиль.

«Рэйдрел мертв,» просто сказал Вайлдер.

Баскевиль посмотрел в сторону, затем на землю. «При такой скорости, мы все скоро будем,» сказал он. «Рука Вон Войтца играет с нами. Отступить будет почти невозможно. Трон, если бы я только мог закрыть эти ворота, хотя бы на час.»

«Точно. Или по волшебству перенести нас на безопасный мир, полный вина и цветов. Мне нужно чертово практическое решение прямо сейчас, Баск, а не--»

Вайлдер сделал паузу. «Ладно, это только что не я говорил. И это слушал не ты.»

«Не извиняйся, Люс. Я понимаю, что ты чувствуешь. Прямо сейчас я сам хочу кого-нибудь убить.»

«Хорошо, если повезет,» ухмыльнулся Вайлдер, «мы окажемся в центре чертовой битвы. Выместим зло на чертовом Кровавом Пакте.»

«От Сержанта Хастона нет ответа,» доложил Кешлан.

Вайлдер посмотрел на Баскевиля. «Баск, иди к Мерину и убедись, что его рота готова встретить те сталки. Если где-нибудь увидишь Харка, скажи ему, что он мне незамедлительно нужен в Роте I. Нам нужно сплотить их.»

«Иду.»

«Попробуй еще достучаться до Харка по микробусине,» крикнул ему вслед Вайлдер. Уходя, Баскевиль указал рукой на склон. «Еще больше плохих новостей,» пошутил он.

Вайлдер обернулся. Пригнув головы, приближалась группа людей.

«Это Майор Роун,» сказал Кешлан.

«Этого мне еще не хватало,» вздохнул Вайлдер.

Разумеется, это был Роун. Еще Новобазки, и Ферди Колосим, вместе с большинством из печально известного «охотничьего отряда». Вайлдер взобрался на насыпь, чтобы встретить их.

На протяжении прошлой ночи, Колосим держал Вайлдера в курсе передвижений охотничьего отряда, хотя все было смутно и кратко. Последнее, что слышал Вайлдер, команда Роуна направлялась на пункт 36 со «срочной информацией».

«Что вы здесь делаете?» спросил Вайлдер.

«Нас направили назад на передовую к вам этим утром,» сказал Новобазки. «К тому времени, как мы услышали об общем приказе, мы уже были почти здесь, так что пошли дальше.»

«Вам надо было повернуть назад,» сказал Вайлдер.

«Я бы предпочел отступить вместе с моим полком,» сказал Роун. Вайлдер изучил лицо Роуна, и понял, что человек был абсолютно серьезен. Он кивнул.

«Вы собираетесь рассказать мне, что произошло?» спросил он. «Я вижу Кортенхуса, Крийд, Варла, Белтайна и Бонина. Где остальные?»

«Эйб Виллярд не выжил,» сказал Колосим. «Маггса и Мколла увезли, раненых.»

«Во что, черт возьми, вы ввязались?» спросил Вайлдер.

«Гаунт был прав,» просто сказал Роун.

«Он был прав?» сказал Вайлдер. «Ты имеешь в виду, это место не то... не то, чем кажется?»

«Не, не то,» сказал Ферди Колосим.

Вайлдер почувствовал внезапный наплыв понимания, такой резкий и большой, что заставил его ощутить головокружение.

«Вот почему... Трон! Вот почему Вон Войтц приказал всеобщее отступление?» спросил он.

«Я, честно говоря, не знаю,» сказал Роун. «Нам не сказали. Нас допросил Комиссариат, а затем послали назад на передовую.»

«Гаунт,» сказал Вайлдер. «Чертов Гаунт! С тех пор, как он вернулся из мертвых, он превратил мою жизнь в бурю проблем и разочарований!»

Послышался шлепок, плоть о плоть. Вайлдер осознал, что Роун замахнулся на него кулаком. Разведчик, Бонин, остановил удар Роуна, крепко заблокировав своей рукой.

«Не надо, Эли,» прошипел Бонин, сжимая руку.

Роун опустил руку.

«Ой, пожалуйста. Продолжай,» сказал Вайлдер. «Покажи мне свой лучший удар. Я знаю, что у тебя чешется с того самого момента, как мы встретились.»

Роун покачал головой. «Это не так, Вайлдер. У меня большое уважение к вам, верите или нет. Но никто не смеет плохо говорить о Бrame Гаунте при мне.»

Вайлдер на мгновение задумался. Неподалеку прошла серия взрывов, и воздух задрожал от избыточного давления. Возобновившийся орудийный огонь начал трещать ниже них.

«Достаточно,» сказал Вайлдер. «Если вы вернулись, то вернулись. Начните делать что-нибудь хорошее. Ферди, бери Кортенхуса и возвращайтесь в свою роту. Нам будет нужно, чтобы левый фланг был прочным и в порядке в следующие два часа, чтобы Фуфу Фригвиг и его любимые Колстековцы смогли отступить.»

«Сэр!»

«Надей? Отправляйтесь в Роту I и творите свои чудеса. Мы потеряли Рэйдрела.»

«Нет!»

«Просто сделайте то, что сможете.»

Новобазки кивнул и поспешил прочь.

«Остальные идут со мной. Рота Е в затруднительном положении. Это рота *Мерина*, Майор Роун, просто, чтобы вы помнили, хорошо?»

«Я понял,» сказал Роун.

Они поспешили вниз по склону к утесу. Впереди стлк-танки начали брызгать лазерным огнем по позициям Восемьдесят Первого Первого.

Каффран рискнул пробежать между валунами, что позволило ему расположиться позади особенно большой гранитной глыбы. Танковый огонь протрещал мимо, и Каффран смог унюхать горящий камень. Грохочущие шаги приближающихся стлк-танков отдавались эхом по пологому склону.

Поблизости прятались солдаты, стреляя одиночными по солдатам врага, наступающим позади танков. Каффран мог видеть поблизости Ларкина, Оскета,

Калена и Мкиллиана, скрытых под камуфляжными накидками. Еще несколько Белладонцев. Он хотел вспомнить их имена.

Танковый огонь снова обрушился громкими взрывами, и Каффран пригнулся. Он снова поднял взгляд как раз в то время, когда убили троих Белладонцев. Их обезображенные тела лежали и дымились на выжженной земле. Теперь он *по-настоящему* хотел вспомнить их имена.

Он выглянул. Один из танков был очень близко, покачивающийся на своих тонких, насекомоподобных ногах, с визжащими и шипящими поршнями. Каффран поднял свою ракетную установку, проверил заряд, и активировал ракету, убрав контакт взрывателя. Он бормотал короткую молитву, когда делал это. Только для того, чтобы она правильно полетела.

Это был его последний заряд. Он посмотрел назад, туда, откуда он прибежал, и крикнул, «Гахин! Где ты, фес тебя?» У Гахина был его ранец. И тяжелый брезентовый контейнер с тремя последними ракетами в нем.

«Немного занят!» крикнул в ответ Гахин, пригибаясь, когда пули из стрелкового оружия пролетели мимо.

«Двигай сюда, Танитская задница!» крикнул Каффран. Танк снова открыл огонь. Это звучало похоже на то, как галька скользит по мокрому пляжу. Это напомнило Каффрану о шторме, нахлынувшем на Оскрэй Айленд.

Фес, как давно это было?

«Еще не скоро, Кафф?» крикнул Кален. Каффран положил на плечо пусковую установку, прислонился к ней, и обхватил пальцами спусковой крючок.

Он высунулся из укрытия и поднял дуло. Танк был прямо там. Орудийные турели перемещались туда сюда в поисках живых целей. Он сжал пальцы и надавил на спусковой крючок. Установка дико подпрыгнула на его плече, когда вылетела ракета. Последовал сосущий порыв, и извержение пламени.

Ракета вылетела, оставляя за собой белый дым в воздухе, и врезалась в передовой сталк-танк. Взрыв разорвал голову и живот сталка, разнес кокон оператора, и

опрокинул машину на спину. Он лежал там, горя, его длинные металлические ноги судорожно дергались.

Послышались радостные возгласы. *Преждевременно*, подумал Каффран. Оставалось еще четыре стелк-танка, медленно идущих к линии Роты Е, и куча солдат Кровавого Пакта с ними.

Он понимал, что ему нужен более хороший угол для следующего танка. Он напрягся, а затем побежал по открытому участку к камням, где прятался Ларкин.

Пронзительный оружейный огонь преследовал его. Он упал на живот и подполз к снайперу.

«Очень изящно,» сказал Ларкин.

«Они стреляли в меня.»

«Я их не виню. Посмотри на беспорядок, который ты сотворил из их славного танка.» Ларкин воткнул свежую обойму с горячим выстрелом и закрепил свой лонг-лаз.

«Кстати о танках,» начал он.

Они подбирались ближе. Каффрану не нужно было говорить об этом старому снайперу. Что ему было нужно, так это ракета. Его установка дымилась и была пуста.

«Гахин! Давай сюда!»

Гахин прокричал в ответ что-то малопонятное. Волоча мешок с ракетой, он начал бежать, и добрался до камня, который до этого служил укрытием Каффрану.

«Знаешь,» начал Ларкин, непринужденно, как будто они не были в центре вселяющей ужас схватки. «Те дети. Хорошие дети. Колеа, на самом деле, надо проснуться и что-нибудь сделать. Они имеют право знать.»

Каффран заморгал. «Фес, все что ли знают?»

Ларкин пожал плечами. «Тона рассказала мне. На Гереоне не было места для секретов. »

«Гереон, Гереон, Гереон... Я бы отдал все деньги, только бы вы все молчали об этом месте. Это было просто место. Просто фесовое место.»

«Тебя там не было,» сказал Ларкин. «Ты не понимаешь.»

«Я знаю, что я устал слышать о нем.» Каффран повернулся. «Гахин! Мне нужны эти ракеты!»

«В один момент ты жив, в следующий ты мертв. В нашем деле, я имею в виду,» продолжил Ларкин.

«Заткнись, старый ублюдок!»

«И чего тогда стоят секреты? Даже секреты, сделанные из лучших побуждений. Твой сын и твоя дочь имеют право знать ою их другом отце, Кафф. А Гол имеет право--»

«Заткнись, Ларкин! Заткнись нафес! У нас здесь проблемы!»

Мощный лазерный огонь от передового танка провизжал над их головами.

«Гахин! Заряди меня!»

Гахин посмотрел налево и направо, замер, когда выстрелы с воем пролетели мимо, а затем начал бежать к Каффрану, с тяжелым мешком с ракетами на плече.

Он пробежал три метра, и пуля от пехоты Кровавого Пакта попала ему сбоку головы. Все, что было внутри его черепа, вылетело дождем с другой стороны. До того, как он даже начал падать, в него попало еще два выстрела, разворачивая его безжизненное тело, заставляя его утратить все сходство с человеком.

Он ударился о сухую землю и покатился, одной рукой импульсивно царапая воздух.

«Ох, фес!» прошептал Каффран. Он начал было идти к нему, но Ларкин схватил его и дернул назад. Огнестрельный огонь прочесывал открытый участок, толкая и дергая жалкий труп Гахина. Мешок с ракетами был вне досягаемости.

Солдаты Кровавого Пакта уже бежали недалеко. Рота Е встретила их шквалом лазерного огня. Ларкин прекрасным выстрелом уложил офицера. Но огонь стрелкового оружия все еще продолжал беспрестанно трещать.

«Я не могу зарядиться,» сказал Каффран. «Я не могу остановить те танки.»

«Это не хорошо,» непринужденно согласился Ларкин, вставляя новый горячий выстрел.

«Ларкс!» сказал Каффран, держа голову низко. «Целься в оператора. Там, мужик! В пузыре! Убей его!»

Ларкин прислонил свою новую винтовку к щеке, и прицелился в ближайший стелк-танк. Сквозь прицел он мог видеть мутировавшего, аугментированного оператора в своем жидком коконе под изогнутым хвостом.

«Ларкин!»

«Не торопи,» сказал Ларкин. Он выдохнул и нажал на спусковой крючок. Кокон взорвался.

Стелк-танк сделал еще несколько запинающихся шагов, и замер недвижимо на своих тонких ногах.

Волна Кровавого Пакта была почти перед ними. Каффран бросил свою пусковую установку и вытащил лазерный пистолет. Он начал стрелять в подбегающих вражеских солдат. Поблизости, Мкиллиан вскрикнул, когда лазерный заряд убил его и сбросил с камней.

Дождь лазерного огня врезался в наступающего архиврага. Они сгибались и падали.

«Вперед! На них!» кто-то прокричал.

Это была Тона Крийд, бегущая вперед, стреляя на полном автоматическом огне. Рядом с ней были Варл и Бонин.

Они, казалось, не замечают опасности, а просто бегут навстречу плотному огню.

Варл добежал до линии камней рядом с Каффраном, поставил ногу на один из них, чтобы укрепиться, и стал стрелять от бедра.

«Небольшие проблемы?» спросил он.

Крийд побежала вперед, выстрелила солдату Кровавого Пакта в шею, и схватила упавший мешок с ракетами, лежащий рядом с телом Гахина.

«Лови!» крикнула она, кидая его Каффрану.

«Первый и Единственный!» заорал Варл, когда ячейка опустела. «Первый-и-фесово-Единственный!» Каффран схватил мешок и начал заталкивать ракету в установку.

«Тона!» крикнул он. «Нам нужно--»

«Заткнись, я работаю!» прокричала она, выпуская заряды в троицу солдат Кровавого Пакта.

В один момент ты жив, в следующий ты мертв. И чего тогда стоят секреты?

Каффран мельком посмотрел на тело Гахина. Прodelал такой путь с Танита, а затем просто ушел. Просто ушел, вот так.

Он зафиксировал свежую ракету в установке, привел в боевую готовность с быстрой молитвой, и поднял оружие на плечо.

В семидесяти метрах позади него, Вайлдер сопротивлялся Баскевилю, Фейгору и Мерину.

«Сейчас не время,» сказал он.

«Думаю, что время,» сказал Баскевиль. «Люс, я спустился сюда, чтобы повторить свое легкомысленное замечание о том, как я хотел бы закрыть эти ворота. И Фейгор сказал, что мы могли бы.»

«Это возможно,» сказал Фейгор.

«Это чушь собачья,» сказал Вайлдер.

«Нет, сэр,» сказал Баскевиль. «Послушайте человека.»

«Мы можем взорвать их,» сказал Фейгор. «Если у нас будет достаточно взрывчатки.»

«И как вы надеетесь--»

«Противопехотные мины марк IX,» улыбнулся Фейгор. «В последний раз, когда я смотрел, их было много в колонне с боеприпасами. Набиты прессованным диотридом D-6. Взрывоопасная замазка, очень опасная. Дайте мне полчаса и подходящий взрыватель, и я смогу собрать устройство, которое снесет фесовы ворота.»

«Нет,» сказал Вайлдер. «Это не вариант.»

«Это, на самом деле, он,» сказал Роун из-за спины Вайлдера.

Вайлдер обернулся. «Так теперь твой адъютант еще специалист по взрывчатке? Вы не будете слоняться вокруг с противопехотными минами, и вы, определенно, не будете слоняться вокруг с D-6. Если бы у меня здесь был уполномоченный подрывник, или техножрец, тогда, может быть, я--»

«Фейгор знает эти штуки. Всегда знал. А после Гереона--»

Вайлдер застонал. «Ой, Роун! Не *последегереонь* меня. Не сейчас.»

«Думаю, что буду. Как вы думаете мы проводили наши подрывные диверсии там, Вайлдер? Мы что, отказывались от идеи, потому что у нас не было уполномоченного подрывника? Фейгор знает эти штуки.»

«Знаю. Я могу обращаться с ними,» сказал Фейгор.

Вайлдер замешкался. Впереди, ракеты врезались в наступающие танки.

«Значит, Фейгор сделает устройство. Потом что?»

«Мы доставим его к воротам,» сказал Мерин. «Проскользнем туда.»

«Что еще?» спросил Вайлдер.

«Кому-то надо будет нести устройство,» сказал Фейгор. «Оно будет тяжелым. По-настоящему тяжелым. Мне нужен кто-нибудь сильный.»

Прозвучал грохот металлических баков, упавших на землю. «Я готов,» сказал Бростин, подходя. Он оставил огнемет висеть на своем широком плече.

«Баск?»

«Я думаю, что это может сработать, Люс,» сказал Баскевиль.

«Работай, Фейгор,» сказал Вайлдер.

«Я соберу ударный отряд--» сказал Роун.

Мерин прервал Роуна. «Я соберу ударный отряд, чтобы доставить устройство на место. Это инициатива Роты Е. Последнее, что я слышал, я все еще командовал ей.» Роун кивнул.

«Значит, я поведу отряд,» сказал Мерин.

«Без проблем, капитан,» ответил Вайлдер. Мерин поспешил прочь.

Вайлдер осознал, что Роун смотрит на него. «Что?»

«Вы должны понять насчет врат, Вайлдер. Враг не приходит из другого отсека. Он просто выходит из врат. Это ворота варпа.» Вайлдер пожал плечами. «Неважно, Роун. Но если мы закроем эти ворота, результат будет таким же, правильно?»

Роун кивнул. «Думаю так.»

Когда Мерин быстро проходил мимо, Бэнда схватила его за рукав.

«Что ты делаешь?» спросила она.

«Кончаю с этим, Жесси,» сказал он.

«Я слышала, как ты только что перебил Роуна. Ты пытаешься что-то доказать?» Он посмотрел на нее. «А что, если так?»

«Если так, постарайся не заставлять меня скучать по тебе, когда ты уйдешь,» сказал Бэнда.

Полчаса превратились в полтора. Враг продолжал выходить из врат. Каждый раз, когда это происходило, вздыхающие ветра из другого мира дули по отсеку.

«Фейгор?» позвал Вайлдер по микробусине.

«Готово. Настоящая работа. Идем.»

«Баск!» крикнул Вайлдер. «Рассредоточение вдоль входа во врата! Обел? Домор? Варэйн? Ротам открыть заградительный огонь!»

Рядом с серединой линии Восемьдесят Первого Первого, Новобазки удалось собрать Роту I.

Они заняли позицию в и вокруг длинного острова из колючего кустарника, которая давала им хороший угол обзора на врата. «Заградительный огонь!» закричал Новобазки. Он мог видеть тревожное количество темно-красных фигур среди обломков гранита в семнадцати метрах впереди. Высоко над головой пролетали беспризорные снаряды, как потерявшиеся птицы.

«Комиссар!»

Новобазки повернулся и увидел бегущего Харка.

«Мы должны наступать,» сказал ему Харк. «Сидение здесь и стрельба проблемы не решит. Вы не можете это видеть под этим углом, но там масса врагов, позади той породы. Нужно, чтобы эта рота пошла вперед к той позиции и установила полосу обстрела, или ублюдки отрежут наш центр.»

Новобазки кивнул, и передал инструкции командирам отделений. Затем он вспомнил о плазменном пистолете, и предложил его Харку.

«Ваше.»

«Оставьте,» сказал Харк.

«Спасибо. Он хорошо нам послужил,» сказал Новобазки.

«И снова послужит,» кисло сказал Харк. «Я понимаю, вы встретились с Гаунтом.» Новобазки кивнул. «Кратко. Он мне показался выдающимся человеком.»

«Рад, что вы так думаете,» кивнул Харк. «Я всегда верил, что это так.» Объединенные отряды Восемьдесят Первого Первого уже поливали вход во врата огнем.

«Рота вперед!» закричал Новобазки. «Вперед и огонь по готовности!» Ударный отряд Мерина, в двадцать человек, бежал вперед, продираясь сквозь сопротивление Кровавого Пакта на восточной стороне врат. Мерин выбрал восточную сторону из-за того, что она была особенно усеяна камнями и толстыми каменными плитами, которые за столетия упали со стен. Здесь было множество укрытий, и по большей части они могли быть защищены от основной массы Кровавого Пакта.

Это все равно было смертельно. Дикий огонь шипел между камней, а через каждые несколько метров вражеские солдаты могли внезапно появиться из-за валунов. За

первые пятнадцать минут убили двух Танитцев, а затем трех Белладонцев, которых Мерин выбрал из Роты Е.

«Вперед! Вперед!» выкрикивал Мерин. У них было небольшое окно благоприятной возможности, пока мощный огонь с линии Восемьдесят Первого Первого гнал архиврага назад к стене отсека.

Мерин бежал вперед, стреляя короткими очередями из-за камней. Позади него был Бростин, сражающийся с весом наскоро собранного устройства Фейгора.

«Давай, давай!» кричал Фейгор, таща пакет с детонатором.

«Фес, Мюрт, сам попробуй понести это!» проворчал в ответ Бростин.

Мерин добрался до кучи камней перед воротами. Лазерный заряд попал ему в голову, и он упал.

С затуманенным взором и болью, он потянулся и нашел влажную рану вдоль черепа. *Почти смертельный выстрел.*

«Вперед!» крикнул он.

Архивраг рассредотачивался широким веером, выходя из врат. Рычащая бронетехника уже наступала на позицию Каллида, и простиралась на восток до линии Хауберканцев. Сами врата были пустыми, как отверстия на черепе.

Бростин, шатаясь, вошел в широкую черную пасть врат.

«Как далеко?» крикнул он, его голос отражался эхом.

«В самую глотку!» закричал Мерин. Из низкого бассейна полетели выстрелы от Кровавого Пакта. Они, внезапно, осознали, что позади них сновал разведывательный отряд. Кагер упал, мертвый. Мкелла опрокинулся с разорванной на части грудью.

«Быстрее!» закричал Мерин. Его голова болела.

Лазерный заряд ударил Мерина по руке, и взорвал его бицепс дождем кровавого мяса.

Фейгор схватил его и поддержал. «Беги!» сказал Фейгор.

«Но--»

«Просто фесово беги, Мерин!» заорал Фейгор. «Бростин установил заряд.» Бростин бежал назад из врат. В него попал лазерный выстрел. Он упал, а затем снова встал, кровь текла из множественных ран.

«Установлено!» закричал он. Еще два члена ударного отряда Мерина были убиты.

«Беги! Беги!» кричал Фейгор, устанавливая самодельный детонатор. Мерин начал бежать, лазерные заряды свистели позади него.

«Откройся пошире,» сказал Фейгор, стукнув по взрывателю.

На мгновение показалось, что ничего не произошло. Сила взрыва была такой мощной, что ее шум и ярость были за гранью человеческих чувств. Последовал мощный, тяжелый хлопок, как будто громадная масса врезалась в землю, а затем гигантский, вулканический дождь грязи и камней вырвался из пасти врат.

Фейгор начал смеяться. Он отбросил в сторону детонатор и поднялся на ноги.

Лазерный заряд попал ему в грудь. Он упал на колени, кашляя кровью.

«Мюрт! Мюрт!» кричал Бростин, когда добежал до него.

Мюрт Фейгор пробормотал что-то, и повалился на землю.

Бростин подхватил его обмякшее тело и начал бежать.

«Видели?» закричал Баскевиль. «Они сделали это!»

Вайлдер ждал. Он видел огромный, плотный конус дыма, поднимавшийся от затопленных огнем врат. Он подумал, что почти готов начать улыбаться.

Он почувствовал холодных бриз от изменения давления, как будто где-то открылась дверь, впуская холод. Дым поплыл и огонь забурился, когда холодный ветер пронесся сквозь них. Линия темно-красных боевых танков, покрытых ржавчиной и тяжелых, начала выкатываться из врат шестого отсека, разбрасывая обломки и затухающие огни перед собой.

Они *не* сделали это. Даже близко.

ДВАДЦАТЬ СЕМЬ

18.11, 199.776.M41

Пятый Отсек

Спаршад Монс, Анкреон Секстус

Предательские войска проклятых и безумных выблеывались из пасти врат непомерной волной. Людям на земле казалось, как будто сам варп порвался и разбросал свое содержимое.

Наступающие боевые порядки боевых машин и солдат, мобильных орудий развевающихся знамен, заставляли все, что они видели до этого, казаться таким банальным и незначительным. Войска, с которыми они сражались несколько последних дней, были, всего лишь, передовой группой.

Наступала ночь, но черная мерзость, вылетающая из врат шестого отсека и кружащаяся вокруг прибывающих врагов, летела вверх и ускоряла наступление темноты. Загадочная дверь на этот раз открылась так широко, что принесла с собой погоду от климатической системы какого-то свирепого мира, откуда выходили эти существа. Не только холодные ветра, но и туман с сыростью. Грозовые разряды трещали наверху стен отсека, и покрывали каменную поверхность возвышающегося сердца Монса, как светящийся плющ. Начал идти ледяной дождь, шипя в пожарах.

Колстекские силы незамедлительно понесли тяжелые потери и отступили в отчаянии.

Затем наступление добралось и до Восемьдесят Первого Первого. Каллид и почти вся его рота были уничтожены. Сотни тел в черной боевой форме лежали среди горящего кустарника.

Вайлдер отвел Восемьдесят Первый Первый назад, сквозь дождь, сквозь пояса чахлой лестной местности и гранита. Было искушение спастись бегством, но это бы ускорило и без того огромную катастрофу. Архиврага нужно было замедлить. Их нужно было изводить и задержать. Колстек, полууничтоженный на западе, казался

неспособным сделать это, но остатки Хауберканских танков все еще были способны помочь Восемьдесят Первому Первому.

Звук орудийного огня был постоянным и оглушительным. Вайлдер встретился с Кешланом у высохшего ручья.

«Свяжись с ДеБрэем!» кричал сквозь шум Вайлдер. «Скажи ему, что отступающие двигались быстрее! Так быстро, как только могут. Скажи ему, что они должны выбраться из отсека! Скажи ему, что за ними гонится ад!»

В полукилометре позади, на участке горячей лестной местности, Роун, Колеа и Баскевиль установили приличный заслон с людьми, которых они привели с собой. Два подразделения поддерживали огонь, пока третье отступало. Это работало против пеших солдат и гротескных мутантов, которые заволокли границы леса. Но приближались танки, тяжелые Разбойники, по звуку двигателей, возможно даже еще что-то более большое, а у подразделения не осталось ракет.

Роун увидел людей,двигающихся мимо него в дыму, отставших солдат, пытающихся присоединиться к отступлению. Многие из них тяжело ранены.

Он увидел Мерина, покрытого кровью, которому помогали два Белладонских солдата.

Он увидел Бростина, бегущего так быстро, как только может, с бездыханной фигурой у него на руках.

«Бростин!» Роун побежал к нему. Огнеметчик был покрыт кровью. В него самого несколько раз попали. Фейгор был просто вялой кучей, кровь пропитала его мундир.

«Положи его,» сказал Роун.

«Я могу нести его. Я отнесу его медику. Я отнесу его Дордену. Он залатает его.»

Роун положил руку на шею Фейгора. Было невозможно сказать, был ли пульс или какие-то признаки дыхания. Даже если Фейгор был все еще жив, он не будет к тому времени, когда Бростин вынесет его из отсека.

«Положи его,» повторил Роун.

«Нет!» Бростин был возмущен этой мыслью. «Мы не для того прошли через фесов Гереон, чтобы умереть в таком месте, как это! Я могу нести его!» Он пошел дальше, наталкиваясь на дымящиеся деревья. «Я могу нести его!»

Вайлдер добрался до возвышающегося открытого участка, и попытался сориентироваться. На востоке, по меньшей мере, четыре роты Восемьдесят Первого Первого, вместе с несколькими Хауберканскими танками, продирались сквозь кустарниковую местность, направляясь неуклонно на юг. Прямо за ними, рота Даура и части роты Обела, вместе с набором людей из подразделений Колосима и Варэйна, сцепились в брутальной схватке с передовыми частями Кровавого Пакта.

Вайлдер осознал, что западный фланг опасно разверзся. Если враг зайдет с той стороны, они окружат Даура, Обела и остальных просто и легко. Что случилось с его боевым порядком?

Он снова огляделся, призывая Роту А собраться вокруг него в огневую линию. Его горло болело от дыма. Дождь становился сильнее, а земля превращалась в грязь. К югу от него, земля поднималась и вырастала в существенный холм. С небольшим удивлением, Вайлдер осознал, что это был Холм 56, тот самый участок, на который они были назначены в начале этой бессмысленной и изнурительной экспедиции. Если бы он смог сохранить сплоченность достаточно долго, чтобы доставить войско на его вершину, у него бы была доминирующая огневая позиция над кустарниковой местностью. К западу от холма была широкая главная дорога.

Она была забита частями убегающих отрядов Колстековцев. Он увидел, к своему смятению, что в хаосе роты Домора и Сабрезе отступили слишком далеко, прямо к дороге. Именно там сформировалась брешь.

«Кешлан!» крикнул он. «Быстро свяжи меня с Сабрезе! Нам нужно, чтобы он немного отошел назад.» Вокс-офицер повиновался, но он выглядел неуверенным. Расстояние было значительным. Убедить этих людей вернуться в зубы вражеского наступления будет трудной задачей. Яростный обстрел и огонь тяжелых орудий велся слева, с выжженной кустарниковой местности. Даже самые верные солдаты будут колебаться от такой попытки.

Начала происходить любопытная вещь. Кешлану еще предстояло найти свободный канал, а люди Сабрезе и Домора уже начали возвращаться назад. Они возвращались в битву, прикрывая дорогу. Брешь, на самом деле, начала закрываться.

«Соединиться с теми людьми!» закричал Вайлдер Роте А. «На склон! Поддержите их огнем, когда они подойдут ближе!»

Кровавый Пакт и мутанты устремились из кустарника, но роты отбросили их стремительным огнем. Вайлдер мог слышать выкрики от людей Домора, и от людей Сабрезе тоже. Боевые кличи. Пылкие, почти страстные.

Он увидел две фигуры среди них. Два комиссара, направляющие течение перегруппировки.

У одного был высоко поднятый меч.

«Призраки Танита! Люди Белладона!» кричал Гаунт. «Сомкнуть ряды! Дать отпор врагу!»

«Первый и Единственный!» кричали люди.

«Домор! Отведи людей на те камни,» кричал Гаунт, когда быстрым шагом шел сквозь людей.

Эзра шел с ним, с поднятым рейнбоу. Люди казались поражены при виде Гаунта так же, как и при виде возвышающегося воина, идущего у него по пятам.

«Да, сэр!» рявкнул Домор. Несмотря на приближающийся ужас, у солдат появилась энергия. «Гаунт с нами!» закричал Домор. «Гаунт с нами! Чирия, Нен! Людей на те камни! Раглон, отряд налево, беглый огонь!»

«Мы можем сделать это,» сказал Гаунт Домору. «Мы не сможем победить, но мы сможем сдержать их.»

«Да, сэр,» сказал Домор. Он совершенно не мог принять вид человека перед ним. Даже со своими аугментическими, Гаунт не казался ему реальным. «Сэр, вы призрак?» спросил он.

Гаунт улыбнулся. «Всегда им был.»

Подбежал Ладд. «Справа держаться отряды, сэр.»

«Иди к ним, Ладд. Держи их вместе и держи их сильными.»

«Как, комиссар?»

«Импровизируй. Спой им песню, скажи им, что ты мой клон, все, что сработает.»

Ладд кивнул и побежал прочь. Раненые солдаты из конца отступающих войск притормаживали, когда проходили мимо. Танитцы и Вергхастцы среди них моргали, когда видели Гаунта. Некоторые останавливались, и, несмотря на свои раны, шли к нему.

«Идите дальше,» крикнул Гаунт. «Выбирайтесь отсюда по дороге. Мы позже выпьем за этот день вместе.»

Гаунт увидел Бростина среди них, Бростина и его печальную ношу. Он тотчас пошел в огромному огнеметчику. Бростин опустился на колени, уставший, раненый и едва способный идти дальше. Он крепко сжимал безвольное тело Фейгора в своих больших руках.

«Отпусти его,» сказал Гаунт. «Оставь его на земле.»

«Сэр...»

Эзра опустился на колено и проверил Фейгора. Он посмотрел на Гаунта и покачал головой.

«Он ушел, Бростин,» сказал Гаунт. «Я опоздал к нему, но не к остальным.» Бростин аккуратно положил тело Фейгора на мокрую траву. Дождь стекал по его бороде, как слезы.

«Иди, Бростин. Я догоню тебя.»

Гаунт выпрямился и повернулся в сторону битвы. Эзра слегка коснулся к его руки и указал. Приближался офицер.

«Комиссар Гаунт?»

«Полковник Вайлдер?»

Они стояли, смотря друг на друга в дожде. Гаунт взял меч в левую руку и протянул правую.

«Мои поздравления, полковник. Лорд генерал приказал мне вернуться на передовую, чтобы помочь с арьергардом.»

Вайлдер пожал его руку. «Кажется, нам не нужна сейчас помощь, чтобы умереть,» сказал Вайлдер.

«Вы организовали отличный отход, Вайлдер,» сказал Гаунт. «Большое количество жизней избавлено от--»

«Еще не все кончено,» резко сказал Вайлдер. «Вы понятия не имеете о том количестве врагов позади нас.»

«Тем не менее, я думаю, что мы можем назвать этот день законченным. Выводите людей на дорогу и доставьте их в--»

«Вы не слушаете!» резко бросил Вайлдер. «Надвигается ночной кошмар, и мы должны сдерживать его так долго, как только можем. Я собираюсь направить войска на тот холм, по меньшей мере, роту. Там они смогут держаться достаточно долго, чтобы позволить остальным уйти.» Гаунт внимательно посмотрел на холм. «Я полагаю, что это возможно...»

«Слушайте, Гаунт. Я понимаю, что вы хотите вернуть своих людей.»

«Моих людей? Они не мои люди, Вайлдер. Они ваши. Восемьдесят Первый Первый. И, так же, отличный полк. Дайте мне командование ротой, и я буду держать этот холм для вас. Я куплю вам достаточно времени, чтобы остальные из ваших людей выбрались.»

Вайлдер улыбнулся и покачал головой. «Я не прикажу человеку умереть, пока сам бегу домой. Так же, как я не ожидаю, что вы будете делать ту работу, которую я не смогу сделать сам. Мой полк, сказали вы. Мои люди. Мое дело.»

«Вайлдер--»

«Мне кажется, что я выше вас по званию, комиссар. У вас нет командного звания. Я буду держать холм с Ротой А. Мой приказ вам взять полевое командование

оставшейся частью полка, и доставить их в безопасное место, пока я прикрываю ваши спину.»

«Ради Трона, Вайлдер, не будьте такой задницей! Это не соревнование, чтобы увидеть, кто из нас более важный человек, это--»

«Вообще-то, это почти оно. И в этом случае, мы оба выиграем и мы оба проиграем.»

«Полковник, я не--»

«Вы не подчиняетесь прямому приказу, Гаунт? Я слышал, что вы вернулись из того места с непокорной жилкой внутри. Отсутствие должной дисциплины. В Имперской Гвардии для этого нет места. Я отдал вам приказ. Вы собираетесь следовать ему?» Гаунт пристально посмотрел на Вайлдера. «Да, сэр,» сказал он, и отдал честь.

«Великолепно. Идите.» Вайлдер в ответ отдал честь и отвернулся.

«Император защищает,» сказал Гаунт.

Вайлдер фыркнул. «Кого-то из нас точно.»

Линия обстрела с вершины Холма 56 была именно такой хорошей, как Вайлдер и надеялся. Он собрал Роту А, и начал обстреливать кустарниковую местность, где вражеские отряды уже были на виду, усиленно продвигающиеся по выжженной и дымящейся земле.

«Держать темп, Рота А!» закричал Вайлдер. Внизу было почти невозможное количество целей, орды красных и черных фигур, машин, которые катились или шагали.

Деревья вдали горели, как доменная печь, и выбрасывали дым до возвышающихся стен отсека.

В большом числе появились сталкеры, без сомнения из своих таинственных дверей. Многие сказали впереди вражеских солдат, как гигантские боевые псы, ухая и ревя. Некоторые были гигантскими созданиями.

Вниз по дороге к западу от Роты А, последние из их товарищей уходили, на юг, в сгущающуюся тьму.

Генадей Новобазки быстро ходил вдоль линии Роты А, его голос был дерзок и тверд. На Берегах Марика, мои друзья,» декламировал он, «отцы наших отцов стояли под флагом Белладона. Сломались ли они и побежали? Да! Но только у себя в мыслях. Они бежали к знакомым местам и любимым, где они могли бы быть в безопасности... а затем, благодаря дальновидности Бога-Императора, они увидели, чем станут их родные места и любимые, если они не выдержат, и они выдержали! Что вы чувствуете?»

Из рядов послышался ликующий рев.

«Кровь Белладона подобна вину на губах Императора!» бушевал Новобазки. «Души Белладона занимают особое место подле него! Если мы прольем нашу кровь здесь сегодня, значит эту землю Он выбрал для благословения! Ох, счастливая земля!» Он вытащил плазменный пистолет и осторожно снял с предохранителя. В этот раз никаких ошибок. «Оставайтесь твердыми и стреляйте, друзья мои, оставайтесь твердыми и стреляйте! Если они собираются забрать нашу драгоценную кровь, тогда они обнаружат, что цена будет больше, чем они смогут себе позволить! Ярость Белладона! Ярость! Ярость!»

Вайлдер ухмылялся, когда слушал хлынувшую речь Новобазки. Это произведение искусства, он всегда так думал. И когда еще, как не сейчас.

«Кешлан!» Вокс-офицер подбежал к нему.

«Да, полковник!»

Вайлдер попросил трубку вокса. «Включи динамики, пожалуйста, Кешлан. На всю громкость, что есть.»

«Да, сэр!»

Первый воины архиврага начали забираться на склон Холма 56, в поток огня.

Сотни пали, но за ними были тысячи, готовые занять их место. Горны Кровавого Пакта ревели в ночном воздухе. Мерцали клинки, развевались знамена. Дикие мутанты и кованые звери возглавляли атаку.

Криволап Трижды-кованый был в самом начале наступающей линии, стряхивая вспышки света, которые попадали в его шкуру. Он забрался по длинному склону, ревя сквозь свои горловые мешки. Он мог видеть и чувствовать мясо перед собой. Ряды маленьких мясных фигур, которые, на удивление, отказывались убегать при виде него.

Прыгая вперед, трижды-кованый открыл свою пасть и выдвинул зубы.

Вайлдер постучал по трубке вокса и поднес ее ко рту. Когда он говорил, его голос громыхал из вокса Кешлана, искаженный от громкости.

«Твердо держитесь, Рота А! Ярость Белладона! Держите линию и отбросьте их!» Его усиленный голос отдавался эхом на открытом холме, унося его приказ в дождь и свирепую ночь.

Его последний приказ.

ЭПИЛОГ

00.07, 200.776.M41

Анкреон Секстус

Вышло солнце, посередине ночи, и степные города погибли. Даже с очень большого расстояния было возможно наблюдателям увидеть непосредственную бомбардировку без приборов ночного видения или солнечных очков.

Разрушительные столбы белого света спустились с неба и пробурили глубокие черные дыры в мире.

Боевым кораблям Имперского Флота понадобилось пять часов непрерывной орбитальной бомбардировки, чтобы стереть древние и проклятые камни монолитных городов из бытия.

В последующие дни, все, что осталось от мест, где когда-то стояли степные города, это зияющие раны в земле, некоторые глубиной в километр. Внутри этих медленно охлаждающихся котловин, скрылась драгоценная красота. Ярость оружия трансформировала камень и песок, сплавив их в стекло, которое блестело и переливалось цветами в ярком солнце.

Сразу после полуночи, Гаунт был среди многих сотен Имперских офицеров, собравшихся на посадочных площадках, наверху корпуса одного из командных левиафанов, чтобы посмотреть на далекое уничтожение Спаршад Монса. Цвейл стоял рядом с ним. Он позаимствовал у Эзры солнечные очки, и вздрагивал и вздыхал при каждой вспышке света.

«Ты это сделал, Ибрам,» сказал Вон Войтц, подходя к Гаунту и кивая в сторону страшного светового шоу. «Надеюсь, ты гордишься собой.»

«Кое-чем горжусь, сэр.»

«Я понимаю, что они снова твои?» сказал Вон Войтц.

«Это, всего лишь, полевое командование,» сказал Гаунт. «Только на время.»

«Увидим,» сказал Вон Войтц.

«Он говорил, что не может, но он смог, знаешь ли,» сказал Цвейл после того, как Вон Войтц ушел.

«Что?» спросил Гаунт.

«Он говорил, что не может возвращать из мертвых, но оказалось, что может.»

«О ком мы говорим, отец?»

«Вайлдер,» сказал Цвейл.

«Оу.»

«Ты и Роун, и остальные – все вернулись, когда мы считали вас мертвыми. А теперь и подразделение тоже.»

«Я не--»

«Оно снова твое. Вайлдер отдал его тебе. Не его Призраки. Снова твои. Призраки Гаунта, вернувшиеся из мертвых.»

«Вы знаете, что иногда говорите много чепухи, отец,» сказал Гаунт.

Люк камеры открылся, и в нее вошел Инквизитор Велт. Комиссар Фарагут встал из-за стола, чтобы освободить место инквизитору.

Велт сел рядом с комиссаром-генералом. «Как у нас дела?» спросил он.

«Думаю, мы к чему-то пришли,» сказала Балшин, смотря через стол на опрашиваемый субъект.

«Хорошо, хорошо,» сказал Велт. «Можем мы пробежаться по основным областям на случай, если что-то пропустили?»

«Я не против,» сказала Балшин. Велт вопросительно посмотрел на опрашиваемый субъект.

Саббатина Кёрк пожала плечами. «Просто скажите мне, что хотите знать.»